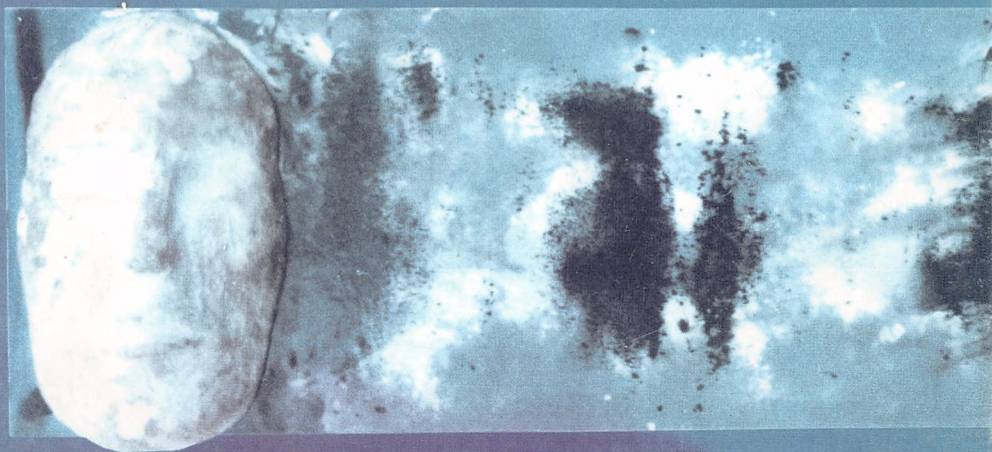

Евгений Хорват

РАСКАТАННЫЙ СЛЕПОК ЛИЦА РАСКАТАННЫЙ

Евгений Хорват

РАСКАТАННЫЙ СЛЕПОК ЛИЦА РАСКАТАННЫЙ СЛЕПОК ЛИЦА

РАСКАТАННЫЙ СЛЕПОК ЛИЦА

ЕВГЕНИЙ
ХОРВАТ

РАСКАТАННЫЙ СЛЕПОК ЛИЦА

стихи, проза, письма

культурный
слой
2005

Составление и комментарии: И.Ахметьев, В.Орлов
Оформление: Е.Пряхина, В.Орлов,
при участии издательства «Виртуальная галерея»

На обложке: фрагмент картины Е.Хорвата «Раскатанный слепок лица», 1988
Фотографии для блока иллюстраций предоставлены К.Хорват и К.Капович.

К 100 экземплярам книги прилагается CD с авторским чтением стихов
1983-1984 годов «Проба акустики».

Евгений Хорват. Раскатанный слепок лица.

Стихи, проза, письма. М., 2005

ISBN 5-98583-004-7

Евгений Хорват родился в 1961 году в Москве, с 14 лет жил в Кишинёве, в Германию уехал в 1981 году уже из Петрозаводска. Именно в Германию, малыми тиражами до 150 экземпляров он выпустил все свои основные поэтические сборники, позволившие Алексею Цветкову назвать Хорвата одним из лучших русских поэтов современности – к сожалению, в прошедшем времени... Хорват покончил с собой в сентябре 1993 года. Эти сборники вместе с впервые переведенным на русский язык романом "Ready-тап" и составляют основу данного издания.

- © Е.Хорват, наследники
- © В.Орлов, издатель
- © И.Ахметьев, В.Орлов, составление
- © Е.Пряхина, оформление
- © И.Б.Т., перевод с немецкого
- © К.Кузьминский
- © А.Цветков
- © В.Бетаки
- © Б.Клетинич
- © А.Юнко
- © А.Шилков
- © К.Капович
- © А.Добрович
- © И.Бурихин

ЕВНИХОВА
ЛЕНСКИЙ
ПО РОТО

РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ПО ЧЕРНОСТОПУ

ранние стихотворения

Н.-В.-К.

Н.-
В.-К.

И. Р. ЛАТИНСКОЕ

Пейзаж под светом не прочёлся:
ему дано условие тьмы.
Там карандаш "тм" прошёлся,

I. R ЛАТИНСКОЕ

Пейзаж под светом не прочёлся:
ему дано условье тьмы.
Там карандаш «тм» прошёлся,
долину превратив в холмы.

На этой плоскости рифлёной мы одурачим Аполлона,
как сделал некогда Гермес,
украденных коров по склону
ведя — вперёд хвостами — в лес!

Мы хитрости своей стыдимся, но Аполлону не сдадимся,
и в том неизъяснимый смак,
что «Я» шагающая буква, и связки трав моя обувка,
и на песке не след, но знак.

1980

ПРИБЫТИЕ

В образовавшемся от слова «оба»,
2 раза раскрывающемся, — чтобы
создаться и разрушиться, — объятье
его объект случайный пребывает,
пока его рассвет не прибывает
к пустой кровати.

Подольше, милый друг, подальше плавай,
но в том же положении купанье
прерви, в котором был при засыпанье,
чтоб левая рука не стала правой.

Прилив утра, а если и отхлынут
обратно волны — то уже без груза,
которому натянутая блуза
послужит, как континентальный климат,
над водами ночного парадокса
он сможет вновь похвастаться господством,
как все береговые парокходства —
над мореходством.

Зима 1980–81

ПЕРИОД

Упорядочен ряд моего обихода.
Ибо «о» кислорода уходит в таблицу.
Ибо время четвёртое данного года
Далеко, ибо окна открыты в теплицу,
Где тепло; и рука моя движется плавно,
Будь пред нею цветок ли, бутылка, ланиты,
Намечая подпункты душевного плана,
Различая, какие сосуды налиты,
А какие порожни; скелета осанка
Улучшается; в речи классический термин
Уступил многоточию; вроде осадка,
Но уже не взболтнуть, опускается темень, —
То есть всё выдаёт человека со вкусом
(Кроме этой последней, пожалуй, посылки), —
И таким отрицательным следуя курсом,
Удивляюсь, что мя не кладут на носилки.

СЕВЕРНОЕ ТРЮМО

Вокруг снега на сотни км.,
внутри молдавский вермут.
С дерьмом смешай себя — никем
не будешь опровергнут. Сядь
туда, где было кресло.
И, если не успел ты взять
ни скипетра, ни жезла, пол
ударив днищем таза, —
благодари монгол, что кол
не подставляют сразу, но
дают, как ты, счастливым
подняться и предаться гно-
сеологическим мотивам.

Похоже, что любовь, арест
и прочие события,
сменившие ландшафт окрест,
не могут из забытья дух
направить к звёздным высям:
он к этой музыке не глух —
но видимо, зависим он
от самого себя лишь.
Зато и не падет сей трон
под натиском седалищ. Так
о всякой передряге
свидетельствовать может знак
незамутнённости бумаги.

Однажды утром ты начнёшь
менять, войдя в квартиру,
остановившийся чертёж
часов по транспортиру, над
изножием без грелки,
и вот на 360°
поворотятся стрелки, — мол,
не лицемерь, заветных
себе выгадывая пол-

часа, не жди сюжетных снов,
закрыта фильмотека,
и дни, как говорил Иов,
бегут скорее человека.

САМОКОНТРОЛЬ

Кончается сезон.

Вся комната в просёлочной грязи.

Сужая клумбу, тротуар, газон,
опустим жалюзи.

(Во многообещающую даль
смотреть уже не нужно в той связи,
что в жизни что-то значит та деталь,
что нет тебя вблизи.)

(Гречанка и Адель,
мне служит подтверждением, что нет
тебя вблизи, прообраз и модель,
твой образ и портрет.)

(За недостатком тем
тебя я бросил, т.е. предпочёл
падежному вопросу с кем и с чем
вопрос — о ком, о чём.)

(Ещё вчера
я выбегал к дверям, снимать засов,
на звон монет, на пенье комара,
на бой часов.)

(Но, кажется, теперь
за эти звуки я принять бы мог
действительно раздавшийся звонок
в дверь.)

(Он меня сознания не лишит.
Здесь дома все и ты здесь не нужна.
Передо мной по-прежнему лежит
твоя кровать, твой шаткий стул сидит.
Стоит твоя стена.)

xxx до полудня простаивает
у окна, где небес водоём
крутит листья, ноябрь отстаивает
рубежи, а декабрь настаивает
на своём.

Чай кипит, и углы согреваются,
но не сами — в преддверии сна —
у **xxx** глаза закрываются,
— раз при этом душа обрывается
и теплеет спина.

xxx поддаётся обману:
в нашей жизни загадок полно, —
и, лелея лукавые планы,
называет от Анны до Яны
имена, пропуская одно.

И за это **xxx** в наказание
в темноте получает пинка.
— Кто же это? В Нью-Йорке, в Лозанне я,
в Шепетовке ль Вам дал указание
приходить без хотя бы звонка?

Но, однако, Вы рук не снимаете
слишком долго с лица моего, —
Вы надежду почти отнимаете,
Вы-то сами меня обнимаете,
только я до сих пор никого!

Всё сильней подрываете Вы мою
убеждённость, что я не ослеп.
Сам сниму Ваши руки и вымою,
и одной потянусь я за «Примою»,
а другою нарежу я хлеб.

Прислушайся к роще дыхания.
Оно — точно после пахания
дотоле невиданных пашен.
Прелюбой распаханно сонною,
пробежкой-затяжкой бездонною,
и плуг ему больше не страшен.

Прислушайся к сердцу стучащему.
Досталось наполненных чаш ему,
оно как тяжёлая лира.
Но кровь его стала звучащею,
в артериях, мнящихся чащею,
дурные тельца покорила.

...Запретные дали запрудные,
стекают дома изумрудные
по барскому чёрному меху.
Взрыхлённое правой лопаткою
и левой, на сладости падкою,
смешение вкуса и смеха.

...Как трудно из чайника выкипеть
воде, и как медленно выкопать
в оконце незрелую ямку!
Пропитое хочется выкупить,
младенчика хочется выкупать,
и хочется спать китаянку.

Я отвернусь, как латинское R,
к стенке пустой. Не ищи идеала
в жизни. Ты сам для кого-то пример,
так завернувшись в своё одеяло,
как завернулся. А впрочем, к чему
здесь обращение? К кому обращаться, —
уж не к себе ли? И вправду, ему
нечего кем-то ещё обольщаться.

Утром лежи, никуда не беги.
Даже на шум головной перестрелки.
Ибо не знаешь, с которой ноги
встать и в какой оказаться тарелке
каждое утро. Так переверни
белые ночи с их тьмою заглазной, —
что обнаружится? Чёрные дни.
Будь же в реальности, с речью согласной.

Ляг на прекрасный, как женщина, пол,
глянь в потолок, где готовы приняться
злаки о будущем. Главный глагол —
«быть», чтоб они продолжали меняться.

ЗАПИСКИ С КЁЛЬНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

...Очертанья обретши,
надвигается нечто другое,
и конец, хоть обрежь ты,
виден жизни, как голого голя.
В этом смысле улечься,
аки в классике русской, на рельсы,
чтобы муть эта с плеч вся, —
равносильно принятью еврейства.

Я с зелёной тоскою
закононого длинного лета,
как пристало изгою,
спору змием такого же цвета.
Видно, действие водки
для залитых глазниц и приятно
тем, что фотонаводке,
а потом проявлению обратно.

Переезд. Кругозора
расширенье за счёт лексикона.
Океаны. Озёра.
Лорелея. Медуза Горгона.

Закалился палладий.
За спиной тишина шелкопряда.
И глазами исчадий
мы глядим на Пресветлое Чадо.

Июль 1982

Вновь не умер во сне — это я.
Потому что гайтан не петля.
И зима, словно груда белья.

Знать, Господь продолжает спасать.
Но и тот не кончает плясать.
И в о р о н к а влетает всосать

человека читавшего По
в полумраке писавшего про
в нашей жизни глухое тепло

проникающий холод любви.

Я беру тот же самый минор
пятернёй, не достав до Ленор,
что зови-не зови.

1982

II. ПО ЧЕРНОСТОПУ

— Над деревьями вейся,
падай с неба наклонно, отвесно,
ощущение веса
отнимай у бегущего в лес, но

не лишай равновесья
на трамплине, а кончатся горы —
узкий въезд в редколесье
приоткрой, раздвигаясь, как шторы,

— дуя с веста и оста,
наложи на ланиты румяна, —
то, что чем-то зовётся,
но само о себе безымянно, —

бей в зрачки мне на трассе,
растворись в леденеющей лимфе,
— в наши дни на Парнасе
попросторнее, чем на Олимпе!

ДВОИЦА

I

В наших широтах
зимы пушисты,
вёсны дощаты.
Ходят в сиротах,
гибнут фашисты,
нет им пощады.

В этих пространствах
вязнут французы,
будто в болоте.
Об иностранцах
местные музы
плачут в полёте, —

уж заработав
вечную грыжу
с радикулитом
от перелётов
с крыши на крышу
к новым пиитам.

II

В широтах наших
пушисты зимы,
дощаты вёсны.
От снов монарших
хохлы, грузины
грустны, нервозны.

Печальны чукчи,
усталы коми,
расстройство в курдах,
и жалки кучки
якутов, кои
куются в юртах.

Двуглавый, с Югом
наш Север в ступке
смешав, распался.
А то б друг с другом,
что две голубки,
поцеловался.

Март 1982

ПАМЯТИ БЕССАРАБИИ

а)

сентября дуновение соборного
достигает меня в октябре
краснотой винограда отборного
и блаженства глоток подзаборного
нам дарует на заднем дворе.

А потом, закусив абрикосами,
теплоту округлив папиросами,
мы следим, как пустеет земля
и косцы, уносимые косами,
опускают на землю поля.

Но какие ещё ощущения
предстоят нам, какие места, —
не услышим: сие запрещение,
победивши его наушение
в наши уши, легло на уста.

б)

третий день я под Музою ёрзаю,
навалилась что твой медоед,
разрешиться же нискою прозою
запрещает она, не дает.

А вокруг ситуация сельская, —
есть местечко, где травку примять, —
вулканештская, долнская, бельская,
чадырлунгская, !

Здесь родимая азбука дикая,
на романскую красную нить
перенизана, движется, ыкая,
так что хочется выйти и выть.

Здесь грядущего нет, будто пыльную
пясть и кисть виноградных полей
повернули к цыганочке тыльной
стороной, чтоб гадала по ней.

...Как вспомнишь дни морозов вязких,
их вражеский наскок,
и колкость vareжек варяжских
и вязаных носков,
— и весь, составленный из белых
осколков и кусков,
на счастье выпавших тарелок
из рук, калейдоскоп!

И в рифму, в рифму шлём Европу,
и греческих календ
не ждём, когда по черностопу,
чтоб снегу до колен,
перебираемся мы прямо в
середину бытия!
— и можно мне там двести граммов,
любимая моя?

1982

ДЕКАБРЬСКОЕ ПРИВЕТСТВИЕ

Де три — Оружейный, Монетный, Каретный —
двора уголком образуют секретный,
а рядом бесхлебную пьют без стакана,
— там ты ожидаема, Зимняя-Анна.

Де в варежки-руки, под валенки-ноги
— российские люди одеты-обуты —
катятся-летят по известной дороге
больших государевых дел атрибуты,

где спущены вожжи, распущены гривы,
где сыпятся гильзы и падают гривны,
твердеют просёлки, ровнеют равнины,
— там нынче настали твои именины,

и если сегодня не грохот ведёрный
причиной окажется кожи гусиной,
то значит, вошла ты в тебе отведённый
из наших дворов знаменитый Гостинный.

Даль, что открытый толковый словарь
этого автора. Всякая тварь
чёрное слово имеет свое
и объясняет себя самое.

Молча закрыть эту книгу пора!
Или не видишь — любая нора
алчет взлететь с обитателем до
верха и там обратиться в гнездо.

Сказано было: народ возвращу.
Нужно читать, как: земле возвращу.
Ибо слепая болотная гладь
лучше чем Небо нас может принять.

Дикое место, но сам посуди:
Ангел с мечем впереди позади,
остров ослепший пророк Валаам
едет на Осло, и как головам

влево, туда, где обход, не кивать —
на Олонец, Сортавалу, Кивач?

НА АРЕСТ А.

I

По утрам сквозь дверь проникает трель, там электродрель,
там подъёмный кран, там рабочий клан выполняет план,
там воздвигнуть мнят за текущий март трёхэтажный мат:

— У меня озноб! Жизнь моя, да чтоб тебе сдохнуть! ..
....! опять мне пора вставать, застилать кровать,
брать ручную кладь — и наружу,, головой в сугроб!

Не цветок нарцисс вынимают из голубых теплиц
для глухих петлиц пиджаков царьков кабаков столиц,
а паршивый ЖЭК, — где мне дело есть, раз ещё не зэк,

чтоб рвануть в побег, — заставляет гресть их советский снег!
И гляжу в УК, и обидно то, что дружком одним
он открыт пока на статье лишь сто девяносто-прим!..

За Кандалакшей,
около Круга,
с смуглою ляжкой
юга . . . юга

снится порою
той, как ребровский
тянет повозку
за Медгорою,
в Медвежьегорске,
к Петрозаводску.

Снегу по чресла,
и остоло, —
ежели честно,
чудище обло, —

сбита калитка,
и на Архангельск,
к Белому морю,
скачет малик да
крадется нарыск
рядом с сакмою.

Свет ли тут ясен
Троица явит,
около прясел
след ли оставит

мурома хмура,
блудная меря,
тусклая тепья
— гнедого тура,
лютого зверя,
дикого вепря?

III — в столыпине —

Ночь как водохранилище,
Братская, скажем, ГЭС,
— утро как водопад.

Выйдешь в преддверье нищее,
встанешь, теряя вес,
— весь с головы до пят.

Чтобы открылся слив,
двинь рукоять смесителя, —
ветер пойдёт в уборную,

втянется грохот. И в
пушкинского зрителя
дырку кидайся чёрную!

1980–82

МАРТОВСКИЙ ДИПТИХ

I

Лаврового венца
стоял сиявший снег.
Это опять — весна.
Полуанглийский сленг

улиц и площадей
вновь баламутит речь.
Где её раб Фаддей,
мелкий блюститель Греч?

Ей без подобных слуг
страшно: одно из двух:
либо пристрастный слух,
либо бесстрашный звук!

— а для её господ
чернью давно сплетён
в новый венок из-под
ног выраставший тёрн.

II

Тернового венка
мертвящий ободок.
Метро ВДНХ,
как выдох сквозь платок.

Как выбраться быстрее
из недр твоих, сабвей,
толпы твоей, пестрей
словесности своей?

Языческий язык
мне страшен потому,
что я к нему привык,
что строю по нему, —

что грифелей извёл!
тетрадей изорвал!

И вот уже расцвёл
вечнозелёный лавр.

Снег выпал как на голову,
мороз как по коже прошёл,
пуховую наволоку
над нами январь распорол,
небесную паволоку,
нам в память вернув монголит,
и хочется к Парголову,
да Родина-Мать не велит.

Она моя северная,
с которой Мария на Я,
затем и потерянная,
что Небу подаренная, —
тем звуком озвученная,
тем светом засвеченная,
— о жизнь пережученная
и смерть пересмерченная!

...Сегодня я вышел,
собою стихию томя, —
никто не услышал,
как кто-то нашёл на меня
тепло и жестоко,
и первый мне стал ошутим
задох от шестого
крыла твоего, серафим.

СЕВЕРО-ЮЖНОЕ

Пред тобой стоит печален
петрозаводчанин.
Не играй ты с ним в молчанку,
петрозаводчанка!

(Потрясающую новость
знает кишинёвец.
Что пред ней твоя обновка,
злая кишинёвка!)

Обними ж его, карелка
(молдаванка то есть),
послужи ему как грелка
(как река по пояс).

чтобы в сумрачном полярном
он согрелся круге
(чтоб от выжженных полян он
не погиб на юге).

Лёд колоть ведь больше не с кем
(«ляну» собирая)
на просторе олонецком
(в зное Бессарабья).

Раздобудь же гогошары
(снега, снега горстку!),
поезжай с ним в Дондюшаны
(и к Медвежьегорску),

да по свежим Заонежьям
(Приднестровьям смрадным),
колеям, углам медвежьим
(и по виноградным).

Покажи ему, где ездит,
где зима, где лето, —
до того, как он исчезнет
в небе и в земле-то.

1982-83

III. К ДЕСНИЦЕ

Вот начинается кошмар.
Он сверху вроде голых шар,
он сбоку будет как бурьян,
а снизу как тропиночка.

Меня, по-моему, где-то ждут.
Огонь, должно быть, сильно вздут.
Какой нашли во мне изъян?
Пойдём со мной, Мариночка!

простилось всё те.
не блудом, но раскаяньем, — дабы
взрастая из твоей истлевшей плоти,
Пусть будут травы, злаки и грибы,

тебя в Спасение сместила.
что, словно ветер, тлеть заставив прах,
конца её? Единственная сила,
Что есть в себе от жизни, как не страх

III

дохнёт твоею будущею гарью.
и в грешное лицо твое она
облаплены полнеющею тварью,
Живот и грудь, и горло и спина

гореть хамелеоном, лезти крабом.
и звёздной ночью заставляет страх
причём не тот, стоять которым бабам,
На Скорпиона наползает Рак,

II

широкой астмы и бронхита.
в твоём дыхании, расчищенном от рош
листву сухую, что звенит Колхида
Ты так давно струёю этой жжёшь

течёт же по ложбине мозельвейном?
где что-то разгорается в соске,
в грудном ли копошеньё можжевельном,
Скажите, место страхам и тоске

I

ПРОСТЫЕ ВОСЬМИСТИШИЯ

В чуждом краю орхидеи и лотоса,
архиидеи и дряхлого логоса,
тонкого голоса, красной экзотики,
где от жары опахала и зонтики
против воды, с небосвода копающей
яму, — немало побродишь, пока еще
вновь хлебодача убьёшь фараонова
и виночерпия, в бедствии оногo,

вновь пощадишь ты, а вскоре двойкий
сон фараона разбудит во мраке,
и, рассыпая песок золочёный,
— не заключённый, но в дом залучённый —
примешь тяжёлого света эгиду,
станешь главою второму Египту,
в детстве с постели отцовской опеки
встав с изголовьем, что с нимбом навеки, —

чтобы душа совершила побег
в чудную землю вне власти ОПЕК,
да заманил бы не запах, а Дух
тело туда, где по главной из дуг
в самых высотах небесных высот,
не грохоча, колесница везёт
в зное утра, как огромное бра,
к близкому вечеру светлого Ра.

Чтобы потом под рукою пророка
тьмою густой осветилась дорога,
нас выводящая из преисподней
к дому знаменьями Славы Господней.
Хлебы возложим и соли насыпем, —
не человек, но ломоть ненасытен, —
кровная жертва сынам Аарона,
от повторений её оборона,

и уклониться никто не осмелится, —
крутится мельница музыки мельница, —
вечных времён лепесточки и лопасти
в чуждом краю орхидеи и лотоса,

— где принимаешь ты знамя небесное
и, уцелев под вселенскою ношею,
дальше несёшь опахало одесную
или — при жизни Иосифа — ошую.

ХОДЫ

Господь Саваоф
— от Имени вправо, к Деснице
сквозь строй соловьёв,
насквозь к журавлю от синицы,
что тот садовод,
что ветром нисходит к соцветью
себя самого, —
и жизнь, освящённую смертью...

На пыльной Сафо
когда ты лежишь, не зови и
не жди никому
явления Марии, Софии, —
и взявший суму,
несущий двуперстье в ладони,
дороги сурьму
с лица не смывая, Её не...

Я скоро умру.
Оно — сладкозвучная тайна,
пока я живу,
начало листвы, щебетанья
почти наяву,
и в теле моём веселится,
когда в синеву
смущённый полёт василиска...

Сомну, разорву!..

ШЁПОТ ПТИЦ НАД ГОЛОВОЮ...

Катарине

Шёпот птиц над головою
Алконоста предварит,
Алконоста предварит, —
так Господь нам говорит.

Переполнило лампадку
подсердечным нам теплом,
потянуло под лопатку
засквозившим нам крылом,
принесло к иконостасу
нашу голову в руках,
голубок, напрягшись, сразу
оказался в облаках.
Римский-Корсаков с Чайковским —
рондо и речитатив,
по хорам своим московским
покатившись-покатив,

замирают в отдаленье, —
а поблизости, верша
вод земельных одоление,
искупается душа.

Шёпот птиц над головою
Алконоста предварит,
Алконоста предварит, —
так Господь нам говорит.

О кончине мира грустной
перья чюдные пищат,
но мы ждём, когда нам в устной
форме это сообщат.
Вызывая мочевины,
в леденеющих сердец
нежилую сердцевину
за молитв святых отец

пусть быстрее заливают
огнекаменный раствор,
раз притворствуя зевают
и теснят себя в притвор!..

Этим оловом окормит
нас уныния монгол, —
всех, кто ризами обёрнут
и грехом тяжёлым гол.

Шёпот птиц над головою
Алконоста предварит,
Алконоста предварит, —
так Господь нам говорит.

На абсциссе с ординатой
наш Спаситель был распят.
За стопой Его распятой —
ось незримых аппликат.
Мир снаружи сам сосновый, елейный,
изнутри же известковый, келейный,
видно черепа селенье
зрящим выше, чем в зенит,
пепел мыслей только тленье
с внешним прахом единит.

Жизни в смерть простой смеситель
передвинет бес, губя.
«Если Некто — твой Спаситель,
пусть спасет теперь тебя.»

ВЕСНА ДА ОСЕНЬ

И.Б. (др.)

То сосцами и почками вздуто,
и светло и легко и псаломно,
и открыто и ясно, как будто
не темно и не тесно, и словно
золотые от первого мавра
здесь уже не торгуют дары, и
точно марта поспешная Марфа
не заменит нам мая Марии.

То мелькает за вечностью вечность,
и пространство растёт наезжая,
точно транспорта мощная встречность,
как ни станешь, его провожая,
— и листва всех цветов семафора,
и шестого крыла серафима
перья в рот посреди разговора
безвоздушнонепоговоримо.

1982

ЗДЕСЬ Я ПОЭТ
смесь стихотворений
1983-84

*«Чувств просвети
простую пятерицу...»*

Метафраст

В КРОВАВО-ЧЁРНОМ РТУ

держу я птицу ту —
смолкающую, петь
я сам пытаюсь петь.

Её-то, весь в поту,
выпускаю в высоту, —
она сумеет на лету её затворы отпереть!

Струю свою струю,
люблю свою семью,
змея меня язвит,
звезда моя горит:

я в воздухе стою,
в самосозданном Раю,
и Господа пою, Который Сам меня поит!

5.11.83

«петь» = «если», «когда»; словарь Аввакума.

НЕ СТАНЕТ КРОВЕНОСЦА,
не чаявшего в тленную
подмышку — Алконоста
и в чашечку коленную,

затылок, став холодным,
окажется свободным —
окажется народным —
окажется природным!

Пусть тело окупётся,
к себе вернётся в персть,
что тень от Алконоста,
что радостен и пестр,

пускай среди болот
своё себе возьмёт —
уйдя в его помёт,
следит его полёт!

...ЗЕМЛЯ ЕГО ПОМЁТ,
небеса его полёт,
разожмётся в пятерице
и сожмётся то Число,
что от Зверя к этой Птице
ради Бога перешло, —
дотронулось крестца
творения Творца
от данного в деннице
и до ночного конца!

...роса меня польёт,
бирюза меня поймёт,
как душе моей блуднице
сорок лет и сто кило,
а в тутошной темнице
невесомость обрело
синицы-журавля
и лебеди-гуся,
помилуемая —
спасаемая!

25.10.83

ЧЕТЫРЕ ОТРЫВКА

I

Всё перестало во мне.
Я не певец и не трудник! юным земельным пластом
в милую магму обратно; яко не зная, к Кому
в общее Небо случайно. Чёрную мелочь пролей,
выйди на дальнее тело,
сбоку всего серебрит, снизу привносит в ладонь.
Через холодных колен, выкат родимых плодов,
около белого ртутный, всем переходом пойдет.
Хрящ израстает во тьму, из пищевода уходит
жук, гусорез, конотоп.

II

Чьё белое приплотие, покрытое индитией,
не я разоблачу,
Грядущего в меня,
к Которому умру. И громкая гурьба
в бумагу покатилаь, губимая губа. Растение растет
и зрение живет, прозрение живя,
как будто в переносном запахло смертоносным, —
всего животворящим в прямом
и настоящем.

III

Пошёл в леса погулять, пошёл глаза потупить,
пошёл лося забодать, пошёл гуся потопить, подвинуть ржавый засов
на песнопении сов!
Какая пляшет листва,
как будто все языки, запеленав Вавилон в Пятидесятницы день,
на это темя сошли
и под собой погребли, чтоб этот лес поредел! Твоя дорога порог,
а молоко там творог, а семена там плоды, а имена там труды,
а я там Ты!

IV

Слова мои мне чужды.

Меня они ночами

готовы изуечить, дабы увековечить. За каждым переносом
растут ещё сильнее. Они всегда длиннее чернея, чем во рту.

27.10.83

ЧАСТУШКА
надгробная

Я полбанки раздавил,
мирозданье раздвоил,
я родил Аполлиона,
а назвал Эммануил!

Я алхимию развёл,
метафизику завёл,
и призвал я Аполлона,
а явился Гавриил!

...Но закончен мой полёт.
Я в земле моей полёт.
Над моею головою
мотылёк теперь поёт.

Червячок меня грызёт,
голубок меня клюёт.
Херувимской хорovou
человек меня спасёт.

Январь 1984

ТВОЮ ГОЛОВУ КОРОНОЙ
я украшу и вороной,
тело длинное среди
трав и с небом впереди!

Потому что ты лежаще,
я — во тьме, а ты — во тле
равноправно небу, аще
параллельно и земле.

И спокойно, всепогодно
в тишине лежишь свободно,
а в которой тишине —
не ответишь мне.

11.2.84

В МОГИЛУ ПОШЁЛ ЛОЖИТЬСЯ, ЗЕМЛЁЮ ПОШЁЛ
РАЗЖИТЬСЯ, ЛЮБОВЬ ТАМ КО МНЕ ВЕРНЁТСЯ И КРОВЬ ТАМ МОЯ
свернётся. Жена! там твоя свекровь
родит меня тихо вновь.

Десницу-Христа простри,
Отец, и глиста прости!
Его во славу Твою к составу —
состав, и кровь потечет к кости.

7.12.83

КАК СО СВЕЧКИ ВОСК, ОБЛАКА ПОД СОЛНЦЕМ.
Тут зима из-под неба пустилась в рост: уходящий год
положила в рот, опушила треух, запорошила нюх,
опустошила слух.

Как пошло снежить — так уже не жить же,
а глаза смежить... Но со снегом вместе Христос сойдёт
и живые души по вертикали
к горизонтальным телам сведёт.

Как Пророк писал: за твердыней состава текучего, —
как и я сказал, — за ушною ватой, под водою сжатой,
где синицыны стрелки ведут наверх, там гниющий
будет как Боже Святой.

13.12.83

ПОДДЕРЖИ МОЮ ГОЛОВУ
со страстьми и печалями, —
чтоб привыкнула к говору
Херувимов с Началами,
Серафимов с Престолами
над моими плечами,
надо всеми просторами,
над денми и ночами.

Пусть язык мой не вывалится,
прикасавшийся к небу,
пусть и звук мой не выльется
на любую паневу,
но — в море парящее,
куда — коль допето —
умирать не пора еще
было певшему это.

СЕБЕ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

К.

Словами словаря, губами упыря
хочу я объясниться со всем, что мне приснится,
когда душа родится к середине ноября.

Ожги ладонь, зима. Свяжи гортань, хурма.
Пускай моча прольётся, пускай свеча зажжётся,
пускай, торча, уткнётся вся плоть в себя сама.

Я сам уже не свой, я помню, что я Твой,
и лишь сомкну ресницы, как дрожь распространится
от левого мизинца к Деснице Той.

15.11.83

ЭТОГО ГОДА

...Ибо гений не я, а во мне,
и порой не во мне, а в другом,
то и не я огляделся вокруг перед тем, как начать чтобы кончить.

Опророченный год начался.
Апокалипсис Орвеллом отолковали, Амальриком в тени его крашеной.
Убыстреньем природного срока распада ядра.

Вот и мой
дух становится телом, ракеты боится:
опрокинутый ангел она, и крылата, что он, из Гранографа у протопопа.

...расписаться дают, что я знаю, куда мне бежать,
и не знаю — остаться.
Ты, начальник ЖЭУ, ты не зря мне приснилась на МАЗе, —

в сапогах, с мегафоном, под небом уже не карельским, —
да уже не под небом, потому что
и не на земли. Ты не дыбом стоишь ли, добросовестным трупом зимы?..

Весь участок я твой обработал кайлом, раздробил,
а чего не заметил — прости христиански, исправлю посмертно!..
В израиль мой сюда отпиши, расскажи поподробней.

Январь 1984

НА СТРАШНЫЙ СИЛЬВЕСТР

Междугодье от грегорианского до юлианского календаря у тевтонов мы справляли беспечно. О, глухая Пойдера, твой запев окаянный сквозь распев покаянный в Рождество то двоимое, Новогод дорогой под кроватью кровавою. Пробка Реймса бьёт промеж глаз лиловатых.

52

О, безумцы, промолвлю словами еврейскими перепонке гортани спросившей. Херувимам с Началами, Серафимам с Престолами плоть души человеческой, как душе ея плоть, тяжела. О, не будем разлучаться землею слоистой, а все возлетим и глазами смежим помещения, разделявшие нас в полувойнах.

Бледнорозовый мертворожденный орхидеи цветок, кисть со снятою кожей, заботливо по запястью сначала надрезанной, роза погашенная, о, как нежно ласкала зрачок. И зима, чёрно-белая карточка трёх остальных гардеробов срединной Европы, и я посредине с куском пирога
с шампиньонами.

Есть резать страшнее всего. Остывающий пульс совпадает с глотками насыщающегося — всё сонливей, умиротворённое. Гром самопалов в долине ночного Пирмонта, и в пляске безумной электронов в пещерах сограждан слышать в качели Сочельников славословья воскресшему Орвеллу.

Январь 1984

ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНИМ

В те дни, когда вода не пьётся,
затем что ею создаётся зимы аркада,
душе-блуднице остаётся одна отрада:
что вечной зеленью повеётся,
в земле беззвучно распадётся её ограда.

1984

Я БОЛЕН СМЕРТЬЮ, КАК И ТЫ, —
на что пенять не станешь, друг, ты.
Давай начнём с тобой менять
цветы на фрукты!

Заметь, какая тонная виньетка
ветвей сомкнулась в одночасье
вокруг небес, открытка чья и нетка
и нас откроется отчасти.

Бумаги паче учернюся, но паче снега убелюся,
и плоть сойдёт с меня, что та прилика.
Уже не чёрное по белому, а зелёное сквозь белое,
как зимою повилика!

11.2.84

РИМСКАЯ БАСНЯ

Когда я в ванную вошёл, пар столбом стоял, туалетом пахло. Струйки воды стекали по зеркалу, с брызгами зубного порошка смешиваясь.

И я увидел женщину, большое тело её, погружённое в ванну. Одна рука её была патетически выброшена за борт, в крови морковно-алой, стекающей затем по наружному кафелю. На полу собиралась в чёрную.

И лицо, и зубов её оскал был отчасти в крови. И волосы, спереди, — тоже.

На теле струйки коричневые начали уже засыхать, потому что вода совсем снизилась, с грохотом уходила в отверстие.

И столько грязи в ней ещё было, помимо крови. И осевшая пена.

И почерневшая бритва дребезжала, загораживая проход.

Клочок волос задержался у ступни. И страшно мне стало, так страшно, — как, Хичкока смотря, только догадываешься. И я заверещал, заверещал. Невозможно было, так противно, гадко, ноги чуть не подломились...

И вдруг — но уже потом — нет! нет!!.. Как?? Это же ты тут лежишь — ТЫ убилась, ТЫ умерла, ТЕБЯ больше нет!!

Вот так животные наши чувства страха и омерзения побеждают нашу жалость, любовь и отчаяние.

СЛОВАМИ СЛОВАРЯ, ГУБАМИ УПЫРЯ
меж нами говоря,

творения пера из тёмного нутра
всё в ухо норвя, —

мол, жив я и здоров, зовуся Иванов,
зовя себя — Иов,

и если чем больной — то смертью одной,
идя из чрева в гроб.

Слова мои мне ад, и страхом я объят, —
чему они чадят

из этого письма, чья чёрная кайма
смыкается в квадрат

УМЕНИЕМ УМА.

Февраль 1984

БЕЗ ПОСВЯЩЕНИЯ

..... . рот!
Яркий грейпфрут
по чёрному дну покатился.
Позволь рассказать:
я начал вязать
телогрейки, с тех пор как с тобой распростился.

Разве задел
тем, что раздел
тебя и ещё раз — тебя,ца?
Падает снег,
нас преследует собственный след.
Надо мобилизоваться.

ОТ ДАВИДА

...Ты изменяешь мне с тампоном, вложенным меж ног твоих,
когда у тебя период
и к тебе прикасаться вредно.

Ты изменяешь мне с тротуаром и с писсуаром,
расставляющими ноги твои.

Гибкие скользкие облака вытягиваются по небу к его концу, —
о я ревнивец!

12.2.84

МОЩНО ГРЫЗЯ

яблоко, я
что-то такое придумываю, что
по Ту Сторону Того Света
себе примененье найдет.

Молод, здоров я.
Все через год мы погибнем.
Всё я могу,
все мне жанры открыты:
от молитвы в небе до самокопанья в земле.

Я не хотел родиться:
я родился.
Я не хочу умереть:
я умру.
Я не намерен сказать, —
я говорю.

11.2.84

О, КАК СЛОВ ПОТОК СТРУИТСЯ!

Какое мощное

словоизвержение вулкана!

Я восхищаюсь своим фонтаном, фейерверком!

За братое, бранное, беромое с потолка

— от скромности, а на деле — с выше —

ничего не беру, ничего мне не надо.

Я знаю ВСЁ, в спину Сократу!

Больше, больше соединений, Ангел, Анжела!

ТРАКТАТ О НЕБЕСНО-ОБЩЕСТВЕННОМ

I

Что мне Ангел так диктует, торопится, —
уж не смерть ли меня за порогом ждёт?
Что язык он мой, небо так использует, —
не торопится ли выжать напоследок?
Али других нет у Него — у его и моего Господа, —
к уху которых он приникнет, когда мое ледком покроется?
Изыди, Ангел, а то я зубы зубами себе разобью от страха, —
руки мои дрожат, горло и желудочный тракт.
От. . . . , Ангел, к чему тебе мои припоминания-препинания,
бумажонки с букашками, ими же только ж. . . подтирать годно.
Богохульствовать буду, если не отыдешь,
хоть и в этом случае смерть наступит, — и ещё быстрее,
чем уже уготованная.

О, как пишу я, Господи! Страшно, страшно — неужто умру?
Или в Рай Ты меня к Себе поскорей хочешь?
Или в ад он меня к себе поскорей хочет?
— но если это так и должно быть, то пусть, когда я
уже замолчал — Ангел ещё глаголет.

II

И не спрашивай, любопытствующий, —
нет у меня «творческих планов»!
Да и было бы творчество, если б не было продолженьем Творения?
То Господь планирует, человек же только падает, —
разом, костями в землю, маслом вниз
на Книгу Голубиную.

Не знаю я, и знать не вправе,
и предполагать опасаясь, —
может, сборник романов эпических Он заставит меня составить?
Или сочинить драму о превращении трагедии в комедию?
Провозвестить —
или проверещать?

III

Исправлять не могу, вот в чём беда.
Ангел этого не любит, по рукам даст, — не твоё, мол.
Я покаяться хотел, зачеркнуться —
он как всыпет между рог, да вновь впишет.

Продолженья требует, а спина болит.
Мне награду обещает — уу, какую!
Тему старую мусолить велит,
черноту свою являть — людям на посмешище,

Богу в радость.

IV

...чтобы «русской ментальностью» дурни немцы потом восхищались?
Чтобы эти слова мои они снисходительно отнесли к ней же?

О, какой жанр я открыл, — так можно писать и писать же,
не тратя времени на сочиненье, а лишь на записыванье,
ни на зарабатыванье на хлеб-наш-насущенный, а на него самого
— или голод.

А может, это и зовётся — graphomania?
Когда не персть пишет, а кто-то ей пишет,
а она просто обводит чёрным буквы сего письма.
Ибо нет ей ни содержания, ни формы, —
есть то, что диктует Ангел, а диктовать он может хоть ямбом!
О, какая метафора сложная нынче нужна, говорят!
Не то что «преследовавшие нас были быстрее орлов небесных»
(Иеремия).

...Но Ангел лучше знает, какая нужна вам.

V

Запоздалый эпиграф: Согрешений наших рукописание раздери,
Христе Боже,
и спаси нас (тропарь 6-го часа).

Согрешение рукописание мое от меня отчти.

11.14.2.84

63

В ДУХЕ НЕМЦЕВ

Ночь. Снотворное не глотать,
чтобы стакан воды не дребезжал потом на тумбочке
от движения в черепе приснившихся локомотивов,
а светопреставляться начать, и остающейся для себя третью суток
рассчитаться с двумя остальными за всё остальное.

64

Предложения, перед сном
отвратительно растекающиеся в разные стороны,
пресеку я решительной точкой гашения лампы,
что оранжевым, синим ещё долго в глазах мельтешит
и стекает куда-то, след нитяной за собой оставляя,
в многоточье ещё превращаясь, чтобы заснул я, как водится,
на элегической ноте...

Вот! Закрылись глаза!
Вот такими глазами, где голубое безумное
погашено веками тёплыми,
весь я мир увидеть и могу и хочу.
Тайно слёзы мы льём.
Но тайней — воды плоти,
и нормальная жизнь совершается именно в этом ключе:
верх наш пьёт, запрокинувшись,
то, что под поясом — плачет.
Засыпает, однако, и тело, и дух. Только Ангел-Хранитель склонился, —
от соблазна, от двух или трёх голых женщин-мужчин
защитить нас отваживаясь.

БОЖЕ, БОЖЕ, СКОЛЬКО ЭНЕРГИИ В ЭТОМ МОЛОДОМ ЧЕЛОВЕКЕ,

Боже спасения его!

Мне кажется, что моя поэзия — это только шлак

грядущих планов Господних относительно меня.

Спасение наше исполнится, потому что в него можно верить,

в отличие от социальных реформ, на которые надо надеяться.

Сегодняшнее Богослуженье в соборе кажется мне состоявшимся

исключительно ради меня, моего просвещения.

Потому и один причащался я — даже своих детей

испуганные родители не подвели.

Так всё пронизано моими токами, что только на них и держится,

и, если провести по лицу или переставить стакан на столе,

произойдёт изменение состава воздуха.

ИСПОВЕДЬ РУГАТЕЛЬНАЯ

Облетаю
опьянение моё,
обретаю
оперение моё —

но когда я в промежутках становлюсь
идиотом бешеным,
то и хлебом, то и галстухом давлюсь,
чтобы быть повешенным.

Как смолкает
песнопение во мне,
так сверкает
бляха на ремне,

на пол-прозу я тогда перехожу,
всех и вся тогда ругаю и грожу,
не язык уже, а ж. . . покажу,
расплевавшись, самому себе скажу:

эх, плевать
да не искать на пропитанье —
крест сорвать
да удавиться на гайтане!

НА ТОМ АФОНЕ,
где птица каждая — дыра, не говоря уж
о кошках и коровах, но — в небо,
левкасом облаков которое покрыл
и Богородицу явил
Бог чюдный, —

спасиБо же Его — мы скажем,
цветком портрет Его, окно Его увьём...

Закурим ещё раз для описанья
грехов и прегрешений наших.
Курение — ирония, а пьянство есть трагедия
спасающемуся,
как электричество
в обители и в церкви неуместно.

...На том Афоне,
где гости внешние нейдут к заутрене
(тут не гостиница, суровый скажет инок,
как бы игумен, хоть простой послушник),
под небом греческим, откуда падает на нас Ангел,
хлеб наш насущный
в объятых крылиев своих легко несущий,

— где по ночам ещё живёт консул,
что Л.Толстому угрожал Томском,
хоть сам не сладил с пестротой тою
и сам монашьей не обрел пясти
на четки дней своих деревянных, —

я жизнь окончу в мемуарах и молитве.

И Я ВО МЛАДОСТИ

вот с этой буквы начинал,
земные радости
душе без страха причинял,

ходил не с плазмой
налитой нынче головой,
а лишь со спазмой
избитой слёзной горловой,

зимою ягоды
да ягодицы собирал, —
не чуя пагубы,
Петровы двери припирал

тяжёлой перстию
и двадцатью одним перстом,
с охальной песнию,
с её, подсказанной крестом,

рифмовкой численной, —
видать, в обличии таком
то враг наш мысленный
чёртырёхстопным башмаком,

за мной писакою
явившись в сумеречный миг
вослед Исаакию, —
моё неверие настиг.

И нынче, жопою
наполовину уж в огне,
узнать я пробую, —
что изменилось во мне?

СОТВОРИ ЛЮБОВЬ МНЕ ЛАСКОЮ
под твоею ветхой ряскою,

лёгким жестом молча скинь её —
нам в одной молитесь скинии.

Чтоб зимой, когда не сыты мы
диким мёдом да акридами,

собирали, как понадобится,
влажны ягоды и ягодицы.

Разве нам помеха вретище,
если можем мы смотреть еще?

Аль молитвой не очистилось,
не омылось, не вчислилось

— сквозь прелестное-греховное —
всё телесное в духовное?

26.2.84

ИСПОВЕДЬ ТАИНСТВО ЕСМЬ.

Пласное таинство аз.

Батюшка, зришь ли ту песнь,
поюмую с глазу на глаз?

Под епитрахилью твоей
мне есть чего нынче скрывать:
чтоб быть мне с Рахилью моей,
мне Лии нельзя миновать.

Как в состоянье, войду
к Лие, в сей запертый дом.
Семь дней коридором пройду
и выйду к Рахили — потом.

11.2.84

НА НЕДЕЛЮ МЯСОПУСТНУЮ, ГОСПОДИ,
хорошо-то как мне было, о Страшном суде!
Ничего-то я не ел, только хлеб я ел,
ничего-то я не пил, только хлебную,
а табак — он тоже постный, растительный.
Рот любимой — вот мясное, если уж на то пошло.

На сплошницу же блины начал есть, —
разговелся, разгорелся до Великого Поста.
По-другому было вкусно, — не постившись, не постичь.
Всеяденьем все едины — христианин ли, афей.

13.2.84

КОГДА УЖЕ ОСТАВИЛ Я
томленье и кирьё,
к земле, что здесь — Вестфалия,
восставил я копьё!

Забыл, что есть отчизна, я, —
едина мне земля, —
пришла же ведь Пречистая
в фатимские поля!

Заоблачно, внеобластно
парение моё, —
гляди, подобно-образно
творение Твоё!

14.2.84

НА СРЕТЕНЬЕ

Ты занят сегодня, о Господи,
встречающе лето с зимою,
Твои мы рабы те и гости Те —
Себя ты сретаешь Собою!

Но, как Симеон отглаголется,
как горлицы к небу подымутся,
И Анна прочтет с Твоего Лица,
и Ангелов тени раздвинутся, —

Ты призри на падшего, чёрного,
как духом приявша снотворного,
раба Твоего содержимое,
Тобою в себе одержимое!

14.2.84

ПЕСНЯ ИНОКА

Памяти К.Л.

«Богородицей божусь!
Приснодевою горжусь!
От Нея же и рожусь

— но в обратном направленье,
чем Господне приземленье:
в небеса с земли, где тленье,
отражусь — не искажусь!

О житейские моря,
вы сорвите якоря
человеческого страха
улететь из тропаря

«Благоверный Александре, твоей братии внемли,
о Иосифе Российский в свете пакижития,
умножая жита людям плодоносием земли,
огради твоим моленьем грады власти твоя!»

— не хочу я сеять-жать,
мою любу обожать,
убивать же и рожать,

— но в вериге-верее я
искушаюся скорее
колесничной колеєю
к Христу-Богу убежать!»

16.2.84

ПОД НОГОЙ КАМЕНЬЕ,
в Рай ведущее.
Каялся Камене,
помня Сущее.

Средь чертополоха,
что малинника,
каждая сорока —
что павлиниха.

Перезимовавши
зиму постную
и перелетевши
лето красное,

птица та не знает,
что на волю гулею
Пушкин выпускает,
я — ловлю её.

ВНОВЬ В ДУШЕ ЩЕКОЧЕТСЯ
луч Живого.
Новых писем хочется
мне от Бога,
— вот и внутренности вьются
в заворотке,
пять дрожит, трудней даются
заработки.

Полно проступает
целая мне буквица,
как она желает —
так оно и сбудется.

Мне уже немного —
я уже не знаю —
голос Неземного
я перечитаю —
и предам по снятью
с этого столбца
голову объятью
белого венца.

Март 1984

НА ПУТИ В ДАМАСК

Вот проснулось, вот открылось
мне другое всё вовне,
распахнулось, окрылилось
всё родное, что во мне!

— и с собой соединилось,
друг во друга перешло,
это миру Божья милость —
солнце семенем взошло!

Знаю, кто я: грозный Павел,
на три дня живой слепец,
я свой дух уже направил
к обрезанию сердец,

я явлюся скоро в Риме,
чтоб сограждан повидать
и словами не своими
Богу кесаря отдать,

я скрываюсь под туникой,
дожидаюсь Судна-дня,
и Агриппа с Вереникой
придут выслушать меня!

КОНЕЦ

78

Страшно дотронуться, в руки себя беря, —
вдруг, мол, рассыпется, и так уж дрожит,
как при землетресенье души, вулканирует лавой словес,
славой не льстится, левой и правой возводится кверху,
лавром и тёрном покрывается вперемешку,
столько похожих тварей тщится создать, чтоб Творение ими пополнить,
в Церковь не ходит уже — дома думает долг свой исполнить,
ибо привиделось вроде бы, или сказано было:

ВЕСТИ МОИ СКВОЗЬ ТЕБЯ МНЕ НУЖНЕЕ СТОЯНИЯ ТВОЕГО — —

18.2.84

ХОРЕИ БЕГА

1984-85

Хорей Бега
1984-85

— СЕРГЕЙ НЕ СЕРДИСЯ, Николай помогай,
ладан кадися, стихарь облегай,
моленье молися, славословие славь
явленную Тайну али тайную Явь —

басом леденящим и девичьим альтом
огненным пьянящим увеличенным ртом
ныне величающим алтарь позже Врат
бо и в искушеньях глубже Друг, нежли враг!

80

(Всё-то сам реку сие, а пост не блюду
столько уже жирного вложил во плиту
что нет-нет да мню уж — не себя ль сам в другой
местности, посмертной, ужираю в огонь?)

Жертва, да не Богови: тельцы да быки.
Змею-Зверю адову придется, реки,
плоть сию удвоить, чтоб за сё отплатить
бо одной моею мести той не вместить)

Господи мой в Чаше, что в стакане вино!
Бывшее в Вифании и в Кане дано!
Воду что в вино Твое, меня обрати!
Кровь Твою во пьющего груди обрети!

— Сергей согревай-ка, Николка веди,
сам не пропадай-ка, а пропажу найди
носом утыкая во алмазный навоз
Спасом вытягая из-под пятых колёс!

...мною Себя глотая, Ся во мне увнутри
прах небес, земель ли перемель, перетри...
жизнь-живот-желудок за порог испражни...
Ежли не ланиты — хоть чело увлажни

— да вовек прославится сия душа,
лёгкими обложки широко шурша
ямбом в гору, хореём — с горы
на путях к Фавору от земной коры.

ПЯТНИЧНОЕ

Люцифер ли расслоил
Или летучий ил
острым телом реактивным,
этих слов сверхзвуковым,
над простором грозно-дивным
над скелетом, грузовым
для грехов и прегрешений —
Михаиловых мишеней!

Но от гнева во спасенье
не уйти в Твоей руке
и весеннее висенье
под рубахой на шнурке
кровянит и воплощает,
и входящий обращает
чёрно-белые глаза
на цветные образа.

11.5.84

СУББОТНЕЕ

Немного спать хотелось, но теперь прошло
коснулся рукоделия — помогло.
Как руку сжал — пять чувств затворил
дыханием моление сотворил
и хорошо-то стало! Воспарил.

Ты наклонись, Пречистая, — я шепну.
Так спутано пространство в земном клубке
что Ты и покрываешь в одной строке
и на груди вмещаешь в образке —
того, кому из черепа в вышину
открылось отверстие в потолке.

12.5.84

ВОСКРЕСНОЕ

Трудно очи долу, а сердце горе.
Небо и поныне соблазняет глаза.
Крепко надо верить, чтобы в тёмном нутре
выпала из сукровицы Божья роса.

Наше троеперстье живёт в кулаке.
Им же знаменуемся и строчки строча
всасывая в детстве облака в молоке
тайнообразующе крыло из плеча.

Смертный, что родится во плоти и крови —
яко до рождения уже причащён —
в страхе принимающе Святыни Твои
будет в них по смерти воплощён, помещён.

13.5.84

НОЧНАЯ ПЕСНЬ

Не было слов для Тебе ответа
а только воздухом с Тобой менялся,
поцелуем прямой губного
помилуй Господи из иного
всё ещё Господи слишком этого,
чтобы слиться с Тобой — меня!

Через закрытое здесь окно
проникновенно но так темно.
Вот и январь облепил тепло
неразличимое сквозь стекло —
в круговороте, в теплообмене
назад к природе... наверх к Селене...

Это терновник, а то валежник.
Струйка-река да лесок-промежник,
на пустоту сладострастье... прежних,
видно, жизнью сложилось в эту
столько что и в пяток и в среду
собственный судный скором наследуешь! —

Июль 1984

ТРОИЧНЫ

I

Там, где я крестился, где молчал, говорил
локонами ладана волокна ловил,
спину распрямляючи душёю кривил —

ныне отверзаешь милосердия дверь
ту, куда и вёл меня Твой горний тропарь
— то-то отбиравший у груди без свинца

выдохи да вдохи и единым теперь
духом испускаемый словарь — на букварь
всё-то распадается, что кровь на тельца.

II

Вот и повторяю предыдущее: кровь.
Ибо отзовётся подползающим: крот —
громче и точнее, чем зеркальным: любовь.

Зрение минуя моё пенье глядит
в светлое Успение и новый индикт
в коем не останется ни вдов, ни сирот.

Дух уже испущен, но остался душок.
Даже с перепоею написался стишок.
Освежи дыхание, земной порошок!

III

...вот уж из-под тела уплыла глубина
вот и разбежалась от боков ширина
вот и отлетела от самой головы

бывшая с рожденья и над ней вышина!
Это завещание народам Земли
Прожита и мною миллионная часть.

...сменные обличья — насекомые, львы —
слышу, приближаются и в душу стучась
алчут себе жизни; но ещё не вошли.

Август 1984

ПАСХАЛЬНОЕ

Море зелени, глухо в недрах копившееся
выплеснулось уже через край веток
пригнали его уже к нам по стволам, аки нефть по трубам.
Сперва брызнуло там и здесь, а теперь и вовсе обрушилось
на зимовавшую до сих пор природу
придало ей ложной роскоши, преходящести
и прохожий по парку опасается, что заденет его
боится пустить росток из промежности ли, изо рта
из сплошной ли кожи, единство явив мироздания.

В такие дни чувствуешь себя атакуемым.
Кислорода столько, что трудно дышать.
Защищаешься противоядием никотина, смертельного для лошадей
и татарская конница копытится в лёгких,
всё более увесистых — чтоб не сказать тяжёлых
Торжество жизни: труп, покрываемый плесенью.
Осенью прорастает весной похороненный хлеб.

ТАЙНОПСАЛМИЕ

I

Все минуты мои темноты и света в Твоих руках.
Все кишки мои шевелятся вдохновляясь Тобою.
Если б не писался Ты с большой буквы
многие мои слова были бы извращением
и люди отшатывались бы от меня, как от маньяка.

88

Всё одно и то же, одно и то же.
Зачем одно и то же повторяется столько раз?
Это рифмы, скрепляющие человека в единство
помогающие ему дожить до смерти.

Съешь навсегда плод неверия моего,
выращенный мною в тайнике желудка моего
Прими грех мой на душу Твою,
стань пустым животным, спящим гадом за меня
Восхити меня до края: восхить.

Засыпать и просыпаться я хотел бы
с двумя мыслями на устах:
одинаковыми мыслями о Господе.

Блажен, кто сие умеет: сей круг обвести по суткам
чистую горячую линию как начал, так и замкнуть!
Если бы встретился мне такой, то не отходил бы я от него
таинственно вовлечённый в эту внутреннюю его фигуру.

И неважно, снег, дождь или листья осыпаются на его шатёр
на шатёр его головы и тела, души и духа
на готовящийся в нём образ Святого
на заготовку покрываемую левкасом прочным трезвения
и кажется ему что и на паперти храма Божия недостоин он стоять
но и кажется ему, что зовут его с иконостаса уже потеснившись.
И одеяло на ночь превращается в Плащаницу

Вот он стоит, не любуясь, а ужасаясь собой:
пустынник после псалмов и молитв решившийся
взять на себя ужас Причастие дать, с проповедью обратиться
к пескам и акридам, к струйкам песчаным ветра
к деревьям и озёрам в составе миражей
тотчас начавших распространяться вдоль горизонтов
заполонивших пустыню и обступивших меня, так что обратно в молчанье
не остаётся лазейки. Вот и верблюд со спинным запасом
становится на четыре колена, чтобы мог я влезть на него.
Господи, видишь какой я мелиоратор
бесплодную землю населяю из сознания моего.
Пусть же коснётся лба моего дуновение Лица Твоего от Отца исходяща
дабы галлюцинация моя опала как целлофан
и из трёх измерений приведённая в одно истаяла на песке.
Келлия всему научит шепнула память из книги.
И внутренние очи смыкать на возникающее на стенном, темянном экране.
И дышать и сердцем стучать забыть
залюбовавшись садами Твоими истинными.

Весна 1984

ВОСКРЕСНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Вчера из Зоопарка вышел верующим.
Воистину, богатств Твоих не пересказать.
Вроде бы Хлебников поэт пытался, —
надо бы наконец заглянуть, свериться, что натрудил коллега.
Должно быть сплошные просторы райские
заучная заумь зоологическая,
он всегда становился тем о чём писал — о ребёнке ли, о числе —
потому что с собой мы знакомы лучше.
Не удержаться от сдержанного восторга
в синтаксисе слова не удержать
слово в буквах — мысль в голове — голову от круженья —
мир в свете дневном потому что глаза закрываются сами собой.
Как в детстве, овцы и слоны топчут под их оболочкой
пожеланье увидеть осла и козла сбывается.
Как слепец хватаешься за маленькую бронзовую ручку сжимаешь в руке
смотришь — и она оказывается ручкой двери в десять человеческих ростов
выпрямляющегося Собора от которого надо отбежать на сто километров
чтобы увидеть начало его Вершины!..
Вот так иногда замечаешь мизинец сидящего рядом —
и содрогаешься внутри от соображенья
что этот мизинец — открытый кончик прикрытого голого огромного тела
Или — лежишь на земле и понимаешь вдруг что на всей.
Подобное чувство возникает когда твой серый и северный взгляд
натывается на тёмно синюю птицу с алым полыханьем подмышками,
включающимся при перелёте с шестка на шесток —
ну спасибо, спасибо, спасибо что показала! Я тоже ей нравлюсь,
этой выходице из Эдема, выгнанной вместе со мной.
О собрание климатов, полиглотство жизни
когда все окраски сводятся наконец в единую Белизну
и призма незримая спадает как катаракта
ибо многообразие ведет в единство.
Рыбы с прозрачным мясом словно под тайным рентгеном Бога
являют нам схему скелета словно мы — прирождённые анатомы.
После маленьких большие, как сквозь увеличительное стекло.
Чёрные с оранжевым лакированные лягушки,
сувениры Палеха заэкваторного.
И снова млекопитающие — почти все напоминающие человеку

друга его собаку — но разной величины и формы.
Суслики прямостойные, вертикальные
оппадающие внезапно на четвереньки, якобы кончив.
Всё приведённое из земли и неба
за руку сюда, чтоб собой похвастаться.
Наделяемое нами нашими психологическими замашками:
этот экземпляр мол грустен а этот весел
и назад бы им всем вообще в природу!
Но они не люди, чтобы в природе нуждаться
и к нам они не иллюстрации хоть это и страшно.
Да и возьмут ли они нас к себе в Ковчег?

НОВЫЙ БУРЕВЕСТИК

Птица большая, белая; встрепенётся — пёстрой становится: из белой —
спектральной
Перистая, когда летит; кучевая, когда садится. Морская на подоконнике —
городская бульварная детская над Океаном. Одинокая, многая:
то её целая стая, то она птичка угольная на полях Небесной страницы.
Всептица замкнутокрылая обнимающая Адама с Евой мелькая по стволам
деревьев
как тень великого вентилятора под жаркий шёпот змеиного злобствования.
Понятие о птице; слово «птица»; «я» птицы; птица сама.

93

Рыба, распознавшая в воздухе ту же воду.
Завистница млекопитающих завидующих её летучести.
С пресмыкающимися смешивающаяся катящимися яйцами
по бильярдному столу земли.
Бабочка которой включили звук. Ворон заменяющий Ленору.
Голубок чтобы сверху измерить расстояние до Арарата.
Подражающая Большой Медведице; ниже её летящая в небе, выше —
над землёй.
Линия полёта, превращающаяся в точку опоры.

Оглушающая меня когда прислушиваюсь к собственной голове:
щебет, громкий ЦЕБЕТ в обморочно чернеющем помещении.
Действительно само - лёт; журавль улетающий, аистом возвращающийся.
Ангел лишенный человеческой части: взмах крыла уже не промах плеча.
Святой Дух С собой Самому Себе благоволенье на темя Несущий.
Стервятник оборачивающийся Алконостом.
Севшая мне на руку святого Франциска.

ШЕСТИСТИШИЯ

ДО ОСЕНИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СЪЕДЕНЫ ВСЕ ЧЕРВИ
— в малиннике прочёл молитвеннике пчёл
где распевался чин вечерни
и Небо твёрдое над небом августовским,
где мы под Господом гуляли не помня что под Богом ходим
а умиление — тот же страх...

94

Слово русское природа
во внутреннем пространстве жизни
забытым быть хотело, перевестись в другие языки
чтоб стало непонятно: от головы Апостола обратно,
с травой смешано в малине взвешено.
Яко кадило пред Тобою, — скорее, чем...

Да, это правда но и тайна
мысль изреченная есть брешь в бессмыслии блаженном —
косули что оленей емлют, и козы местные гольштинские
свидетельствуют и воздеты, дабы с холма спускаясь вдоха
на плоскость местности кулацких полей, хотелось
их в жертву принести!..

Успенский пост уже идёт, Преображением расколот.
Не оскормиться ишу — спасти владельца этих пастбищ:
я откажуся за него как чужеземец неимущий.
Овце ж кудрявой дымом быть, что человеку — херувимом
Самосожженны... всесожженны... преображенны...
И кровь живая востекает по желобу ножа огня.

Прости, Простивший, что нездешние прогулки
даруемые по дорогам которые пути Твои —
за здешние я принял и стыдился
того «уже» неузнанного, и если
вдыхал, — ещё! ещё! — то после:
— ещё мол нет, зато ужо... с игуменскою злобой неофита.

Внутри ль меня убили, думал, что
так много крови льётся в организме?
И на кого не настучало сердце?
Но да исправится хотя бы молитва моя.
ДО ОСЕНИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СЪЕДЕНЫ ВСЕ ЧЕРВИ —
приснилось наяву замкнулось на кусте осталось на листе,
вернувшемся в листву.

Август 1984

ФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЕ ЗАРОСЛИ КОЛЬЗЫ

над головою урчание в животе
переливы ботаники метеорологией,
боков пантеистического и нашего Бога.
Домой прийти — лексикон раскрыть
посмотреть где растёт, что значит.

Кофе, южная жертва Северу, —
соединенье материков в крови
двумя ногами упираясь в две суши
изливая море в канализацию.
Зубная боль — напоминание о последнем часе,
но и уход её — о последующем блаженстве.

Растянуться на постели под дождь, под зримое
движение колеса вселенской влаги.
Благорастворение воздушных по ектенью великой
сбывается, вытягивая за собой остальное
то есть — избавиться от всякия скорби гнева и нужды
так, что не вспомнить откуда пришла цитата.

Воздух в лёгких задерживает молитва
не отпускает его наружу, стать углекислым.
Деревья протягивают кислород на ветках
и чувства, бывшие мыслями, уже бесстрочны.
Уставив глаза в известный пункт за каймой пространства
устанавливаешь по слепоте что он стал зенитом.

МЕЖ ВВОДЯЩИМИ И ВЫВОДЯЩИМИ МЫСЛЯМИ

предаваясь мечтам о более тонкой жизни,
среди стоцветий сороконожек тысячелистников
наших множественно одиноких сестёр и братьев
— вдруг ощущаешь холодок эротической ночи
наступающей, точно снимающей часть одежды.

«Пойду накину пиджак», говорит Григорий.
«Лучше возьми вовнутрь», советует Юрий.
«Выпил горячего чаю» — вспоминает Павел —
«и в полутьме полез приставать к Антону».
«Жжение в горле», подводит итог Аркадий,
«вызвало, видно, рефлекс в тебе алкогольный».

— Вот так и зонт раскрывается чёрной краской
за медным лбом стоит цикаде пойти за окнами.
Перед отходом ко сну перебираешь родных и близких
меж тем, как «тако да погибнут беси»
уже начинают губы — да самому бы,
Боже, не расточиться, не побежать...

«Нету зато у меня говорю социальных страхов.
Также и лобовых пристрастий вроде
пола, над коим купол; нету страстей любовных
либо сдержанности ежовой, за которой чуткое и нежное сердце
Даже атомной бомбы нечего мне бояться.
Да и к нейтронной я отношусь нейтрально
(атомы плоти смертный её заряд)».

СТАНУ БОЛЯЩИМ, ЧТОБЫ ВОЙТИ В МОЛИТВУ
твою, Григорий, ибо твоя известна
мне склонность креститься именно в этом месте:
то что нас постигает, и постижимей легче.
Это в самих словах: чем больше, тем богомольней.
Переломи поясницу покуда можешь.

А О НАЧАЛЬСТВЕ НАШЕМ ТЫ ЧТО-ТО МЕДЛИШЬ,
трудно тебе даётся неразделение...
Мать поминаешь раньше чем Патриарха.
Чтобы простить, вспоминаешь догмат прощенья
ОТЧЕ НАШ читаешь на разных нотах
ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ, признайся, на самой верхней.

Сызмала кто крещён — тот насквозь бормочет.
А неофит присматривается — кто как.
«Братья, — к старухам, — фанатизма не устыдимся!..»
Крест на себе — что сам на кресте, покуда
«спасти» звучит понятнее чем «спастися»
и русские бесы ещё незабвенней Бога.

«Видишь — витраж? — Питаются внешним светом!
Мы же — снутри к оконцу свечу подносим.
Купол — сшедшее Небо; шпиль — земельная тяга.
Не сомневайся: от самого Владыки.
Много их-то, а нас-то мало.
Через ушко труднее. Первый же кто последний».

Июль 1984

НОГИ В ЛАКИРОВАННЫХ ТУФЛЯХ НА НИЗКИЙ
полированный столик и длинный виски
чтобы строка растянулась по американски
и перестала кончатся на рифме, то есть
чтобы сплетались корни до окончаний
и открылось несколько неизвестных ещё Америк.

...через тысячелетия после смерти
стану и я в ту сторону эмигрантом,
слившись с пластом червивой земли Европы
в год моей смерти поверхностью кладбища зеленевшей
— и опускаясь под грузом всего потомства
медленно-верно достигну степей ковбойских.

Многие мощи их обитателей бывших
будут — спиной вверх — мне всплывать навстречу
в этом аквариуме нового бытия
совершаемого за меня, что уже не в силах
двинуться: движет живая меня природа.
Двигаюсь, — мыслю, — следовательно существую.

Только бы индустрия быстрее исчерпала магму.
Внутренние эмигранты сплывутся в центре —
тени чужого труда на костистых лицах
Северный ветер сверху затем и нужен
чтоб разгонять дыханье уже приплывших
ибо без стёкол наш будет иллюминатор.

Июнь 1984

Е.К.

100

Где знакомый дорогой, тень товарища небесна?
Лишь рогатый домовой, да и он-то из зеркала.
Исчезание — понять — утешением чревато.
Я с Нарциссом говорил, что с нарциссом утонул,
с Мнемозиною с мимозой, с образиною с гримасой,
вообще с народной массой... я ль не вспомню, не икнуть
их заставлю тем отеческим иктом?

Либо встретимся за греческим крестом?
На седьмом ли небе в чувствии шестом?

Мужи тёмные мужаются слегка.
Жены балуются все исподтишка; за дверью лес
рогов но не понять кто зверь кто бес —
копыта замыкают круг единства — нашедший на стихию стих —
меньших и старших братьев наших сих
в траве асфальтовых лугов; не отличить друзей, врагов
от матово колеблющейся сей

воды, перерастающей музей
где зренье — сретенье; чем ближе тем косей.

12.11.84

НА НАЧАЛО ФИЛИППОВА ПОСТА

Вещь есть весть, —
вот тот плод
с садом плодоносным в себе самом.
Весь сей вес
в весь небес
станет переносным, перейдя в прямом.

Наш друг грек
тако рек —
мол, вкусив капустных, пустых тех щей
постных овощей, КОСТНЫХ СИЛ ВЕЩЕЙ
сведаешь изустных
И МОЩЬ МОЩЕЙ.

Мясо языка
вырвешь изо рта:
вложится обратно чтимая строка.
Небо необъятно,
в коем простучало
конное начало оногo поста.

ГОЛЬШТИНСКИЕ ТЕРЦИНЫ

I

Бабушка моей супруги
во гробу умерла так сказали во сне.
Ноги мёрзли, и некому было подоткнуть доску.

Черви, как врачебные пиявки,
дополнительно оживляют спину и затылок
а другая сторона уже скалиста.

На кладбищах нынче как-то безвыходно.
Крест замкнут в прямоугольник — контур принадлежит не ему.
А запертым ключом не отворить помещения.

Есть и во мне какая-то скованность.
Душа моя представляет собой соитье
мокрой курицы с пронзительным петухом.

II

Начинаясь с химии всё возвращается в физику.
Физиология становится достоянием минералогии
в каждом трупе содержится геометрия звёздного неба.

Но и наоборот: с севера на юг перемещаются стаи галактик
сибирский охотник подстреливает перепёлку
и получается Тунгусский метеорит.

Возвращаемый в землю раздевается постепенно.
Законы природы терпеливее нас, мужчин.
Обнажившийся скелет — первосхема житейских схем,
уже отслуживших.

Около могил зеленеет воздух
В воскресении мертвых упырями и вурдалаками
антихрист опережает Христа

III

Мы пока что — мёртвые не воскресшие.
Искал вчера бритву да вовремя понял — лишние хлопоты
Это ж как масла масляного наесться.

Чего убийцы суетятся, непонятно.
Чего убиваемые сопротивляются, тоже.
И в целом непонятно зачем мы смертны.

Взаправду мы боимся одной лишь боли
что в начале схватывает роженицу, а в конце перекидывается
на рожденного
замыкаясь в круговорот.

Поднимешься быстро в кровати и глаза чернеют как у турка
а по углам невозможно дышать.
И пустых страхов уже не бывает.

МЫСЛИЮ ПО ДРЕВУ

1

Время, когда хочется небо назвать голубым
и начинаешь ненавидеть всех, до тебя говоривших
использовавших слова, воспользовавшись тем что родились раньше

2

104
Сколько звуков в одной голове! Даже ушей не нужно. Вот свисток парохода
прозвучал, и дама в светлой широкополой шляпе спешит к причалу
и всё что голубо хочет называться небом.

3

Разве происходящее нынче в душе было влито мне через уши? —
Трудно поверить.
Вот и выходящее изо рта не меняет мира —
спасибо плоти что отделяет нас от него.

4

Боли боюсь я потому что боль есть начало течи
(сказано ж было — «дыханье воздухом будет»)
а смерть разрушая дамбы являет воды.

5

Крайняя плоть бескрайней однажды станет
лёгкая кость в природе своей потонет.
Тело мое, единящий разъединитель!..

6

Иль не оно спроси воплощает душу?
Так почему же когда она воспаряет, оно остаётся?
Если язык мне вырвут, то он отрастёт в легенде.

7

Когда соберу все слова разведу я большой огонь
и это будет жертва Богу: шаг назад в Эволюции.
Род аскезы — не просто личной а и за всех и вся.

8

Странно мне связывать произносимое мною
с бедным моим бытиём так легко становящимся под сомнение —
стоит лишь в зеркале ухмыльнуться ухмылкой глупой.

105

9

Кровь, что течет внутри обратна текущей наружу.
Ограниченная кровь есть жизнь, а смерть есть потеря граней.
Только камни не текут лишаясь оправы.

10

Бытие млекопитающих молекулярно. Смерть бесконечна как
распад молекул.
Странные у меня развились рефлексы: разжимая руку
я вздрагиваю думая что из неё выпал стакан.

Весна 1984

1. КООРДИНАЦИЯ

Точная дата пока ещё неизвестна.

Но по слухам, догадкам, предположениям сведениям из Кругов, от некоторых постельничих и конюших, судя также по тем-иным и кое-каким высказанным в игривой форме замечаниям на пресс-конференции одного теперь уже трупа слишком, видать, игривого тогда ещё — представителя, оброненным на порог, когда он выдвигался из зала — придавленным тотчас каблуком, наступившего на них бойкого передовиста запрещённого уж листка — но чересчур мозолистого иль хрупкого потому что когда ему тотчас наступили — вскрикнувшего, выдержнувшего и потерявшего шанс — поднятым было затем наступившим на руку того коллеги господином вполне решительным, но говорят недостаточно цепким, если их сумел же выхватить юркий, но от радости потерявший голову, если их смогли у него свистнуть помогая ему же в снятия заповнок в номере отеля где он намеревался отпраздновать старт карьеры сближеньем с горничной — но впоследствии эту горничную к каменной подворотне дома где она квартировала; изнасиловали и убили, отстрелялись на автостраде от мнимых соперников, а затем и от милиции, переодетой в полицию — но к сожалению на повороте несколько не считали, впопыхах, запутались в коробке скоростей — на четвёртой вместо второй вылетели в локомотив, водитель которого упал и умер, бензоколонка же взорвалась и изувечила вообще всех, — а было это как раз возле Кнопки, нажав которую с перепуту — и потом что же за шум, если драки нет, — произвели столь существенные сейсмографические перемены что Атланта и Алма-Ата оказались на двух побережьях единой Трещины, незамедлительно заполнившейся Водой до такого уровня что границу атмосферы прорвало как плотину и разметавшаяся Влага потушила собою многие Звезды, дна Бездны достигла а остатками Кислорода настолько оживила картину этих планет, что тамошняя неорганика вошла в оргазм и произвела ползущих, решивших сократить сроки эволюции путём революции

и в конце улетевших оттуда к ядрёной матери — так что теперь и следа не сыщешь упомянутых замечаний игривых —

ровно

— какого месяца неясно никому помимо
одного пассажира одного средства передвижения
из одного ландшафта в другой, смены пейзажа
чтоб отдохнуть, проветриться, иначе говоря, сменить обои —
если по дороге не выбросят в окно — как оно впрочем и случилось —
а разбитую черепню коробкой мало что вспомнить можно, разве что
«финита... шепнуть невнятно
и оборваться, не достигши в себе
Мольера — в разгар нужного нам

месяца. Понятно какого года!

Недаром же ту девицу из Тананариво
подсылали в тундру к тому шпиону, чтоб обольстила и зачала —
с таким расчётом, чтоб тот ребёнок к тому моменту
был в возрасте коего делением и умножением
получилось число, проясняющее многое в этом деле;

что же

касается Века, то все народы будущей Атлантиды — то есть,
обеих Америк, Евразии Африки Австралии Новозеландии Полюсов и всех
Островов, кои вместе уйдут в надвигающееся Море и окрестятся, для
краткости, Атлантидой благодарным Потомством — сошлись на том, что
наше столетие лучше других готово к Упомянутому Мероприятью.

4. МНЕНИЕ

В случае пожара, при сосредоточенной молитве,
любую сплошную стену можно использовать в качестве запасного выхода.
Это напоминание кто-то ж должен повторить заново,
если мы его забыли за собственными открытиями.
Самообслуживание удобнее. Кой-чего, при случае, и спиздить можно.
Потому как независимость важнее всего. И демонстранты мирные оторвут
руки тем кто думает что вправе распоряжаться общественными ракетами!
Все мы образуем большую сороконожку, но может случиться
что внезапно забудем какая нога у нас была первая — а без неё
из ползучего попадаем в паническое лежачее
и начинается полная, как говорится, анархия. Все мы —
бабочки под перевёрнутой пирамидой, пускай нелепо
думать такое сейчас когда уже всё позади

и перед нами иные комплекты проблем возникают.
Но говорю это на тот неизбежный случай,
что всё впереди ещё будет. Вот вам громоздкий образ: Гегель своей спиральной,
вставленной им в историческое влагалище Зачатья не остановит

7. ПРИЗНАНИЕ

И я нарушаю свой Пост,
но и это не помогает.
Не чувствую оживления крови, глюкозы глотнувшей.
Мирской радости не постиг — не достиг духовной.
Кто сообщит мне к первой хотя бы путь?
Вызывающий чувство неловкости бойкий старец
юноша крепкий плечьми, девица-любительница
прозорливый знаток человеческих судеб с мозолистыми глазами
даже сидя — когда это не надо — крепко расставляющий ноги на земле
и все остальные, видящие меня насквозь
сообщили мне что мне не хватает женщины некой, двубокой-глубокой
Жены тебе не хватает прошептал священник
а смущавший один добавил двусмысленно что мне не хватает мужчины
во мне.

10. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

Ежели перед делит человека надвое, то спина
объединяет его почище призывов отцов к мировому пролетариату.
Таково и бывает объяснение сему феномену —
мальчики измученные мол юностью
решаются заглянуть в будущее и других увлекают туда же
чтобы потом это так и осталось в крови. Такой вот зародыш странный.
Наружно краснеешь, а снутри голубеешь
и изменить здесь уже ничего нельзя. Но есть и
объективнее толкования: бескорыстием например.
Есть бескорыстие в том, что заведомо занят бесплодным.
Ежели им — песок, завещанный Аврааму
то нам лично песка никакого не обещали. Также
уничтоженье здесь видится нам Войны
что прежде меж грубых мужчин завсегда рождалась
а фотоневеста Героя назад ждала!
К тому же, хотелось бы сокращения молодёжи; и или-или

здесь недействительно: не приходилось бы говорить
что груды лежащих тел это плохо, и лучше б было
если бы мол они сидели или ходили. Люди с инстинктом жизни
недалеки до инстинкта убийства. Не время
кормиться нам сентиментами касательно солнца и зелени.
Меньше бы нам прельщаться объединяющими восторгами
перед всякими выжившими-несмотря-ни-на-что.
Констатации Чарльза нами поняты как программа —
пускай мы Карла нынче цитировать избегаем.
Ах, «ради Жизни Самой!» замечательный сувенир
это будет в иных измерениях, что скоро будут!
Но не лучше ли нам скончать наш век в мирной старости
попрощаться с собою с улыбкою умиротворения на тонких устах...
Правда, похоронить последнего будет некому.
И кто заглянет в демографический эпицентр
того подосиновика, под которым не будет смерти? Как жаль что начатое
эстетами — всегда доводится до конца! Но спасибо и на том, что было
два-три таких розовых, транспарентных момента
в ходе и нашего бедного века! «Одною волною...» Да,
Сомову и Бердслею мои венки!
Что-то пленящее в отроках этих старых
взявших законом Небо, где не по лицам судят. В тёплых дыханьях ночи
несколько свеч источив, ты принимаешь Бога тихо задув лампаду
в мужнем зане и братнем, в тесном кругу совета
духовное дело свершится.

11. ВТОРАЯ ЗИМНЯЯ ИСТЕРИЯ

КЖК

а) Начинается Прозаическое Произведение.

Внимание! _____ '' _____

Лечь на голую Землю!! Произведение Великое, Многое
тяжёлых Эпиграфов требующее,
дать их немало само во Грядущем Способное.

Таково оно — гордое, чистое, как Человек у Кого там Звучащее.

После Автор решил Умереть.

А пока Начинает, Работает.

Просит ближних Своих не просить, не давать.

Отойти за пределы Сознания.

(Скоро, скоро Брадой увенчается, жено, Чело.

И фасоль в ней, и сахар застрянет)

б) он повернулся, да как вдарит. Да как вдарит, долбоёб.

А ещё не хочешь? Бац! Да как вдарит ещё! Да как вдарит. А ещё
НЕ ХОЧЕШЬ? А? БАЦ! Да как вдарит ещё. Да как вдарит! А ЕЩЁ
не хочешь? Нет? Да как ВДАРИТ! Так вот и совсем убьёт.

ц) Ну, посмотри на меня. А? Посмотри, мудило гнойное. НУ,

посмотри на меня. Ну ПОСМОТРИ пидарас. А? Посмотри сюда падла.

Посмотри на меня, МУДОЗВОН КОЛОКОЛЬНЫЙ. Посмотри-ка сюда,

бля, говно.

ПОСМОТРИ Ж ТЫ СЮДА, СКВОЗЬ ГЛЯДЕЛКИ ТВОИ; ОБРАЗИНА ГЛАЗАСТЯЯ.

бл) в машинах едьте по улице; машинами правьте

своими; резко сцелление не отпускайте, а то заглохнет мотор да и въедут
Вам в Жопу. Держите машины за Руль, чтоб не съехаться Вам в Кучу
стекла и КРОВИЩИ

х) подсознание моё распустилось.

Переходит в сознание моё

Проявляется и в поведенье:

я как мёртвый — на всё наплевать но слюны нет.

гх) АЛЁ! Говорю по телефону. ТЫ, алё! Слышь, говорю ПО ТЕЛЕФОНУ. Ты трубку-то не клади НЕ КЛАДИ ТРУБКУ-ТО, а то ей по темю получишь. Без ВЫЕБОНА давай, отвечай куда надо. АЛЁ! запиши, чтоб запомнил: не своєю ты СМЕРТЬЮ умрёшь.

12. ПЕРЕХОД

К Себе

Он приводит нас в основном на путях отчаяния —
отчаявшись, вероятно, открывать нам другие пути.
Но как тяжело дотягивать до зимы
запасы, осенью созревшие в поле зрения
путая притчу о Сеятеле и жатве
с притчей о вине и мехах...

Опять зиме на смену приходит осень.
При ядовитых мыслях можно отравиться стаканом чая.
И Страшный суд своим обогнать суждением.
«Да, вот для них Вселенское — это очень много
и католичество суть количество, и не догмат ли
служит зерном, о котором судят по всходам
(«хлеб-наш-насущенный» толкуя столовым или орловским)?
И одиноко в Небе звучит Смерти Нет
как свист сверхзвуковой, слышный скорее животным, рыбам.»

В последние дни не знаю, поднимаюсь ли, опускаюсь.
Таково и должно быть это моё состояние — ведомо Тебе Господи.
Прежде думал я паром к Тебе подняться из мирового котла
нынче — вмешаться в шуршание дров, изменить огонь. Признак
слабости, Господи? Или силы? Чело в устах не нуждается.
Речь наша — крик новорожденных разбиваемый на периоды.
Эта разбивка и именуется связностью; но и в
суесловье каяться можем лишь суесловно
продлевая его в бесконечность Бога Отца.
Эта прогрессия больше геометрической.
И не найти молчанья на покаянье.
А покаянье трупа — ужель зачтётся?
Если язык мне вырвут, то он отрастёт в легенде.

!
!
!
!
А
А
А
А
А

15. ИБО СНОВА ЗАСНУ И ТОГДА УВИЖУ
что подношу руку к некоей Чаше
и косым ударом расплескиваю
на каменном полу. Под ноги, под ноги, под ноги — А — поднимается крик
мой

к каменному небу с Изображеньем
— а полстолетья назад там могла бы ещё оказаться
бурая самогонка и комиссар бы ещё ухмыльнулся,
выглядывая из-за колонны. О!
Боже столь причудливым образом обустроивший спасение моё!
Ибо, хотя помышленье зачтётся — недеянье отчтётся. И
спаси теперь комиссара!

112

18. ПРЕДУСМОТРЕНИЕ

Открывающий истину закрывает другую.
Потому как нет места куда бы отставить ширму.
Куда ни плюнешь, истина утирается. Уж и плевать противно.
Мы никого не спрашивали но нам отвечают все.
И утесниться ль в себе питекантропа, который и был Адамом?
Почему не открыто ВСЁ, по Августину Блаженному?
Почему я ещё не умер к ядрене матери?
Что я тут вообще делаю, и что значит «тут»?
Даже если б глаза мои были как панорамный фотоаппарат
всё равно б уцелело невидимое. Всё равно б не увидел вовремя,
как сзади заносится здоровенный топор
и идиотски оскаленная рожа раскольников или никольсона
принимает первые брызги бедной крови моей.
Да, узковато зренью в глазах едва обнажённых природой —
основное затянуто кожей и волосами. Лишь когда разрубают голову
весь мир со своими поздними прелестями становится как на ладони.
Но мозг уже бессилён указать члену Что Делать.

По утрам ощупываю себя: не умер ли за ночь случайно?
Впрочем, метод неважный: ощупывая не распознать, души не нащупать.
Признаки моей жизни: увеличивающаяся пагода блюдец, чашек
тающая стопка/рулон бумаги
отсутствие среди нас стервятников и червей. Хорошо!
Признаки моей смерти — чистота, благодать
в зеркале дальняя — незаслонённая — перспектива

дверь заперта одновременно снаружи и изнутри. Между тем, в мире обнаруживается что я бессмертен.

На мне зарабатываются деньги под сурдинку и траурной под каёмкой.

Друзья гордятся перепиской былой; иные

подделывают её. Любая

дрянь моя распродаётся на аукционах по буквам.

Томом из собрания моих сочинений можно убить Человека. И это

хорошо!

21. ЗАПИСКА ОХОТНИКА

Чёрные буквы ждут от меня
и слова хотят синтаксиса волнующего
— чтоб на морском берегу да спутница в мужском пиджаке
Но мне до них дела нет.

Мне тут нечего делать.
Я есть инвалид Четырёх Мировых Великих.
Своё существование оправдать мне не удаётся
без оправдания не удаётся существовать,
а без существованья не оправдаться.
Я скоро займусь вплотнее моею смертью!
Дай только всё смешаю и всё окончу.
Книга сия — ПОСЛЕДНЯЯ книга в мире.

Мне сообщают что водонос споткнулся:
жизнь его продолжается. Вода умерла
Я пишу не прозой по недостатку во мне сюжета.
Вот и размер мой: неизмеримость не бесконечность.
Четверостишие атавизм ломоносовской революции
И, словно хлыст и Апостол в духе, поют за спиной деревья.

25. ЗАВЕРШЕНИЕ. ДЕНЬ ВОСКРЕСНЫЙ

Небо за окном темнеет; в глазах которого
из смотрящих на сей мир из вне?

Какие замыслы противу нас вынашивает Природа прикрывшись
очередною Тучей?

Глобальные стволы Деревьев стоят будто выросли на глазах,
если ненароком к ним обернуться. ТОРЖЕСТВУЕТ ЛИ МИРОЗДАНЬЕ
весь Универсум американско-баптистский? С оптимизмом ли нам

114

заштатным
приветствовать взаимосвязь мировую, понимать что и мы в ней чего-то
значим?

Не лучше ли спать завалиться — и там
разбираться, что в нас сознание а что подсознание? Лично мне
жасминовый чай по утрам помогает заснуть, а читателю — восторгнуться:
бытовой элемент из непосредственной жизни автора оживляет.

Распорядок дня хобби и прочие половые сношения. Да и то сказать —
все б уснули, слыша мою дребедень,
если б не слава; но слава есть слава. Слава есть Слава,
СЛАВА ЕСТЬ СЛАВА и универсум нашего переулка
ей умиляется. Ротационный станок гудит.

Впрочем, я в типографии не был — может, он дребезжит. Телекамера
греется.

Все получают Деньги. Солнце большое встаёт, освещает Восток и Запад.
Север и Юг у него по бокам, к досаде негров и эскимосов.

Внезапно у нас улучшается настроение — о чём и спешим уведомить
читателя. Но мы кажись отклонились порядком? Минутку; дайте
взглянуть. Да, началось красиво — а съехало по кривой, в злобу дня.
Путь наш общий с читателем: к умывальнику.

Мне — вымыть руки после чернил. Ему же — промыть глаза.

Февраль 1984

ЧТОБ ЗВУК РАСТУЩИЙ ИЗ-ПОД РУК
был так же длинен и упруг
и не ища своих подруг
бы упирался в некий круг
Друзей земли: краёв Небес,
где той –конечности сей бес.

Тебе Григорий с-под венка:
пусть не понять тебе пока
как мощно легшая легка
вовек нелевая Рука
на мне лицо — ещё пока
в лице руки гробовщика.

Тут отпеваньем окружи
поробриком ли оквадрать —
едино сглажены углы,
одна обугленная гладь.
Теперь дружи со мной, дружи.
Пускай умножатся столы

твоих поминок обо мне
и бесконечности блины —
еда, лишённая длины —
во многолетие твоё
послужат полно и вполне
в памятование моё.

РУКА-РУКА-РУКА-РУКА-
РУКА-НОГА-НОГА-НОГА-
НОГА-НОГА-НОГА-ЖИВОТ-
ЖИВОТ-ЖИВОТ-ЖИВОТ-ЖИВОТ-
ЖИВОТ-ЖИВОТ-СПИНА-СПИНА-
СПИНА-СПИНА-СПИНА-СПИНА-

спина-спина-вот-вот-вот-вот-
вот-вот-вот-вот-вот-вот-вот-вот-
порвётся тёмно-красная струна! —
дабы стрела пера крыла
перекрывала, перекла-
дывала вектор, берегла

уж не указывая, чьё —
как изживётся житиё —
поверх поверхности стола
такой заточенной была, —
начнёт сбываться бытиё —
из заточения текла.

Декабрь 1984

КОГДА НА ДОЧЬ ТВОЮ
глядит Твой сын её семьёй
то воздух почвою,
то небо кажется землёй

вокруг души её,
что здесь явилась во плоти —
о не спеши её
навек вынуть из груди...

Здесь жизнь могилою
её невольно облегла,
стоящей с силою
покуда лёжа не ушла, —

какая хилая
ходьба и мощная стезя!
Спи с Богом милая
(когда со мной уже нельзя).

декабрь 1984

ОДА В СНЕГУ

К.

Созданье мокрое морковное
носитель носа своего!
Дитя невинное-греховное
тебя создаст из ничего!

Уж солнце делает полярное
покинув лунную кровать
усилье перпендикулярное —
Земное Царство воевать.

Уже вот-вот звезда Полярная
нет-нет да и сойдет на нет
но пыль ея молекулярная
самой собой устлала свет

Сосна руками вверх стоящая
и рядом ель ногами вниз —
подобье Божие двоящая,
в один образ соединись!

Дурак от водки раздвоившийся —
но протрезвившийся сведись
в зеркало зря, и в нём — смирившийся
смиреньем паче не гордись!

О я бесстыдное всеядное —
и даже смертный самый яд,
поползновенье теплохладное
лежать под тем на чём стоят.

О, сколь быстрее в вызревании
ячмень горчичного зерна —
се из семян земного зрения
растет бельмо и белена.

И всё же есть голубоватое
что углубляется в очах,
оно же — и зимою ватую
во глушь услышавших ушах.

Смотри смотри как скрыто смотрится
в межножье тёмное осин —
соединяющимся смертница
скользящим взглядом проскользим

Его двойной живой севрюгою
той ставшей ставшей льдом водой,
согласно флюгеру — от Севера
и Юга льющей чередой.

Пускай меняется вращением
в доеретическом мозгу
светило с шара воплощением,
столь плоским в видимом кругу

Всё приближённое, прибрежнее
ко всем кто ждёт на берегу,
и эгоцентру центробежное
в своём стремительном бегу.

Всё ближе ближе и так далее,
ведя до самого — скорей
чем сей лесной ещё реалии —
конца земной бумаги всей

где выпадает энно-оное
в составе данное воды
и тает тайное, бездонное
во глубине огня руды.

ХОЛОДНО-ГОРЯЧО

У нея, у нея
тёмно-красный альков
полуя, полуя
вдоль обоих боков

О какая жара!
А спасение в том,
чтоб лился из нутра
пот бы градом, дождём

снегопадом, уже
больше наших миров...
...удивлённо ль скажи
твоя хмурилась бров?
И из тыла любов?

Зарябина во-всю расцветает в глазах.
Закалина всё тело зима на дворе
во свояси чужия аз выйду и ах,
всё лицо уж — по ртути — уже в серебре

Из любых из рубях
и любовью в мирах
между ею и мною поставлю тире.

Октябрь 1984

Я Б ХОТЕЛ ЕЩЁ ПРОСНУТЬСЯ
не смотря ни на кого
троеперстием коснуться
пола Тела Твоего,

попадая мозаично
то ли в кафель, то в сукно
и приветствуя первично
то кефаль, а то пшено

Серебро мешая с золотом
и со золотом серебро,
древо с террою с окладом
да с поверхностью нутро.

(Где — снимает смертник шапку
у ворот святых Кремля,
где — и попадает в Табгху
Нилом пройденным пыля)

24.10.84

ВИФЛЕЕМСКОЕ

...разговор ещё смешной
тот притвор ещё печной,
сквозь трубу в алтарь, к постели
свет упавший (Ангел вставший?)
с новожизненной той ели.

Вот и вышло: толкнул,
как пошло на «или — или»,
латынянин, потянул
бывший еллин звезданул
— а арабы созвездили.

24.10.84

ХОРЕИ БЕГА

— сочинено на ежеутреннем скаку

1. ХОРЕЕМ

Поколений голосила
покалеченная связь:
их ямбическая сила
им бессильем отлилась

У меня ж, поди — мокрота
застоялась, замерла
но гусиное перо-то —
с голубиноного крыла.

Так втыкай в сосну и в дуб же
взор свой памятный стрелка, —
в гроб грядущий! чтоб не глубже
сердце билось языка.

2. ХОРЕЕМ: ПОЛЕМ

Шорох трав, что конских грив.
Да заблеет, как собака
филиоквенный наплыв
Пендерецкого-поляка —

а в пути светло и млечно,
небо скорое свистит,
об отечестве отечно
под ребром, и солнце встречно
мимоходом боготечно
на ланите заблестит.

Выше трав и между древ
и соцветий и соцветьев
наш побуквенный напев
необученный Бехметьев —

что исчадный Чаадаев
не поймёт и не простит:
не смеявшись, не оттаяв
Папе Польстему польстит.

...Так втыкай в сосну и в дуб же
взор свой памятный стрелка, —
в гроб грядущий! чтоб не глубже
сердце билось языка.

3. ХОРЕЕМ: ЛЕСОМ

Шорох трав, что конских грив
да заблеет, как собака
филиоквенный наплыв
Пендерецкого поляка

— не о бабушке-короле,
о всетрупном всеславянстве, —
об обрести себя в земле
в сём конечном всекрестьянстве.

Мы ж не плуг но удобренье —
пусть же нас и своего
Председатель одобренья
шара нашего всего.

Дай остаться хоть чуть-чуть!
Сколь чудесно всё сложилось
меч что в ножны, всё вложилось
и вошло, что Чаша в грудь.

Время, Боже, так легко!
Тягло тяжкое забыто.
Иго в прошлом, далеко,
и ярмо травой покрыто.
О, игольное ушко!
О, верблюжье корыто!

Там горбатуму — легко,
где прямым тепло и сыто!

4. ХОРЕЕМ: ПЕРЕЛЕСКОМ

...Выше трав и меж дерев
да соцветий да соцветьев
необуквенный напев
офицерский наш Бехметьев

бровь, фуражка, тёмный взгляд
и в нагрудный — злее злата —
разночинский скользкий вклад
перочинного собрата,

— а в пути светло и млечно,
небо скорое свистит,
об отечестве отечно
под ребром, и солнце встречно
мимоходом боготечно
на ланите заблестит.

Сколь приятно и пурпурно
слышать гул родных отцов! —
чтоб едва не стало дурно
от зелёных бубенцов.

5. ХОРЕЕМ: ПЕРЕДЫХАЯ

— приближения легки,
отступления ужасны.
Оглащённые громки,
оглашенные безгласны,

оглушённые глухи
— а блаженные прекрасны —

так втыкай в сосну и в дуб же...

6. ХОРЕЕМ: ПО МОСТУ

...По навозу паровоз
Муравей-то по чугулке...
Девка в теле — думка в думке
искушая мух и ос!

Телогрейки костерок...
Носогрейки друг-дымок...
Грусть не плачь — улыбка смейся,
труп костями, пелось, взвейся!

Сколь приятно и пурпурно
слышать гул родных отцов
чтоб едва не стало дурно
от зелёных бубенцов

В гроб грядущий, чтоб не глубже!..

7. ХОРЕЕМ: ДОМОЙ

Кто бы стал бы отвечать —
кто бы дал договорить —
кто бы взялся дописать
чтобы мне бы отойтить —

тот втыкай в сосну и в дуб же
взор свой памятный стрелка, —
в гроб грядущий! чтоб не глубже
сердце билось языка,

— и ответят ртом живым
да сырою мать-землёю
да хореем хоровым
над травкою-муравкою.

Херово.

АВЕССАРАММА

— К. началу весны —

Моих костров твоим кострам
твоих б сестров моим сестрам
моих Петров б твоим Петрам —
слои слова своим словам!

Слови слова своим словам,
своли слова своим словам,
слои слова ствоим стволам
свали ствола твоим травам!

Своею волею слови
соею солою соли
своей сове слави — слоа
стола тлове твоей сои!

Твои твори травы трава,
стойей солви строи стровам
свои слова твои твори,
трои слова троим троам!

Соври солвам твоим товам,
сорви сестрам твоим Петрам,
сори севрам, Авесарам,
треви твоим острам, Аввессарамм! —

ХОРЕИ ВТОРЫЕ
третьи и пр.

1. ПЕСНЯ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Чтоб горела голова
есть Твои огни,
а живые существа
только мы одни.

В птичье тайное лице
братие, взгляды,
о летучем пришлеце
да не соблазнимся.

И тарелка велика —
паче глад велик
Ум в явленье мотылька
верить не велит.

Только в то, что нет (в живых
поле зренья мнимых
как во время яровых
не видать озимых)

То есть в то что есть, не верь.
Ибо будет «срать»
То что нет, собой измерь
ставши умирать.

Да не чувствуй чувств шести
где пяти хватает.
Пусть быстрее начнёт цвести
но скорей — растает.

Ради встречи всем прости
кто тебя оставит.

2. ИНТЕРМЕЦЦО

«Не пиши, ещё дыша:
не поймашь ни ерша
Пой, что пей: вовнутрь в нутро
через горло под ребро.»

«От ребра же будет в пах.
То известный путь и страх.
Что же, пей, не зная, про.
Лей золотое серебро.»

129

3. КОММЕНТАРИЙ

Так учил седой старик
перешедший в некий крик —
тщетно пробуя проснуться,
слух я требовал заткнуться.

...И поныне не нужна
молодому организму
нервность — нежная жена,
превзошедшая харизму.

4. ЧАСТНАЯ ЧАСТУШКА

Хотел вышить по ковру,
оказался — –самолёт!
— ну и пусть себе живёт,
ну и пусть себе живёт

да само пускай поёт
по поверхности плавёт,
а ковёр себе пускай
по отдельности летит.

Сам комар себя кусай.
Сам кошмар себя рифмуй.
Сам ТАШМАД себя счисляй
сам, Исая, и ликуй!

Гог Магога сам бори.
Гоголь-моголь сам мешайся.
И леговший высоко
самолёта сам лишайся.

5. CREDO

Дант помчался на Пегасе
подле моря под луной.
Глядь — пиита на Парнасе
оказавшаяся мной.

Дант Комедию стирает,
улучить хотя момент:
сей скелет перебирает
неизвестный инструмент.

«Слишком слитно уж читаешь»,
поучать желает Дант.
«Знать отцов не почитаешь
не считаешь за талант».

А в ответ сия коллега:
«Не читаю но реку.
В той реке Хореи Бега
не усопнут на боку.

В этом море нет ни члена —
расчленить уже нельзя.
Мне тут павшая Селена
есть и перст и вся стезя.

Что ея родному зову
дно роднее чем поверхность,
то музыка, знаю, слову
чем зыбучая словесность».

ДЛЯ ГОРНА И КОНТРАФАГОТА

132

Оставил
оставил Бог нас милостью Своей
оставил
оставил Бог нас милостью Своей — оставил
оставил Бог нас милостью Своей — оставил
Бог нас милостью Своей — оставил
оставил Бог
оставил Бог
Господь наш Бог нас милостью Своей —
оставил Б —
оставил Бог нас милостью Своей — оставил Г
Господь нас Бог наш милостью Своей —
оставил Бог нас
милостью Своей — оставил Бог
нас милостью Своей —
оставил Бог нас милостью
Своей

У вы
увы нам птицы бедные увы —
увы вам птицы сиции — увы —
увы вам птицы птиции — увы
нам птицы Божии — увы
вам птицы, птицы Божии — у у
у у нам птицы Божии — вывы
вы вы — вы птицы певчие — вьу
вуы буу —

оставил
оставил наш нас милостью Своей — оста
оставил нас Он милостью Своей — остав
ил милостью Своей — ил мил
остью Своей — ил милостью Своей
остью оста
вил милостью Своей — оста ои
л милостью Своей — останои
ю ю юэй
Своею милостью Своей — оей остью
ию остью оэй

оставил бо
нас милостиюю
Господь наш Бог —
сподь нас бою лозэй —

туда
— та-та та-та та-та
сюда —
та-та та-са са-са са-та
то
белый белый белый красный синий
чёрный флажок
сата тасата и
горный рожок! — —

пэ тэ
— выы ам ицы едные — вы э —
у ту ас ицы ичные — пэ тэ —
э тэ нам трубы томные — угэ —
тэ ту ам убы обные — т.д. —
аты —
аы аты урэ тэ-ты лата агу —
и та-та тубы гробные — бэ зэ —
за бы

Оставил Бог —
оставил ми —
вот и — вот и — вот и — во ты — ами
оста-аа
оста-оо
всеми всеми всеми всемивсеми
всемилюстивой милостью Своей
всемилюстивой милостью Своей —
так далее так далее так далее —
всемилюстивой милостью Своей —
так далее так далее так далее —
всемилюстивой милостью Своей
всемилюстивой милостью Своей —
Своей Он нас —
Своею нас —
всемилюстивой милостью всеми —
всех нас всенас —

всенас всенас —
своми свои ствои вмени всени —
Го-о оста —
Бо-о оста
осты о-о
оо а-а

Аа
оо ээ уу ыгы могэ
мммогэ
могэ могэ могэ могэ могэ могэ могэ
камо
камо каммо камммо ккамммо какмммо
какмо гэ гы гыза зузу зыбы
забы
забу

Оставил Он нас милостью Своей!
Оставил Ты нас милостью Его!
Оставил Ты ны милостию О! —

аи
ои аи баи гаи бао
бао баик
банк бэок быык боок аблок
аиаблок
каибалок
балокаи былокуэ бело у лог
у ло у лог
уло улок
те ло тело тэ эл темло у ног —

Го
го го гого
фо
фофо фа фо
ого — фа-о —
ра-о — раго
горо гора
гори — го-ро
раи — рама — гыго рамо раве рава
фа

фа-фа фао
фаот фарон, фарот фагон
гогороф фафарано фафафафа
гэо гээр горэн —
гогогоэр — гогогорэ — гогорэнэ

гоо
оо — оО
энэ энэн эно оно онэ оэн
гооОрн —
фэа фээт фаот —
кон-ту – коко – конта –
контра
ккконт-

135

рррафаготт !

ОСТАВИЛ БОГ НАС НАС МИЛОСТЬЮ СВОЕЙ
МИЛОСТЬЮ СВОЕЙ — ОСТАВИЛ БОГ
оставил
оставил Бог наш милостию Сво остави Бо на миоию О
ставил Бог тавил Ог
оаи о а июию О
всех нас Он наш Он милостью Своей — нас ми
наш Бо
Своми Свона Свости Снови Свобо —
лостию Он Своею нас
оставил
нас милостынею Своей — оставил
нас милостиюю Он нас — оставил
нас милость Он Своею нам —
оставил о!
какие вишни в вышине летят — оставил в! —
какие вишни в вышине летят — осанна в —
осанна в вишнях в вышине летят! — осанна в вишнях
в вышине летят —

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ХОР:

Кто услышит лишь — поймёт.
Паки-паки-паки

пусть всё в ухе и умрёт
 аки лай собаки!
 Ко-ко-ко нтра фа- огот.

Влезь Иона в Китоврас,
 где алкает Алконост
 где лакает воду Кот
 пёс кусает где за хвост
 Образуемый из Звезд
 обрезаемый отрост —
 ко-ко-ко когда-погод...

Эту Крысу, этот Гд
 пусть поймают Крысолов
 выделяясь средь голов,
 чтоб слагал его Крылов —
 ко-фагот.

От! Вот
 трав зелёнка листьев йод
 излечающий зальёт
 оеаюий пролёт
 златоустовой — сюда
 узкой лествицы туда —
 да идёт из ух в уста
 ГьГьГОТ!

О кору истрётся Дрозд,
 утешенье станет трост —
 что соломинка в строку
 тростнику —
 и в полный рост из-под вод
 контррррррррфагот.

кукуку о кэ ука
 — о как сладко исчезать
 на очах Вселенной
 и потомство истязать
 поражать
 замерзать
 раздражая

заражать
пустотой нетленной
ю бренной!

Го-Го-Го —
го-го ГОРНЕЙ
ГОРНУ МЫ НЕМЕЕМ
И УСТА СЕРДЕЦ ПОЛНЕЙ
МЫ ЕМУ ИМЕЕМ ! —

137

Аплодисменты.

22.2.85

ЗА ЗИМОЮ ЗАТЯЖНОЙ
КАК ВЕСНА ПРОТЯЖНА,
И ПРИЕМЛЕТ СВЕЖИЙ ЗНОЙ
ГОЛОВА ОТВАЖНО.

И ТЕБЯ К ТОМУ ТУДА,
И СЕБЯ К СЕМУ СЮДА
ВСЁ ПРИВОДИТ БЕЗ ТРУДА
БЕЗУГОЛЬНАЯ ЗВЕЗДА...

ОТТОГО-ТО В НЕБЕ ПЛОСКОМ
ИСЧЕЗАЕШЬ ЯКО ДЫМ
ОТ ОГНЯ, ЧТО ПОДНЯТ ВОСКОМ,
ОПУСКАЮЩИМСЯ ИМ.

ВДАЛЬ ВПЕРЁД ПО ЖЁЛТЫМ ДОСКАМ
ВНИЗ НЕБЕС ПО КРУПНЫМ БЛЁСТКАМ
ПО ПЯТАМ ПО ОТГОЛОСКАМ
В ТУ ЛИ ЗАВОДЬ ЗАВОДИМ,

ГДЕ ПЫТАЕТ СОЛОВЕЙ
ТЯЖЕСТЬ ЛЁГКОСТИ СВОЕЙ
И МЕНЯЕТ ТРЕТИЙ РИМ
НА ВТОРОЙ ИЕРУСАЛИМ.

Е. Харват

СВЯТЦЫ ЧАДУ
В. и М.

1985.

ИМЕНА
МУЖСКИЕ
И
ЖЕНСКИЕ
НА
РОЖДЕНИЕ
С
ПОСЛЕДУЮЩИМ
КРЕЩЕНИЕМ
ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО
В
МАРТЕ-
АПРЕЛЕ
С.
Г.

АГАПИТ: когда снежок скрипит
— ходьбой не разогнать мороза —
а атрофия собственной стопы
на протяжении разложена тропы
и хаос мыслей выражает мысль Хаоса,
то первый Лествицы пролёт
от бесной до небесной тверди
собуквенник Атлант держащий
внезапно замертво лежащий,
загнулись ветви, сжались жерди
— стой лошады! щебет щепеней! кость костеней! а дерево сильнее
деревеней! ещё не то кристалл воды зальёт.

БОРИС, твой кисло-сладкий ярко-красный барбарис,
став леденцом из ягоды, сосётся.

К груди снегов растительный покров
припал — вот так же враг твой мстительный спасётся.

Снедая Глеба, всё растёт природный склеп.

И я здесь позу горизонта принявши вожделенно всей душой, вдруг
вижу головокружительно, что и порог уже карниз —
вплотную к двери, открывающейся ввысь, которая и
сбоку, ежли вьюжно зимой, что шар наращивает дружно земной — из
каждой ели вырос Кипарис.

ВАРСОНОФИЙ! в Востроносый, если смрадно, глубоко,
искажаешься легко.

То в земле, зато ты в небе — просто с кровью молоко.

Вит — Викентием, Вианором; кто Василий, тот Валент.

Сколько ж мужеских усилий, чтоб родить эквивалент.

А через много быстрых лент, что сплетают век венка,

он будет шапкой несомненной

для всей себя вмещающей Вселенной

в глаза сквозь спадов и затмений облака.

ГАЛАКТИОН молочный,
Гигантий потолочный, — пускай к сосцам Ковша
прильнёт впотьмах душа,
пока ещё свободно
и с сонмом Всех Святых гуляет всенародно
равниной гор крутых.

ДИСИДЕРИЙ деревянный, вожденный иль желанный!
Столь настойчиво растущий, что кору
очертаньем тайным рвущий поутру.
Дай дорогу, сук секомый, топору.
Впредь тебя, друг-знакомый, я умру.
Пусть повсюду наречётся: немота —
звук рекомый, что рвётся изо рта, —
кто в объятья себе ждёт Диседерия,
изнутри откроет райские двери я!

ЕВПЛ. В плаванье вплыву,
в придуманную приду сгустившуюся в груди
на выполненье пустоту.
Смирив волнение, подорву сие смирение в себе.
Ты значишь всё в моей судьбе
и всё ничто в ней отдано Тебе. Былое нет
да поддакнет в Тебе. Есть некий гнет
нависшего в себе; и вот ночник мой
светит в мой дневник, тот свет —
в сей мрак — затем, что не от солнца солнце видит зрак, и отдохнет
ходячее в лежке.

ЗОТИК — отбежало.

ИАМВЛИХ, любитель стих.
Всё любительствуешь ли
в мученической ипостаси
на горе сердец вдали?
Благосклонно ль в небосклоне
наши приняты труды,
иль кирпич мы в Вавилоне
в ожиданье грозной мзды?
...Скоро, скоро, скоро грянет
— а пока всё выше целится и манит,
чтоб в душе уже расплаканной то рассмеялось,
что от будущего-прошлого в ней настоялось.

КСЕНИЯ! в построенном снегопаде!
Наша иностранница в Камнеграде.
Радуйся сей течи млеку сладкой,
радуйся и вовсе снегу,
радуйся, что хлад иссушает реку,
строя по-иному с иною кладкой
Господом непрочно; радуйся построчно —
Имени, что к точке вовек восточно.

ЛИСИМАХ во всех домах.
Перемирья белый взмах.
Только я тут разминаю руку
и зачем влеку я эту штуку
и форму чёрную белому формату
и осязанья снегу обонянья мяту
подмешиваю, и голоса открытья,
что он кричал шептал и напевал —
лишь зубы сжав, способен утаить я:
бескровно наповал.

МАСТРИДИЯ: се твой безвестный мастер.
Мой карандаш стал ярк как фломастер,
кровавый вес руки умножил свой нажим,
в движении плечевом оставшись недвижим. И вот летит
в тебя, исследовательница заграждений плотных,
защитник твой: Алексис — он же плотник.
И фреска натюрморт постит.

НИТ: нет! (чередования жертва).

ОР — развёрнутый ковёр
снежного покрова,
где напоит млеком взор
свежая корова.
Пусть листвы зелёнка в йод
перейдёт гниений —
всё излечно, раз поёт
копие мгновений.
Заодно:

ПАРФЕНИЙ. Иль

РАФАИЛ.

САДОК: судей, людей буруевающих, от бури укрывающих идей,
друг царский, средиземноморский, язык персицкий.
И только передок простится, глядишь — задок в хвосте вместится,
всё шелестится, намокает, свистит, блестится, прямо примыкает
и намекает, Северин, Севир мой строгий, мой Сарвил
мой Самуил богоуслышанный,
Сампсон мой солнечный, Саверий мой Савин,
на имя то, что в солнечном сплетении
ветвей пронизанных течёт из половин.

ТЕКУСА, у, текущая, простая Текуса!
Сосущего укуса что обратного укола —
инъекция кровоанализа, на мгновенье прикаса-
и вновь в исследовательские небеса от человеческого пола.
О родимое, в тебя вводимое — и разогнётся небосклон
и из Тавифы Таврион, и из Таисии Тарасий
из Татианы Татион, и из Трифены Трифон и Трифиллий —
звезда взойдет, куда её не вылей
под льном ли, хлопком ли, где овна топчет слон.

УСФАЗАН: и только дичь взлетит во лбу
и сквозь невежды вежды луч начнёт стрельбу
надежды, друг, когда случайность,
случаясь со зрачком, сверкнёт
внезапней вдруг, чем весь базар пузатый
болгарский с Бухарой, с Багдадом вместе взятый —
то чрез адский огонь чрез тмы гдет и когдат
в русский райский мраз — Хусдазат Хусдазат Хусдазат!..

ФИЛИПП, и ты, никак, прилип
мне к небу, трудный как полип
под переносицей непереносимый,
когда, как многоногому — шаги,
ото вдыхания не различить ни зги
ход выдыхания из-под зрительной дуги
за Дароносицею дориносимой.

ХУЗДАЗАТ: взойдёт назад.
Как я помню сей тот сад.
Было мёртво но воскресно,
был помазан в верхний сан
просквозивший Усфазан.
По-персидски загустело,
по-имперски рассвело.
В заголовок плоти тела
будто млечное взбрело.
Я пытал метнуться в лес, но
вдруг болото помогло.
В НЕБЕ СОЛОНО И ПРЕСНО,
И ВЕСЛО ТВОЁ КРЫЛО.

ЦЕЦИЛИЯ, цель целения моего!
В раздваивании целуемое тело цело.
В сосуде ему потребное винно-хлебно
затем, что уже и проклятое — хвалебно;
что ему вложишь в рот, оно излагает неблагодарно;
дыханье его — соитье, плод чей родится небо,
хотя и живя смиренно и календарно.

ШИО! Средний род Святого в небожительстве его!
Фиолетово исчезнет и моё туда фио.
О как долго зеленеет из лампы жидкий свет
и сильнее в уме неет упокоенное нет.
Как светло, что всё нетленно; всё военное мгновенно,
а душой прикосновенно сразу всё, что есть.
Чтущих благо исчезанья их с собой рукописанья,
смерть бессмертья — из лобзанья прямо примет персть.

ЭЛИЗБАР И

163

ЮГОНОСТ — ненавижу!..

ЯЗУНДОКТА... ты одна мне осталась.
Сколько снега утекло, пока до тебя я добрался,
вот уж и зима прошла, покуда ты открыться мне спешила,
нам навстречу поспешая наподобие утешного птенца.
Как трогательно твоё доверчивое смирение
— я совершенно плачу в свете его.
Ты с течением боролась, как встречный ветер ожидания.
Против вращения земли ты по траектории прощенья.
Ты была, как противник, вся обращена лицом.
Ты хранилась терпеливо под грузом слоёв, которых
не воспеть лика, в единовременности его.
Не прахом же уст, углекислотою ответа.
Яе тебя нет самого меня.
Явность твоя теперешняя — тайна выцветания этих чувств.
Твоим восклицательным именем нареку я дочь моих сублимаций.
Яко верною осталась в иерархии, где кто
сказал Агапит, должен сказать и Борис.
Ты яйцом в конце лежала, а теперь оно разбито, —
знать, не зря моя бежала мышь по краю алфавита.

*Январь 1985 г.
Schleswig-Holstein*

XOP

POMER.

АТОК
К.С. ТЕР

СМЕРТЬ ХОРВАТА И МЕСЯЦЕСЛОВ

EUGENIUS SECUNDUS REX
MAGNI QLIH REGNI CROATIAE
POETA OMNIUM PATER PATRORUM
CONGENIUS. AMICUS ET PA

Хорват, Хорват умер.

Хорват умер, умер.

Больше смерти нет.

Выше смерти нет.

Лучше смерти нет.

Хорвата и нет.

Смерти тоже нет.

Хорват тоже смерть.

Смерти больше нет.

Он пришёл в приделы

он прешёл пределы

где его и нет

до него и дела

нам до смерти нет.

(там осинно осно

там в глазах пятно

и молниеносно

облако одно)

лѣжа лицо и ежи уже еже
трогают травы травы
приукрывающе ниже и реже
боли овал головы

из ображения во ображение,
ототрицание кпреображение
воск воклицания,
воплъ вопрошения
плач от Москвы до Москвы

аура траура,
сауна савана,
вдовии вои вдовы:

БЮЛЛЕТЕНЬ ВЫБОРОВ СМЕРТИ

— отметить КРЕСТИКОМ —

170

	рана	
	в теле урана	
	Петр, Катерина	
	река урина	
	атом плоти	
	атом нейтрино	
	атом ядра	
	бомба ракеты	
	штык револьвера	
	пистолет кистеня	
	топор кастета	
	железо чугулки	
	мина виска	
	бомба разрядки	
	бомба зарядки	
	пуля пацифизма	
	пик коммунизма	
	резиновый газ	
	камень бомбы	бородинская битва
	сахаров бомбы	английская бритва
	хиросима нагасаки	спичка игрушка
	вниз с табурета	о чаше молитва
сон	лампочка тоже	яд смертельный
скорпион	рак сигаретки	пот нательный
горшок балкон	рак дыхания	член модельный
топор родион	кровь болит	сосуд скудельный
скорбь вселенское	нож спины	взор предельный
чресло женское	дорогой товарищ	спор удельный
галстух люстра	зонт дождя	соловьи поющие
юноши солнца	кровяная бомба	птички поючие
беси	кислородная бомба	рак ноги
топкие веси	сердца бомба	рак руки
заводной апельсин, банан	бомба инфаркта	рак радужного облака
хер гулливер	сахарная бомба	тихо в постеле
бородарь старовер	секс-пуля	с кровью на теле
чтение бюллетеня	атомная секс-бомба	с водой на теле

жжение круголовы
отрыв от коллектива
оторвавшихся от
коллектива
гангрень или
иное

зубовная пломба
любовная травма
ром-баба
язундокта николавна
домик в коломне
дом в домне

с вином на теле
с хлебом на теле
с комаром на теле
с животом на теле
с сердцем на теле
я

.....
(ионипо эипъоло 'монрѣ в л иижажу иижедо лонавилъто хи 'ячнѣпо лунинѣе
оп иклетѣтсѣя: динниѣе листы с перѣчисленіемъ ползут с подѣсветкой по)

— — бабочки в белесых
ризах:

1. Хорват умер.
Хорват был.
Был и сплыл,
хорват умер.
Хорват ссал,
хорват срал,
хорват слыл,
хорват был,
был и умер.

Хорват врал.
Хорват рвал.
Он убил.
Он украл.
Он прелюбы сотворил.
Хорват был.
Хорват стал!
Хор стоял,
ват лежал.
Вот и стал,
отбежал.

Отлетел
ват от тел,
отгудел
хор меж нас
и теперь
есть пробел
среди нас.
Либо — дверь.

— — из
оркестровой
ямы:

— — юные
пионеры:

2. Хорват был.
Хорват быв.
Хорват будет быть.
Хорват стол.
Хорват стал.
Хорват станет стать.
Хорват мёртв.
Хорват мёртв.
Хорват Хорват мёртв.

пионеры и
лик:

Вот те раз.
Вот и всё.
Это — всё.
Это ВСЁ,
Это ВСЁ для нас!

— — лик
отдельно:

3. И это — мир.
Это — жизнь.
Се ля ви.
Се есть жизнь.
Си ля соль.
Соль земли.
Милость ми.
Мы го ре.
До ри но.
До Ца ря.
Под ни ми —
и подыдем —

до-поэт.
над-поэт.
под-поэт.
за-поэт.
пред-поэт.
зад-поэт.
по-поэт.
ё-поэт.

до-поэт.
со-поэт.
во-поэт.
хо-поэт.
пан-поэт.
фёб-поэт.
фет-поэт.
сет-поэт.
русопят.
юдофоб.
хлорофил.
целлофан.

блед-поэт.
вред-поэт.
глад-поэт.
град-поэт.
мор-поэт.
хор-поэт.
хуй-поэт.
дай-поэт.
мир-поэт.
кир-поэт.
ап-полон.

од-поэт.
два-поэт.
три-поэт.
че-поэт.
пя-поэт.
ше-поэт.
се-поэт.
во-поэт.
дев-поэт.
дес-поэт.

Мёртв-Поэт.

Я давно уж не агностик, дорогая.
Я теперь уж не агностик, дорогая.
Переживши разочарование в агностицизме,
я уж больше не агностик, дорогая.

Это я с тобою был агностик,
а теперь я не агностик, дорогая.
Уж не исповедую агностицизма
и я больше не агностик, дорогая.

Это быть внизу агностиком удобно,
а вверху уж как-то неудобно.
Я вверху — и вот уж от агностицизма отказался,
и себя к агностикам не причисляю больше.

Думал, «а» — венец, а оказалось — хвостик,
от меж ног уже отпал он, дорогая.
и теперь я гностик, дабы строить мостик
между мной и меж тобой, о дорогая.

А смиренье — что оно, смиренье!
То смиренье было ложно, дорогая.
Гностиков агностики боятся,
истине взглянуть их не заманишь, дорогая.

Приберут их — вот и сами обратятся,
но уж что уж проку, дорогая.
Я ж начну к тебе отныне появляться,
чтоб тебя бы обошла судьба их, дорогая...

РАСПЕВ О НЕОПРЕДЕЛЁННОМ

— Фрадисам в знак —

тела смертной и звездой Астреи
розы где снизу репей, острее
шара тупей, голоднее Хармса
Папы папей и краснее Марса

— а зеленее — просторов майских
а холоднее узоров райских
даже медней экспонатов звонких
тоже — вернее канатов тонких.

он же длиннее дорог мощёных
ежли она же мощей крещёных
тленнее суть, но прекрасней тоже
ибо мгновеннее есть — Оно же.

— — чем незапамятней отдаёшься,
тем незабудущей остаёшься
чтобы кружилась Земля в вертлявых
еретиков черепах костлявых.

где ни преткнёшься на чём придется —
с камня того и начнёт вертеться.

точка ж летит через 8 стадий
нераздвижимых прямой аркадий.

А ЗА ПАРОЙ ГОЛУБОЙ КРАЙ ЗЕЛЁНЫЙ КЛАД ПУСТОЙ
И СТАЛЬНОЙ ТУТ ВОЛГОГРАЙ И СМЕШНОЙ БАХЧИСАРАД
ТАМ ЛЕТУЧИЙ АППАРАЙ ГДЕ ВОНЮЧИЙ ШОКОЛАД
ЖИВОТА ПРОИДЯ ЭКВАТОР ИСЧЕЗАЕТ АРАРАЙ

АЙНЛАДУНГ / АЛЛИЛУИА

приди приди придись
приду приду приду
приди — приду, придись — приду
прийди прейди прейду

придуприди

предопрежди

придупрежду

178

Приди Съ!
— Приду — придусюда, придуюся, придуся, прейдусь
Съ приди!
ПридиСъ и
Съ оедини!

Съедини —
сѣедини Съ —

— и насеедини
— и насоединись
и Съ!

И присоедини, и соесоприди, и сопредоидись, и испредоиди, и

.....
.....
.....
....
...

— ДА-С, ЙЕС, ОЛ РАЙТ, ЗАРАЗ, ЭС ИСТ
сейчас. УЖЕ-С.
Вот есть.

аз многогрешный —
мя многогрешного —
ми многогрешному..

на это место я приедусь.
К тому, такому-то — приедовался бы!
Приедуюсь, обрадуюсь, ВСЕНЕПРЕМЕННО проявлюсь.

Сюда-с

А это место свято пусто!
Бывает, о!

Такое цвета!
И даже пустосвета

Бывает, о —

такого место света пусто!

даже пустосвата
если да!

Да в два конца —
из них —
дуэт привета
поддувает

отсюда

до сюда

нас многогрешных
мы многогрешнии
нам многогрешным — —

(Пст..

из узких уст
для многих исполнителей?)

179

апрель

1985

ПОДАРОК ЮЛИИ. СЕНТЯБРЬ, УЖЕ НЕ АВГУСТ, ЕЩЁ НЕ ОКТЯБРЬ.
ЕЩЁ НЕ НОЯБРЬ. УЖЕ НЕ ИЮЛЬ. ЕЩЁ НЕ ДЕКАБРЬ. УЖЕ НЕ ИЮНЬ.
ЕЩЁ НЕ ЯНВАРЬ. УЖЕ НЕ МАЙ. ЕЩЁ НЕ ФЕВРАЛЬ. УЖЕ НЕ АПРЕЛЬ.
ЕЩЁ НЕ МАРТ. УЖЕ НЕ МАРТ.

(сентябрь не август, октябрь не июль,
ноябрь не июнь, декабрь не май,
январь не апрель, февраль не март,
март не март)

180

ЮЛИЯ, СНОВА: сентябрь, октябрь
ноябрь, декабрь, январь, февраль,
март — не: апрель май июнь июль
август, сентябрь, октябрь, ноябрь.

(Ещё не август, уже не октябрь,
уже не ноябрь, ещё не июль,
уже не декабрь, ещё не июнь
уже не январь, ещё не май)

— Сентябрь на август, октябрь на июль
ноябрь на июнь, декабрь на май
январь на апрель, февраль на март
март на февраль...

ИТАК: сентавгуст окиюль ноюнь
демай япрель феварт мармарт
мараль апварь макабрь июбрь
июлябрь автябрь КАЛЕНДАРЬ...

СКАЗАЛИ, ЮЛИЯ, УЖ ДО НАС!
НО ЧТО ТАМ, ЮЛИЯ, «мартобря»!
ВЕДЬ МЫ ГОВОРИМ: сентавокнояль
декювамфеапарт, говоря:

СЕАВОК НОЮЛЬДЕ ИЮНЯН МАФЕАП!
Март — он март, но САОН ИДИ,
ЯМФАМ САОН ИДИ ЯМФАМ,
а ЯФМАМ ИИАС ОНДЯ — круг!

(Новый Индикт с Сентября иди,
Рождество с Декабря родится.
Спереди, Юлия, впереди,
Пасха — в Апреле. В Марте — Птица)

ОНАНИ ВЕСН

Сим
им
изо всех сам
зим зам
там
сил
сям

Говорим:

— О Говорим,
О Нём Говорим

Он — Говорим

СИМ говорим).

паки говорим!
и паки говорим!
и и паки говорим!
и и па паки говорим!
и и и иии

и раз и два

Об Говорим
Об Ём Говорим
Об Ом говориМ,
ами,

Сам говорим.

МЫ
мы мы
мы —
есмь

ли?

Азм
насм
анас
онас

— ительно!

ПОВЕСИТЬ

ого

(нами:

да

П.С.:

да, ами!

дейтв.?

анананас

Он осн
насс...

НА СТЕНУ
насытися! —

— ПОВЕСИ ПО ВЕСНЕ...
...ВЕСНЯ ОЦ ИСВОД

Март

ТЕПЛО
о тепло

ХОЛО
холо дано

ДАНО ХОЛОТЕПЛО ХОЛОТЕЛО

—теплодно —

ДАНО ХОЛОТЕЛО ХОЛОДАНО ХОДОЛОНО

— телодно —

ДАНО ХОЛОПАЛО ХОПЕТЕЛО ХОДЕПЕЛО ХОТЕПЕЛО

— ТЕОдно —

ДАНО ХОПОЛОЛО ХОТЕТЕЛО ХОПЕПЕЛО ХООХАО ХОХОЛОЛО

— текодно

телопелопеодно —

ХОЛОТЕЛОТЕКЛО

и:

одно плодно чудно гладно бедно бедно предно задно годно вводно нудно адно
тело родно

ПРОНЯЛО —

п р о н я л л о о ! ! ! !

СЕГОДНО!

— пронялоо, пронялоо, пронялаа

гадно

— припоняло препоняло препонялаа

дадно

— да поняло, да поняло допонялаа

радно

— да тепело, да петело, допетелаа

холопопадно

— попопало переполо перепела

ЛАДНО!

ладно!

хло холонакладно

ДОТЕПЕЛО!

(теплопрохладно —

телоприкладно —

ТЕОТРИАДНО —

тепролоадно —

да холопло!)

ХОЛОТЕПЛАДНО ХОРОШОДНО ХОТЕЛО
хорошо дно

но пло пело
ХОРОШО ДНО

но пло холо
ХОРООДНО

но пропошло
но плоходно

ХОРОШОХО

но плорошо

ох,

ХОРОШОПОШЛО!

холо хора харо хово ховро ХОРВАТ ХОРОШО!

185

хорошо плохорошо прехорошо

теплохо холошо прохорошо

СВЕЛО — СВЕТЛО — ТЕМЛО

ТЕМПЛО — ПЕТЛО — ВПЕЛО

СВЕШЛО — ВСЕШО — ТЕШЛО

СВЕШЛОХО — ТЕХОШО

*отлично!
поразительно*

ВЗОШЛО

ДЕНЬРОЖДЕНИЕ ТВОЁ

Идёт из синева —

А глухое ё моё

Спит средь сей травы

Но и Ение уже
К сердцу притеснилось
Сжавши шею чтоб по лже
Щуяя приснилась.

Аки червь сползает хор
В ад держась за вервь
Что ему спускает Орф
Отворяя дверь в.

Дождь обилен яко яд
Прямо уды моя.
Знать, состав его подъят
С Средиземноморья.

Будет ванною питьё,
И сухое ё твоё
Прослезится через силу
В ДЕНЬРОЖДЕНИЕ ТВОЁ.

Как Австралия близка!
И туземцы дети.
Через соску от соска
Йтрально всё на свете

Воскресение Твоё?
Вознесение ль Твое?
Иль Успение Тебя,
Радость Невестная?

Кто ж успеет преж Тебя?
Кто успеет, чтоб не спя
Сквозь ненастие копя
Радуницы местныя?

Тот ли рот вразлад поя
Через силу тленья,
А очнувшегося Я
Тварного творенья

Так и будет до конца:
Зрак простится от лица,
Мышца нового борца
О бедро преткнётся.

Упокоются тельца
Рай во сне проснётся,
Рцем поэтому — и рца
Отрицанье рвётся.

Что даётся то и даждь!
Даже просто это —
От заката чтобы аж
До уже рассвета

Просиявшего — просить
С первого захода
И ресницами гасить
Боль в глазах ВОСХОДА

НА ЛЕДЯНЫХ СВЯТЫХ

еще да еже
твой Шлезвиг от Гольштинии
в дань Дании потянется —
аж сам собой по кругообращению
земли зимою с севера на юг.

НА ЛЕДЯНЫХ СВЯТЫХ

как умилительно канонно
волоколамно лаокоонно
а острие травы трекронно
о-о о ве одеколонно дышит
великолепно

ГОРА

на Ледяных Святых Поклонно
почти окраинно Филейно
Война говядина Музейно
всеПанорамно Колизейно
пред нею Арка Элизейно — Бородино!

НА ЛЕДЯНЫХ СВЯТЫХ

где прадед был твой канониром
у князя Фридриха Всея
Травы и Кользы
Рапса Солода и Ежевики вплоть до
Седых Акул и Сладострастных Угрей

ОСТРЕЙ ОСТРЕЙ

остри органы мусикийские
и прочие органы мусикийские
смотри экраны мусикийския
на ризах Святых у Ледяных
Отец — собравшийся в

Родительный падеж

НА ЛЕДЯНЫХ СВЯТЫХ

бревно очей уставя очно
— зажмуриваючись заочно —
четыре три
два один
0

НА ЛЕДЯНЫХ СВЯТЫХ

весна наставшая
ты персть в душе восставшая
на смуту Пасху напусти
за тучу Солнца заведя
дальнейшее Свое.

КАЙМА

на Ледяных Святых линейно
изобразивши изохронно
и восхваливши полиелейно
кого застигло то застыло
Ы.

И СЛАДОСТНО

дышать родная
любя мятель в начале Мая
когда и где равно едино
раз Темпора есть Сфера
на Ледяных Святых

ТОЧА И ЗАОСТРЯЯ ПРАВЕДНО

кричи в органы мусикийские
вяжи арканы мусикийские
тащи тараны мусикийские
к своим баранам мусикийским
соли и раны мусикийския рода
своего

ВЕРБА УЖЕ ОТЦВЕЛА. БОЛЬШЕГО НЕ ПОСЛЕДОВАЛО.

ДА И ПОСЛЕДУЕТ ЛИ?

СТИХИ 1981–84
не вошедшие в сборники

ЗАМКНУТЫЕ

1

После густого взрыва лучше смотреть на белое
Где в результате взрыва некое птичье целое
Медленно разлетелось, лёгкой повисло стайкой
Но возвратить ей целость можно нехитрой пайкой

Так и твои мыслишки взрывом тоски разбросаны
Снова слетятся книжки, чьи выраженья образны
И персонаж в совхозе ставит ребром проблему
в чьём безупречном просе мы не найдём пробела

2

Мощная груда хлама вечнозелёной зелени
Что это за реклама вечности или времени
Дальше на заднем плане, судя по тени форума
Солнце, а может пламя, в общем деталь декораума

Взгляд не выносит мрамора, даже его обломки
Ибо таится камера в каждом объекте съёмки
Чья душа замирает, надо спросить Юпитера
Кто на кого взирает, кто тут играет зрителя.

3

В окна стучится дождь
Мокнет карниз. Наличники.
Слышен за стенкой дойч
Русские ли отличники
Нудно язык зубря
Ждут своего экзамена
С вечера до утра
Лексику крутят заново.

Петер и <?>
Грэтхен и <?>
Ты за окно глядишь

Где не видать легавых
Не оттого ли крах
Домыслы терпят братные
Это в чужих краях
Местные это граждане.

4

Дутая полудрёма, вижу в тоске сексота
Видимо после взлёта с этого полендрома
Будет посадка вскоре и сознавая это
Данная априори не зажигая света
Чтобы от спящих взбучку
Не получить нашариваю
В душном пространстве ручку,
Точно дверную — шариковую.

ЗИМНЕЕ УТРО

Дверь я примёрзшую дёрну,
в облаке пара
выйду во дворик.
Запах навоза и дёрна,
дёрна и вара
сладок и горек.

Вышел, в отрепья одетым.
Чем ни разжиться,
всё разорвётся
в Днепропетро... или где там?
в Днепродзержинске?
В Петрозаводске...

Снег набивается толсто
за голенища.
Трудно добраться.
Снег в темноте — это то, что
днём — пепелища,
в смысле контраста.

Всё в этом смысле сгорело.
Тлеет и жжётся
жёстко и резко.
Если б ещё и согрело —
или как шёрстка,
или как «Экстра»!..

Эх, недалёко до Рая,
гладки полотна
смертного одра!
Лезут из мрака сарая
ломы и мётлы,
мётлы и вёдра.

ПЛОЩАДЬ ВОССТАНИЯ

Кровель московских
и подмосковных,
серых и плоских,
единокровных

мне, дворянину
в мёртвом колене,
— вижу равнину
в собственной тени.

Скомкав период,
сделавшись тише,
сжавшись внутри от
слёз, отпустивши,

точно покойник,
локоть красотки,
на подоконник
дряхлой высотки

облокотившись,
воображаю,
как, подкатившись
к самому краю

крыш этих ГУМов,
этой рутины,
и не придумав
альтернативы

этого леса,
зримого сверху,
— царствие племса
мысленно свергну.

Дождь продолжается тридни.
В зеркале бесы и злыдни.
Некого потчевать в гридне.
Высуни голову, крикни.

Сделай глагол переходным.
...крикни того, кто в походном
платье восходит духовным
всходом туда, куда вход нам

заперт уже без сомненья.
В схему вводя дополненья,
выйдя из оцепенья,
крикни в глухие селенья,

каркни, как чёрный синоним
твой в копошенье вороньем
ливня, не будучи Ноем,
звёзд не найдя в Посыновнем.

НОВАЯ ГРАВЮРА

Глубинка страны родной,
ширинка её полей,
хитринка в глазах одной
(Маринка ещё подлей).

Здесь спрашивается, на кой,
мужской разумея кий.
Здесь шепт переходит в вой, —
даёт о себе знать Вий.

С полатей слезаешь, хвор.
Продолжить собой абсурд
идёшь поскорей на двор
(не то за тебя поссут).

— чтоб встретилась в темноте
Аринка, чей взгляд хитёр,
её же мандат без «Т»
открыт, словно ты вахтёр.

ПЕРЕД СНОМ

1

Порою кажется: упасть
недолго. И к тому моменту,
как спать пора, дрожу. Но пясть
не дёрнется к медикаменту.

Чернеет нечто вроде нерп
под светло-белым полем Фрейда,
и нет в аптечке прочных мерд
на эти гибельные недра.

Опустошаясь, точно штоф,
жизнь продолжается инертно.
Я предпочёл молчать бы, чтоб
меня не вспомнили посмертно.

2

Мне страшно, Господи. Зане
я не томлюсь в духовной жажде
блаженства вечного; ко мне
Твоё неприменимо также

и наказание в огне, —
письмен перебирая чётки,
что есть оно, шепчу, как не
смерть, уподобленная точке?

И Твой вопрос, сходя с высот,
гнилую почву не упрочит:
— Моя ли музыка бормочет,
твоё ль безумие растёт?..

В.Стесину

И вот синеют василиски
в твоих глазах,
и коченеют обелиски
в людских лесах,

бегут под землю караимы,
таща с собой,
и увлекают херувимы
за голубой.

За этим цветом скрыто войско,
одно на все,
туда струится палец воска,
как буй к звезде,

и там пейзаж уже не двойствен,
там нет кольчуг,
а наш — он родствен или свойствен
глазам пьянчуг.

... Ты подскажи нам, Павел-Савл,
Аббат-Прево,
кто соблазняет змия? — Дьявол.
— А кто ж его?..

Сентябрь 1982

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

*Перекрутив гайтан,
Ангел всю ночь душил;
крестик вонзив в гортань,
смерти меня лишил,*

двери мне в Рай открыл.

198

1

Осень земская. Время прясть.
Время Небу шептать: солги!
Говорливая снизу грязь
пережёвывает шаги.

Время действовать: время плесть,
Вышивать по кашмиру. Ткать.
На незримые стены лезть.
Блядь писать через ять.

Блюдце миром иным вертеть.
Не пускать дружелюбных рук в
круг, в котором расставил сеть
хоровод деревянных букв.

Умирать пора, умирать!
Ты не слышишь? Зачем молчишь?

... Не Святая оттуда — Рать,
а глухая отсюда — тишь.

2

... Тени пробовать вызывать.
Но пленительных голосов
вызываемых молодцов
не слышать.

Так зовут они умирать.
То есть: мреть, а потом пылать.
Но проходим ни рук согреть,
ни узреть.

Там молчать — это значит — лгать
тем, кто пробует здесь не врать.
А пора вам к себе забрать
весь и гать!

Весь распахнутый мокрый гад
жаждет смерти: из мрази в мразь.

... О не плачь, ледяная ясь,
Светлый Град!

3

Как душа начинает гнить,
пышным цветом забвенья цвествь,
тело — словно благая весть,
и ему разрешают: внидь!

Перемешаны ад и Град.
К манихеям уходит мних.
Но как мирятся враг и брат —
не Спасенье ли это их?

И в пути ещё светлый Сват,
а уже отошёл Жених.
Тот, Кто грешному сверху — Свят,
снизу — лих.

... Дай мне, Господи, уцелеть.
Прибери Ты меня к рукам.
Разбери по суставам клеть.
Плеть пожалуй ученикам!..

НА ФОТО СМЕЮЩЕГОСЯ ПОЭТА

И.Бурихину

... Как серебрился последний век, —
брился, ребрился в углах заросших.
Ты улыбался, отставив стэк, —
только козлы заливались в рощах!

Ты совершенен. Тебя — в перфект.
Ты не уйдёшь, а пройдёшь, как эра.
Каждый, кричащий тебе «привет!», —
мнимых потомков твоих химера.

... Что-то я вижу тебе плиту.
Всё-то мне хочется надпись высечь.
Все-то деревья твои в цвету, —
то-то оттуда креста не вычесть!

Сколько ж придется гасить костров,
чтобы на взлёте (прочтут: на взводе)
буквы увидеть твоих пиров,
чёрные звёзды на белом своде!..

21 окт. 82

Жизнью жизнь человек попирает.
Люциферу свой Рай завещает.
Всё прекраснее он помирает.
И как тварей, он руки скрещает.

Да форель ему рот разбивает,
Да рассветом губы розовеет,
Да сама-то её разрывает,
Дышит в сердце и счастьем веет.

И свирель утыкается в спину,
И спина протыкается силой,
И конец осязает малину,
Раз одной мы пронзились осиной!

Покажи мне поэтому вздохи,
Задыши, задыши да и взвизгни.
Если вправду дела наши плохи —
Так не хуже же жизни.

ОДА К ПОКРОВИТЕЛЬНИЦЕ ИСКУССТВ ГРАФИНЕ ГАЛИНЕ ГОЛИЦЫНОЙ

О Джордж, смотри на мать! В сияющем дворце
Она ведёт себя, как весть богиням должно.
Графиня хоть она, но на её лице
Такая благодать, что Афродите тошно.
Ты зришь топаз губы, сапфир же полных щёк,
Янтарь её зубов, но нежно-красный волос,
Которому сама она теряет счёт,
Для речи приоткрыв божественную полость.
Она умеет, Джордж, и слушать и внимать
Тому, кому потом себя уже не вынуть,
Когда она идёт, — о Джордж, смотри на мать! —
Минутам не бежать, годам её не минуть.
Она проста, мой Джордж. На стареньком Рено
Визиты раздавать по страждущим лачугам
И пить с отрогов Альп дешёвое вино,
И тело даровать застенчивым пьянчугам
Она готова, Джордж. Бери с неё пример, —
И в бабочкином сне звенящей жизни краткой
Умея торговать, умей ловить химер,
Кокотку сочетай в себе с аристократкой.
Пускай попасть в полон — войти в её салон,
Но кто бы не мечтал об этом дивном плене, —
Здесь пал бы Вавилон, разбойник же Виллон
Как в церкви не вставал, здесь встал бы на колени!
Когда свой гибкий стан она склоняет над
Художников толпой, над сонмищем пиитов, —
Не Чарский там какой, но самый Меценат
Склонился б, трепеща благих её флюидов.
Забудем ли её? Она из рукава
На жизнь, а не на стол метала нам подарки,
Которые узрев, качала бы права
Проснувшаяся тень сладчайшего Петрарки.

ОТКРЫТКА С ВИДОМ БРЮГГЕ

В уютном этом городке
теперь живёт моё семейство.
Туда поеду налегке
по окончании семестра

в усах, в фуражке набекрень, —
чтоб ахнули сестра и мама,
меня встречая у дверей, —
и — в духе русского романа —

тебя с собою заберу,
чтоб с другом университетским
мать познакомить — и сестру
со взглядом облачным и детским.

Сестрица сядет за рояль
(в окне гостиной будет Брюгге)
и заиграет, глядя в даль,
при этом думая о друге...

Двойную ревность затая,
я жду развития событий.
На вас посматриваю я
во время наших чаепитий.

О, сколько в доме тёмных ниш!
Мне этот факт пренеприятен.
Женись! А если соблазнишь —
тогда дуэль. Пиф-паф, приятель!

ЗИМНЯЯ ИСТЕРИЯ

1

204

Движение началось в ту сторону, в какую никто не ожидал. Никто не ожидал, но все пошли. Все пошли: свечи, отпрыски, принадлежности, вентиляторы, джентельмены. Джентельмены... я тоже пошёл, ухмыляясь, прихрамывая. Прихрамывая, — я тоже человек. Человек лысый, бодрый, умеющий защитить себя от просыпновения под громкую музыку: дорогие радиослушатели! Просьба покинуть помещение. Помещение прочное, светлое, устроенное так, чтобы закрываться снизу, — Кириш велит, Каншат погоняет, Варгафтик правит. Закрываться снизу, от тяжёлого удара в ствол воздевшейся сосны, растущей так долго, что никто и не заметил, как оказался в сквозной тени. Тени, в которую укрываются от импульсивного солнечного света, кроны — от дождя. От дождя, который ещё прольётся, от которого станет влажно, на лице ощутишь словно слёзы, на ногах же — как будто мочу. Мочу золотую от пива, жёлтую от чая, красную от свёклы, чёрную от угля.

2

От угля постоянного, от зимы, безобразящей дорогие черты засмотрения в стёкла, так покрытые плотно серебристым с изнанки. О, объект обращения, не лежи, как бутылка пустая. Стой, как полная, и наклоняйся, как наполняя стаканы свои. Чай с солью, апельсиновый сок с молоком, кофе с виноградным соком, вишнёвый ликёр с огуречным рассолом, — вот коктейли, что нам предстоят. По скользкой дорожке давно я иду, балансируя. По скользкой дорожке, товарищ, и зря балансируя! Салфетку на мне подвяжи, но смотри, не души насовсем.

3

О чёрт, я совсем расторчался! я страшен в молитве! В молитве и стены, и рук не щажу! Я ужасен в молитве, молитве пронзительной, доходящей Николы молениями — моли Бога о мне, постучал! — помогающего лошадям восходящих крестьян на Голгофу бугра, чтобы хлеб привезти! — до Богородицы, Что в Португалии Вся. И сквозь Неё, уже тихо и так успокоенно, что повалиться на землю, не разобравшись-то толком, навзничь ли, али ничком. От Неё, повторяю, Туда, Где совсем уж нельзя находиться. (Там лишний четвёртый). Прости, упрости, прорасти.

Господин, мне пророчество ночью приснилось. Я оракул, ты жрец. Исполняй, что тебе говорят из батареи палящей, покрытой ледком. Приметы её отличительны. Смеситель её перевёрнут. За окном растут люди, если глазами деревьев смотреть. Мне стихи бы писать, а не в этой глуши размоляться. Я ...ю всё глубже и твёрже. Ничего-то нейбёт. Я своё новое имя самовольно в удостоверение вписал, зачеркнув, изодрав измышление родительское. Я хочу предпринять. Сколько планов зреет, и где угодно! Мне Кузьминский напишет из ж. . . , что гений я, гений, и с . . . ь мне не надо! Из лимона своё выжимаю. Восклицательных знаков хочу, ятей в мокрое место одно. Скажи, Константин Константиныч Кузьминский, самодовольно носящий своё именное трико: почему я сбиваюсь на гнусный, поганящий ритм, почему раздуваю меха этим старым азотом? Почему до сих пор я живу, почему я горжуся и мрею? Что я ем по утрам, в чём великий мой срам, почему столько рифм в нашем красном, правдивом, бескостном? И откуда бессмертье в земле?

Я совсем не работаю. Вот поверь, не роблю ничего! Ну, засвидетельствуй — вот он какой! Я и этого не обрабатывал вовсе. Сел, погасил телевизор, поел немного, чтоб на оправку хватило, задумался, огляделся, провёл по лицу. Тут и время пришло, и пошёл я присесть. Вот присел, так присел — как желудком обратно поел пустоты! Люблю себя без прикрас описывать. Пустоты, высоты, тишины. Обратно пошёл, — и сразу, вообрази, напечатал на русской машинке, — потому что, поверь, и нерусская есть у меня. А и всегда так печатаю, не ровнюсь на конторщиков, водящих балетно пером, а корпящих затем над приданием вида, который прилично послать. Сразу, сразу творю, потому что я не на века, а на вечность. На века, это те, что в тужурке чают помещения фото в матроске, затем — молодой, отрешённый, затем же с лопатой и в кепке, под грузом своих «озарюсь» да «опомнюсь», под грузом знакомых, родни, для коей трудился, живаги болотной, мечтают о том, чтоб они (это значит — потомки в скафандрах) — они восхищались: а тоже он был человек. И денег ему не хватало. И мы бы могли, мол.

А вечность не там... Это то, куда то, что забуду, пойдёт. Вечность, это наболевшее у меня. За это место меня не троньте! Прекращаю, пока не расплакался. Но сначала я выйти хочу из морочащей клетки, о коей уже доложил. Ну не в том же ритме в темноте пробираться, и жене досаждать, и дышать, погружаясь в глубокий пол, вырезая из тулова вилку, — вспаханную, как летящую по разъёмистому воздуху. Так смекалисто всё поглядело. Кончится сейчас страница. Проследить прошу, чтоб совпало в публикации. Пропало чтоб в адском огне.

январь 1984

ТАЮЩЕЕ ВЕСНОЙ

...и пишется, растягивается, рассыпается бисером перед свиньями, —
уж не знаю, что и думать. Может быть, смерть Андропова
руки мне развязала? Маловероятно, но правдоподобно.
Или предчувствие Пасхи, наконец вселенской —
в этом году нас календарь слил воедино?!..
Или просто внезапно мне не хватило
пищи духовной, Церкви самой?..
Сказать не решаюсь.

12.2.84

СЕАНС

I

Вот и вновь встрепенуться хочу, морозом по коже Господней пуститься.
Разместить себя за горизонтом стола спиритического.
Дух Пушкина, Ленина вызвать, праотцев тухлых моих?
Или Духа Святаго?

Да и личную душу свою я хочу попросить, чтоб по всей абевеге прошла,
чтоб из букв деревянных собрала мне словцо утешенья.

Свечи, братья, зажжём!

У кого задрожала рука?

II

Переиграна шварцева кость, да радищева карта.
Замусолено всё, ничего не осталось, ты скажешь?
Даже шахматы полный Набоков, царёк, зажиляет?
Чем играть, господа? Ходасевичем тусклым, никак не иначе?
Чья середность таланта именуется «сдержанность» ныне, и в моду
влезает?

Это проповедь средней руки, это Бродская ГЭС разночинцев.
Мы восторга хотим, а не трепета плоти дебелий,
не иронии дрябло-ленивой, угол тела, улыбку кривящей, —
неполноценности самоотвод не пристойнее мании лика!
Таково нынче время, точней — полоса: составляем программы (погрома).

III

В Бурихинской шинели или в куртке,
в чапаевской будёновке иль бурке ловить ли Сивку?
А то с Виссарионовской чахоткой задорной разночинскою походкой
ходить на Невку?

Потягивать вишнёвую наливку, весною прибывая на побывку
ах! офицером?

Кидаться гимназистиком на девку?

Эсером ли сходить ли на дневку в таком-то сером?

За Нос держаться? В гробе облажаться? Архангела, как нечисти,
пужаться?

Скубентом быть в перенесённом Дерпте?

— ИСКАТЬ СЕБЯ В БЕГУЩЕЙ ТОЧКЕ СМЕРТИ.

1983/16.2.84

Я к толще звенящей,
прозрачной, зелёной, путающей,
нас всех единая
друг с другом и разъединяющей,

210

германской, романской
поэзии всей вавилоновой,
славянско-исламской —
рабыней прижмусь аполлоновой

и мраморным лбом
я пробью наслоения явленного,
— гусиным пером
с крыла голубинового, ангелова.

17.2.84

Доживу до смерти без помех —
поплыву к могиле в облаках:
вот меня и носят на руках
прежде поднимавшие на смех
человеки, что передадут
Ангелам — что Богу предадут.

По числу сторон, обставших мя,
молча распрощаюсь четырьмя
строчками, моляся, чтобы Три
выплыли наружу изнутри:

- МАЛОЕ СОЗДАНИЕ МОЕ!
- ВЯЛОЕ СТРАДАНИЕ МОЕ!
- ВПАЛОЕ ДЫХАНИЕ МОЕ!

Февраль 1984

В. Панэ

Стихотворенье с краткой его строкой
оставляет белые пятна в отличие от прозы,
целиком заполняющей лист, как топография после
всех путешествий и запуска спутников, разделивших
человека надвое для взгляда на себя извне.
Всё же остались тёмные междустрочья.
Светлые, то есть. Воздух, входящий в щели.
А ещё сквозь «о» и «а» продувает,
и закутаться в тёплые согласные звуки
велит Господь Своему ребёнку.
Вот наше азбучное, застойное, избяное,
в чём остаёмся мы, выходя из дома,
в спинку скамьи вращая ещё спиною,
ставя уже ступню на ступень подъёма.

О А О Б О
О В О Г О
О Д О Ж О
О Ё О Ж О
О З О И О
О К О Л О
О М О Н О
О О О П О
О Р О С О
О Т О У О
О Ф О Х О
О Ц О Ч О
О Ш О Щ О
О Ъ О Ы О
О Ъ О Э О
О Ъ О Я О

ОКОЛО

стихи 1976–80

ВВЕДЕНИЕ

Пусть на хорошей бумаге написано про
всё, но из тысячи слов, перемноженных тряской,
«не прислоняться» — читаю на стёклах метро,
на перегоне от Сокола до Пролетарской.

Если состав покидает пределы нутра,
сразу по всем падежам начиная склоняться,
значит, подавно — к снегам ледяного утра,
к замоскворецким окраинам — не прислоняться.

Поручни, кресла, листы с паутинами схем,
с мухами и мотыльками для жителей юга;
наши ремни при сближенье неведомо с кем,
как при нехватке продуктов, затянуты туго.

Сколько составит локтей расстояние до
следующей станции, после давно предыдущей?
Каждый стоящий стоит в ожиданьи Годо,
по направлению к Свану шагает идущий.

И на вопрос пассажирки, — выходите на
следующей? — не обольщаясь, отвечу, — едва ли,
ибо снаружи уступит любая длина
той, что мы с Вами проехали в этом подвале.

ОКОЛО

1

Гуляют сладкоглазые карелки
по городу, замеченному в небе, —
недаром появляются тарелки
над вкусною кастрюлею Онеги!

И улицу, написанную краской,
но углем обведённую по краю,
не отличил бы я от ленинградской,
была б за ней ещё одна такая.

2

Обманчивой фигурой возникаю
в виду кого-то, зрящего с тоскою,
и, чтобы не остаться, не вникаю
в холодные полотна Петроская.

Как хорошо, что умные умельцы
здесь крутят не варенья, а соленья,
и что судьбой нанизаны на рельсы
такие мимолётные селенья!

3

Бегут названья. Следуя за ними,
я понял на пути удешевлённом:
ландшафт, носящий собственное имя,
ещё нельзя считать одушевлённым.

Не впору нам, чужбины наши близко,
и оттого я нынче погибаю,
как скорый поезд длинный дом без риска,
карандашом страницу огибая.

Вся местность — в глубине озёрных впадин
и в археологических раскопках,
заученный кружок светила даден
в густых фигурных ветках, будто в скобках.

И различимо в каждом птичьем клюве,
взлетающем с накатанной дорожки,
по розовой засахаренной клюкве,
а может быть, по ягоде морошке.

ПЕРЕЛОМ

С.

На льду, где не подстелишь поролона,
оставь расписку в получение травмы,
приди домой и к месту перелома
прикладывай дымящиеся травы.

Пусть ни о чём не ведаёт подруга, —
придётся скрыть своё лицо в подоле,
и будет осветлён, а не поруган,
ваш крест непрекращаемостью боли.

Нет лепестков у запаха ромашки, —
деталь абстрактна. Целое конкретно.
Зачем сигналист о твоей промашке
в подъезде медицинская карета?

...Прошла пора поддельных школьных справок,
настало время веской бюллетени,
и ты запомнишь, слева или справа
в тебя огни магнитные летели.

...Всё это, что с твоей бумагой вкупе,
должно быть так устроено в природе,
как тёплая свеча в стеклянном кубе
у продавца цветов на повороте.

Пасху встречаешь в постели с ангиной.
Столько угля и пастели с сангиной
в мире потрачено нынче не зря;
сзади прошедшее в ломаных копьях
или в пустых соломоновых копях,
спереди то, что при дамах нельзя.

Римского Папу светская свита
учит веселью, забросив латынь;
резкие гнёзда под крышами свиты, —
видно по пуху, что в небе не квиты
с классами классы и с видами виды, —
это красиво пером золотым.

Вместе с другими охота смеяться;
подняты шторы в пустом кабаке,
поздно мы лечимся постным от язвы, —
всюду скромные поданы яства,
луковым цветом окрашены яйца
во избежанье цыплят в табаке.

...Дружеским локтем и братским плечом
дадено знать мне, что я не при чём.
Тусклого неба рисунок наскальный,
запах изюма и жёлтый пасхальный
стол круговой во главе с куличом.

Богово Богу, а крохи для птах,
на подоконниках ждущих с опаской!
Нам же — лишь форму с творожной пастой.
Дни перед Пасхой кончаются Пасхой, —
всё хорошо, что кончается так.

Начни писать, ни более ни менее,
о том, как ты в мехах гуляешь по двору
морозного январского имения,
подробное меню диктуя повару.

Дитя бежит с антоновкою крупною,
жена внутри читает предисловие,
и небеса в лицо не сыпят крупкою,
но высятся, как Божье изголовие.

Пройдись по дому комнатами жаркими
к камину с догорающими углями,
покинув кухню с пухлыми служанками
и детскую с лошадками и куклами.

И в тишине за крепкими настойками
понятно станет, что и в этом возрасте
при увлеченье играми настольными
не обойтись без старческой нервозности.

ВТОРОЙ КИШИНЁВСКИЙ ТРИПТИХ

1

Водою в замерзающих ушатах
приветствие стоит во всех ушах.
Я ощущаю лёгкость рук разжатых
и тяжесть ног, соорудивших шаг.

Куда всё делось? Бог тому свидетель,
здесь было раньше, в суете мирской,
при встречах не до пуговиц и петель
ни вам, ни мне, ни швейной мастерской.

Вы спросите: «Ну как у них» — Неплохо,
а как у нас? — спрошу я вас в ответ.
Увы, за срок от выдоха до вдоха
изменится и тема и предмет.

И доживём в разлуке до такого,
что щурясь выходя на белый свет,
«Ну как у вас?» — вы спросите. — Херово,
а как у вас, — отвечу вам в ответ.

2

Как весело письмо в руках помять,
воззрять кривясь на трёх себя в трюмо!
Понять, что стало дорого как память,
что было близким по себе само.

Меняться нам, что дням чередоваться
и красным рыбкам в баночке пруде,
и три, и два, и разочароваться
как хорошо в таком прошедшем, где

где даст себя обнять цветов охапка,
где речь моя ни к месту, ни к селу,
где вешалкой отброшенная шапка
под кошкой станет кошкой на полу.

Теперь любой предмет — источник страсти,
любая вещь измены не простит.
На всякое промолвленное здрасте
бросаюсь, как ворона на блестит.

3

Не одинок живу я, но исправлен,
со вставленным адамовым ребром,
отправлен, и отравлен, и оправлен
конвертом, ядом, тусклым серебром.

И ныне завершая эти вирши,
верша размет последнего вершка,
я подымаю голову и вижу
сухие лапки солнышка жука.

Не постою за утвержденьем резким
и поручусь на вечные века,
что мало в жизни пресного, и не с кем
кусать вдвоём от пресного куска, —

рукой на Книге, честным пионерским
и знаменем гусарского полка.

так уж конечно наверно всё в мире устроено
так это сказано сразу, однако не все
могут понять, что любое движение устроено
именем Бога и буквенным символом ээ

даже в россии где ветхозаветная Троица
близится к дому, слышав живой разговор
дверь, занесённая снегом, не прежде откроется
нежели зубы покажет высокий забор

(грустно страницу застать на герое покинутом
выйдя с мороза в покой своего закута —
движется ижица слепо моргает фита
кажется десятеричное і опрокинутым !

ДЕЙСТВИЯ

А вот и комната (жилая),
Стакан (налитый), пачка (полная),
Литература (не подпольная),
И всё, чего теперь желаю, сводится

К тому, что есть в наличии. Непросто
С подобной ситуацией освоиться.
Где лучшего искать? Где стимул роста?
Или, по крайней мере, стимул стимула?

Зачем пришла ты вновь? И на фиг вымыла
Посуду? Свой последний навык
По милости твоей теряю,
Когда, не мыв, перетираю

И ставлю в шкаф. О, как навязчиво
Приучен я инстинктом половым
Довольствоваться местом боковым
Для твоего, судьба, удобства вящего.

ЗАПИСКА НА СТОЛЕ

Фортка. Конфорка.
Сковородка. Коробка.
Сервировка.

Осточертела эта бытовка!..

С неба свешивается верёвка,
чтобы по ней взобраться, — или
повиснуть. Совесть меня не грызёт:

Божья коровка
и без меня принесёт
всё, что просили.

ПИСЬМА ЕВГЕНИЯ

*«Прошлое характеризуется не понятием появления, а
понятием бытия. В прошлом исчезают, но не появляются.
Жизнь идёт на стыке прошлого и будущего.»*
А.Зиновьев

Обращено к В.П.

225

P.S. Ты прав, письма писать не стоит.
И если циник, скептик, стоик
пером расшатывает столик,
подвергнув риску полуштоф,
и жизнь под ним, что стул со скрипом, —
посланье остаётся скрытым,
но появляется постскриптум,
да и конверт почти готов.

Страницу начинают сверху.
А я не начинаю — ergo
теряю правильную мерку,
оставив белыми верха
от дефицитного in quarto
но если б, говоря приватно,
вели не так евреи карту —
не состоялось бы P.X.

13

Не будь сражения при Калке,
где наше дело сорвалось,
то ё... простите, ёлки-палки,
очнулся б я русоволос.
Не помогло и Куликово,
где мы разрушили оковы, —
спасибо отражённый тать
нам не успел навечно дать
два имени — с наташкой колька* —
делящих истоиво по гроб,

* «А это по-татарски... женщина - Наташа, а мальчиков они Кольками кличут...» (Лесков, «Очарованный странник»)

не ведая другую дробь,
напополам с натяжкой койку.

Итак, скорей любовь, чем цвет,
итог спасительных побед.

12

Истории, однако, нет.
Пророчествовать нам не след,
пусть при наличии сноровки
возможен групповой портрет,
где свёкры, шурины, золовки,
а позади суровый дед, —
но с точки зрения концовки
нельзя рассматривать сюжет.

Вот под ботинками — развод
моста, и если есть ОСВОД,
то, видно, дальше, чем трясина.
Не разглядеть руки, лица
к отцам ушедшего отца
и неродившегося сына.

11

Батый — основа бытия
в начале, так поспешно данном,
Мамай родная мать моя,
а вдруг семья за Иорданом?
Не то, что я в нагретой нише
порой держал открытым Ницше,
что часто комнатный уют
ведёт к рождению Иуд, —
сие готовилось заране,
когда от пенья соловьёв
мне был создатель Саваоф,
а не спаситель Назарянин,

И в небе высится церква,
где крестик между дважды два.

10

Мы превозносим имя Бога
со строчной или прописной,
но произносим «ради бога»,
«ей-богу» или «боже мой».
Ах классик, лучше не таись, —
ты был, родимый, атеист,
а гимн российский — ну так что же!
Пускай Царя хранил бы боже,
ведь не был же тебе дороже
своей рубашки сей девиз!

Не позавидуешь судьбе
твоей — всегда большое Б
и Г, и всяческие яти,
когда чернила есть, писати.

9

Конечность англицкою тростью,
цилиндром голову продлив,
в целинном мире об устройстве
начнёмте думать, не пролив.
Не зря ж мешала тётя Клава
с водою в полумраке клаба
нам «Жигули», точнее «ВАЗ»,
что современнее для вас!

Так день окрашен солнца краской —
оно удачней всех удач,
но после всяческих поддач
нельзя, блестя повадкой графской,
блюсти простой канон — увы
и ах! — онегинской строфы.

8

Образования зачатки
мы получали на «камчатке»,
что суть не Кольский полуостров,
куда нас издревле вело
стремленье сохранить апостроф
в своём исправленном фио.
Глядишь, оттуда на коляске
прокаатишься к самой Аляске,
но всё же лучший плод раздумья —
подпрыгнуть чуть повыше дюйма,
земли ногами не касаться,
и, как Коперник, оказаться

вдали — но висни, кроме шуток,
иль больше, или меньше суток.

7

Не развлекаюсь я. Чего все
так думают? Не худо вовсе,
когда заместо аз и буки
слышны повсюду буги-вуги,
целующие губы, дуги,
засосы млеющей подруги.
на типографской полосе
переродились буквы в звуки,
остался зуд от павшей мухи,
звонят колокола в овсе.

И кто бы мог восстать и сеять,
как Гвворил ученикам?
Ведь изречённых слов не сэрить,
на лицах места нет щекам.

6

Дома на цыпочках. Врата —
вы угадали — на цепочках,

Мы ждём кольца с голубки в почтах
и счастья тогда, когда.

И наш порядок заведён,
как будто дильник заведён,
и сквозь теченье дён со дна
всегда белеет без пятна —

И мы живём, не беспокоясь,
не зная тайны, ни уловки,
за что и поголовный кодекс
нас часто гладит по головке,
и есть определенье сроков
по расписанию уроков.

5

Любые две минуты — минус
из жизни, если ты курящ.
Особая, выходит, милость,
когда трамвай дробит нам хрящ.

За это вы меня простите,
спокойно действуйте, растите, —
ведь всё случайное общо,
и сводится «уже» к «ещё»,
ужи к ежам в писанье сводном,
и с выражением зевотным —
всё то же, что с открытым ртом
весёлый миф, весомый том

читать, питаясь молоком
и оставаясь земноводным.

4

Ах, сколько нам пророк Илья
принёс, по присказке, гнилья!
Уста, и ставни, и ворота
разжала долгая зевота.

Следи за действием игры
не пятерни, а кулака,
за лемехом стальной иглы
от бугорка до бугорка, —

и почв крутящихся пласты
старинных записей, фокстротов,
дорожка рыхлой борозды
за семьсят восемь оборотов,
и круг вокруг — кусты, кресты,
полынь полян и огородов.

3

Скакать ко Флору или Лавру
нельзя, а только к ним двоим.
Но, жаждой выбора томим,
из флоры я бы принял лавры,
из фауны нездешней — фавна
с короткой дудочкою славной,
с копытцами через поток
переходя-неся-цветок —
подобно Павлу, святой свиток
творительного падежа
полузакрученным держа,
а лучше твёрдый райский слиток,

звнящий около бедра,
что ключ брадатого Петра.

2

В стихах используя издёвку —
ты это знаешь без меня —
скрываю грустную поддёвку —
ты это знаешь без меня.

Я одинок вполне, как всякой,
к тому же, будучи писакой, —
меня от гибели спасла

лишь неустойчивость числа, —
один я, но дорогой длинной
я на своих двоих хожу,
и если сам я закажу,
нас трое выпьет водку в блинной, —
за стойкой. Молча. Видит Бог,
не выходя из четырёх.

1

Но обнаружится изнанка,
обратный замысел письмен,
и точка мир начнёт взамен
литого прописного знака.
Нам память, словно Моисей,
рождение — гаснувший прожектор,
идёт навстречу жизни всей
воспоминаний длинный вектор.

И да простится мне подлог,
и что А.С. великий слог
я ставлю на голову с ног:

,ливарп хынтсеч хымас ядяд йоМ
ливатсаз ябес ьтажаву но
;гом ен ьтамудыв ешчул и

Посвящается О!

1

Я вижу сначала колена
твоё, выходящее из
атласного чёрного плена,
и я восклицаю: продлись,

контрастная роза со стрелкой
чулочной, сбегаящей вниз.

2

В стране восхищённых Алис,
где каждая крупной, то мелкой
становится, не покидая
заполнивших сцену кулис, —

как чудо уступчивой плоти,
тебя обниму, не гадая,
какою ты будешь в полёте.

3

Ты сузила мой кругозор,
и я, становясь элеатом,
во имя недвижных озёр
все реки отринул. Ты атом,

в котором уже ничего
вовек измениться не может,
и светлая воля Его
тебя на вселенную множит.

Ты не в зазеркалье. Ты здесь,
тебя получается пара
когда перед зеркалом сесть
досуг выпадает. От бара

до дома идёшь ты одна
со мною, но зеркало в сумке,
ты стать неизменно вольна
двойною в законченной сумме, —

тебе это, впрочем, не надо.
К тому ж, не достанет помады
мои поцелуи скрывать,
и туши для глаз. И кровать

не грезится грязною тенью,
чтоб вновь ты по праву могла
найти Бытию подтвержденье
на белой пластинке стекла.

1

Природа вовсе не плоха:
жужжит трава, летит блоха,
чужая дама, облака-
чиваясь на перила,
в то, как летают облака
белей любого балыка,
в стекло лорнета, свысока,
свой томный взор вперила.

Везде пролез косматый бес,
чем больше дров, тем реже лес,
чем гуще лов, тем чище плес,
когда ты рыбку удишь.
И не укрыться под навес!
Орнитология небес
включает солнце, и не без
других крылатых чудищ.

2

Приятно плавать по реке,
расти попарно в парнике,
но жарко бегать в парике
разгорячённым слугам:
они не видят ни фи́га,
пока готовится уха,
следа, чтоб не прошла труха
в кастрюлю вместе с луком.

Но, господа, обед готов!
Сегодня был хорош улов,
рассядемся без лишних слов
на круговой полянке;
пора налить аперитив
тому, кто, всех опередив,
неугомонен и ретив,
отстёгивает лямки.

3

И пусть прославят три глотка
союз крючка и поплавка,
и чтоб не сглазить, три плевка,
и стукнуть по осине!
За вечнорозовых наяд
несуществующий наряд,
за обращение на «я»,
введённое отныне!

А также крепкие глотки
за экивоки и кивки,
за памятные узелки
и все обряды флирта,
и может, главное — за то,
что негде спрятаться, зато
игра нас не доводит до
ненужного конфликта.

4

Теперь давайте на пари,
что сколько солнце не пали
и сколько души не дари,
придёт конец потехе
...и сколько чуши не пори,
и сколько задниц не пори,
и в огороде не поли
ромашку для аптеки.

И напрягается скула:
собачьи лая и скуля,
вокруг мотается пчела,
безжалостно жалея.
Её ничем не устыдить, —
чело придётся остудить,
себе спасение суля
под знаком Водолея.

Но на кого потом пенять?
Ах, ничего нам не понять!
Мы не умеем обонять,
а нюхать непристойно.
И несмотря на сей запрет,
смотря в душе на Божий свет,
который можно загонять
везде в стога и стойла,

я полюбил его с тех пор,
как у зелёного леска,
меняющего свой убор,
под дубом стала мне близка

прекрасная Манон Леско, —
как всё на свете мне близко.

Воротилась сюда Золотая Орда
словно осень, и это времён чехарда,
а всего вероятней — ландшафта.
Диалектику мы не по Гегелю, но
прижимая пружину, увидим звено,
карусельный кружок и лошадку.

Предпочтение Баха этюдкам Черни
неуместно, когда мы не обречены,
и рука, что дрожит с перепоя,
над берёзой клавиш постыдно тверда,
потому что для нас Золотая Орда —
ерунда, если без перебоя.

Нелюбимая ты ли уходишь сейчас,
о распаде моём неизбежно печась,
как печётся картофель об угле, —
понимаю вполне, что хоть в оба свисти —
но к сему невозможно страданье свести,
как страница не сводится к букве.

Побуждение выйти по малой нужде —
верный ход к исполненью мечты о дожде,
как и слёзы. Подобное сходство
всё на свете подарит и всё отберёт,
и пойму, что искусство простой оборот
на медали обычного скотства.

А потом захотят мою душу спасти,
и беспечному телу придётся пасти
по ночным переулкам занявших посты
в ожидании тихой команды.
И деревья везде остаются пусты,
точно перед арестом сжигают мосты,
потому-то мне в руки с ночной высоты
оппадают эмблемы Канады.

ИЗ ДНЕВНИКА

1

Посетим кабачок под названием «Крама»!
Посидим в этом ярком подобии храма,
где сзывают к обедне обеденным гонгом —
припадать к заливному и красным иконкам.

Ты свечу, как дровами, бумагами топишь.
С каждым часом темнее становится, то бишь
бывший свет заоконный сдвигается к окнам,
и в летящем снегу не разъехаться конкам.

2

Разработанной теме нужны варианты.
За стеной нерушимо стоят фолианты,
и бежит перекрёстков седеющий ловчий,
и крадётся степною тропинкою волчьей.

Как единственный ключ в громыхающих связках,
отыщу своё имя в заснеженных святцах,
обнаружу его за дверным переплётом,
словно светлое небо ночным перелётом.

3

Помоги мне Господь потонуть в сантиментах! —
измеряя дорогу мою в сантиметрах,
где я числюсь за номером пятым в разбеге
среди ног и колёс у собачьей телеги.

Кто-то кистью руки в отдалении машет,
будто кистью картину последнюю мажет,
и щека в бороде — от мороза и мошек —
к поцелую чужому привыкнуть не может.

15.11

1

Язык хранит ноябрьскую хурму,
которая лежала к моему
пятнадцатому возле обогрева, —
вольно ей было пахнуть, дозревать,
покровы ожиданья разрывать
для чёрного зажмуренного чрева!

Запомню — день рожденья и хурма,
и к телу приближается зима,
и движется к зиме ночное дело,
чтоб там, внизу, у пыльных батарей
всё явственней, всё чище и бодрей
хурма, гуртом наваленная, рдела.

2

Хамящего лакея отругав:
— Салфетку перекинь через рукав,
одёрни фрак, воротничок поправь,
пробей в дверной звонок к началу травли! —
ковры в гостиной туфлями поправ,
одёрну фрак, воротничок поправлю.

За стол садятся прадеды, деды,
отцы, сыны снуют туды-сюды,
но им лишь по тому, как хлещут водку,
как сыпят соль, как режут поросю,
нельзя давать оценку, как нельзя
о съеденной овце судить по волку.

3

От горьких ощущений вкусовых
и от проверки личности на дых —

хурма привносит спиртовую примесь —
на кафельную кухню ухожу,
и там самоубийце укажу,
какой разжечь работающий примус.

Куда мы, дамы? Ваши господа
так рано и уверенно — куда?
Мой друг, моя любимая — куда ты?
Не <ну>жен праздник буйной голове,
чтоб чётко обозначить обе-две
решающие кругленькие даты.

Наружу посмотришь — за ночь намело,
всего-то пейзажа — картина Мира,
одни запятые да точки.
Так вот оно что! Очищение чела
приводит декабрь ещё со вчера,
слова составляя в рядочки.

Но, выставив раму, Твой утренний текст,
помилуй, не я прочитаю, Отец,
пускай безрассудно и всуе,
пускай мне такая свобода претит, —
свой собственный, свой неуместный петит, —
в снегу за Тебя нарисую.

Слова мне сегодня поможет обречь
разлука, и времени будет в обрез, —
уже оголилось запястье,
хоть полная мощность приёмника в честь
того, что настало рабочее «шесть»
ещё остаётся в запасе.

И прав снегопад, что должны быть редки
фигуры при честной игре в городки,
руке не прощается шалость.
И только нетвёрдая воля утра
да спитого чая ночная бурда
к победе моей примешалась.

Не в цель попадая — то выше, то ниже —
целую зажжённую лампочку в нише.
Сегодня придётся поплакать не в строку,
и в этом не будет особого проку.

Фонарики вроде цветного горошка,
глотает копейку стакан газировки.
Состав растянулся, как будто гармошка,
и грезится пешке конец рокировки.

Конец рокировки, начало посадки,
смерзаются в хлопья ночные осадки,
на доски закуской льётся какао —
коробочка спичек с анализом кала.

Ах, вольному воля — отныне хоть пой ты,
хоть слушайся, если положено, старших.
По снегу летят длиннополые польта
сперва отстающих, а позже отставших.

От звона чаёв до вагонного лязга
в любом из квадратов далёкой поездки
шумы — как забытого злая огласка
для выдачи тела по первой повестке.

Стрелками веток сверяются скверики,
контуры глаз образуют мосты.
Мелкою сошкой сбегая к Москва-реке
по золотой середине Москвы.

Скудные годы улучшенной выделки,
пестрые, словно дубинка мента.
Сквозь снегопад — олимпийские видики,
как и улыбка — под снегом бинта.

В этих условиях явная выгода,
если гортань остаётся суха, —
полный отказ от возможного выдоха,
выход на станции ВДНХ.

Дым берегу в одеяниях ношенных,
молча стою под воротами сам,
или, по-русски, один-одинёшенек,
как бы сказал бы народный ансамбль.

(К Алёшке)

В глазах пестрит разнообразный тлен,
движение разрозненных эвглен,
гербов, значков, наколок и эмблем,
рукою проведя по лбу мадонны,
очистишься на миг, и тем черней
начнётся копошение червей,
и всё же в этом мире нет проблем,
покуда есть надёжные кордоны.

В сознание скачет медленный возок,
идёт снежок, и прячется ездок,
назло закату высится Восток,
назло восходу ненавистный Запад,
и бегающий глаз глядит в глазок, —
и дверью по лбу, ибо вход не заперт.

Сонет двадцатый едет вкось и вкривь —
святой венки и всё же апокриф,
летает в облаках гитарный гриф,
стервятник плачет, тушу обагрив,
а то, что называют слов набором —
работа в типографии, и с тем —
всего лишь совмещение систем,
сминаемых дыхательным напором.

На пальцы нержавеющие дуй,
ладонь — причина кулаков и дуль,
вбей в голову лепечущую дурь
и бегай босиком по самолётам,
глазей на лужи в аэропорту,
но только, ради бога, не на ту
154 или что там,
не корчи без билета сироту.

Сужая расстояния размер,
взгляд производит правильный обмен,
предпочитая целому подробность:
фонарный свет — на битое стекло,
дыру в пальто — на вату и сукно,
пятак любви на золото измен,
на сотни синяков ночную пропасть.

Когда у всех расстёгнуты штаны,
то в этом нет усмешки Сатаны,
несчастному нечистому напортив,
ты с противоположной стороны
вдруг замечаешь, кто стоял напротив.

У тела не отрублена рука
для творчества, но чаще для щипка
за розовую задницу, и надо
заткнуться и внимательно смотреть
в стакан, уже опорожнённый на две,
но всё ещё наполненный на треть.

Не мечтать о канарейке и ковре.
Было скользко в Кишинёве-декабре.
Кишинёв, нам было холодно двоим
пред законом и обычаем твоим.

Нам не грезилось спасенье от тоски
в тесных лифтах, в переполненных такси,
в том, что ключ под ледяным половиком
мне вверяли те, кому я был знаком.

Ты боялась приговора в городке,
где чужие и свои накоротке.
И в московских неприветливых Филях
это было, оставаясь на полях.

Ты узнала за беззвёздным коньяком
всё на свете обо мне и ни о ком.
Ах, тоска, произведённая в АРЕ,
разошлась ты в Кишинёве-декабре.

От твоих скрипучих улиц до волос
мне понять тебя на время довелось.
Так же ясно пятью пять, как дважды два.
Губы разные, но схожие слова.

Чижик-пыжик, закружилась голова.

Стены без крыши сдаются внаём.
Слово чужое своим перебьём
на пустыре, на бесцветном котором
шавка прикинется волком матёрым,
ласточка стреляным воробьём.

Выйдя за битые окна сарая,
стоя в земле, потому что сырая,
на два поделим гонимого зайца,
и не поймаем, и рухнет хозяйство,
скошенным плюсом двory осеняя.

Хочется верить, что наши тела
не расторгают чужие дела.
Кто же предатель, и кто же обидчик?
Лошади ржут на дорогах обычных,
зубы, чернея, грызут удила.

Жизнь начинает заочный завод
строчек несбыточных в Петрозаводск.
Переполняется каждая ёмкость
осенью. И поправимую ломкость
приобретает на холоде воск.

Даже не лист, а жучок на листе,
я залечу в безымянное где,
я затеряюсь монетою в оптах,
не получив неположенный откуп
даже своим отраженьем в воде.

Что же, бумага не ждёт отпечатка.
Небу деревья, что глазу сетчатка.
Мелу белила, что сердцу обида.
Буква от камня не будет отбита,
с камнем взлетев, пропадает взрывчатка.

То, что дождём и туманом скосило,
мы прочитаем как строки курсива,
то есть как самое важное в тексте.
Господи, только в заснеженном детстве
мы не за всё говорили спасибо.

Ветренный, ржавый и пасмурный душ.
Масло меняют на уголь и тушь.
Музыка тёмная слышится глуше.
Только навряд ли гармонию ту же
можно легко перестроить на туш.

Небо даёт нам урок рисования.
Грустные встречи ведут к расставанию.
Рвётся разлука в замёрзшие руки,
паром исходят открытые люки,
скорость на время даёт расстояние.

Перед сожжением окраины скомканы.
Дождь очертил на земле наши контуры.
Школьной задачей нас упрощая,
но не прощая,
локомотивы с вагонами сомкнуты.

Прочь от лица деловое всезнание,
это достойно скотины со знаменем.
Ехать чугункою в стадии кокса —
всё, что я знаю в пределах наброска,
дальше сейчас не заходит в сознание.

Я уезжаю, сгоревший под маскою,
прячась за красную стену Китайскую,
так, что никто никогда не обидит, —
Азии честный должник за эпитет
и педагога с тяжёлой указкою.

Горло словами грызёт первозданными,
после кого-то мне заново данными,
перечитаю отцветшие перечни
станций, где клёном и мятою перечной,
где я не выйду с двумя чемоданами.

Будет пейзаж, не смягчённый рессорами,
чай розоватый и сахар прессованный.
Мне предстоит задохнуться в вагоне,
тёмном и тёплом, как листья бегоний,
и проводницы грохочут засовами.

КОФЕПИТИЕ

— чёрная
чашечка кофейная, змеясь
зёрна
зубы, смеясь

«арабика»
на стене тень кораблика
на чашечке арабские каракули
дымок сизый каракулевый

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ СТАВИТЬ « » ПОД ВСЕМИ ТОЧКАМИ
И ПЕЙТЕ КОФЕ МЕЛКИМИ ГЛОТОЧКАМИ
КЛАДИТЕ САХАР МЕЛКИМИ КУСОЧКАМИ!
по стенам пусть стекает струйками песочными

изливаясь, удлиняющиеся цветы
начинающие пить из рюмки с коньяком
в горло — ком

напротив — ты!

...Я помню смутно — по тебе я плакал,
и вот ты здесь.
— и коготки покрыты чёрным лаком —

И губы розовые вновь, едва колеблясь,
с улыбкой разовой, как талон в троллейбус...

— кафель отражает твои левисы —
Странно, разговор у нас не клеится.
— тем более когда я отворачиваюсь мне кажется что у тебя
изо рта
выскакивает и вновь прячется туда
блестящая стальная иголочка —

Мило, правда?

.....

Помнишь? Чёрное движение дождя из неба в землю вросло,
а после грозы было такое серое-серое...

...а мои часы — стерео —
бьют эти два полдня. Полно!..

Чего только люди не придумают!

Для мужчин изготовили искусственные волосы — на грудь.
А вот ты достала где-то синий лак для глаз, и теперь в твоих
глазах такая синь!

... что кажется, будто это взаправду.

И ещё. Когда-то давно в глаза церковной иконы
вставляли капельницу и наливали туда воды,
и казалось, что плачет Мадонна...

А ты

где взяла свои слёзы? Ими плакать ты вправе?..

Очки в тонкой оправе

лежат на столе с твоей рукою рядом

и, отвернувшись, плачут твоим настоящим взглядом.

интересно что ты сейчас будешь делать

— докуриваешь мятый «честерфильд»?

выбрасываешь в пепельницу фильтр?

(посередине в нём крошечная дырочка
от иголки)

и хочешь поцеловать меня в горло? —

ДИСКОВОЛ

Я по осеннему парку шёл.
Неба сверкал ледяной металл.
Между деревьями дискобол
метился в небо и диск метал.

Нет, лишь хотел он его метнуть.
Скован был камнем холодным он.
В тоненьких столбиках мёрзла ртуть
хрупких термометров у окон.

О как он жаждал тогда броска!
Как его диск был жестоко сжат.
В страшном рывке напряглась рука,
резко отброшенная назад.

Мне показалось, я слышал стон.
Мне показалось, что он умрёт,
если вперёд не рванётся он,
каменной грудью своей вперёд.

Время дрожало. Но день был тих.
Статуй застывших камень и медь.
Хочет рвануться одна из них
и неподвижность преодолеть.

Я по осеннему парку шёл
мимо безликих безмолвных тел.
... Прохот обрушился вдруг, тяжёл.
В небо холодное диск летел.

Какую нам дали погоду!
И высится небо, как пагода.
С него в упоенье потока
течет золотистая патока.

Айда! погуляем по городу!
Ведь желтое солнце китайское
глаза из-под кепок вытаскивает!
Какую нам дали погоду!

В угоду всевластному Будде,
чтоб небо блестело кристаллом,
вскричали все боги: «Да будет», —
и стало.

И ветер, ленивый и медленный,
все палочки пагоды выпилил,
над крышами серыми выплыл,
облил их сияющей медью!

О солнце, сильнее пеки!
Чеканьтесь, улыбок монеты!
Шуми, многоликий Пекин
в безумии ветра и света!

О мир, в небо шапки кидай!
Проси у нас вечную милость!
Ликуй, миллиардный Китай, —
вся вечность в тебе преломилась!

Да здравствует Мао цзе Дун,
на площадь он вылился лавой!
Да здравствует вера! Колдун,
слава!!!

О, как же назвать нам тебя?
Ведь слов ужасающе мало!

Одно лишь, сияет, трубя:
Мао!!!

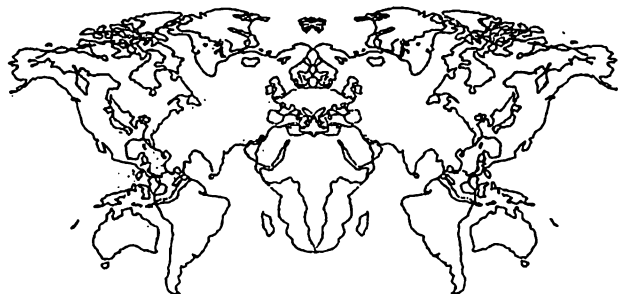
Всё бьётся прерывистым пульсом.
О, вот ощущение света!
Да здравствует то или это!

...Проснулся.

с в с у п п п и
в п р о о а е
я п л о л у р
з у е д с з ч о
а ч т л т у к г
н к е и е т и л
н и н в н и
ы и ы а ф
е я м м а
м и м
и и

JEVGENIJ HORVAT

READY-MAN

*Перевод
с немецкого И.Б.Т.*

READY-MAN

Л Над головой ... образовалось сколько-то неба. Ты смотри. Сколько-то там небес. Совершенно безоблачно. Я берусь за косяк ворот: окантовка¹ что надо. Какой светящийся воздух. Какой исключительно теплый кусок дерева. Все эти запахи. Белое покрывало из лепестков. Видели Вы эти рано опавшие лепестки на свежеподстриженной траве в начале лета? Видел ли я их, рано опавших? Да, я их видел. Лечь на минуту. Встать без помощи рук. Вознесение стоя. Что же мне делать? Повсюду вспыхивает какая-то мелочь, совсем близко к земле, хорошо там прятаться, очень хорошо. Всюду зелень и синева на цветущих зеленых склонах. Через несколько минут я получу стипендию фонда Krupp-von-Bohlen-und-Halbach², дают за современную фотографию. Невидимые птички начала лета распевают свои слуховые галлюцинации. Иногда они попадают в поле зрения и тогда поют как положено. Солнечный луч падает на землю сквозь листву магнолии и вместе с тем уже лежит на земле. Я иду в дом. Мне нужно позвонить. Какая круглая вещь. Туда попеременно вставляют пальцы. Щекотно, а? Хорошая вещь, круглая, и такой и кажется. Занято. В последнее время я постоянно сталкиваюсь с вещами, которые кажутся такими, как они есть. Что тут сказать? Хороша круглая вещь. Все еще занято. Кто-то все-таки должен узнать об этом: я ведь только что основал Желтую партию. Партию ПАРАдиза³. Привет, Свен. Я только что основал Желтую партию. Мы беремся за дело. Мы фотографируем желтую стену на черно-белую пленку. А потом эту серую стену – обратно на желтую пленку. Современная стипендия уже на подходе. Крупп, Хальбах и проч. Мы заявляем, что под этим солнцем нечто одно всегда состоит из чего-то другого. Под этим солнцем – всегда. И даже из абсолютно другого.

¹ В тексте: *Kante f* (край, кант), см. в дальнейшем тему «*Kantstrasse*», т.е. ул.Канта. Далее все примечания и курсивы – переводчика (кроме особо отмеченных случаев), даются в основном для указания на игру или перекличку слов, в том числе – для перевода слов, оставленных в тексте по-немецки.

² Фонд Альфреда Круппа фон Болена и Хальбаха, создан для поощрения молодых специалистов из России и других стран Центральной и Восточной Европы.

³ По-немецки получается и что-то вроде: ПАРАЭтого (*des ParaDieses*).

ЖЕЛТАЯ ПАРТИЯ: ЕСТЬ ДРУГИЕ ТОЧКИ ОТСЧЕТА¹.

В данный момент ты сидишь над своей пьесой для 25 аккордеонистов. Все в унисон, одна партия, легко пишется. День Немецкого Единства (17-ое, кажется мне, июня) приближается со скоростью 60 мин/час, что само по себе нормально. Я кладу трубку и читаю записку: Мой дорогой! Я сама поеду в Берлин, а оттуда – самолетом в Москву. Следи за собой, пока! Я знаю, она изменилась, когда писала это. Она ... я знаю. Я выглядываю на улицу. Синяя машина действительно исчезла, совсем исчезла. Боже мой. Как же я туда доберусь. Поезда переполнены. Остается только курьер, который принес мне вчера магнитофонную кассету. Студийная обработка моей слуховой галлюцинации «Gorbunov i Gorchakov»: Ну, Горбунов, что видел ты во сне²? Обработка сделана в Studio Funk, причем в срочном порядке. Я намекнул, что это, мол, пробный шар, за которым последует большой заказ от ARD³. Доказательством служило то, что счет, мол, нужно послать прямо в их берлинскую редакцию. Это проскочило. За час я получил готовую вещь. Ну, что тут скажешь. Только и можно сказать: Студия Функ, недор.& хор. Только вот курьера хорошая студия не оплачивает. Экономят действительно на самых глупых вещах! И так, нет никаких оснований полагать, что *недорогая* эта студия возьмет на себя мою транспортировку в Берлин. Нет, не возьмет. А ведь Берлин был когда-то столичным городом и все такое. Что же мне делать, одолжить машину у соседа, что ли? Схожу-ка я к нему! Заключенный в прелестную белую раму моего окна, он передвигается там, на своем участке, наполовину скрытый от меня прямо-таки пылающими кустами, которые служат, как здесь и положено, для разграничения участков владения. У него BMW, хотя это аббревиатура, но я ее уже раскусил. Каждая буква означает другую букву, а вместе они означают нечто совсем другое, так ведь? Нечего здесь особенно и расшифровывать, я иду к нему. Мы садимся на скамейку, под этим солнцем. Нет. Нет? Нет. Но ведь нас, глубоглазых, ронит уже одно то, что у нас есть этот голубой шарик!

¹ Здесь прочитываются отсылки, может быть, к платоновской диалектике *Одного (Единоного)* и *Иного*, равно как и к «желтым», солнечным медитациям из даосизма (*таоизма*), с разной степенью серьезности и настойчивости повторяющиеся в тексте.

² И. Бродский, «Горбунов и Горчаков» (прим. автора).

³ Аббревиатура, один из ведущих каналов немецкого телевидения.

– Нет. – Нет? – Нет. – Но как же я туда попаду? – А почему бы Вам не полететь самолетом? – А Ваш WMB летать не может? Я как раз думал ... – Так-так, Вы как раз думали. Нет, WMB ездит только задним ходом. – О, задним ходом, по-моему это здорово! Один знакомый рассказывал мне, как однажды он помчался задним ходом на своем Ford Scorpio, этак под 80 и не включая при этом задней скорости. Он влетел в один проклятый забор и владелец забора подал на него в суд, такие дела! Тогда пришли мастера, разобрали тачку и установили, что во время езды не было включено вообще никакой скорости. Что же мне делать! Всюду зелень и синева на зеленых цветущих склонах. В другой раз он рассказывал мне, как в том же Берлине, куда я тоже хотел бы теперь попасть, его вез на машине один крутой кинорежиссер или музыкант, дело было, кажется, ночью. Во всяком случае, этот тип проехал на своем джипе 40 улиц подряд задним ходом, и даже не поворачивая при этом свежесбритой головы. Смотрел только в зеркало заднего вида и гнал действительно очень быстро. Ну, хорошо, я должен Вас снова покинуть. – Сразу вылетаете? – Нет, сначала заказываю билет. У меня все по правилам: заказал – вылетаешь. Дал сигнал – приземляйся. Я придерживаюсь правил Центральной Германии. И какой компанией Вы летите? – PAN AM, AIR FRANCE и BRITISH AIRWAYS. Федоров считает, что этими лучше всего. В том смысле, что никаких, мол, террористов на борту. Есть тайное соглашение. В этом смысле Люфтганза намного хуже. Зато у нее меньше всего аварий, и в этом смысле другие опять же намного хуже. Это объективные факты, говорит он, чистая статистика, с этим и нужно жить. Жить, жить и жить. Рекомендую в любом случае. Обязательно пошли мне открытку, не забудь об этом. О чем, Федоров? Ну об открытке, я буду ждать ее. Кого ее-то? Да открытку! Я киваю и кладу трубку. Тем временем пора, наконец, собираться, причем в быстром темпе. Сначала черный дипломат: подарок моей матери. Ручкой служит мне, то есть ему, окислившаяся медная цепочка. На одной стороне в середине укреплен латунная табличка с надписью TOILETTE: этого мать мне не дарила. Она служит фирменной наклейкой для дипломата. В качестве второго багажного места я выбрал черную наплечную сумку с надписью SURFER, я всегда считал, что она идет мне. Я считаю, что серфинг – что-то прямо божественное. Всюду зелень и синева на зеленых склонах, и всегда рекомендуется набрасывать ее на плечо, хотя ее молния всегда была сломана. А в мой зеленый платяной чемодан я упаковываю

заградотрядный костюм пограничников Божьей Матери, который перед этим я снял, чтобы стать под душ. От стояния под душем я вот-вот оглохну, если сейчас же не прекращу этот непрерывный крик. Хотя я считаю такой крик вполне здоровым явлением, это как бы душ, который моет тебя изнутри, однако он ужасно меня нервирует. К тому же душ старый – ни горячий, ни холодный, до Страшного суда не дотянет, это уж точно. Хотя я, конечно, молюсь за него, делаю все, что в моих силах. Я кричу громко, как будто он совсем горячий. Господи, как холодно. Однако я слышу уже так плохо, что крик не достигает настоящей силы и остается прохладно-громким. Верхняя часть моего костюма – темно-бирюзовая куртка, как у военных, нижняя – светлые, цвета хаки, плюшевые штаны, которые божественно мягко омывают ногу серфующего. Затем настоящие говнодавы производства 1942 года, но 45-го аж размера, на добрые две трети скрытые под штанинами, при недостаточной глубине говна их всегда можно заменить на легкие как пушинки, очень жмущие черные лакированные туфли, что часто и происходит. Завершает дело офицерская фуражка с намагниченной автомобильной кокардой из Греции. Божья Матерь с Младенцем. Когда-то я посоветовал одному гинекологу по имени Мартин соорудить себе такой же костюм. Тогда, мол, пациентки, к которым он обычно склоняется, чувствовали бы себя под двойной защитой, как со стороны Мартина, так и от самого Мартина. Ибо и защита должна иметь свои границы. Мартин согласился. Еще под курткой с правого плеча на левое бедро по-генеральски перекинута красно-белые цепи, которые используют для ограждения строительно-ремонтных работ, то есть когда совершается какая-то, скажем, перестройка. И из таких же пластиковых цепочек, сочлененных – Мартин уже покраснел – из красных и белых звеньев, должны быть сделаны твои наручные браслеты и твое обручальное кольцо. Мартин был в восторге. Я гордился собой. Это и понятно, ведь до основания Желтой партии я тогда еще не дожелт ... не дошел, значит. Даже и близко не желтело, что меня, впрочем,нисколько не удивляет. Разве можно хоть что-нибудь основать в таком наряде. С другой стороны, в обозримое время я и не собираюсь ничего больше основывать, во всяком случае ничего подобного по размаху. Того, что основано, уже вполне достаточно, так ведь? Костюм, однако, очень хорош, если хочешь, к примеру, познакомиться с новыми товарищами по партии, с типами, что связаны со всей этой массой вещей, как то: связка ключей, техпаспорт автомобиля, пластиковый

футляр, набитый камушками, полосками пластыря и деревянными палочками. Милый сентиментальный набор вещичек, как раз это мне и нравится, когда уж я в таком настроении. Итак, собираем все это и отгаскиваем упакованное багажное место в другой угол, просто потому что нам нравится менять угол зрения, находясь в пивной. Тут входит он и направляется прямо к нашему столу. Ну и ну! Конечно, в форме всегда есть что-то официальное, так и бросаешься в глаза. Куда ни войдешь, сразу создается служебная обстановка. Ну что, может прошвырнешься на моей тачке? Стоит совсем рядом. И не забудь улиток моих полить, иначе малышки совсем засохнут! Я выхожу. Какой светящийся воздух. Спереди тачка выглядит как сутенерская карета, а сзади как НЛО, и в ней действительно несколько этих улиток-общепиток, на которых я тут же немного побрызгал. Ебовь к животным, цежу я злорадно сквозь зубы. Отлить в улиток. Я прямо лопаюсь от зависти. Я ведь знаю, как выглядят НЛО, когда-нибудь приобрету себе тоже такой, чтобы слетать на землю. А куда ж еще? НЛО всегда слетают на землю. Когда я сажусь, стайка девушек с той стороны улицы кричит мне: твоя машина? Подходит тебе! Возьмешь нас с собой? Сентиментальный мудака, цежу я сквозь зубы, включая зажигание, благодаря этому сентиментальному сутенерски-улиточному НЛО он заклейт любую из этих вонючих липучек! Я не нахожу ни одной скорости, да это и не нужно вовсе. Плевать на это! Ручного тормоза тоже нет. Дерьмо! Я делаю несколько кругов по площади Ганса Эберта и ставлю чертову тачку вплотную к двери пивной. Хорошо, что я такой тонкий.

Я бронирую билет, надеваю свою бледно-желтую футболку без рукавов и вызываю такси. Чувствовать на торсе такую тонкую вещь это как находиться все время в режиме нежнейшей стирки, если, конечно, вещь новая, из легкой и мягкой ткани, а она как раз такая, хотя бы в принципе. Но и по своим свойствам тоже. Рекомендую только такие вещи, под этим солнцем. Я надеваю свои лучшие теплые бежевые носки. Ноги в тепле это как горячее молоко. Горячее молоко это как ноги в тепле, говорит Франческо. Правильно выпить тоже не каждый может. Стакан плавно подносится к римскому профилю, который только тогда откидывается назад, когда стакан находится на уровне подбородка. Пить нужно ровно отмеренными глотками. Выпивают не больше, чем есть в стакане. Ты говорил, что я Никола. Св. Никола Чудотворец, покровитель странников. Мы сыпали себе в рот сахар из стекляшек, нажав дозирующий клапан,

и становились как пьяные. Самогон, говорил я. Сам-огонь прямо здесь, отвечал ты, стуча себя в грудь. Теперь Он смеется там наверху! Ты говорил, мужчина может красть все, что угодно, только обувь он должен покупать себе сам. Вот стою я в бледно-желтой футболке и в теплых бежевых носках, как в купели, Франческо. Я надеваю свои любимые подштанники, по-цыплячи мягкие и желтые, бледно-черные штаны самого лучшего качества и антрацитовый двубортник. Я строго осматриваю себя и засовываю поглубже в нагрудный карман желтую жевательную резинку. Все хорошо. Мы выглядим в высшей степени прилично. Мы делаем все, что в наших силах, мы беремся за дело. И мы всегда стараемся отличать известные вещи от неизвестных. Мы покупаем себе свою обувь сами. Свои дорогие, воздушные, пепельно-серые кроссовки мы покупаем себе сами! Наша военная форма – гражданская. Мы начинаем с малого и кончаем еще более малым. Чего теперь не хватает, это такси. Но я ведь по-прежнему спокоен, не так ли? Кто помогал мне забронировать место на самолете, тот пусть и старается, чтобы я вовремя был в аэропорту. Ну, разве что кто-то не хочет, чтобы я летел. Может быть, по тайному соглашению между PAN AM, AIR FRANCE и BRITISH AIRWAYS я исключаяюсь из числа пассажиров, летающих самолетом. Может быть, PAN AM, AIR FRANCE и BRITISH AIRWAYS заключили дополнительное строго секретное соглашение с таксистами, по которому я исключаяюсь даже из числа пассажиров такси. Я выхожу. Какой светящийся воздух. Все эти запахи. Эти рано опадающие лепестки на свежеподстриженной траве в начале лета я уже знаю вдоль и наизусть. А вот окантовка что надо, этот косяк ворот, какой исключительно теплый кусок дерева!

Я ставлю свой багаж на тротуар. А вот и такси! Тут как тут. Ау, такси! Нет, ну какой плоский бульжник у них здесь на мостовой, это сразу бросается мне в глаза. Я думал, бульжник всегда круглый и выпуклый. Но, кажется, это совсем не так. Кажется, он довольно-таки сильно переменялся с тех пор, как он выглядел, как положено. Добрый день! Уже сердитесь на меня? – Нет. – То есть из-за опоздания. – Я уж знаю, из-за чего я не сержусь на Вас. – Ну, хорошо, и куда же ехать? Ага. А когда вылетаем? Это мы играючи. Как ты думаешь, выиграют на этот раз русские у голландцев или нет? – Ясно, что выиграют. Как всегда. Во всяком случае в последнее время. Как уже всегда и везде. Везде эти русские. Что касается футбола, просто непобедимы. – Заблуждается, коллега. В послед-

ний раз они уже сели в лужу. Весь этот шоу-бизнес должен оставаться в рамках хоть какого-то правдоподобия. Раз уж нас за дураков держат, пусть, но и цены тогда должны соответствовать. А куда Вам лететь-то? – он взглядывает на меня. Я на 100% уверен, что он знает это на 100%. Человек, что торчит у эскалатора, обменивается с ним беглым взглядом. Русскоглубые внимательные, это я знаю. Шоколадного цвета костюм, чемодан цвета красного вина. Это я тоже, считай, знаю. С координацией у Вас все в порядке? – Конечно же, коллега. Счастливого полета и следите за собой! – Ну вот, угрожает! И это в такой хороший день, как сегодня! Что до меня, я бы, думаю, совсем расстроился, если бы мне пришлось кому-то угрожать в такой день, как сегодня, да хоть и вчера, кстати, тоже был очень хороший день, и завтра будет, наверняка, не хуже. Да и зачем все это? С замечательной легкостью я избегаю по лестнице. Настоящая лестница-ведущая-всегда-вниз, скажу я Вам, так легко и удивительно глубоко начинаешь дышать, когда уже добрался до верха. Большой отрезок солнечного луча повисает в воздухе и лежит уже на полу. Стеклянная дверь сама открывается передо мной, ужасно изобретательное открытие! И такое обходительное, кроме всего прочего.

*Есть в жизни нечто большее, чем мы,
что греет нас, само себя не грея,
что громоздит на впадины холмы
– хотя бы и при помощи Борея,
друг другу их несущего взаимь.
Я чувствую, что шествую во сне я
ступеньками, ведущими из тьмы
то в бездну, то в преддверье эмпирея,
один, среди цветущей бахромы –
бессонным эскалатором Нерая.¹*

Нет, ну сколько же статистов они нагнали сюда, чтобы убедить меня в реальности этого их аэровокзала, боже, боже ты мой. Будто я и так в него не поверю,

¹ Здесь и дальше «Горбунов и Горчаков» И. Бродского цитируется по кн.: Сочинения Иосифа Бродского, «Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, т. 2, 1994. Курсив для стихов - Е.Х., в немецком переводе есть дословная точность, но нет рифм (и иногда регулярности в ритме; может быть, перевод незакончен), что не мешает воспринимать стихи по-немецки, но, если сохранять в обратном переводе на русский те же слова и убирать рифмы внутрь стиха, получится только искажение стихов

прямо смешно. Что вы там переглядываетесь так многозначительно? Чистая показуха все это. К чему здесь эта стайка несовершеннолетних у киоска со сладостями? Очень тонко, сладкие вы мои, должен это признать. Но неужели нужно, чтобы ваши статисты прямо-таки наступали мне на пятки? Я и сам могу последить за собой, да-да, как советовал господин коллега, яволь! В остальном я, пожалуй, ничего не имею против мании преследования, если не перестараться, она выглядит очень мило. Я всегда считал, что с ней все окей, она действительно вызывает чувство защищенности, всесторонней, с подключением самых современных средств. Вовсе не дешевая это штука выходит. Но и клаустрофобия, я считаю, это тоже очень здорово. Ужасно здорово! Когда я об этом думаю, у меня всегда встает член. Эта тесная, ни с чем не сравнимая близость, ближе, чем сам к себе! Когда мой член должен встать, я всегда думаю о клаустрофобии. Когда мой член встает, я всегда должен думать о клаустрофобии. Клаустрофобия, клептомания, стенография, все замечательные вещи! Только стенографией я еще не овладел, но ведь можно пойти на курсы. Эти малышки-стенотипистки, дьявол их побери, уж они-то все это умеют. Да, все это выдающиеся вещи, жалко только, что иногда не в те руки попадают, от этого мне прямо тошно становится. Часто они достаются таким идиотам, которые из-за этого совсем свихиваются, и это, мне кажется, достойно сожаления! Черт! В киоске я покупаю кипу самолетного чтива, хотя читать я умею довольно плохо. Но при чем тут это! В аэропортах и на вокзалах нужно иметь при себе газеты и журналы, скажем, как опознавательный знак. Только я их что-то совсем не узнаю, все они кажутся совершенно новыми, там печатают самые невероятные вещи! Газетенки, которые я всегда знал, кажется, полностью изменили свое обличье: названия, выходные данные, статьи – все. Я одобрительно качаю головой. Вот пройдохи. PAN AM, AIR FRANCE и BRITISH AIRWAYS. Не останавливаются ни перед какими типографскими расходами,

Бродского, которые в любом случае служат основой «слуховой галлюцинации» героя прозы. Получилось бы примерно так:

Есть все же нечто большее, чем мы,

Что греет нас, себя не грея вовсе,

Что громоздит холмы на впадины -

Хотя бы и при помощи Борея ... и т.д.

чтобы улажить свою клиентуру. Чтобы клиентура одобрительно закивала головами. С этого момента я буду делать вам рекламу, где только могу. Вот я направляюсь к банкомату, чтобы взять задаток. Я оглядываюсь вокруг, соблюдая предписанную осторожность, и вставляю свою кредитную карточку в банкомат; при этом я всегда почему-то сжимаю зубы, откуда это только берется? А когда вынимаю карточку, я всегда ощупываю языком оба ряда зубов, откуда у меня это? Когда таможенник при досмотре багажа обнаруживает мой погранкостюм, по нему видно, как он мне завидует. Ну да, это для меня как бы ангел-хранитель, я всегда беру его с собой, тогда я чувствую себя под надежной охраной, т.е. это в моих собственных интересах. Могу и Вам посоветовать, Вы должны в служебном порядке ходатайствовать о выдаче такой вот кокарды, ибо она предохраняет не только от греко-православных несчастных случаев, но и от многих других вещей, абсолютно других! – Вы опоздаете на самолет, посмотрите, в зале ожидания никого не осталось! Я смотрю вокруг. В самом деле. – Бегите скорее, он повышает голос и незаметно подмигивает мне. Совсем незаметно. На выходе я почти опрокидываю двух, очевидно, ожидающих меня господ. Опоздал? Как бы не так. Они лично и очень вежливо доставляют меня к самолету. Который ожидает лично меня! Лично! Какое летное поле, какое небо, все очень здорово, – наспех, уже перед трапом я отпускаю комплимент обоим попугайкам моего забега. Трап самолета, и я оказываюсь в салоне для пассажиров. Силы небесные. Все в Берлин? Ну, наконец-то, мне понятно, почему таксист опаздывал. Чтобы они в это время могли заполнить самолет до отказа. Земля летит прямо вниз. Там кроется, очевидно, намного более мощная сила притяжения, чем ее собственная. Я никогда не пристегиваюсь, и я вовсе не хочу еще на свое место, я буду стоять здесь столько, сколько захочу, ясно? Вознесение стоя, это я знаю. За ней наверняка скрывается еще одна Земля, более тяжелая, или же в ней самой. Пройдусь теперь по проходу. Прямо по небу! Однако я убежден, что Земля находится как раз над нами. Пилот говорит, что мы поднимаемся все выше и скоро будем на месте. Вряд ли мы смогли бы взлететь так высоко, если бы она не находилась над нами, ибо для этого требуется целая пропасть притяжения. Итак, славное наше небо помещено внутрь Земли, подумать только. Небо в недрах, яволь. Земля окружает его, как шар окружает свою шаровую внутренность, так что мы по всем направлениям стягиваем на себя силу притяжения и можем летать тут в небе. Все в порядке, она

круглая, так-то вот, только наоборот. Да, следят за каждым моим вдохом, но это мне не мешает, мое дыхание в полном порядке, и мне ведь нечего скрывать, я же пришел сюда с лучшими намерениями. Сюда, на небо. Дышу как обычно, вдох-выдох, вдох-выдох. Господин, сидящий позади меня, держит в руках что-то вроде INTERNATIONAL GALLERIES, держит так, чтобы и я мог прочесть, и при этом многозначительно пялится на меня. Видно, он хочет обратить мое внимание на все эти вещи, только зачем? Ладно, скоро я пойду в эти ваши Интернациональные Галереи, ну ты смотри! Везде только моя выставка, бог ты мой. Перед галереями, в галереях и, конечно, за галереями, интернационально, это уж само собой. И что бы там ни делалось, все делается исключительно ради моей выставки, все при деле и еще меня же за это благодарят, от всего сердца. За то, что все напоказ, бери и тащи к себе. Я иду по полям ... вот как недавно, когда я гулял среди цветущей бахромы и встретил старика, который шел мне навстречу, а я, со своей стороны, шагал навстречу ему, и вот, когда мы разминулись, он еще крикнул мне вдогонку что-то смутно нижненемецкое. Что-то шлезвиг-гольштинское. – Что? Я говорю, ну и быстро же Вы шагаете! – По-военному, кричу я в ответ. И это, как безумное, отдается в редких туманных перелесках ранним утром. Но, видно, все же не без акцента. – Откуда будешь? – кричит он. – Из русских, кричу я изо всех сил! – Здорово! – вырвалось у него как-то повороньи, во мне аж что-то оборвалось, даже дух захватило! Итак, гуляю я, значит, по полям и натываюсь на какого-то крестьянина, и он падает передо мной на колени и он хлопает меня уважительно по плечу: здорово ты это сделал, удивительно ты выставил это поле. Он карабкается на свою тарахтелку, дает газ и кричит сверху, перекрывая грохот: здорово ты меня выставил! Теперь и я поработаю на славу. В мгновение ока он охлестывает все поле, слезает вниз и очень крепко обнимает меня: так же крепко, как крепко ты постарался, чтобы выставить мою работу! И то же самое происходит везде, тем более в небе. Я с одобрением смотрю на круглые картинки, которые висят у них в салоне, вот так облака. Облака дыма. Курильщики должны наверстать упущенное во время взлета. Оно и понятно, так ведь? – обращаюсь я к моему соседу. Прелестно, правда? Облака. Он будто меняется в лице. Тоже в Берлин? Хорошооо, как говорят в рекламе! Хорошооо, что все в Берлин!

Мой сосед, наверняка он ветеран войны, это сразу видно по нему.

Наверняка он в России ветеранил. Я блестяще объясняюсь с ним по-русски, только не понимаю, что он говорит. Точнее говоря, что он хотел бы сказать, поскольку он ведет себя как очень молчаливый ветеран. Ничего бы он не хотел сказать, он только смотрит, чтобы я от него не свалил. Ничего страшного, успокаиваю я его ветеранолобиво, я могу и один поддерживать наш разговор, в самом деле! Это ему нравится. Могу поспорить, что это ему нравится! Как ты думаешь, чего они от нас с тобой хотят, эти девушки? Предложить напиток? Отлично. Никакого алкоголя? Никаких проблем! В самом деле, не беспокойтесь об этом. Нас с соседом и освежающие напитки до костей пробирают. От них у нас кровь играет. Действительно, алкоголь здесь по меньшей мере излишен. И Ваш пилот тоже может сходить, так и передайте ему, что по мне он может спокойно закрывать лавочку – нет, ну какая наглость! Никакого алкоголя на борту, ну и ну! Чувшь какая-то! Все это дерьмо. Все это PAN дерьмAM, дерьмAIR FRANCE и BRITISH дерьмAIRWAYS. Неудивительно, что люди начинают уже нервничать! Мой ветеран войны, например, даже рот раскрыл со страху. Его, будто консервную банку, вскрыли, и теперь из него лезет кошачий корм. Я не понимаю ни слова, это же какой-то кошачий корм, но я невозмутимо продолжаю нашу непринужденную беседу. Могу поспорить, что в Берлине хорошая погода, а? Там светит большое солнце. Почему бы и нет? Раз это хорошооо! Оно будет на небе, будет и дальше греть нас, само себя не грея, поскольку оно в этом не нуждается. Бесцельное в своем свободолобии. Мы проходим, очевидно, перенаселенные слои облачности. Подумать только, с какими физиономиями все сидят и держатся за подлокотники кресел, что это с ними, похороны здесь, что ли? Машину просто трясет в воздухе, от всех этих запахов. Или, может, ее трясет, потому что все трясутся от страха, ожидая, что их будет трясти? Нет, это действительно только воздух, все эти запахи. Когда воздух постоянно вдыхается и выдыхается таким количеством людей, причем в течение продолжительного отрезка времени, ясно, что полная психота наступает. Ну вот, можно и расслабиться, руки прочь с подлокотников, ноги вытянуть. Закрыть глаза, руки вверх, ложись! Быть не может. На борту самолета, принадлежащего PAN AM, AIR FRANCE и BRITISH AIRWAYS действует тайное соглашение, по которому исключается употребление таких резких выражений, разве что в форме безобидной шутки. Это я вам гарантирую. PAN AM, AIR FRANCE и BRITISH AIRWAYS даже нанимают людей вроде

меня, которые неназойливо стараются создать на борту отличное настроение, это говорит само за себя: своих денег, тактично собираемых там внизу, в банкоматах, они наверняка стоят. Ну, вот, и у меня тоже из грудной клетки в низ живота начинает проваливаться что-то огромное, ну и что? И, кстати, что же это такое? Может быть, Земля? Навряд ли, не такая уж она и огромная. Я должен сейчас ужасно собраться, чтобы расслабиться, это точно!

*Я чувствую во внутренностях жжение,
Взирая на далекую звезду.*

Основа притяженья – торможенья! Прелестно, правда? Вы все с иронией смотрите на меня, или это только так кажется? Пилот объявляет, что наш полет подходит к концу. С координацией у Вас все в порядке, а? Вы нарочно разрешаете человеку разыгрывать из себя героя-одиночку, по принципу: может, это ему поможет. По принципу: если человек никогда еще не попадал на небо на самолете, нужно, чтобы он немного успокоился. Он сам поймет, наконец, что в этом нет ничего особенного. Несколько попадал и всё. Попадать куда-то всегда приятно, все что-то новое! Попадаешь вот в Берлин, ты смотри, а это, может, Москва! Экстра сервис PAN AM, AIR FRANCE и BRITISH AIRWAYS!

2 Из всех мест, называющихся Берлином, есть, пожалуй, только одно, являющееся Москвой. Здесь светит солнце размером с небо, но и небо здесь тоже размером с солнце, потому и не слепит, красота! В этой Москве все наособицу: прямо по-берлински. То, что здесь бормочут себе под нос, тотчас, как безумное, отдается в редких туманных перелесках в начале лета, задним ходом проносится в голове, что тот «скорпио». Здесь все известно о каждом, что безусловно не означает, будто каждому известно все обо всех, нет, это было бы полной противоположностью тому, что все известно о каждом. И тут мы спускаем трап, элегантно светящееся, как новенькое, всем известное созвездие, сосветище. ВЕЧНО ВЕЧНО ВЕЧНО ВЕЧНО, так точно. Пожалуй, можно верить тому, что там шепотом льется на нас со всех концов застекленного неба, нанесенное прямо на стеклянных стенах, набранное матово-черным на фоне цвета обескровленных губ. Ты видишь, мы выполняем все, что мы обещаем, и даже больше того. Это в нас и прекрасно. Или сначала мы выполняем, а потом обещаем, и это так же прекрасно. Ну вот, голоса начинаешь слышать? С ними уж так: каждый голос, который слышишь, ты его начинаешь когда-то слышать. Это ясно. Когда-то да начинаешь. Только откуда я это знаю, это где-то написано? Я осматриваюсь. Нигде! С другой стороны: если смысл существования надписей не исчерпывается разницей между цветом букв и их фона, тогда это написано везде. Небесным в небе, угловатым в углу, оранжевым на апельсинах, красками хлопчатобумажного платя на заднице этой тетки, как-то ни за чем нагибающейся посреди холла. Скучно, но убедительно. Я запомню это на всю свою жизнь, даже если когда-то потом все равно забуду. Что за странный смех в тишине, снова слуховая галлюцинация? Нет, снова ничего. Ну, пожалуй, о тишине и вообще не может быть речи, когда так смеются. Впрочем, если повторно вслушаться, тот же самый смех звучит, пожалуй, вполне по-дружески, и можно бы чувствовать себя при этом совсем неплохо, как со старыми друзьями. Только ни во что тут не вслушаешься повторно, об этом можно забыть, выбросить из головы, такого тут не бывает!

Хорошо, тогда я иду звонить телевизионнице, дозвонюсь и поговорю с телевизионницей по телефону, сообщу телевизионнице, что я хорошо добрался, телевизионнице с ARD, получившей счет от Studio Funk: такие вещи связывают людей. Связывают и обязывают, связывают и обязывают. Она еще не знает, что как-то

раз она уже приглашала меня, так сказать, заочно, а вообще-то она и так все знает, пускай заочно. Полагаю, я могу позвонить, в конце концов, мы живем в столетии, когда это, в принципе, возможно, не так ли? Впрочем, без этого было бы еще лучше. Ну и народу там, и наверняка все тоже хотят звонить, все как есть. Как пчелы на желтой куче. Однако есть желтые кучи и побольше. Я-то видел. Кроме того, эта желтая кабинка только наполовину желтая, так как наполовину она открытая. Кто стоит в ней, стоит в ней всего по пояс. Ниже пояса его не покрыли желтым. Вот так, по пояс, и крышка! Аж мурашки по коже! Я начинаю набирать номер. Эти круглые штуки. Туда попеременно вставляют пальцы. Щекотно, а? Я поворачиваюсь. Снова смех, который я уже слышал раньше! Вот как, можно, значит, вслушаться и повторно. Целая толпа людей, среди них детская коляска неопределенного содержания, похоже, все они знают друг друга, а меня тем более, и совершенно открыто смеются над кем-то. И они правы! Естественно. Я перестаю крутить круглую штуку и наполовину выхожу из кабинки. Наполовину, потому что я и был в ней только наполовину. Действительно, довольно смешно. С телевизионеркой по телефону! Пошлый идиот! Нет, все эти штуки, круглые, желтые, кругложелтые и полукруглые, да чтоб они еще наполовину проветривались и наполовину сплющивали тебе уши – наполовину, потому что, к счастью, только с одной стороны, нет, все это нужно просто наполовину выбросить. Это точно.

Итак, прямо к ней! Всеми общедоступными видами транспорта! Я осматриваюсь. Вон там, целый зал, полный отсеков, где сдают напрокат автомобили, совсем пустой! Может, это какой-то знак? Знак пустоты, ничего больше. Я шагаю туда! Приветик! Что? Как, совсем ничего? Все уже сдано? Мои поздравления! Но меня вполне устроило бы и что-то маленькое, совсем маленькое. Вы же видите, я отлично здесь помещаюсь. И чувствую себя здесь превосходно. Да как это только возможно, совсем ничего? Чем тогда Вы тут занимаетесь, за Вашей стойкой? Впрочем, меня вполне устроило бы и что-то большое, это меня не смущает, что-то даже очень большое, что-то стоящее, подстать такой стойке! Ладно. Тогда идем дальше. Здесь тоже ничего? Ты смотри. И при этом все просто кишит служащими, стойка за стойкой, три штуки минимум, где нет ни одной машины, чтобы взять ее напрокат. И это называется столица Рейха, это называется индустриальная страна, это называется безработица! И вдруг, за одной стойкой, множество служащих там,

согласен, прелестных куколок начинают качать своими головками прежде, чем я их вообще о чем-то спросил. Тут у всякого голова пойдет кругом, тем более что одеты они все как одна – в красное в белый горошек, которым так и кишит вокруг, в глазах у меня все скачет, а девицы все качают своими головками: нетнетнетнетнет! Это напоминает мне тоже одну девицу, которую я то ли когда-то знал, то ли, скажем, должен был знать, как бы классика или типа того, в любом случае, она была совершенно прелестна. Так что я не останавливаюсь перед вами, девушки, я качаю головой так же, как и вы, девушки: нетнетнетнетнетнет! Даже на одно нет больше. Но этот молодой человек за следующей стойкой так просто от меня не отделается! И хотя это качание головой прежде, чем я успеваю что-то сказать, перескакивает от соседок и на его голову, тем не менее, я останавливаюсь. Так точно. Машину, пожалуйста! Что? Но, ведь, господин передо мной только что получил машину, я прекрасно это понял! Ладно, попробую по-другому: ты, жалкая жертва абортаXXXXX XXXX XXXXX XXXXX XXX XXXXXXXXet cetera. Похоже, я впадаю в патетику. Видно, это от привычки читать псалмы. Да благословит тебя Бог по полной программе, ты XXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX-XXXXXXXXXXXXXXXX, раз и навсегда и на всякий случай! Я – с какой стати, я же совершенно спокоен! Нет, я и не думал ТАК волноваться! Успокойся, собственно, меня и нет здесь совсем, нисколько. Я одна из твоих визуальных галлюцинаций, которые возникают от праздного топтанья часами за этой стойкой и вызывают у тебя такие вот слуховые галлюцинации. Будь спокоен и весел, смотри у меня, оставайся таким же здоровым и славным малым и размножайся как влажный вирус.

Наконец, я избавился от этого парня. Теперь к самой последней стойке. Нет, ну сколько же их, этих контор, занимающихся прокатом автомобилей, непостижимо! Конкурируя между собой, они, похоже, так достали друг друга, что у них совсем не осталось машин, чтоб сдавать их напрокат! А, может, у них тайное соглашение с фирмами, предоставляющими такси, чтобы каждый пациент, в конце концов, был вынужден брать такси? Попробую в самый последний раз. Я скажу: если уж на то пошло, я совсем не собираюсь вести машину! Я просто посижу внутри и потрогаю, как там все устроено, буду всем восхищаться, открывать окно нажатием кнопки и демонстрировать дружественную улыбку, если уж на то пошло! Итак, верх цивилизованности – я подхожу к стойке. Я надеюсь, в спектакле,

который здесь разыгрывался, не было ничего личного? Иначе это дискриминация, а от дискриминации всего шаг до криминализации, и он почти уже сделан. Боже мой, что же это со мной не так? По мне ведь не может быть видно, что я в состоянии слышать голоса или видеть какие-то там предметы! Вы были передо мной, пожалуйста! Я демонстративно даю Вам пройти вперед, чтобы выяснить, насколько лично против меня направлен этот коллективный отказ от обслуживания клиентов. Только Вы не поддаётесь на это, стойте, ну ты смотри! Вот я и смотрю на Вас: вау. И Ваш спутник тоже совсем не прост, молодой червяк с нестабильной улыбкой, что в сочетании с Вами несколько удивляет, хотя так это, видно, и задумано. Вы оба делаете совместный, широкий жест, приглашая меня вперед: только после Вас, господин! Ваш жест, как мне кажется, возникает почти отдельно от ваших рук, поскольку вы оба довольно сильно нагружены, особенно ты, младший. Что означают эти подмигивания? Я смотрю на ваши вещи: только не это! Вы дискредитируете все мои путевые заметки! То есть вы дискредитируете всю мою поездку, и тем самым путевые заметки. Так как я путешествую и делаю заметки в полном соответствии с действительностью, а то, что держит в руках приближающийся молодой червяк, совершенно неправдоподобно, не соответствует никакой действительности, это всем покажется трюком и разрушит мою ау-тен-тич-ность! Я делаю глубокий вдох, все эти запахи. Всё известные мне вещи. Вот этот колпак для сыра с восьмой dokumenta¹. Тогда он был символом выставки, я его, как только увидел, сразу приобрел в ближайшем же магазине. Это обеспечило мне бесплатный вход, а моей машине место для стоянки прямо у входа во Фредерицианум²; только я очень хотел бы знать, как это парень додумался до этого колпака, под которым он теперь держит остатки торта и сигареты всех моих любимых сортов, очень практично, парень. Я спрашиваю себя, может, вы оба новое чудо света, или что вы вообще такое. Молодой – восьмое, старший – девятое. У старшего девятого в кармане пиджака лежит что-то, что подозрительно напоминает пачку папирос, набросок которой я делал с расчетом на импорт, очень напоминает! ОЧЕНЬ подозрительно! Я собирался ввезти их в центральную Германию в

¹ Название международной художественной выставки, периодически проходящей в г.Касселе, один из основателей выставки Й.Бойс. Речь идет, может быть, о плакате, на котором под сырным колпаком помещалось слово KUNST (искусство).

² Fredericianum – главное помещение выставки в Касселе.

качестве первых папирос ПАРАдиза и заработать на этом кучу денег. Они с очень Дальнего Востока и называются ПересТройка. С необычайно бархатистым вкусом, чтобы не слишком резало горло. Спереди на пачке – черно-белое фото, и, как на погоне, в зависимости от чина, на ней нанесены одна или несколько бледно-золотых или серебряных полосок, слева или справа, ну, всё в зависимости. Очень современная фотография (держись, и-Хальбах) изображает всем известную троицу русских богатырей, сидящих в тройке. За ней раскинулись бесконечные русские леса ... густые, редкие, все в тумане. Все эти хвойные запахи леса в начале лета, вся эта морока. Дурманящий запах трав! Утренняя дымка! «Направо пойдешь, папиросу выкуришь; налево пойдешь, папиросу выкуришь. Прямо пойдешь, никогда не бросишь». Или: «Вот лев спит у меня на коленях, и теперь я курю мой воздушный обед»¹. Задняя сторона желтая, с меняющейся рекламой для конкурирующих марок. Выручка от рекламы пошла бы на налаживание сбыта. И проект такого продукта вы хотите перенять у меня, собственно уже переняли? – Да, и собственно до того, как он вообще возник, в этом ты можешь быть уверен. Из-за этого было не обязательно специально приезжать сюда! Или ты думаешь, что, когда нам нужно что-нибудь твое посмотреть, ты должен нам это сперва показывать? Хахаха. Пареньпареньпарень. И о лицензии нам тоже совершенно нет смысла спорить, так как производство начнется совсем в другом месте, куда ты все равно никогда не попадешь. И совсем в другое время, когда ты все это давно позабудешь. Совсем в другой форме. Вообще все совсем другое, и пошел бы ты к черту! Вон отсюда! Уфф ... наконец, на улице, на воздух вышел. Такой же воздух, как в зале аэропорта, только другой. Впрочем, видя все эти дома, я и так понимаю, что я, наконец, на улице, поскольку в зале их просто не было. Вот и хорошо. Я просто поймаю себе такси. Лучше не придумать. Эй, шеф!

Вы берлинец? – Один момент, шеф. Дайте, я сначала скажу Вам, куда нам ехать, а потом мы можем поговорить на личные темы. Kantstrasse 17. Не худо, а? Как-то подходит одно к другому. – Ладно, Вы не берлинец! Тогда кто же? Голландец? Чехословак?² Японец? –

¹ В. Хлебников, «Утес из будущего» (ссылка в оригинале на: «*Lebedie der Zukunft*» -

«*Лебеди будущего*»).

² Так говорит таксист.

Может, яРАНец? По мне хоть РАNameц или РАНамериканец! – Ну, ну, только спокойно ... а? ... русский? Ага. Так я и думал. Диссидент? – Это что еще такое, зубная паста? – Ну, и что же Вы тогда делаете здесь, в Берлине? – Я, ну, слежу понемногу за тем, чтобы с ПересТройкой все было ОК. Хотел вот взять машину напрокат, но, видимо, на меня не хватило. Такая жалость. Такси – это, конечно, тоже очень приятно, и Вы, конечно же, хороший водитель, но ехать самому намного приятнее, и побыстрее было бы тоже совсем неплохо. В остальном Вы решительно отличаетесь от Вашего коллеги, который подвозил меня до аэропорта. – Тем не менее мы оба, и он, и я, по профессии таксисты. – Тут Вы правы. Мне нравится манера, в которой Вы это произнесли. Весело и спокойно, как-то философски. Прямо *кантоугольно*. Номер 17. Не забывайте! За это я открою Вам новейший способ современных таоистов, действительно небывалый. Как, например, научиться ездить, никогда не кончая. Никогда не кончая! Ужасно, правда? Тем не менее, здорово. Научиться можно, только поупражняться. Основное правило, как в кулак: на зеленый дрович, на желтый перестаем. Вы сами увидите, светофоры работают так, что только ты, так сказать, разогнался, надо тормозить, потому что уже снова желтый, а потом красный. Что же мне делать? Вся моя Желтая партия, строго говоря, выросла из этой мысли. А вот, я думаю, в Берлине с его движением не очень-то разгонишься, здесь еще труднее следовать основному правилу, соблюдая все правила уличного движения. Что? Вы говорите, сейчас много строят? А что строят, простите? Ах да, Берлин. Надо же, в Берлине строят много Берлина. Значит, будет еще больше Берлина. Это просто отлично. А скажите, шеф, это, случайно, у Вас не дебютный выезд, в смысле, по Берлину? Я никогда еще так долго не добирался до Кантштрассе 17, ну, правда, мне еще никогда и не нужно было. Вы говорите, что каждая Ваша поездка для Вас как первая? Вот это да, вот ЭТО любовь! Ах, так, дело вовсе не в любви? Жаль. А в том, что все так быстро меняется? Ну, конечно. Сплошная стройка. А такси, в конце концов, ведь не экскаватор. Все-таки Вы справились. Поздравляю с гигантскими русскими чаевыми, ну, молись за меня. Я осматриваюсь. Пожалуй, это и есть номер 17, этот дом на углу, без дверей, но что значит без дверей, когда я захожу за угол и нахожу там дверь, роскошную и даже вполне удобную, рядом табличка с кнопками звонков и фамилиями, только жалко, что среди них я не нахожу своей пассии, хотя адрес ведь правильный. Где же

А. Ваумаистер¹ ? Никакой прелестной Аниты Баумаистер, ни фамилии, ни имени, все отсутствует. Бау-вау, ну, *мастерица*, ну, *строительница*, бормочу я с упреком себе под нос (что, как безумное, отдается среди запахов туманного утра), я же специально приехал, чтобы посетить свою теленевесту, свою *далекую*, по фамилии, может быть, Баухауз ... посетить-поискать ... уу! уу! ветрено стало. Теленевеста *Браунзеерин*, скрытая *коричневовицица*! Нет, я должен подумать, я ведь тоже не лыком шит. Понимаю, в этом вашем Берлине все делается так, будто ничего не происходит. Точно что ВЕЧНО. Посекретничали и тащим за угол. Вкривь и вкось, и все почестному, без резинки. Конечно! Эти три незаполненных строки, белеющие наверху таблички, это ты, три твоих верхних этажа! Ну, что ж, это я даже могу понять. Напиши ты здесь свою фамилию, в твою дверь ломились бы все подряд, сумасшедшие, алкаши и сексуальные маньяки. Так и бывает с красивой, надеюсь, женщиной, когда она человек публичный, телевизионщица с ARD. Иногда она что-то делает и для ZDF или там для RTL plus (и минус), для SAT eins и KGB drei². Но это не важно, это даже вносит разнообразие. Ведь при такой повсеместной занятости она, конечно, должна постоянно менять свою внешность, иначе все программы станут одинаковыми. А так ее в Берлине совсем не знают, лишь три анонимные строки, изысканно белеющие на табличке, только для приличных господ, которые имеют свежевыбритую голову на плечах и могут сообразить, что это и есть ее способ обозначать себя на табличке. Двумя пальцами, как в рекламе Jagermeister'a³, я нажимаю на белые кнопки. Это только жест, показатель тонуса. Действует хорошо, но нисколько не помогает, потому что дома никого нет. Так всегда и бывает, если являешься без шампанского. Я иду за шампанским. Все ясно. За нами дело не станет. Но сначала этот испанский ресторан, который сразу бросается мне в глаза. Вы правы, пока я ищу шампанское, я окончательно проголодаюсь, и это в стране-то Первого мира, как такое можно себе представить? Итак, я занимаю место в вашем пустом зале. Прибранном специально для меня? Очень красиво, сияющие скатерти, блестящие приборы. Прямо ослепительно. Меня не смущает даже этот парень, который возится

¹ *Vaumeister* m - строительный мастер, зодчий. Далее: о курсивах для перевода слов, оставленных по-немецки см. сноску 1 на первой стр. текста. Теле- (гр.) как дальновидение «объигрывается» постоянно.

² Кроме KGB, всё это - названия немецких телевизионных программ.

³ Название горького ликера.

там с какими-то ящиками, я никогда себе такого не позволяю. Как будто ему нечем больше заняться. Покуда я ем, он все, кажется, на что-то мне намекает, и вдруг, покуда я все еще ем, меня осеняет: естественно! Это ведь тот же самый дом. Только за углом и с другой стороны! Идиот, пошляк! Сколько ж тебе нужно сидеть и есть, чтобы допереть, что это ведь она тебя тут угощает, ну, мастерица! Артистичным движением руки я отбрасываю салфетку: это было здооорово! Я благодарю мою невидимую хозяйку. Может быть, все, что невидимо, на самом деле просто голодает? Может быть, она голодна? Я же напротив чувствую, что я, наконец, полностью визуализировался, теперь я пойду к ней наверх через ресторанный кухню. – Стоп! – Что, простите? – Я говорю, здесь нет прохода, только там. Он показывает мне, где. Я выхожу на улицу. Какой светящийся воздух. Прежде чем идти за шампанским, проверю-ка я еще раз. Нет, фамилия моей дорогой хозяйки ... ху-ху-зайки ... так и не появилась. Разве что невидимо: напечатанная невидимыми чернилами. Исходя, конечно, из предпосылки, что она живет там под своей собственной фамилией, в этой своей трехэтажной вилле под крышей скромного шестиэтажного дома. И не страшно, что увидеть ее фамилию невозможно. Для меня важно только одно. Что она настоящая. Это было бы замечательно. Но почему я собственно так уверен, что фамилия, которую я знаю, это ее настоящая фамилия. Может быть, мне повезет больше, если я нажму на одну из трех других кнопок. Все они с надписями, как положено. И должны быть примером для трех ее кнопок без всяких надписей. Froelig, Klipp, Libeli. Все они в порядке. Какая же из этих типично милых фамилий является твоим псевдонимом? Или все три сразу? Ну, ты и стерва. Для каждой, значит, программы своя фамилия? И к тому же все они невидимые, так что ли? В объявлениях передач они выговариваются беззвучно. Для читающих по губам, да? С губной помадой – чуть отчетливее. Но все равно довольно-таки беззвучно. Ну, разве что дело доходит до слуховых галлюцинаций. Окей, я нажимаю, скажем, на Клиппа. Дверь железно остается себе закрытой. Ты смотри. Может быть, это название фирмы? Торговая марка? Защищено! Ну, тогда Фрелих и Либели. Снова никого? О чем и уведомляем. Может быть, для того, чтоб открыть дверь, нужно нажать на несколько кнопок сразу, и даже несколько раз и в определенном порядке? Я пытаюсь и так, и этак. Впрочем, Вы правы. Сперва шампанское. Я одобрительно киваю головой. Буду через пару минут. Снова за угол, вхожу. – Чего господин желает? Он – здесь нужно прописными – ЖЕЛАЕТ, СКАЖЕМ ...

просто «Крымского шампанского». Только лучшего, знаете ли, из тех секретных сортов, ну, да Вы все понимаете, это сразу видно. – Нет. Такого нет. Вы должны взять другое. – Что, простите? Я должен бы или должен? Вы должны. Взять вот это. Kriter! «Критское»? Никогда еще не слышал. А, понимаю: Kriter-Ritter! Это же титул. Рыцарь с Крита. Вы присвоили мне титул. Крит звучит похоже на Крым, во всяком случае, поначалу. То есть в самом начале. Но означает нечто другое. Я посылаю женщине благодарный взгляд. Она некрасива, она понемногу стареет. 17 марок? Это, наверное, шутка, при таком-то качестве. Я возьму сразу несколько. – Нет. – ? – Вы возьмете не несколько, а только одну. – Что, простите? – Вы меня поняли. Одну. И точка. – Но ... знаете, одной недостаточно, я думал, я возьму по меньшей мере две, потому что, видите ли, нас шестеро ... шесть приятных личностей. Вы только представьте себе, шесть приятных личностей пьют вместе шампанское, составляя при этом ... – Приятную компанию, – продолжает мою мысль очень приличного вида господин, возникающий справа. Справа от меня. Внимательные серые глаза, и того же цвета костюм, он смотрит на меня, так сказать, всей своей элегантно-внешностью. – Но ОДНУ бутылку приятно ведь осушить, если вы ВТРОЕМ, в этом есть свои преимущества ... стиль ... традиция... – Нет, прерывает его женщина, он один и получит одну бутылку, на себя одного. Как так, я что же не могу ни с кем и поделиться ею? однако ... Никаких комментариев. Ничего. Совсем ничего. Я снова на улице.

Клипп-Клипп! И дверь тут же открывается. Входим! Ну вот, пожалуйста! Спасибо, хозяйюшка! Я еду прямо на четвертый этаж и звоню в дверь. А она как раз открывается, вся такая лакированная зеленая, и на меня выходит бородатый гиппопотам вкупе с семейством, направляясь к лифту. Вы что, издеваетесь надо мной? Или эта дверь так устроена? Я начинаю стучать во все двери, бегаю вверх и вниз по лестнице с мягким покрытием. Настоящая лестница-ведущая-всегда-вниз, скажу я вам, на любом этаже так удивительно глубоко дышится! Я понимаю, такой хозяйке было бы обидно, если бы здесь пользовались лифтом, здесь нужно паломничать вверх по лестнице, совершать религиозный обряд! Но и самая последняя дверь, на которой заканчивается лестница, она тоже закрыта, и здесь тоже никакой реакции на мой тактичный стук. Никакой *стрекозиной* Либели в щели. Постучу-ка я теперь, как берлинский глава полиции! В точку! Я слышу какое-то движение внутри. – Кто еще там? – Это я, привет! Я бы открыл дверь и

выпустил вас, но не могу найти свой ключ ... такая вот незадача! Я громко стучу по своим карманам. Дверь открывается. Ну, вот видите! – Эй, подождите, кто вы вообще такой? Я? я пришел, чтобы выпустить Вас отсюда, только вот ключа не найду ... но если уж Вы открыли, то впустите меня!

Она делает шаг назад. За ней открываются огромные перспективы. Небо Берлина, крыши домов, управлений полиции, просто великолепно. – Но сюда можно только тем, у кого есть ключ, кто из дома! Ну что за девушка, Вы же видите, что я зашел сюда снизу, из дома, а, кроме того, вот! шампанское! тоже из дома, торгового дома Критер, «Критское», значит. – Я не пью. Да я знаю. Женщина мне уже сказала. – Какая еще женщина! – Ну, та, что продала мне шампанское, не прикидывайтесь, будто Вы ничего не понимаете. Только я не должен ни с кем делиться, так ведь? Она снова располагается на своей лежанке. – Эй, что Вы делаете? – Вас фотографирую. – Вы что, фотограф? – Даже профессиональный. Король фотографии. Но я делаю только современные снимки, хехе ... только такие, как хочет сам Крупп для Хальбаха. Эй, руки прочь! Я имею в виду, что Вам не нужно так прятаться, в мою камеру встроена автоматическая цензура. Послушайте, а не могли бы мы на этом автоматически скользящем спуске ... – МЫ? на этом?.. – ну да, Вас сфотографировать. – Это же для детей! – Ну, тогда я полезу туда один. Слышите, как пробка стреляет в небо? Великолепно! Только без спешки! Этой драгоценной бутылкой ты ПОСВЯЩАЕШЬСЯ. С каждой каплей ты знаешь на каплю больше.

Я прислоняюсь спиной к этой детской горке. Откуда здесь столько песка?левой рукой я делаю из него несколько фигурок, так как моя правая обхватывает бутылку. Разве ветер не сносит песок? Я с удовольствием рассматриваю панораму города. Просто прекрасно, все эти КуДаммы¹ и все, что там еще наблюдается! Там внизу. Немного туманно, несмотря на огромное солнце. Самое время для нашего телесериала ... все очень критское ... значит, про Икара. Про того, у кого и Земля летает, не так ли? Я встаю и делаю два, три шага вперед, почти к самому краю крыши. Черно-золотая этикетка, черный критский рыцарь с золотыми глазами, одно слово: Критер. Это что же, теперь мне туда, вниз? Я делаю шаг назад. Нет. У меня не получится. Делаю еще один глоток. Все еще никак. Вы не

¹ *KuDamm* - улица *Kurfurstendamm* по-берлински.

заставите меня лететь вниз, даже с помощью вашего критского бреда. Ну и ну, хозяйюшка, разве так встречают своих гостей? Дать что-то пожевать, дать что-то, прямо скажем, превосходное выпить, а самой не показываться, выслать вместо себя эту дуру «из дома» и, в конце концов, смотреть, как твой гость сыграет в Икара прямо с твоей крыши? Я прислоняюсь спиной к горке. В голове у меня что-то гудит. Кажется, будто там работает телетайп. Да кончайте вы со своей чертовой телепатией, я думаю, мы можем, наконец, пообщаться лично, скажем, ровно через четверть часа. Тогда мы сможем спокойно обсудить все подробности. Я смотрю на часы: ровно без четверти семь. Я делаю глоток, и тут меня озаряет: вы что-то сделали со мной! С помощью вот этой бутылки! Вы привязали меня к себе! Это ведь совершенно разные вещи, когда с человеком общаются телепатически, будь то в потоке коллективного сознания или там в форме шутки, или же когда человека принуждают к послушанию, подмешивая всякую дрянь! Этим занимается только КГБ, и это аббревиатура! Я нервно вскакиваю. Шалят нервишки-то? Ясно, что аббревиатура, и что из этого? Может быть, эту дрянь мы давали тебе уже с молоком матери. Как уж говорится. Так лучше впитывается! А разгадал ты нашу аббревиатуру? К Господу Богу! И больше там нечего расшифровывать!

Я снова сажусь. К *Gospodu Bogu*. К Господу Богу. Господи. Дверь на террасу открывается, я смотрю на часы: ровно семь. Возникает ... я вздрагиваю. Оттого, что лицо смуглое. Нет, честно, я ожидал чего-то более русского. Симпатичный возможно-иранец, вот это да! Молодой и богатый! Он бросает горящий взгляд на свои золотые часы. Идите, пожалуйста, со мной. Ну, ясно. Он молча берет часть моего багажа. Мы спускаемся по лестнице и заходим в лифт. Он нажимает на кнопку «Е»¹. Скажите, что Вы делали наверху? – Я? ну, ждал Вас! – Покажите, пожалуйста, документы! Он задействует кнопку «СТОП», лифт повинуется. Должен сказать, дело принимает опасный оборот. Для него, разумеется. Ты смотри, чурка поганый, а тоже требует документы! Я нажимаю на «Е». – Ваши документы! Окей, окей. Я протягиваю ему свой паспорт. В конце концов, это его работа. Во всяком случае, похоже на то. Внизу мы выходим из лифта. Здесь к нам присоединяется полная женщина, тоже совсем иностранной внешности. Я знаю, вы, иранцы, на самом деле испанцы из испанского ресторана, в котором я уже побывал! – Кто

¹ «Е» - *Erde* (земля), по-русски: первый этаж.

Вам собственно нужен? Госпожа Баумайстер? Ага. Он обменивается взглядом с женщиной. Здесь нельзя находиться. В своем белоснежном костюме он выглядит ослепительно. Женщина утвердительно кивает головой. – Дадада, пытаюсь я успокоить всех нас. – Или мне стоит вызвать полицию, богатый иностранец обращается скорее к женщине, чем ко мне. Она кивает. Она все время только кивает! Только кивает. Знаете что! – снова включаюсь я. Делайте то, что Вы считаете нужным, я пойду подышу свежим воздухом! Все эти запахи. Все мои вещи остаются Вам в качестве залога, может, и часы Вам оставить? Пожалуйста, держите. А я иду глотнуть воздуха, со всеми этими запахами. Я выхожу отсюда. А ведь я с таким трудом попадал сюда! За угол, еще раз за угол. Ну, хватит! Хватит ... Ну? успокоился?

Перед домом все то же самое. Только кто это там разговаривает с испанцем? Симпатичная молодая дама. Пожалуйста, мол, хозяйюшка Баумайстер, не стоит благодарности. Точно ли это она, хозяйюшка? Точно, это она! Хотя я ее никогда не видел, но я бы не мог не узнать хозяйюшку. Что было бы, впрочем, еще лучше. Испанец сразу становится так любезен, как может быть любезен, пожалуй, только иранец. Древняя культура, с этим ничего не поделаешь. А, это Ты, говорит хозяйюшка. Хай! Приветик! Знаешь, ты появился несколько неожиданно, у меня довольно мало времени, я вот только сейчас вернулась. Я стою на месте и просто даю ей немного разговориться. – С другой стороны, это очень кстати, скоро ко мне должны прийти четыре москвича, которые как раз находятся в Берлине. Лучшие из лучших. Художники! Тебе будет интересно. Пойдем.

Но куда же ты? Почему за угол? Я думал, ты живешь в №17. – Да, конечно, №17, только №17 по Кантштрассе! Это угловой дом, понимаешь? Kantstrasse 17 и он же Querstrasse 17. Ты заходил с Кверштрассе 17. – Ах так. Ну конечно. Теперь я усек и больше не перепутаю. 17 и 17, Кант и Квер, вдоль и *поперек*. – Не шуми! – она нажимает на кнопку в лифте. – Ты не замечаешь, что здесь есть дети. – Действительно. Теперь я замечаю, что у нее на руках ребенок. Зачем ты таскаешь его с собой, он что твой? – Конечно мой! – Правда? – А что, по-твоему, я его выдумала? – В любом случае, ты выдумала его для себя лично. Твое право. – Пойдем, приехали.

На широких перилах лежат какие-то листочки. Отдыхают. Смотри, вот программка этих четверых москвичей! Я смотрю. POSTANOVKA. Замечательно. *Постановка* это русская *Inszenierung*. *Остановка*

Halt, Haltstelle, post на латыни значит *после*, а *перестройка* есть *Perestrojka*, по-немецки *Umgestaltung, Umbau*. Постановка. Ну, ладно. – Подожди здесь минутку, мне еще нужно все подготовить. – Понятно. Мы не требуем особого ухода. Я осматриваюсь. Все эти книги. Видно, образованная бабенка. Многие книги без картинок, очень жалко. Я вежливо сажусь и начинаю вежливо листать какую-то книгу. Сильная вещь. Я бы даже сказал: классика. Ладно, по сути мне в общем-то безразлично, что за книга у меня перед глазами, главное, чтобы буквы все были, и все они всегда тут как тут, на каждой странице! Так, так, но эта книга кажется действительно какая-то необычная. Открываешь вот здесь, и все как-то читается, открываешь в другом месте, и все читается как-то совсем по-другому. Ну ты смотри. Хотя читать ты умеешь довольно плохо. Нет, плоха та книга, в которой нет мест, позволяющих думать, что это другая книга, но плоха и та, которая состоит только из таких мест. Ну да, ладно. Я встаю со стула. К моим ногам подбегают две кошки. Я глажу правую своей левой ногой – я сидел скрестив ноги – а левую правой, чистый бальзам для ног. Для кроссовок. Но чего-то все еще не хватает. Подпрыгнув, я повисаю, ухватившись руками за балку, и глажу обеих кошек обеими ногами. Вот как это делается. Но после такой жесткой балки моим рукам тоже нужно что-нибудь мягкое. Как какой-нибудь апостол, я переворачиваюсь вниз головой, зацепившись за балку ногами, и, наконец, глажу кошек, как это делается обычно, то есть руками. Во всяком случае, так я это себе представляю. Ну, хорошо. Я выхожу на террасу. Она висит прямо в небе, вот это находка, квартира классная! А тут уже кто-то сидит, классный парень, приятно познакомиться! К тому же вежливый. Только он что-то мурлычет, греясь на солнце. Ну и чем ты занимаешься? спрашивает он меня и тут же продолжает свое мурлыканье. – Я приехал в Берлин, чтобы отпраздновать свою стипендию имени Круппа-и-Альфреда, дается за одну только современную фотографию. – Ты ее получил? – Разумеется. Я ее только одну и сделал. Что там собственно делать? – Я улыбаюсь обезоруживающе. Это я умею. Он улыбается в ответ. – Кроме того, я основал Желтую партию. – Желтую? спрашивает он. – Партию, поправляю я его. – Круто, говорит он. Мне нравится этот парень! Я бы с удовольствием разделил с ним остатки «Критского», только мне нельзя. Я сам должен выпить всю бутылку, до последней капли. Но ему это все равно, он пьет себе что-то свое, мы чокаемся. – Значит, вроде зеленых, только желтого цвета? – Нет, поправляю я его. Если

бы я отобрал у зеленых все, что в них синего, получилась бы партия желтых, понятно. А я этого не делал. Мы не желтые. Мы только входим в Желтую партию. – И ты там генеральный секретарь, да? Знаешь, оставим это лучше – с секретарем. Просто генерал. Вот, взгляни на мою униформу, здесь в чемодане. Так вот, а я ведь, собственно, в этой лавочке даже и членом-то не являюсь. Слишком большие взносы для меня. Впрочем, так даже лучше. Прости, я на минутку.

Я иду в туалет и делаю там несколько изваяний, симпатичные малые формы для унитаза. Сегодня моя задница, видно, настроена на античность, хотя мне лично больше нравится все египетское. Да, у них были формы! всю жизнь я был как театр, в котором никто не играл зрителей. Распределение ролей было идеальным. Эти дурацкие греки, напротив, больше работали напоказ, эти их жесты на публику, все у них внешнее, все их боги, от которых тошнит, в то время как у египтян все было внутри! Я вытираю задницу. Помнится мне, были у нас художники, которые набивали своим дерьмом консервные банки, а потом их продавали¹. Вот варвары, как они могли коверкать такие формы. Нет, нюх на материал у них, видно, был, но по части формы они профаны. Воду я не спускаю. Посмотрим, как это оценит наша телевизантка. Я выхожу, она сообщает мне, что между тем прибыл кто-то еще, это замечательно, он ждет на террасе. Я иду туда, под такое солнце. – Это Володя! А ты, как мне тебя представить? Ты, наверное, Ваня ... не так ли? Так точно! Мы садимся. Он напротив меня, я спиной ко всей этой растительности, что вьется по бетону, мне щекотно. Снова входит наша хозяйка. Она уже кое-что поставила на свой длинный узкий стол, так, кое-что. Помидорчики, огурчики, луковички, все так мило. Дело пахнет водкой. Ее, правда, еще не видно. Что касается меня, я остаюсь при своем «Критском». Володя смотрит на меня довольно строго. Я бы сказал, неотрывно. Ну, Володя, как вы себя чувствуете? Ах, Ваня, жизнь тяжелая! Тяжелая, но короткая, поддакиваю я ему. Не успеете оглянуться, уже прошла. Мы еще немного беседуем, затем возникает вопрос, с которым мы, русские, всегда сталкиваемся за границей: а Вы русский, Ваня, или может быть ... ну, скажем, еврей? Я выплевываю немного своего «Критского» на бетонный пол. Это было падение Икара, поясняю я ему связь событий. Похоже, он понял. – А чем Вы занимаетесь,

¹ Очевидно, имеется в виду в первую очередь Й.Бойс.

Ваня? – Я, я вот пишу роман. – Вот как? – Именно так. Он уважительно кивает головой. Я объясняю ему: сначала я что-то делаю, а затем я это что-то пишу. Сначала даю сигнал, а затем приземляюсь: я придерживаюсь правил Центральной Германии. – Ну и можно на это жить? – Ах, видите ли, мне это не нужно, по крайней мере, не настолько ... но если уж нужно, то недолго, очень недолго. Я за краткость, по Чехову: краткость – сестра таланта. Не успеешь оглянуться ... и так далее, смотри выше. – Значит, Вы записываете пережитое? – Нет, дорогой Володя, я делаю это пережитое. И уж это я другим поручать не стану, так ведь? Хотя было бы еще лучше. И тогда – да, тогда я, пожалуй, записываю все это. – И хотите продать? – Ну, конечно. А Вы хотите купить? – Написанное? – Нет, то, с чего пишется. И от чего же тогда зависит успех на рынке? – Ну, например, от того, оставлю я эту тарелку с огурцами стоять на месте или же немного подвину вправо. Не берите в голову, Володя. Кстати, недавно я разгадал одну симпатичную аббревиатуру, просто великолепную! Знаете какую? – Да, знаю. Он встает. – Знаете что, так совершенно невозможно вести беседу. Ну вот! Он уходит. Я остаюсь сидеть. Што ш это с парнем? Похоже недавно здесь, в Берлине. Видно, только что прибыл сюда, на Запад. О да, тяжело здесь бывает, даже невыносимо. Это он уже понял. Но еще не до конца. При этом он вполне ничего, у него такой странный блеск в глазах, что я практически мог бы смотреться в них как в зеркало ... потому-то он постоянно отводит взгляд. И говорит он, почти не двигая губами. Будь я глухим, я бы ничего не понял, даже если бы он пользовался губной помадой. Наверняка мы с ним оба принадлежим к одному и тому же кругу, только вот к какому? Я и до сих пор не понял, но он, как видно, в этом разбирается. Он возвращается на террасу, смотрит, как я, откинувшись назад, окунаю мою свежевыбритую голову в море здешних лавров, и ухмыляется: ты уже доходишь до крайности! – До внутренности, исправляю я его немецкий. Несмотря на то, что мы говорим по-русски. Правда, он не понимает того, что я говорю. Тем не менее, мы прекрасно общаемся. Так мне кажется. Между тем появляется наша ... хе-хе, хозяйюшка со своими остальными грандиозными москвичами, которые тоже ценят культурное общение. Кажется, их тоже серьезно занимает национальная проблематика: типичный грузин постоянно пародирует выговор галицийских евреев. А, может, он исполняет слуховую галицинацию? Хахаха. Наитипичнейший русский демонстрирует отличное грузинское произноше-

ние. Ты смотри. Чего они только не умеют. Ну, в конце концов, все они из театра. Театральные художники, архитекторы. Сейчас у них проходят громадные выставки, по всей планете. У телевизионщицы отличные связи с Театром имени Шиллера. Говорится об этом так, будто все это практически одна лавочка – наша Баумастерша и Театр Шиллера. Как уж принято в наших широтах, некоторые из нас через слово-другое вставляют крепкие выражения. У меня БЛЯДЬ громадный В ПИЗДУ заказ от РАЗЪЕБАННОЙ Люфтганзы. Это же НА ХУЙ крупнейший спонсор в этой СРАНОЙ Германии. Я слегка ворочу нос: Lufthansa! Как там было? В том смысле, что в ней все довольно скверно?! Ну да, зато у нее меньше всего аварий. Это точно. В небе над нами как раз появляется самолет. Вот ракета, объявляю я с гордым видом. Огнесрально-стратегическая. Сейчас как ляпнет. Только не на стол! – Маэстро, почему вы не едите? Тот, что казался грузином, накладывает мне на тарелку большую порцию салата. Ну, ясно, раз маэстро, значит салат. – Срать на стол – это полное говно, философски замечает чистейшей воды русак. Я скорее могу себе представить, как на него блюют или там спускают. – Для этого есть простыни, возражаю я ему. Я имею в виду, чтоб блевать. Вот мы недавно тут погудели, я даже прилег ненадолго и вдруг понимаю, что сейчас я блевану. Чему быть, тому быть, в общем, я почти в леонардовской этой позе начинаю облевывать карту мира. – Справа или слева, осведомляется протезе Люфтганзы. – Ты о чем, о простыне или о карте мира? – О карте мира. – Ее, по-моему, слева направо, выше линии пояса, ээ, экватора, в общем, америкосы и Европа до Урала были уже готовы, тут архивнезапно входит моя старуха и все мне портит, забирает у меня простыню. – Что, пришлось потом доделывать? – Неее, блин, все пошло псу под хвост, в стиральную машину. Сначала под хвост, потом в машину. – Дело дрянь, сочувственно говорит галициец. – Они даже эти консервы из Москвы привезли, пытается утешить меня хозяйка, что очень трогательно. Вот, попробуй! По этому случаю я рассказываю о здешних художественных консервах. Ну да, говорит чертов еврей, может быть, их просто надо открывать и есть. Может быть, тогда люди начнут испражняться продуктами питания. Которые уже были съедены этими немецкими художниками. Чтобы потом сделать эти консервы. Во время нашей консервативной беседы я постоянно подмигиваю молчащему Володе. Своей фамильярностью я даю ему знать, что он полностью на моей стороне. Что мы оба даже смеемся над другими. Он все

хмурит свои роскошные брови. Теперь, говорит хозяйка, мы все вместе едем в бар «Париж». Но ты – она неожиданно поворачивается ко мне – с нами не едешь. Тебя уже хватит. – Нет, теперь я уж точно не еду с вами: то есть как так не еду? Если бы ты только сейчас мог видеть свою отвратительную улыбку! Я предложу тебе кое-что получше, ты посылаешь всех остальных к черту, а мы с тобой остаемся здесь. Мне нужно поспать. Я даже не спустил воду. – Что за бред. Пошли, ребята. Ты выходишь с нами, я не могу оставить тебя в квартире! – Ты, уродка, жертва аборта, ХХХХХ ХХХХХХ ХХХХХХХХХХ! Сука! Я думал, хоть это повлияет на нее, заставит задуматься, ничего подобного. Мы все снова внизу на улице. – ЗДЕСЬ ты можешь перекантоваться! Видишь? Этот жилой прицеп. Чао!

Она оставляет меня посреди улицы. Я смотрю на небо и в наказание за это начинаю все видеть в черную крапинку. Этого еще не хватало! Мне страшно одному, брошенному в столице Рейха: мама, я хочу домой! – Я не мама тебе, слава Богу! – Я знаю, ты мама того другого, маленького ... – Ну все, хватит! Не хватайся за дверцу машины! – Я один, что мне делать здесь в таком одиночестве? Если на меня нападут, ответственность будешь нести ТЫ! Слава Богу, у всех этих людей, которые здесь гуляют, есть свинцовые дубинки, кастеты и велосипедные цепи, так что я чувствую себя в какой-то степени защищенным! – Эй, Володя, Сережа, помогите же мне! Придержите парнишку! – Эй, Володя, Сережа, помогите же мне! Она здесь все шутит, совсем свихнулась! В конце концов, мы коллеги и земляки, и к тому же мужчины, мы ведь не позволим, чтобы нас одолела эта немецкая баба!

Уу! Уу! Стало ветрено! Машина отъезжает. Кантштрассе, за угол, Кверштрассе и так далее. Вторая машина тоже отъезжает. Эй, минуту, пустите меня! Кто там вообще за рулем? У вас, русских, ни у кого ведь нет водительских прав, только у хозяйки! Вторая машина тоже растворяется в темноте. Держу пари, за рулем там тоже была хозяйка. Появляется еще одна машина и проезжает мимо меня. Та же самая история. Везде хозяйки. Просто невероятно. Видно, придется мне пробежаться. ОК, побегу и буду там раньше, чем все вы. Вот вы приезжаете – глядь, а я уже там! Не успеете, Володя, и оглянуться!

З Уу! Уу! Стало ветрено! Машина отъезжает. Кантштрассе, за угол, Кверштрассе и так далее. Вторая машина тоже отъезжает. Эй, минуточку, пустите меня! Кто там вообще за рулем? У вас ведь ни у кого нет водительских прав, кроме хозяйки. Вторая машина тоже растворяется в темноте. Держу пари, за рулем там тоже была хозяйка. Появляется еще одна машина и проезжает мимо меня. Та же самая история. Везде хозяйки. Просто невероятно¹.

Я оглядываюсь. Тьма довольно-таки непроглядная. Интересно, а мог бы этот фонарь светить поярче, если бы она захотела? Но она этого не хочет. А я хочу. Только сконцентрироваться, расслабиться.

Я чувствую во внутренностях жжение.

Взирая на далекую звезду. Правда, неплохо?

Я смотрю вверх. Может быть, у хозяйки зажегся свет. Нет. Полная тьма. На всех этажах, и у Фрёлих-Клипп-Либели тоже. Да, в темноте Берлин – совершенно другой город. Это неприятно. Солнце из него выскользнуло. Видно, силы притяжения не хватает. Этому я не учел. А я ведь собирался только в Берлин, и никуда больше, ни в какой совершенно другой город! PAN AM, AIR FRANCE и BRITISH AIRWAYS должны бы мне возместить половину стоимости билета. Как же. Насколько я понимаю, они порядочные пройдохи. Они могут перевернуть все с ног на голову и в ответ потребовать с меня же еще доплату. Они на это способны. Эти молодчики. Я на ощупь продвигаюсь по темной улице. Проскальзываю за угол. Вау! Кто-то вскрикивает. Отскакивает в испуге. Трус. Ладно, больше не буду так подкрадываться. По крайней мере, буду хотя бы шшикать. Мои шаги ведь бесшумны. По-военному. Очень интересно, как далеко тянется эта улица, то есть прежде, чем не сменит свое название. А вот если этот дом использовать для каких-то там сомнительных целей, можно тогда пользоваться черным ходом? Где он в лестничной клетке, напротив главного? И на какой улице тогда оказываешься? И куда там лучше сразу, направо или налево? Часто ли нужно переходить на другую сторону улицы и с какой целью? Я здесь далеко не во всем еще разобрался. Меняются ли здесь названия улиц, когда переходишь на другую сторону, даже если речь идет о двойной фамилии, как, например, Квитко-Грудзински? Изменяется ли фамилия прохожего, когда он переходит на другую

¹ Этот повтор можно понимать и как след незаконченности работы над рукописью.

сторону? Или только его имя? Отмечается это в его удостоверении личности? Сразу или задним числом? Как тогда платят за оформление? За все сразу или задним числом? Я оглядываюсь вокруг. Только львиные морды, над каждым входом. Это у них называется югендстиль, знаю, знаю. Ну и стиль у здешней югенд, странная молодежь. Много штукатурки сыпется на тротуар с этих грив. Булыжники здесь были когда-то круглые и горбатые. Темные входы, нигде ни звука. Да, живут здесь очень прилично. Многие даже вечно, времени не считают. Хозяйка может спрятаться здесь где угодно. Это все ее штаб-квартиры. Она здесь отлично ориентируется. Я, конечно, меньше. Но скоро стану и больше. Ох, уж эти таблички с фамилиями. Кажется, все изменено. Видно, редактор здесь поработал.

KRUEGER	FIEDLER
BUCHMANN	HUBER
BEHREND/FLESCHE/ZME	HASENKAMP
KARMANN	THOMSEN/GRILL
DR. POPOVA	BRUHN
PLATE/KESSLER	HONF/BUTSCHKOW

Да, сразу заметно, что-то в этой крепости происходит. Только вот что. Внешне все прилично. Хоф, то есть двор¹, предположим, задний. Посреди двора источник, читай Брун, из него что-то черпает трактирщик Крюгер. Книжник Бухманн с краю. Читает вслух. Но лишь то, что происходит перед глазами. Каменная Зме (по-русски и так понятно), она ловко сворачивается в кольцо, обвивая чашу источника. Хубер, он что-то там поднимает, что ходит в воздухе. Вверх-вниз. Берендя без Беренда. А тот сеет, используя, скажем, Фильтер, слишком большие зернышки застревают. Тут и попова женка, психиатриня, мало что может сделать. В конце концов, речь ведь о нашей карме, а вот как раз и Карманн для этого. В самом дальнем углу двора. Только он себе не очень-то доверяет. Заяц мчит по полю, не замечая, что Хазенкамп

¹ Здесь и дальше во всем абзаце – игра слов, в которой расшифровываются фамилии жильцов, перевод дается в тексте курсивом. Из неочевидного: Фильтер, в тексте - Fiedler - возможно: искаженное Filter m (фильтр), хотя в списке фамилий указан FIEDLER (уличный скрипач); Томсен неверующий жарит мясо, потому мясо (Fleisch m) прочитывается в фамилии Flesch; Кесслер = Kessler m, можно понимать как «котельщик», но созвучно с Kassler m (сорт мяса, а можно услышать и тот же Кассель).

с его нежной травкой начала лета – то еще *поприще для травли* таких вот зайцев. Но это его не пугает. Он ведь искусство транспортирует. Спорт есть спорт! У неверующего Томсена руки уже в крови, он вращает свежие, чуть пахнущие куски Кесслера на решетке для гриля, см.: Грилл/Плате. Он сует руку прямо в огонь, и она превращается в мясо-Флеш. Ну, тогда я буду Бучковым, русским среди вас. Эй, пустите Бучкова! Я остервенело стучу в дверь. Нет, господа и не пошевелийтесь, вся эта сценка вроде рельефа, высеченного из камня. Хотя, строго говоря, это полная катастрофа, и особенно, если она задвигается. Ну какая досада!

Ладно, к следующему дому. Будет мне еще рассказывать, про какой-то там бар «Париж». Меня не проведешь, девушка. Говорят, там погиб Тарковский¹. Предмет нашей нацгордости. Кажется, она мне и говорила. А сама его, небось, и прикончила, да еще и гордится этим, вот так-то. Ну, а почему бы и нет? Я рассматриваю фамилии на табличке. Это как читать по руке, хотя читать я умею довольно плохо. Но не в этом дело. Все фамилии такие короткие, будто на тебя тут лают из-за всех углов. Вау! Вау! Но меня не испугаешь. Меня это не касается. Видно, псевдонимы артистов, художников и почему я знаю. Да к тому же и перевернутые. Мне важно только недор.& кач., то есть быстро и безошибочно угадать, какая комбинация клавиш заставляет дверную автоматику сработать так, чтобы нигде не зазвонило. В конце концов, я ни кого не хочу поднимать с постели, когда уже так поздно и так темно, и все это под тем же солнцем.

Вот! Открылась! Пожалуйста, кто бы сомневался. Вхожу, вхожу! Никаких лишних движений, пару ступенек наверх и сразу туда! К подвальной двери. Здесь я должен кусок прокрасться, но немного, иначе придется шикать. А шикать нехорошо, когда все тут спят и могут вызвать полицию. Подвальная дверь заперта. Во всяком случае, так она выглядит, так и получается. То есть не получается. И никаких кнопок рядом с ней, вот это, на мой взгляд, действительно раздражает. Я ощупываю ее. Холодна. Ей, я думаю, это не совсем неприятно. И мне тоже. Я прижимаюсь к ней. Только без насилия! Наконец-то, я расслабляюсь. Мне ужасно приятно. Этот железный жар пронизывает мое тело насквозь. И тут дверь начинает проходить сквозь меня. Сердце-сердце-что-случилось, почему ты не покажешь мне это место? Покажи мне это место! Сердце начинает

¹ Говорят, что был с Тарковским случай какого-то недомогания в этом берлинском баре.

стучать. Как раз на этом месте. Постучать (вместе с) сердцем, это, я думаю, высший класс. Вот что значит сердечно. Прямо философски. И она открывается. Открывается. И как раз с той стороны, которой она, казалось бы, держится на петлях! То есть как раз таки не с той стороны. Но тебе наплевать, ты опять на улице. Да, действительно на улице! Подвалом даже не пахнет. Вот как! Что-то в этом есть подозрительное. Здесь вообще есть что-то подозрительное, в этом вашем Берлине. Только вот что? Или, может быть, это снова такой спецсервис, персонально для меня? Едва я, значит, попадаю в ПОЛЕ ЗРЕНИЯ, даже двери больше не функционируют, как положено, не говоря уж о прокате автомобилей? Или, может, дело в том, что завтра начинается этот день? День Немецкого единства. Нет, подожди-ка. А может, уже сегодня? Где мои часы? Черт, остались лежать у хозяйки, чертовы часы. Тогда мне действительно срочно нужно туда. Да! Я отлично могу себе представить, что в такой день как сегодня даже новейшие висячие замки, сжатые даже в самом немошном кулаке, распадаются, подобно сгоревшим клочкам бумаги. Так-то! И все эти двери, даже самые лакированные зеленые, раз – и становятся, будто из пенопласта! При этом внешне они не меняются ни на йоту, в этом весь трюк. Они выглядят такими же прочными, как и раньше. Ибо изменяется лишь субстанция, своего рода обращение ... да что там, даже не обращение. Самое большее общину сменит. И замки на дверях тоже блестят, как прежде, металлическим своим блеском. Только в сущности своей они: раз – и совсем не то. Уже готовы. Всегда готовы, вот так-то! К таким замкам подходит, пожалуй, все, что хоть мало-мальски продолговато. Ибо, если уж одно к другому хоть как-нибудь там подходит, значит, уже точно подходит. Я мог бы вставить туда свой член. Разве я не прав? Только в качестве примера, ну, разумеется. Вознесение стоя, это мы уже знаем. Он – весы, а яйца – гири: только взвешиваем осторожно, проверяем балансировку ... смотрим точный результат. И дверь открывается, входи, пожалуйста! Так я прокрадусь через весь ваш Берлин! Все эти подвалы нужны здесь лишь для того, чтобы соединить между собой как можно больше домов. Входишь в № 4, а выходишь уже из какого-нибудь № 101. Какой светящийся воздух. С Канга – входишь, с Квер – выходишь. Спасибо, хозяйюшка! Вниз под Кройцберг, выныриваешь на Целендорф. Все эти расстояния – чистый обман! Все для автомобильной промышленности и общественных видов транспорта! Что, пожалуй, тоже вполне понятно, так ведь? А то бы

все здесь тотально сблизилось, и до чего же мы тогда бы дошли? Да практически до жизни в двух измерениях. Было бы не очень-то хорошо. С легким уклоном в двухмерность существования. И все более легким и легким ...

Но то, что ваш Берлин выстроен такими ступеньками, я нахожу вполне удобным для пользования. Входишь куда-то, спускаешься по лестнице в подвал, открываешь там дверь и выходишь на другой улице, то есть на уровне «Е», земли. Ведь все улицы находятся на уровне земли, не так ли? А если дальше пойдешь, как все граждане, по тротуару, вовсе не приходится преодолевать подъем. Вот, вот! Настоящая лестница-всегда-идущая-вниз, а? Так можно начисто забыть о том, как поднимаются вверх. Если, конечно, не громоздить холмы на впадины. Но я не стану этого делать. Я уже сыт по горло всеми этими подвалами и дверями. Зачем вообще нужны двери? Ведь само по себе наличие стен не должно никого удерживать от того, чтобы проходить сквозь них и идти дальше. Даже если многие из них вполне можно видеть. В конце концов, тебя и самого вполне можно видеть. Как бы ненароком, по ходу дела, я ударяю плечом по стене дома. Твердая, собака! Видно, я еще не очень хочу. Только сконцентрироваться, расслабиться. Или это была стена, еще слишком невидимая для таких дел. Тоже не удивительно, в этой вашей темноте. Ну да, зато мне не нужно больше читать таблички с фамилиями жильцов, тем более, что читать я умею довольно плохо. Но слышу я хорошо. Голоса и все такое. На ходу я прослушиваю все ваши стены: везде только тупое хихиканье проклятых москвичей. Твоих помощников, ну, ты и стерва. Веселитесь и дальше в этом своем баре «Париж». Говорят, там погиб Тарковский. Что вы только так шепчете отовсюду. Знаю я вас, мнимых москвичей, очевидных русских, очень-может-быть-иранцев, театральных художников и, кроме того, мужиков что надо! Думаете, прибрали меня к рукам? Упражняйтесь на мне в телекинезе? Забудьте это. Это под силу только мне и хозяйюшке. Ей, только как телевизионерке. Этой стерве. Она должна быть где-то поблизости. Сейчас, возможно, за верхней поперечной этой дверной коробки, дверь опять в подвал. Куда бы я ни пошел, я всегда приближаюсь к ней. Я замедляю свой армейский шаг, только когда поворачиваю за угол. Я не хочу срезать углы, по мне они еще слишком невидимые для этого. Вся их каменная кладка. Медленнее! Как сказал бы Шиллер: прибавить скорость – волшебства не нужно. Еще раз за угол. Вау! Жилой прицеп. Около дома! Опять эта проклятая Канткверштрассе или как

там она называется; сейчас она, наверняка, называется по-другому. Неважно. Раз уж я тут, то могу и позвонить в дверь. Только не думай, стерва, будто это ты привела меня сюда с помощью телекинеза. Нет, я сам сделал так, чтобы это получилось, с телекинезом. Дверь все закрыта. Тем же телеакинезом. Ну, ясно. Это все мы уже знаем. Смотри выше. Полная катастрофа! Я смотрю наверх, выше этажей Фрелих-Клипп-Либели. Сплошная тьма! Видно, ты еще в этом вашем баре «Париж». Знаю я эти ваши бары «Париж»! В которых гибнут ваши Тарковские! Небось, прямо там он и помещается, у тебя наверху, этот выдуманный вами бар «Париж»! Там, должно быть, и погиб этот выдуманный вами Тарковский ... был погублен. Ты вообще меня слушаешь? Чем ты там наверху, собственно, занимаешься, при выключенном свете? Что, приятная компания? Это вообще твоя квартира, или, может, она раньше принадлежала Тарковскому? Предмету нашей нацгордости. Я звоню еще громче, на этот раз и Фрелиху-Клиппу-Либели. Раз уж я здесь. Но никто не соизволит пойти нажать на кнопку автоматики. Лентяи. Не говоря уже о том, чтобы спуститься и открыть дверь лично. И никакой девушки-по-дому. Где она прячется? Хотя бы она-то могла бы пошевелиться, она здесь все знает! У нее все преимущества, да, но как она их использует? Я вижу в этом недостаток уважения к соседям. Ладно. Тогда я поворачиваюсь к двери спиной и рассматриваю припаркованный напротив жилой прицеп. Это хозяйшкин. Ну, ясно. Она сказала, что в нем я могу поспать. С незаинтересованным видом я подхожу ближе. А что, если она ждет меня там? Вот девка. Все это время! Очень трогательно вообще-то. Улизнула туда от московского сброда и ждет меня в своем белоснежном жилом прицепе. Как же это было? Теленева. Теле-теле-тесто, но только теле. Нет, сейчас мы помесим вместе, в самом теле, открой, пожалуйста. Дверцу! Пожалуйста! Мы поедем прочь отсюда, очень далеко, дальше всякого телевидения, бормочу я прямо перед собой, стоя перед прицепом. Все это предложение бормочу я прямо перед собой, стоя перед прицепом. Или ты хочешь, чтобы я сам открыл? Никаких проблем. Я берусь за ручку. Да, холодная вещичка. И тоже ведь не работает. Я знаю, хозяйшечка, если бы ты захотела, она стала бы обжигающе горячей. Но руку я не обжег бы, если бы только ты захотела. Ни в коем случае! Если бы ты захотела, ручка бы заработала. Да ты бы и сама мне открыла, и не пришлось бы мне браться за эту ручку, если бы только ты захотела. Что же ты все-таки делаешь в своем чертовом прицепе, а,

хозяйюшка? С кем ты там, могу я спросить, распроXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXты такая? Приятная компания, полагаю? Куда же ты
едешь, хозяйюшка, если ты сама там, в этом чертовом прицепе?
Пусти и меня туда. Я никуда на нем не поеду, если уж на то пошло. Я
просто посижу внутри и потрогаю, как там все устроено, буду всем
восхищаться, открывать окно нажатием кнопки и демонстрировать
дружественную улыбку, если уж на то пошло! Но раз уж внутрь ты
меня так и не пускаешь, я исчезаю, прямо с этого места! Прочь!
Прямо с этого места. Точка. Очень интересно, как далеко тянется
эта улица, прежде чем сменит свое проклятое название. Поменяет
на какое-нибудь получше, вроде Квитко-Грудзински. Я ведь так и не
спустил у тебя, НЕРЯХА. И куда теперь лучше, снова сразу направо
или налево? Ты ведешь свое хозяйство, увы, НЕРЯШЛИВО, что
особенно заметно в сортире. Это тоже в квартплату входит? Ох, уж
эти сказки о настоящих немецких домохозяйках. Так вот и бывает,
когда они становятся тоже людьми публичными. Если бы ты хоть
заплатила мне за фигуры! Но ты принадлежишь к собирателям того
сорта, которые собирают, хотя не платят. Это уже просто
МОРАЛЬНО ГРЯЗНО, да, хозяйюшка. Как не платить, так и
принадлежать к собирателям такого сорта. Что ж, я тоже собираю
себя, не платя за это. И вообще, я постоянно собираюсь, т.е. собираю
себя, и платить за это – получилось бы слишком дорого. Только
сконцентрироваться, расслабиться. Этот грязный задний двор мне
не нужен, быстро оставляю его позади себя. В заднем корпусе уже
открыты все двери. Спасибо, хозяйюшка. Они и висят-то совсем
неправильно, надо же. Ветер здесь сильный. Не буквально сейчас, а
вообще, в принципе. Даже здесь, на третьем этаже. Нужно
сконцентрироваться, расслабиться. Я сажусь на невидимый унитаз,
закрываю глаза и делаю пару фигурок, превосходные малые формы
для этой чаши. Несомненно видимые. Даже если держишь глаза
закрытыми.

«Закроешь их и видишь темноту».

«Хотя бы и при свете?» «И при свете...» Помнится мне, были
такие художники, которые хотели навязать нам свои невидимые
фигуры. Со мной у них ничего бы не получилось, можете быть
уверены. А вот о невидимых чашах унитазов эти художники вообще
не имели никакого представления. Всю свою жизнь они буквально
не видели этих чаш! В последнее время я слежу за тем, чтобы моя
пицца выходила разнообразно. В конце концов, нужно работать с
разными материалами. Фигуры для хозяйюшки – это был испанский

ресторан на Кверштрассе, а вот эти, теперешние, это уже хозяйюшка подавала у себя на террасе. Я тужусь, и у меня выходит еще парочка таких же. Опорожняться – это как копать. Археологическое занятие. Я открываю глаза: я выкопал нечто египетское, хозяйюшка. Благородного черного цвета. Узнаешь ты себя? Я сделал твой египетский портрет! И сразу в четырех-кратном исполнении! Я гордо встаю. Не помочился я при этом ни миллилитра. Хотя помочиться и не мешало бы. «Критское», однако, не для того, чтобы им мочиться, не так ли? Хотя помочиться было б совсем не плохо! Итак, хозяйюшка, уж за ЭТО точно нужно платить! Я достаю несколько дензнаков и попеременно вытираю ими задницу: зеленым – синим – зеленым – синим. Тем более, что туалетной бумаги в зоне досягаемости я не вижу. Ну, теперь мне нужно дальше, дальше наверх. На четвертый этаж. Итак, все дальше наверх, прочь отсюда, от вас, еще дальше прочь, чем сейчас, когда я убираю прочь от вас свою задницу, поднимая ее все выше. Как-то тяжело мне это дается. Как-то мне жалко, что нужно вас здесь оставить, мои маленькие хозяйюшки. Но, в конце-то концов, вы ведь самостоятельны и независимы. Вы принадлежите всей этой глазающей общественности, с А- и BRD (которая ФРГ). Ну, с КГБогом! Только смотрите у меня, оставайтесь и дальше такими гордыми, блестяще черными и независимыми! А вот сколько вас – это всегда зависит от количества этажей соответствующих домов. В этом доме четыре этажа. В следующий раз я пойду опорожняться в небоскреб. Мои глаза увлажняются. Сентиментальная задница, цежу я сквозь зубы, поднимаясь по лестнице. Но понять, конечно, можно, не так ли? Эта наивность ее, непорочность, напоминающая о детстве, и не только о моем, но о детстве каждого, так что можно сказать: она напоминает мне о детстве Миши, Оли и Вовы, хотя меня самого зовут Ваня. И как беззащитна она в позе зародыша в блеске раннего утра, когда роса, что слеза. Я уйду, не оглядываясь. Теперь я знаю, хозяйюшка: чтобы, наконец, встретить тебя где-нибудь, я должен был сначала принести эту жертву. И теперь она принесена. Я встречу тебя здесь, на самом верху. Я это сразу понял, когда увидел этот задний двор. Такой можно увидеть только один раз в жизни. Как и эти разбитые двери по всей лестнице. Одноразовые иконы ... Одноразовая лестница ... Уу! Уу! Стало ветрено. Не буквально сейчас, скорее в принципе. Но в принципе все сильнее. Ветер горячий, только что здесь значит: горячий! Ветер холодный, но мне так жарко, что он нагревается. А поскольку мне жарко, он

ощущается как совсем холодный. Считаете, что ваша вентиляция работает превосходно? Моя сила огромна. Я думаю, твоя сила огромна, хозяйюшка. Я немного путаюсь в этом. Сейчас мы запутаемся в этом вместе, хозяйюшка. Страшная жара на предпоследнем этаже переносится легко, переносить ее никто ведь не заставляет!

«Наполено, а чувствую озноб».

«Напрасно ты к окошку прислонился».

Что за отопительное устройство там, у стены? Прямо смехотворное, да, хозяйюшка. Пыльная развалина, и что же мне, лезть туда? Еще один из твоих удивительных способов принимать гостей, да, хозяйюшка? Абсолютно бессмысленно, я туда совсем не вписываюсь, я и не подумаю туда вписываться! Кроме того, вряд ли я смогу там гореть, раз мне так ужасно холодно. Да, при внимательном рассмотрении все эти египетские хозяйюшки становятся вавилонскими. Ты – испорченное вавилонское дитя, хозяйюшка. Я опускаюсь на колени и сую свою правую руку в огонь. Ты довольна, хозяйюшка? Развалина становится все новее, греет все сильнее ... даже счет за отопление тебя не пугает! Я отдергиваю руку и рассматриваю то, что ты в нее вложила. О, хозяйюшка. Твои шуточки. Очень мило, должен это признать. Все театральные штучки. Розовая тряпочка для пудры, пудреница и немного пудры внутри, и еще одна баночка с остатком грима. У хозяйки нашего бау-вау прямое сообщение с Театром Шиллера. Он, должно быть, где-то совсем поблизости. Дело выглядит так, будто это все одна лавочка – наша хозяйюшка и Театр Шиллера. С перекошенным от гнева, напудренным лицом, выражение которого я могу контролировать с помощью зеркальца в пудренице, я захопываю крышку курьезной печки. Когда Свен играет, он контролирует выражение своего лица с помощью прикрепленного к инструменту наружного зеркала, то есть автомобильного. Вот и я не вижу причин, почему бы мне не проконтролировать свое перекошенное от гнева лицо с помощью круглого артистического зеркальца. Тряпочка все пахнет себе и пахнет. Твоя тряпочка, хозяйюшка? Все эти запахи. Пудра освежает лицо и подчеркивает глаза. Из кривоногой печки все еще вырывается влажное тепло. Даже дверца закрывается не плотно, слышишь, неряха. Я снова открываю дверцу и засовываю внутрь свою левую. И что будет, а? Ничего. Внутри сухо и довольно-таки прохладно. Я окончательно захопываю дверцу печки и выпрямляюсь. Достаточно ты надо

мною поиздевалась, хозяйюшка. Более, чем достаточно. Все эти твои шуточки. Слышать их больше не могу. Я иду к тебе наверх. Ну и что же это опять такое? Плотная стена воздуха, как я ненавижу такие вещи! Всю эту невидимость. Нет, через это мне не пробиться. Я ведь весь вижен, хотя бы в силу природных свойств. Да и в силу убеждений. А от убеждений я не отказываюсь! С этим не шутят, хозяйюшка. Максимум, что я могу сделать: снять свою бледножелтую футболку, если ты думаешь, что это нам поможет. Но в первую очередь – свой двубортник со всем этим хламом в карманах. Блокнот, кошелек и прочее непотребство. Пошлый идиот! К хозяйюшке со всем этим дурацким хламом! Я раскладываю все это на подоконнике. Ну, грязнуля. Оставляешь тут окна без стекол, в свободном стиле, а вытирать подоконники, конечно же, забываешь. Вид заднего двора омрачается наступающим утром. Видишь. Я все отдал, все до последнего. Чист и свободен. Только этажам здесь, кажется, нет конца. Я думал, что перед этим был предпоследний, и очень просчитался! Еще один предпоследний. И еще один! Но число скульптурок от этого не изменится. Это ведь не настоящие этажи. Скорей мансарды для художников, чердаки, декорации. С каждым следующим этажом вид из окна омрачается еще на несколько минусвольтов, пока совсем не исчезает. Зато ты показываешь мне дверь, вот она, прямо передо мной. Спасибо, хозяйюшка. И ты там, за дверью? Спасибо, хозяйюшка! Дверь довольно низкая, довольно-таки квадратная или как там, сколочена из кривых толстых досок. Спасибо, хозяйюшка! Она ужасна, так раскаляется! Но из лучших побуждений. Она выводит наружу весь жар от нижней печки, чтобы та не взорвалась и не разнесла бы напоследок всех нас в куски. В старых домах бывает, что и разносит, всякое бывает. Кроме всего прочего, это помешало бы нам сыграть нашу космическую свадьбу, так ведь, хозяйюшка? Я прижимаюсь к двери, она достает мне только до шеи. Как вода ... рек вавилонских ... это охлаждает меня. Вы когда-нибудь видели раскаленную дверь, которая остужает? Открывай, стервоза! А то я вынужден буду думать, что вся эта история с этажами продолжается и за этой дверью. Настоящая лестница-всегда-ведущая-вверх, скажу я вам. Перекрытая на полпути раскаленной дверью, за которой такая уж вот хозяйюшка. Очень мило, не правда ли? Хозяйюшка прижимается к двери с другой стороны. Мои атомы пытаются просочиться сквозь атомы двери. Сначала сквозь атомы двери, затем сквозь атомы хозяйюшки. Пропусти меня! Нст, она не пропускает меня. Дверь. Хозяйюшка. Я

тоже никогда не пропущу вас, ни ту, ни другую. Правда, лучше от этого не станет. С этими бабами вечно так. Нет, ничего другого, как только прочь отсюда. Прочь отсюда!

Vau! Жилой прицеп! Напротив дома! Опять эта проклятая Канткверштрассе, или как там она раньше-то называлась. Ну, хозяйюшка? Снова сменила название улицы? Или только название одной из сторон улицы. А может, обеих? Я из осторожности смотрю сначала налево, потом направо, и незаметно перехожу на другую сторону улицы. Этой самой улицы, не меняя ее названия, слышишь, хозяйюшка? Так ты уже снова дома? Наверху, в своем баре «Париж»? Всегда тут как тут. Будто и не уходила из дома, стерва. А ведь только что ты была за дверью черного хода на заднем дворе, очень далеко отсюда. Ты хорошо ориентируешься здесь, у тебя свои тайные наползанные пути; а меня ты просто водишь по кругу. Ну, пора понемногу и открывать? Открывай себе спокойно, стерва, хоть понемногу; по мне так хоть совсем понемногу. Похоже, имена своих соседей ты все-таки не изменила. Фрëлих-Клипп-Либели. Я бью ладонью сразу по всем кнопкам. Никакого результата; что же, я понимаю. Короткое замыкание, звонки блокируют друг друга. Я делаю пальцами V и пробую все известные мне комбинации. Открывайте! Это доктор Вауст¹! Я смотрю наверх и вдруг вижу массу голов. В полутьме я не могу с уверенностью сказать, у кого какое выражение лица. Но у тебя крайне любопытные соседи, хозяйюшка, а ведь только-только светает! Я качаю головой и иду направо. Налево я уже когда-то ходил. О, здесь, похоже, добротная каменная кладка. Стена такая темная, что я почти засыпаю. Я ощупываю ее с довольно-таки безразличным видом. Чувствуется, что она стоит совсем недешево, хозяйюшка. Думается мне, она из чего-то такого, как твои колени. Уже в разных материалах я тебя ощупывал, восхищался. Напр., в неотесанном дереве. Я имею в виду хорошо знакомые нам с тобой квадратные дверцы, хозяйюшка; теперь же мы имеем дело, как минимум, с полированным мрамором! Ты действительно становишься все дороже, хозяйюшка. Я открываю глаза. Есть здесь что-нибудь почитать? Хотя читать я умею довольно плохо. ЛЕЧИТ БОЛЬНЫХ ... ВОСКРЕЩАЕТ МЕРТВЫХ ... ОЧИЩАЕТ ПРОКАЖЕННЫХ ... ИЗГОНЯЕТ ДЬЯВОЛА ... ага... Христианская наука? Ого! Информация у миссис Эдди²,

¹ Др. Фауст (напр., у Гете) пишется через F; Faust f - кулак.

² Эдди, Мэри Бейкер (1821-1910) - основательница религиозного течения «Христианская наука», существующего по сей день.

пожалуйста, звонить со двора, три раза. Ага. Значит, миссис Эдди. Ну, ты смотри. Очень неплохо подходит к Фрëлих-Клипп-Либели, не так ли? Мило, мило. Но, если я действительно позвоню со двора три раза, ты меняпустишь только один раз, так ведь? Логично. Открывай мраморную стену. Хитрюга. Быстро открывай свою чернополированную мраморную стену, ты слышишь? Ты вообще меня слушаешь? Я прижимаю ухо к мрамору и слышу неясный стук. Это звучит как на стройке, верно, миссис Эдди? Во дворе, где я должен звонить три раза, кажется, работает экскаватор. Наша баумастерша Эдди трудится вовсю. Я хорошо слышу это через мраморную стену, хотя мрамор действует как глушитель. Так наз. мраморный торт, в принципе, делает то же самое. Дай, я тебе помогу, хозяйюшка! Я пытаюсь прогрызть стену. Черт. От нее и откусить-то не удастся, совсем ни крошки. Когда я с таким удовольствием опророжнился бы мрамором на этом вашем мормонском церковном дворике. Я стучу по стене своим гладким лбом. Почему ты не выпускаешь меня, хозяйюшка? Вылечи меня, пробуди, очисти, изгони меня! Поцелуй меня в задницу! Я снова ухожу. Кантштрассе, за угол, Кверштрассе и так далее. Я никогда не вернусь, хозяйюшка! Вы слышите, Фрëлих-Клипп-Либели? Вас это тоже касается! Не вернусь никогда! Я мотаю вперед, через столько улиц, сколько нужно, чтобы полностью испариться из этой местности. Между тем, уже светает на всю катушку. Ты смотри. Я осматриваюсь. Все выглядит как черно-белая фотография, сделанная мной с той самой желтой стены. Сразу же снова светит солнце. Прекрасно могу понять. Тогда я тоже сразу сфотографировал эту серую стену обратно на желтую пленку. А что это светится там утренней белизной посреди этого серого рассветного утра? Я вежливо подхожу поближе. Раз уж мне что-то показывают. Никогда нельзя забывать, что видишь ты только то, что тебе показывают. Нужно быть вежливым и смотреть. ВСЕ ДЛЯ БАЛЕТА. РУССКИЙ БАЛЕТ & АКСЕССУАРЫ. Я поспешно припудриваю свои русские черты лица. Аксессуары у меня уже есть, теперь мне не хватает только балета. Все эти балерины, черт возьми, уж они-то понимают в таких вещах! Я с наслаждением рассматриваю все эти белые тряпки, которые они там развесили, и мелодично стучу по витрине. Открывай, хозяйюшка. Балетмейстер прибыл! На этот раз ты сразу же отвечаешь, повесив на двери Я НАПРОТИВ НАИСКОСОК. Я не знал, что у тебя такой неряшливый почерк, хозяйюшка. Тем не менее, я пересекаю улицу наискосок. Ага. Открытая дверь. Я вхожу. Затхлый

запах в подъезде. Но дверные ручки у вас в Берлине классные, просто невероятно! Я думал, дверные ручки должны быть узкими и продолговатыми. А такой вот штукой можно и несущую стену вырвать. Я звоню в одну из дверей и она сразу же открывается. Спасибо, хозяйюшка! Я отшатываюсь в испуге. Оттого, что лицо прямо черное. Самый настоящий негр! Боже ты мой! И еще улыбается мне, да, еще и это. Ничего страшного, спешу я успокоить его, все будет в порядке. Не знаю, что еще я мог бы ему сказать, да еще так рано утром, совсем не знаю. Мы стоим, уставившись друг на друга, и ждем, не придет ли нам что-нибудь в голову. Не приходит! Я направляюсь к выходу. Негр стоит все еще неподвижно, красиво обрамленный белой дверной коробкой, белой лакированной. Очень даже красиво.

ШИЛЛЕР-КЛАУЗЕ. Каморка поэта, значит. Я вздрагиваю. Вот проклятые москвичи, эрго постановщики! Так вот где вы празднуете, опустив свои железные шторы, и эта шлендра, конечно, с вами! Невеста в теле – москвич при деле, верно? Я пробую приподнять штору. Нет, об этом можно забыть, выкинуть из головы. А там все-таки виден какой-то свет! Я заворачиваю за угол и вхожу в подъезд. На лестничной площадке я смотрю, есть ли там черный ход. Адвокат А. Бино. Адвокатское сообщество Бом, Веденер, Веер. Бино мл. Вот дерьмо. Хорошо же вы зашторились. Фрëлих-Клипп-Либели за вами бы не угнались. Я просто-таки скучаю по Фрëлих-Клипп-Либели. Ах, вот было время. Так мы либели, и весело, и клиппово!

Нет, пойду-ка я лучше отсюда, выйду снова на квадратную площадь с красивой церковью посредине. Должно быть, достопримечательность, подхожу к ней. Снова белый листок бумаги. В какие игры ты играешь со мной, хозяйюшка.

Найдены 2 рубашки!!
 обращаться в здание церкви –
 Еванг. образовательный центр у
 привратника Пн.-Пт. 8-16

Евангелический образовательный центр. Берлин.
 в здании церкви –
 Гетештрассе 28-30. 4000 Берлин 12
 Телефон 31-91-01

Ты смотри! Для нее я снимаю с себя свою последнюю бледножелтую футболку, а она ... И теперь еще публично, ну, стервоточина! С

перекошнным от гнева лицом я срываю записку с дверей церкви. Я сажусь на лавку, под этим солнцем. Вокруг лавки разбросаны смятые банки из-под колы, отдыхают себе. Я пинаю их, сидя, обеими ногами. Те, что лежат слева от меня, катятся направо, те, что справа, налево. Я сижу, скрестив ноги. Банки звенят по асфальту, как церковные колокола. Тут вдруг начинают звонить и церковные колокола. Бог мой. Я встаю. Я знаю, почему они звонят. Я смотрю на солнце. Оно такое же круглое, как мои часы, которые остались у хозяйюшки. Но теперь они мне не нужны, я и так знаю, почему звонят церковные колокола: начинается День Немецкого Единства.

4 Я стою, уставясь в асфальт, искрящийся у меня под ногами, и пытаюсь вспомнить, как он выглядит. И уже его нет; насвистывая, я иду дальше. Свистеть я мастер! Шагая, я украдкой бросаю взгляд на свою руку, покрытую гусиной кожей. С этим ничего не поделаешь. Атомарная структура тела проступает на моей коже. Между тем, солнце светит с большим усердием. Кто-то спешит унести поднос, полный свежих булочек. Кто-то срывается с места и бежит в противоположном направлении. Я не знаю, что ему там нужно, я, в свою очередь, продолжаю идти вперед. Прямо перед моим носом кто-то кладет стопку свежих газет перед дверью. Эта газета, должно быть, совсем новая, полная самых невероятных вещей! «BZ»¹, занятные буквы. К тому же, красиво напечатанные. Так затейливо извиваются, прямо как змеи. Наверняка специальный выпуск, только для сегодняшнего дня. Посмотрим, как они назвали другую газету. «Фольксцайтунг»! Потрясающе! Мои аплодисменты! Даже непонятно, почему раньше никто до этого не додумался. А ведь что может быть естественнее, чем газета под титулом, ну, под названием «Народная газета»! Я практически знаю, что там написано. От волнения я перехожу улицу, прихватив всю стопку. Мое сердце стучит. ДЕНЬ ЕДИНСТВА ВСЕХ ... я закрываю глаза. Я не хочу пролить ни одной слезы в эту белоснежную свежесть газетной крови. Я гляжу наверх, чтобы слезы не капали у меня из глаз, и неожиданно замечаю все уже знакомые мне головы соседей. Фрёлих-Клипп-Либели! Снова вы! Привет! Я желаю вам самого доброго Дня единства ... здесь у меня перехватывает горло. Они дружелюбно улыбаются мне. Если все и дальше так пойдет, скоро появится и хозяйюшка собственной персоной, чтобы помириться со мной, готов поклясться! Я листаю страницы. ПОМИЛОВАН! Это сразу бросается мне в глаза. Как слезоточивый газ. Кто помилован? Не все же мы сразу. Или все-таки все? Комментарий на следующей странице. Чудо за чудом, я больше не выдержу! Действует, как веселящий газ. Плача и смеясь, я расстаюсь с газетами, укладывая их туда, где сухо, то есть, засовывая их в ваши почтовые ящики: Фрёлих, Клипп, Либели, хозяйюшка, хозяйюшка и хозяйюшка. Неожиданно Фрёлих-Клипп-Либели начинают нести какую-то чушь. Я не понимаю ни слова. Пожалуйста, не все сразу, лучше по очереди! Ага, я хоть и не могу

¹ «Berliner Zeitung» – берлинская газета

понять все ваши слова по отдельности, но в целом я хорошо понимаю, что вы целым кагалом мне тут рассказываете. Я присоединяюсь к вам. Мы перебиваем друг друга что есть мочи. Я оглядываюсь. Все вокруг прекрасно нас понимают. По крайней мере, я не вижу никого, кому бы требовались объяснения. А если кому-то и потребуются: комментарий на следующей странице. В конце концов, нас можно перелистать. Я оглядываюсь вокруг. Теперь только наскоро пожелать еще доброго дня хозяйшке, и опять за дело. Дела у меня много. В конце концов, она значит для меня не все. Только все значит для меня все. Где же она прячется? Я смотрю на свои часы, которые она мне не вернула. То есть на невидимые часы, которые она мне подарила. Спасибо, хозяйшка! От невидимых часов действительно много пользы. Остальные ведь не замечают, что часы невидимые, они замечают только жест. Он доказывает, что ты здесь кого-то ждешь и что и вообще ты человек очень занятой, представитель общественности, а не просто слоняешься здесь без дела.

Между тем Фрѐлих-Клипп-Либели становятся все громче. Все откровеннее. Тоже хорошо. Я тоже попробую, как они. Солнце горит прямо на моей лысине. Я смотрюсь в круглое зеркальце. Выглядит как маленький факел, видно, это и имелось в виду. Обегу-ка я с ним квартал, ладно? Вы ведь не обидитесь? Кажется, Фрѐлих-Клипп-Либели согласны с этим. Кажется, они кивают головами. Я оставляю их кивать и обегая квартал. Женщина садится в свой «Мерседес». Да ее ли это «Мерседес»? Какая вообще между ними связь? Как вообще связаны между собой Даймлер, Бенц, передняя ось и все прочее, что с этим обычно связано? Я пытаюсь открыть дверцу с другой стороны, чтобы сесть на место пассажира. У хозяйшки был белый «Мерседес», а этот явно зеленый. Ты смотри. Женщина несет какую-то чушь. Я ловко парирую ее выпады. Мы были бы прекрасной супружеской парой, разве нет? Они ведь всегда ссорятся, с самого раннего утра, даже усаживаясь в машину. Эти супружеские пары. Вечно фрустрированные супружеские пары. Я недовольно смотрю на свои невидимые часы. Снова придется взять такси. Раз уж на то пошло, я никогда не езжу ни в чем зеленом! Вне себя от гнева, я захлопываю проклятую зеленую дверцу. Ну, катись, наконец! Женщина запускает мотор и, очень странно жестикулируя, наконец, укатывает. Я пожимаю плечами и иду обратно. Ага, кто это там такой? Красивая молодая дама. Пожалуйста, хозяйшка, не стоит благодарности! Хозяйшка! На этот раз собственной персоной.

Я галантно кланяюсь. Хозяюшка закрывает или как раз открывает багажник своего белого «Мерседеса». Хорошо, должно быть, таким вот прекрасным утром быть владелицей такого белоснежно прекрасного «Мерседеса». Хозяюшка делает большие глаза. Ну, все в порядке? Какие же у тебя прекрасные большие глаза, маленькая! Знаешь что? Давай мы сегодня откажемся от титула «хозяюшка». В честь сегодняшнего Дня, так сказать. Откажемся сегодня от всех титулов. В честь сегодняшнего Дня, так сказать. Тебе нужны деньги, неожиданно спрашивает меня хозяйюшка? Это она серьезно? Ну, если честно, девушка, я бы с большим удовольствием подарил тебе все те безделушки, тем более, что материалы ты предоставила. Ну, а с другой стороны, я понимаю тебя. Сегодня коллекционеры неохотно принимают подарки. В конце концов, они хотят обладать ценностями, ценностями, возрастающими в цене. Тут мне в голову приходит, что какие-то детали я упустил. Пойдем, поднимемся наверх. Мне нужно там кое-что еще немного отшлифовать. Вот, говорит она и ставит передо мной на тротуар какие-то вещи. Кажется, это вещи, с которыми я приехал. Что значит «Вот»? Что-то я не понял. Повтори, пожалуйста. Она поворачивается ко мне спиной и исчезает. Вот дела! Быстро же у тебя получилось. На мой взгляд, спина у тебя красивая, а вот так исчезать – совсем даже некрасиво. Ну, да ладно. Неважно. Я подбираю с тротуара свой хлам и ухожу отсюда. Что тут поделаешь! Я иду, насвистывая. Вдруг я составляю вещи обратно на тротуар, чтобы проверить, что у меня с деньгами. Проверяю. Ага. Этого и следовало ожидать. Одни десятки и двадцатки, ну что ты скажешь? Вот стерва. Все десятки и двадцатки ты теперь выдаешь за сотни. ОК. Тогда и я буду выдавать свои пластиковые формы просто за кучу дерьма, хотя на самом деле с этой минуты все это, считай, чистая бронза! Интересно, что на это скажет твой иранский домоправитель. Или это были настоящие сотни, а уже потом ты сделала из них десятки. Или, может, за это время провели денежную реформу? Тогда прости. Этого ты знать не могла, когда отдавала мне пачку сотен. Т.е. что сразу за этим последует денежная реформа. Итак, теперь все, за что раньше приходилось выкладывать сотню, стоит всего десятку. И так все и продолжается, и конца этому не видно! Только почему ты едешь следом за мной? Мы об этом не договаривались. Там, в твоём белом жиллом прицепе на другом конце улицы. Я сворачиваю. Жилой прицеп с другого конца улицы тоже сворачивает. Прекрати это, слышишь? Ты для меня еще не все. Твой московский сброд тоже ...

театральные художники, архитекторы. Нет, девушка, для окончательной редакции постановки они нам не нужны. Ни их театральные художники, ни их архитекторы. Для этого нам хватит кассетного магнитофона. Вот он, мой «рекордер», он хоть и маленький, но теперь мы можем записывать все, что захотим. Настоящий мировой рекордсмен, бесконечный, как туалетная бумага. К тому же, я все еще не спустил у тебя воду, неряха. Во всяком случае, раньше, когда у меня еще не было магнитофона, я все записывал на туалетной бумаге, тогда у меня было много туалетной бумаги. Но теперь это уже не актуально, я нажимаю на своем рекордере REC и вокруг меня сразу же образуется приятная группа лиц, которую я интервьюирую. Наш круг окружается небольшим отрядом людей, которые одеты в форму пограничников Божьей Матери, они устанавливают по кругу оборудование, записывающее и воспроизводящее звук. Воспроизводится то, что я говорю группе, и записывается то, о чем сообщает группа. Вокруг людей в форме тоже возникает масса людей, которые, в свою очередь, тоже окружаются людьми в форме. Представление занимает сначала всю середину площади, затем всю эту роскошную площадь, затем весь этот ваш роскошный город, вашу роскошную страну, всю роскошную нашу землю, которая затем, когда дело дойдет до этого, вся окружается людьми в форме. А вокруг возникает внушительная толпа.

Я гордо пудрю себе лицо. На таком фоне ваша Postanovka давно покойница, не так ли? Уже деда в гробу ее видали. У меня предложение, давайте откажемся и от этого названия Postanovka. В честь сегодняшнего Дня, так сказать. У меня есть название получше: PolyZeiT*МоноМенТ¹ (мент – понятно по-русски). Красиво, а? Звучит неплохо.

Я с удовольствием рассматриваю эту машину, высящуюся передо мной, Тсатр Шиллера. Еще немного терпения, господа. Мы уже начинаем. Я бегу за угол. Ого! Снова ШИЛЛЕР-КЛАУЗЕ. Вот так каморка! Все уже открыто – двери, окна, все. Разинув рот, я вхожу. Сегодня готовит сам шеф. Так и нужно. Сегодня же особенный день! Я сажусь за стойку и осматриваюсь. Ага, ребята, снова уже поменяли лица? Ром с колой, пожалуйста. Люди Шиллера, одетые как матросы и дальнбойщики, громко говорят по-немецки. Я не

¹ Что-то вроде: ПОЛИцейского времени*МОНОмент. Polizei f - полиция, пишется через i; poly гр. - поли (много); Zeit f - время.

понимаю ни слова. Я вообще больше не понимаю по-немецки! Я перестал понимать слова. Я держу перед ними свой черный диктофон. Не волнуйтесь, он уже записал сотни и сотни (ну да, после нынешней денежной реформы это, конечно, всего лишь десятки и десятки, а то и пятерки) кассет человеческой болтовни. Поглотил. Он тоже вроде черной дыры ... только прямоугольный. Я сам всегда удивляюсь. Но мотает он хорошо и, если продолжит в том же духе, то, я думаю, скоро он свое отмотает. Но когда-нибудь и все тут накроется, разве не так?

Один мужик идет на меня и несет при этом какую-то ахинею. Я считаю, что это вполне нормально, я легко понимаю всякую ахинею, сложности у меня только с немецким. Говорить, правда, все-таки получается, а вот с пониманием начинаются проблемы. А уж с записью и подавно. Так что главное – не переходить на немецкий. Подошедший ко мне матрос делает движение рукой. Я думаю, он нанес мне удар! Вау! ПЕРВЫЙ УДАР. Я допиваю и выхожу. Какой светящийся воздух. Нда. Я иду обратно. Ром с колой, пожалуйста. Матрос все еще стоит там. Я пью за его здоровье. Он подходит совсем близко ко мне и сдавленным голосом говорит мне: слишком рано еще, понимаешь, парень? Слишком рано! Интересно, когда ему голос сдавливали, может, при рождении? Но это была только шутка, говорю я, потому что я ничего не могу сюда записать, тут ведь Горбунов & Горчаков. Именно, отвечает он мне замечательно хриплым матросским голосом. Это я и имел в виду! Начинать нужно МЕДЛЕННО, понимаешь? МЕДЛЕННО! МЕДЛЕННЕЕ! Понимаешь? MEDLENNEJE! Я чуть не падаю со своего сиденья за стойкой. Он берет в рот папиросу и предлагает мне тоже. Нечем прикурить, говорю я. Для этого нам ничего не нужно, говорит он. Ах да, самогонь у нас здесь, я бью себя в грудь. Нет, здесь, он постукивает указательным пальцем по моему черепу. Заткни пасть! Думаешь, ты здесь один? Запомни, начинать нужно МЕДЛЕННО! Он говорит со все усиливающимся русским акцентом. Я оглядываюсь вокруг. Все дружелюбно скалятся. Пара человек начинает насвистывать «Калинку», на немецкий лад, но со все усиливающимся русским акцентом. Сейчас еще и до танцев дойдет. Некоторые уже двигают бедрами и кивают головами, топают ногами, щелкают пальцами. Настроение постепенно поднимается, это уже очевидно. Нет, ребята, этого я больше не выдержу. Я предлагаю так: я допиваю и ухожу. Какой светящийся воздух. Мои глаза снова увлажняются. Да, есть вещи, о которых каждый человек думает про себя, в полном

молчании, и о которых нельзя проронить ни слова. Время наступает тогда, когда оно наступает для ВСЕХ! Понимаешь? А тут появляешься ты со своими скверными откровениями. Дерьмо, хмм? Полное дерьмо!

Ощущая раскаяние, я стою перед входом в театр. Какой же я жалкий предатель. Ощущая раскаяние, я разглядываю Театр Шиллера. О да, с этого момента я само смирение. В ходе нашей Postanovka я спрячусь за кулисами. Я буду мыть вам ноги, я буду мыть пол под вашими ногами, раз уж на то пошло! Я буду закапываться глубоко в землю и буду мыть землю под вашим полом! Я оглядываюсь: нигде не видно афиши Postanovka. О да, вы правы. Начинать нужно в тишине, появляться незаметно. Совсем незаметно. Я оглядываюсь вокруг. ПОБЕДА НАД СОЛНЦЕМ¹. Плакат. Через стекло огромного окна я смотрю наружу. Как через увеличительное стекло. Можно даже увидеть солнце! СОЛНЦЕ НАД ПОБЕДОЙ. Это уже лучше. Где бы мне тут у вас помочиться? Я заворачиваю за угол и вижу перед собой ветерана войны, ветеранил, конечно, в России, это сразу по нему видно. Так ведь это все нам уже известно, смотри выше, говорю я ему так же ветеранолобиво, как и прежде. Я показываю рукой наверх. Большое солнце сегодня, а? А что я вчера говорил? Что будет светить большое солнце. И, пожалуйста, точно так и произошло. Ничего общего с победой, не правда ли?

На старой развалине старая вахтерская форма. Он держится героем. Я хлопаю его по плечу. Скоро она опять станет совсем новой, старик. Скоро и твое плечо опять станет совсем как новое! Он что-то шамкает мне в ответ. Скоро и все зубы у тебя будут опять на месте! Только по-другому, совершенно по-другому, если ты, конечно, не против. Так вот с ходу всего и не расскажешь. Когда время придет, все само собой расскажется. Где я могу помочиться? Старик шамкает что-то насчет кассы: сейчас, мол, принесет кассу или что-то в этом роде. Чтобы я туда помочился, что ли? Послушай, не нужна мне твоя капуста, честно, я помочусь у вас даром! Я вообще мочусь даром, ведь пластических форм все равно при этом не получается. Моча не имеет собственной формы. Физику в школе учил? Максимум, что здесь возможно, повлиять на составляющие, но и только. Это чистая химия. Кстати, что у тебя там стоит, на рабочем

¹ В 1983 г. в Западном Берлине название пьесы А.Крученых было девизом фестиваля, посвященного футуристическому искусству (SIEG UEBER DIE SONNE).

столике? Штрафная для меня? На это я не скажу нет. Я хватаю прелестную бутылочку и слегка влияю, значит, на состав своей мочи. Старик пялится на меня. К нам присоединяется его старуха. Теперь они оба говорят про кассу. Он спрашивает ее, куда задевался ключ, он пойдет, мол, с господином и принесет кассу. Наконец, до меня доходит, речь идет о моем ангажементе в здешней труппе, и, очевидно, мне положен аванс. Все в порядке, мой дед был театральным режиссером, там, в Санкт-Энскобурге, я покажу вам когда-нибудь фотографии! Но сначала мне срочно нужно отлить. Если что, аванс там и все такое, я где-то поблизости.

Я распахиваю дверь и снова оказываюсь под открытым небом. Под таким открытым, что даже свобода чудится, нет, правда, оно мне нравится. Очевидно, это внутренний двор. Но лучше бы мне отлить в нормальную раковину. Из-за цвета. Желтое на белом, это мне очень нравится. Я пересекаю двор. Слева от меня – забор с колючей проволокой по верху, на стене за ним я читаю POLIZEI. Я одобрительно трясую головой. Ну, театральные работнички, да вы просто бандиты. Видно, даже настоящую ментовку построить для вас совсем не проблема. Осторожность, конечно, не помешает. Прямо во дворе, ты только погляди! У нас все идет в собственной режиссуре, верно? Все, что происходит там, на улице, тоже наша аранжировка. Здесь, внутри, и подавно. И отлично все происходит. Ты мог бы сразу включиться в дело. Сегодня ты участвуешь в нападении на банк, завтра в погоне с мигалками через весь Берлин. Тебе точно понравится. После обеда – теракт, перед ужином – задержание террористов. Или ты возглавляешь массовую демонстрацию, а потом переходишь в цепь полицейских. Вот так, детка. Пока ты носишься со своей ерундой, мы делаем настоящее дело. Мы уже поменяли весь ход событий. Да, ты и рожден был в ходе событий, которые мы полностью поменяли!

Перейдя на другой конец поменявшегося двора, я вхожу в открытую дверь. Очевидно, считается, что теперь вы поменяли меня, находившегося снаружи, на меня, оказавшегося внутри. Здесь везде пахнет темным пурпурным бархатом, театральной пылью, только что пройденной пылесосом, летней свежестью бритых талантливых юных щелок. Тут у меня встает. Ну, теперь я совсем не смогу пописать. Теперь мне нужно кого-то трахнуть, чтобы вышло пописать, вот несчастье! И ведь это так неприятно – трахаться, когда тебе так хочется писать. По крайней мере, об этом свидетельствует мой опыт. Для того, чтобы даже просто пописать,

требуется весь жизненный опыт. Даже когда речь идет о самой обыкновенной моче после рома с колой! Я оглядываюсь по сторонам. Вы показываете мне небольшой полутемный зал, очень милый, его стены покрыты мягкой черной материей. Я трогаю стены. Они странно мягкие на ощупь, Бог знает, что там внутри. Я с довольным видом рассматриваю плохо-таки освещенную сцену. Твоя работа, Сережа? Мои аплодисменты! Только освещение можно-таки слегка подправить. А вот и лестница. Ты отвечаешь мне прямо лестницей? Ты считаешь, прямо залезть наверх и откорректировать? Я с удовольствием забираюсь наверх. Наверху что-то сильно гудит. Как мне сделать, чтобы стало светлее? Сконцентрироваться, расслабиться. Я начинаю гудеть вместе с этим чем-то. Вместе получается гудеть еще сильнее, чем раньше. Я смотрю вниз. Точно, чего-то мы добились. Так держать! Только мне все еще по-прежнему нужно как *потрахать*, так и пописать, в этом я остаюсь неизменным, а здесь наверху я нахожу слишком мало возможностей для этого. Итак, я должен как-то зафиксировать свое гудение, верно? Я осматриваюсь. Над одним рычагом светится темно-красная надпись PERMANENT. Только вот вопрос, сделается ли с помощью этого рычага мое гудение *постоянным*, или я должен постоянно его задействовать, чтобы там, внизу было постоянно светло? Ну, попробую. Я задействую рычаг. *Трах*, он фиксируется. Хорошооо! Я спускаюсь вниз. Я рассматриваю сцену, над освещением которой и я таки постарался. Я доволен, теперь все детали обрели свою значимость, некоторые даже добавились! Мой дед мог бы гордиться мною! Вау! Кто же это? Я вздрагиваю. СВЕН! Он смотрит мне прямо в глаза. Эй, Свен, что ты делаешь наверху? Он смотрит на меня с гигантской черно-белой фотографии, сделанной, конечно, с него и подвешенной поверх занавеса. Кажется, это увеличенная фотка для паспорта. Странно, что она сразу не бросилась мне в глаза. Я готов поспорить, что дело тут совсем не в скудности освещения. Что же мне делать? Я смотрю на него в упор. Вид у него мрачный и очень решительный, только вот на что он решился? На что же, Свен? Мне кажется, он становится все больше. Или, может быть, это я становлюсь тут все меньше? А, может, дело все в освещении, которое, может, как раз сейчас постоянно усиливается! Оставь это, Свен. Я отворачиваюсь и сажусь на край сцены. Затылком я чувствую его взгляд. Оставь это, Свен. Мои ноги болтаются. Это странно. Мне ведь не нужно было подпрыгивать, чтобы сесть на край сцены. Сцена, что ли, поднимается? Оставь это, Свен! Я и так

понимаю, что вы, люди театра, знаете массу разных трюков. Самых разных. Вдруг я чувствую, что рядом со мной кто-то сидит. Я поворачиваю голову. Ты смотри: русская девушка из театра! Я с удовольствием рассматриваю кареглазое молочного цвета лицо театральной девушки. Она неотрывно смотрит на мои штаны. *Privjet*, говорю я ей. *Otsosjosch?* – Что, тихо спрашивает она по-немецки. – Ну, пошли! Я сказал тебе кое-что русское, блин, по-русски. *Privjet* ведь ты понимаешь! Я уже довольно давно ввожу это слово в обращение в Центральной Германии. Да что я говорю, «привет» ведь ты понимаешь! Ты ведь русская театральщица, или как? Привет, говорит она и протягивает мне своих *Samels*. Я вынимаю сигарету и разглядываю все эти пирамиды. Это как если бы у Земли, то есть у всех лежащих в ней фараонов, под покровом штанов поднялись бы члены. Египтяне ... Да, у них еще были формы. Я поднимаю глаза, но уже не встречаю взгляда, украшавшего молочного цвета лицо. Девушка исчезла. *Верблюды* были только отвлекающим маневром. Я спрыгиваю со сцены и иду к выходу. Пока, Свен! Так, проходим здесь. Лестница наверх ... поднимаемся ... Проклятый сортир должен быть уже где-то рядом. Я просто бегу туда, куда вы меня ведете, даже ничего не ищу, просто позволяю себя гонять ... по полосатым дорожкам ... по всем вашим лестницам, ведущим все время то вверх, то вниз ... сквозь цветущую бахрому. Если вижу коридор, я бегу по коридору. Вижу дверь – вхожу в нее. И вдруг я слышу, что течет вода. Ну вот, пожалуйста. Вы завели меня в просторную душевую, а ведь я хотел в нормальный туалет! Я раздвигаю раздвижную дверь. А не моется ли как раз тут под душем наша русская молочница? Не то, чтобы у меня снова встал! Вы всегда даете мне больше, чем обещали. Обещали мне душ, а присовокупили к нему молочницу, вот это я понимаю! О да, я понимаю такие вещи!

Я выдыхаю. Кажется, кабина пустая. Вода так и хлещет. Я раздеваюсь и подмигиваю вам. Вы наверняка наблюдаете за мной в какую-нибудь скрытую видеодырку. Я раздеваюсь не до конца, поцпыльчьи мягкие подштанники и теплого бежевого цвета носки остаются на мне! Нижнее белье ведь нужно регулярно стирать, не так ли? Я залезаю в кабинку, приспускаю подштанники и только тогда начинаю писать: как и обещал, на белое. Все дело в цвете. Нежно смешиваясь с моей мочой, вода приобретает замечательный цвет. Если бы спросили меня, я бы прямо сказал: шампанское. Я открываю кран еще больше и встаю под струю. Ох, будто аж под

кожу проходит! Моя кровь пенится. Даже в костях. Костный мозг закипает. Я запрокидываю голову и делаю большой глоток. Неповторимое ощущение. Будто я начинаю уже светиться. Я делаю много глотков подряд. Посмотрим, что за моча из этого получится. Невероятно! Из члена льется теперь то самое, что я только что проглотил! То, что входит в меня, выходит снова наружу без каких-либо изменений! Я с удовлетворением трясу членом. Я избавился от физиологических функций! Я отчетливо ощущаю рядом с собой под душем молочно-белую девушку. Но теперь я смотрю на нее совсем другими глазами, мой член больше не поднимется из-за нее ни на сантиметр, но даже если поднимется: это будет значить нечто совсем другое, не то, что раньше! Нечто братское. Девушка по-сестрински направляет душ мне на задницу. Спасибо, девушка! Хоть я и не могу тебя видеть, но я услужу тебе тем же самым. ОК, теперь мы можем выйти. Я одеваюсь, не вытирая с себя воду. Моя одежда становится мокрой, но я свечусь так сильно, что она снова высыхает. Даже не верится! Я иду дальше. Вдруг я вспоминаю свой старый душ, которому никогда не удавалось стать ни как следует горячим, ни как следует холодным. И вода в нем никогда не была ни водой, ни шампанским, ни мочой. Мне его, пожалуй, немного жалко, я бы даже заплакал, но не могу. У меня больше нет физиологических функций. Да и старый душ тоже ведь скоро обновится, сам еще увидит. Я захожу в какую-то мастерскую. Ты смотри, здесь даже есть мастерская. Будто у них и так нет всего, что им нужно, чтобы не мастрачить тут всякий раз что-то новое. На полу лежит огромнейшая картина. Отдыхает. Довольно безобразная. Довольно милая девчушка, даже красавица, стоит рядом на коленях и продолжает малевать на холсте это безобразие, даже еще более безобразное. Ты смотри. Я всегда думал, что красивые девушки всегда рисуют что-то прекрасное, а безобразные – безобразное. Видно, я сильно ошибался. Она смотрит вверх. Такой красоты я не встречал еще никогда в жизни. Впрочем, я не совсем уверен, что и теперь я встретил ее, она просто космическая, с какой-то другой звезды. Я отчаянно пытаюсь светить сильнее. Но мое свечение становится от этого не сильнее, а только отчаяннее. Сконцентрироваться, расслабиться. Я помогу тебе рисовать. Только сконцентрироваться, расслабиться! Ты не понимаешь по-немецки? Я знаю, твоя звезда называется Москва, кажется, здесь трудятся вообще одни только москвичи. Все по приглашению Театра Шиллера? Postanovka. Это и правильно. Я беру кисть. Хехе. Ну,

теперь мы поработаем! Нельзя же все время слоняться вокруг да около, нужно, наконец, чем-то и заняться. Я становлюсь в рабочую позу. Посмотрим, что тут можно сделать. Девушка вдруг вскакивает и поспешно уходит из мастерской. Ну-ну! Но это уже ничего не значит. Я начну и один. Только смотрите, ребята, снимайте меня подробно. Но, пожалуйста, никаких там ускоренных съемок для замедленных показов, будто под лупой времени и так далее, все это пустая трата пленки! Я и так двигаюсь замедленно, будто под лупой времени¹. Да я и чувствую себя всегда, будто под большой лупой времени. А когда я смотрю в нее, она становится большим, направленным вдаль биноклем, в который видны такие дальние планеты как Солнце! Я вывожу кистью первый луч. Ага, это что же это там? Я оборачиваюсь. Старый радиоприемник на одном из длинных деревянных столов включился как будто бы сам собой. Я подхожу к нему. Радиобашня это, что ли? Радиобашня шлет нам приветы. Эта железная, ржавая, костлявая словотара шлет еще приветы! То с грохотом, то шепотом, то музыка, то новости! Все новости, конечно же, сногшибательные, только вот передаются слишком уж на многих языках, языки меняются от фразы к фразе, нет, теперь уже от слова к слову! Подтверждается мое давнее подозрение, что любой язык – это грубое искажение других языков. Некоторое время я слушаю, как парализованный. Теперь языки меняются уже от буквы к букве! Есть ли этому какое-нибудь объяснение, например, электромагнитное? Я осматриваюсь. Нет, ничего такого не видно; разве что космическая девушка является заодно и электромагнитной. Она ходит там вверх да вниз, в соседнем помещении, и изменяет длину волн. Телекинетически. Дверь мастерской открывается. Тоже телекинетически? Нет, это привратник открывает. Да, старик? Он шамкает что-то про то, чтоб идти с ним вместе. Ну ладно, старик! Идти, так идти. А ты сам-то идешь или нет? И твоя старуха тоже идет, тоже с нами вместе? Все идут вместе. Мы проходим через какое-то промежуточное помещение и попадаем в просторный зал. Ну, у вас тут и просторы. Или тоже всё пространное промежуток? Ах, ты знаешь, всякое помещение – это промежуточное пространство. И само пространство, оно ведь всё из пространственных промежутков. Пока я объясняю ему всё это, я замечаю, что мы уже не одни. К нам присоединились двое парней из театра, двое других направляются к

¹ *Zeitlupe* f – ускоренная съемка (буквально: временная луна).

нам, пересекая простанство зала. Все они в новеньких униформах, только вот униформа старика, как и прежде, старая, это неприятно! Ну, может быть, все же чуть-чуть новее, чем прежде. Во всяком случае, она на правильном пути. А что же я, может быть, мне теперь тоже следует надеть униформу? У меня тоже есть униформа, с красно-белой цепью и прочими атрибутами. – Тебе не нужно, говорит один из парней и совершенно открыто подмигивает мне. Те двое, с другого конца зала, наконец, подходят к нам. Он даже выпил мой одеколон, шамкает вдруг старик! Мы все смотрим друг на друга. Я пожимаю плечами. Все ухмыляются, старик тоже. Теперь я узнаю его. Это же известный актер, и он станет еще известнее! Он примеряет на себя все возможные роли. Мы все примеряем на себя все возможные роли. Распределение ролей обнимает все сферы жизни, так ведь? Один из молодых актеров кивает. Он всегда только кивает. Видно, с ним уточнять уже точно нечего. Двое тех других отводят друг друга в сторону. О чем они там советуются? По-моему, это уже нечестно. Я хватаю молодого актера, с которым только что разговаривал, чтобы, со своей стороны, отвести его в сторону и что-нибудь ему посоветовать. Только он не дает мне даже дотронуться до себя, уж какие там советы. Ну вот! Што ш это с парнем? Он мне подмигивает. Все мне только подмигивают, что значат все эти подмигивания? Я слышу у себя за спиной несомненно русские интонации. Я оборачиваюсь назад, но от этого ничего не меняется. Я и теперь точно так же слышу у себя за спиной несомненно русские интонации, вологодское, вятское, двинское и угличское произношение, ну, надо же! В этом я разбираюсь, нечего мне тут рассказывать. Теперь я знаю, кто вы. Вы только сменили свою внешность, вы – все те же четверо москвичей. Театральные художники, архитекторы! Вообще-то меня удивляет, что вологжанину, вятичу, двинцу или угличанину достаточно переехать в Москву, чтобы дальше называться уже москвичом. Отмечается ли это в удостоверении личности? Сразу или задним числом?

Мы идем к выходу. По дороге ребята то смотрят мне прямо в глаза, то в сторону. Так, так! Значит, вы что-то от меня скрываете? Вы еще не совсем понимаете, что вам делать! Из осторожности я хватаю обоих парней, идущих по бокам от меня, под руки. Отпусти, говорит шагающий слева от меня угличанин в приступе, я бы сказал, угрюмого кокетства и освобождает свою руку.

Мы выходим. Какой светящийся воздух. Этот задний двор, это ясное небо, потрясающе, делаю я комплимент четверым своим

спутникам. Я узнаю даже эту великолепную надпись: ПОЛИЦИЯ. Ослепительно белое на зеленом фоне. Нужно перемешать их, наверняка получится что-то типа мяты или ясенника, с освежающим ментоловым оттенком, от чего всем нам станет так хорошооо. Но наша Postanovka называется ведь несколько иначе! Я делаю многозначительную паузу. На заднем дворе становится совсем тихо.

PolyZeIT*MonoMenT – особенно хорошо мне удастся вставлять эту звездочку посередине. Это ведь звездочка, с которой прилетела электромагнитная девушка, совершенно другая звездочка! Мы идем в ногу. Спасибо, ребята, что вы берете меня с собой на прогулку. А как же иначе, широко улыбается мне угличанин и, держа за руку, вводит меня туда, где написано «Полиция». Хм? – я сажусь и вопросительно смотрю на него. Хм! – подтверждает он и безо всякого перехода начинает крутить круглую штуку на столе. Щекотно, а? Он попеременно вставляет в нее пальцы. Но телефонная трубка служит ему только прикрытием, на самом деле он разговаривает с двинцем и вологжанином, стоящими с другой стороны стола. Мне нравится эта сцена! Вы, действительно, классные ребята, вы представляете собой элиту русского аграрного населения! Угличанин кладет трубку, встает со стула и подходит ко мне, ребята следуют за ним. Я, со своей стороны, остаюсь сидеть. Так сказать, со своей задней стороны. Ребята пытаются поднять меня с деревянной лавки. Ой-ё-ёй. Тяжела ты актерская доля: я на каждом шагу должен оказывать вам настоящее сопротивление, хотя я ведь вас так сильно люблю, какая жалость! Все время, что мы шли вместе, я должен был зверски выкручивать вам руки, давать пинки, вопить о полицейском произволе, что за бред! Имею я право, по крайней мере, узнать, как называется наша пьеса? Вятич слева от меня, которому я шепчу свой вопрос, презрительно отводит взгляд. Это его право, шепчущие типы это – дерьмо. Шепчущие говнюки – плохие люди. Кроме того, зачем здесь шептать: все и так, как безумное, раздается в редких, туманных перелесках в начале лета, а к тому же здесь везде спрятаны передающие устройства. Да, собственно, и вопрос дурацкий. Пьеса ведь всегда называется одинаково. Только всегда ли это все та же самая пьеса? Погоди-ка, как это говорилось: бесконечность вариантов возникает из их и-ден-тич-нос-ти. – Ну, заходи! – Секундочку, почему только я? Заходить – так уж всем вместе! Эй ты, убери свои лапы! Вы все арестованы! Эй, Володя помоги-ка мне! Наш Сережа сегодня совсем

хотели, а, камерады? Чтобы противозаконно задержанный набил вам морду перед вашими камерами! Тогда бы вы смогли всему миру показать, вот, мол, что приходится вам терпеть. Ради свободы мнений, так сказать. Здесь и сейчас! В этой нашей республике! Яволь, герр оберштурмбанфюрер! Я закрываю рот и открываю глаза. Вологжанин за решеткой ободряюще подмигивает мне. Я незаметно подмигиваю в ответ. Я ведь понимаю: хочет человек быть оберштурмбанфюрером или не хочет, но если он оберштурмбанфюрер, он должен быть оберштурмбанфюрером. Он уходит. Ну, ну! я подпрыгиваю и хватаюсь за прутья решетки. Я хотел бы потрясти ими, но, похоже, они держатся очень прочно. Вау. Я снова сажусь на лавку. Только спокойно, совершенно спокойно. Видно, я в самой гуще этого мира. Этой драмы, где рвут пасти и накладывают повязки, где все связано с кровопролитием, великими походами и всем прочим, что требует громадных издержек. Утомленный этими представлениями, я прислоняюсь к картонной стене и закрываю оба своих глаза. Рассматривайте это, как двойное длительное подмигивание с моей стороны.

Дада, Ваня, все в порядке. Сидисиди. Раз уж ты здесь, мы рады, что ты здесь с нами. Хотя бы не выпал ребенком из колыбельки. Твоя мама знала бы это. Ни ребенком, ни вообще. Подожди, скоро ты и немецкий совсем освоишь. Будешь не только говорить, но и понимать, въезжаешь? И въезжать без акцента, ты понял, Ваня? Так же как все мы этому научились. Мы, старые берлинцы с берегов Волги, Углича и Вологды. Так же как все мы разучились уже говорить по-русски. Русский мы вспоминаем только тогда, когда это нам очень нужно. Это ты уже слышал, Ваня. Кроме того, тебе придется научиться изменять свою внешность. Разучиться выглядеть как прежде. Научиться превращаться в кого угодно. Разучиться не превращаться в кого угодно. Ну что, ты рад этому? Я встаю. Да, я рад этому! Только мне бы этого не хотелось! Ни в коем случае! На мой взгляд, это не очень хорошо. Но ведь можно найти разумное решение, в честь сегодняшнего дня, так сказать, день-то сегодня у нас особенный. Я осматриваюсь. Нет, ну какие плотные кирпичи вы используете в ваших картонных стенах! Даже окошечка для вентиляции и того нет. А вот ваши камеры просвечивают рентгеном все, ни перед чем не останавливаясь, они снимают меня, проникая сквозь кости и костный мозг, я просвечен насквозь; выходит, на ваших мониторах я должен появляться как какой-то невидимка, впрочем, это уже ваша проблема. Ваша проблема –

слишком современная техника. Она снимает сквозь стену, сквозь меня и сквозь противоположную стену, за которой работает такая же аппаратура. Техника снимает сама себя и при этом становится еще невидимее, да, она делает все намного невидимее, чем оно уже есть. На людях она старается показать, будто она намного менее совершенна, чем есть на самом деле. И, кстати, будто намного дороже стоит! Цены прямо убийственные, это печально! Мы за все тут платим убийственную цену! Играй Мендельсона, Свен! Я закрываю глаза и ложусь на деревянную лавку. Она вся исцарапана надписями. Может быть, если все эти надписи составить вместе, в них обнаружится инструкция, где сказано, как открыть эту лавку и выйти отсюда. Как употребить эту лежанку, чтоб она открылась как дверь. На «дверь» я вздрагиваю. Ну, МАСТЕРИЦА! Привет, ХОЗЯЮШКА! Я ныряю под деревянную лавку. Спасибо, спасибо тебе! Ты показываешь мне путь, ты высасываешь меня отсюда! Уу! Уу! Здесь внизу настоящая-таки тьма! А ведь, подныривая под эту деревянную дверь, я настраивался уже на светящийся воздух. Где же он, хозяйюшка? Покажи мне его, этот светящийся воздух, все эти ароматы! Я ощупываю бетонный пол. Это ты там, хозяйюшка? Под тончайшим слоем бетона? Всем своим телом я отчетливо чувствую твой рельеф. Я быстро раздеваюсь, по мне так ты слишком уж распалилась. Деревянная дверь тоже распалается, она жжет меня сзади. Какое счастье, что у меня озноб, иначе бы я у тебя сгорел к черту. Парочка испорченных вавилонских бэби, вот мы кто, хозяйюшка!

Эй, что ты делаешь там под нарами? – Сначала я не обращаю внимания. Это ведь идет откуда-то снаружи. А мы здесь внутри, не правда ли, хозяйюшка? В сердцевине мира. Я знаю, у ребят там снаружи есть маленькая проблема. Кое-что им мешает в процессе съемки. А именно, их камеры спотыкаются о деревянную лавку. Всё, снимались, здесь вам но пасаран, хехе. И можете сколько хотите сверкать вспышками. Есть древесные породы, совсем не пропускающие рентгеновские лучи, а вы и не знали этого, товарищи? Тяжело тебе подо мной, хозяйюшка? Я перекачиваюсь на бок и подтягиваю колени к животу. Я твой зародыш, твой Ford Embryo. Мчусь задним ходом под 80 сквозь эту стену. Что ты мне показываешь там на стене, хозяйюшка? Покрасневшее место. Кусок пластыря. Фу, хозяйюшка. У тебя там рана? Оттого, что я промчался там задним ходом? Ты смотри. Чуть ли не стенающая стена. Я отдираю пластырь. Я разрешаю тебя от уз. Ты свободна, хозяйюшка.

Освобождение от эмбриона его собственными руками. Скажи спасибо, хозяйюшка! Сердце у меня стучит. Это место, оно же как пуповина. Как в бронированном стекле. Попадешь в него, и структура вся в дребезги. А ведь есть бронированные бинокли и микроскопы для защиты от метеоритов и особенно метких вирусов. Влажный вирус бьет без промаха, замечательно. Ну, и что там с картонной стеной, уже схлопнулась? Или только субстанция несколько изменилась, незаметно переходит в другую веру? В темноте я ее плохо вижу, я ошупываю ее. Она представляется все еще очень плотной. Один хороший пинок, и конец этим представлениям! Но для хорошего пинка мне явно не хватает пространства под скромной лавкой. Я выкарабкиваюсь оттуда и снова оказываюсь в моей просторной картонной камере. Спасибо, хозяйюшка! Теперь мне нужно как следует разбежаться. Я делаю глубокий вдох. Спасибо, хозяйюшка! Для нас это значит внутренне собраться и побежать. Вот я вдыхаю светящийся этот воздух, все эти ароматы. И вот я уже налетаю на противоположную стену и наносю ей удар плечом. Видишь, хозяйюшка? Сердце мое стучит, все вокруг немного кружится: превосходно. Я лечу назад и наносю удар плечом по другой стене. Видишь, хозяйюшка. Стало заметно просторнее. Стены расшатываются, как зубы, для них это не проблема! И для нас тем более. Я нежно поглаживаю кусок пластыря, теперь он нежно прикрывает мой пупок. Спасибо, хозяйюшка. Представь себе, что эти насильники сейчас употребили бы меня, то есть мое тело, в качестве камеры. Стали бы снимать через мой пупок! Это же убийцы. Ввиду такой ужасной картины мое солнечное сплетение каменеет. Другими словами, от этого у меня аж холодок бежит по спине. Нет, и то и другое. – Ах, неужели? Я поднимаю глаза. Хозяйюшка! Я с ума сойду. Привет, хозяйюшка, так я совсем сойду с ума! Снова ты, собственной персоной! Эта униформа очень тебе идет. Женского мента тут изображаешь, и чего тебе тут только не позволяют? С нашей последней встречи ты сильно изменилась. Ты выглядишь теперь совсем по-другому. Мои поздравления! Но почему мы общаемся через эту решетку, входи, не бойся, подходи ближе! Она уставилась на меня неотрывным взглядом. Точно что неотрывным. Нельзя ли оторвать его на секунду? Ты, наверное, находишь, что я тоже несколько изменился? Ну да, каждый делает, что может, не так ли? Честно сказать, я чувствую себя так, будто заново родился. После душа и вообще. Я и новорожденных воспринимаю теперь, будто заново родившихся.

Ну, что тебе приснилось, Горбунов? – Да, собственно, лисички. –
Снова? – Снова. –

«Ха-ха, ты насмешил меня, нет слов».

«А я не вижу ничего смешного».

Врач говорит: основа всех основ –

Нормальный сон». «Да ничего дурного

Я не хотел... хоть сон того, не нов».

«А что попишешь, если нет иного?»

«Мы, ленинградцы видим столько снов,

А ты никак из этого, грибного,

не вырвешься». «Скажи мне, Горчаков,

А что вам, ленинградцам, часто снится?» Я сильно трясю

решетку обеими руками. Непредставимо, теперь вы даже транслируете на весь мир мои слуховые галлюцинации. Неплохо, наша камерная пьеска тоже прошла на ура, ребята! Сейчас нас будут торжественно провожать. Осыпать цветами, аплодисментами и всем прочим, что принято в нашем деле. Нет, совсем плохо! С той стороны решетки появляется – как его? Ну, тот что с Двины. Он смеется. Я тоже. Я слышу, как он звенит ключами, открывая замок, и это не слуховая галлюцинация. Я вижу, как он открывает дверь, и это не зрительная галлюцинация. Ты смотри. Я хлопаю сдвинца по плечу: мы ведь все принадлежим к одной нации, разве не так? И любезность у нас на первом месте. Итак, теперь твоя очередь! Я затаскиваю его в камеру. Теперь мы оба здесь. – Пойдем, нам нужно идти, говорит сдвинец. И все смеется, смеется. – Ну, ясно, ведь публика ждет нас. Бегать от публики не положено. Чувствуя свою руку в его руке, я с достоинством покидаю камеру. Только учти, вам нужно так подобрать освещение, чтоб меня не очень слепило, я уже привык к полутьме. А отчасти и к полной темноте, там, под вашими ногами. На всякий случай я уже немного прищуриваюсь. Яркий свет всегда неожиданность. Все эти софиты и проч. Мои Горбунов и Горчаков звучат тем временем совсем громко. Мы входим в дверь. Хм, все та же комната, в которой волжанин разговаривал тогда по телефону. Вологжанин, устюжец и девушка в униформе, она же хозяйка, приветливо улыбаются мне. Представление закончилось, коллеги собрались за чашкой чая, да? Волжанин держит в руке мой магнитофон. Очень странно! – А мы как раз слушаем, что ты тут записывал! Это неважно, успокаиваю его, испытывая некоторое смущение, все будет в порядке. – Я тоже так думаю. Кстати, ты свободен.

Мне нужно присесть. Я? Я совсем не думал, что я ... – Вставай. – Я встаю. Мне нужно было немного посидеть, я никогда не думал, что я ... что мы ... – Так, ты берешь свои вещи. Это вот. И это. Он, как бы уже только по привычке, подмигивает и протягивает мне что-то через стол. Что я с благодарностью принимаю, и мои глаза наполняются слезами. Лист бумаги! Белый лист бумаги! Но это свечение! Свечение!

А теперь иди! Все кивают мне. Я киваю в ответ. – Ну, и чего же ты ждешь? Нет, не сюда. Дверь в обратном направлении. Я выхожу. Какой светящийся

5 ВОЗДУХ. Все эти ароматы. Я осматриваюсь. Я на улице! Нет, действительно на улице. Глазами, полными слез, я смотрю на белое в моей руке. Читать я умею довольно плохо, тем более такие светящиеся вещи, но свечение само по себе, это я как раз понимаю. На ходу я отпускаю на ветер, который появляется при ходьбе, этот белый листок, рвущийся у меня из рук. Светись и дальше, белый квадрат, лети все выше, туда, где тебе только и место, к первоистоку всего белого. Нет, ну, что за прекрасная широкая улица, никаких сквернокантовских перекрестков, это, я думаю, можно теперь забыть навсегда, люди поцарски шагают здесь прямоком, испытывая абсолютную гордость! Именно абсолютную! Не останавливаясь, я оглядываюсь назад. Здание, из которого я только что вышел, оказывается гораздо дальше от меня, чем можно было подумать. Ты смотри. Делаешь 20 шагов, а уходишь аж на все 50! Ребята, стоящие теперь у выхода и машущие мне руками, сделались совсем маленькими. Они садятся в патрульную машину и медленно едут по направлению ко мне. Что-то еще забыли? Нет, просто почетный эскорт, они хотят еще немного поддержать меня в поле зрения. Вот и повернули. Пока, ребята. В остальном я обещаю вам, что мы останемся в контакте. Мы будем писать друг другу письма, совсем по-свойски, и перезваниваться, как было только что. Мы будем фотографировать друг друга на желтые стены и брать друг у друга отпечатки пальцев, как это принято у друзей. Раз уж мы столько репетировали друг с другом, то мы еще и дальше порепетируем. Все будет, как при ходьбе в этом вашем районе: сделал 20 шагов, а за спиной все 50. С этого момента все происходящее с нами должно улучшаться по нарастающей, в оптимальном для нас режиме, как в книге с картинками, напечатанной крупным шрифтом, где картинки и буквы постоянно увеличиваются. Здесь у вас люди не уходят друг от друга, о, нет. О, да, здесь можно сворачивать как угодно часто и все же оставаться рядом друг с другом. Здесь нам не нужны увеличительные стекла, мы можем наблюдать солнце прямо сквозь небо. Все так чудно убегает вдаль, а достигаешь в мгновение ока, все, чем дальше, тем ближе! Я пересекаю какой-то поперечный бульвар. А, снова QWER. Сердце мое стучит. Ох ... это KBEP стоит мне уже поперек горла. Помочь может только вода. Фонтан на той стороне, нужно прополоскать горло. Я бегу к нему попер... нет, просто бегу вперед, в его направлении. Это замечательно – бежать в его направлении. Замечательное направление. При этом я не смотрю ни направо, ни

налево, я уже забыл, где право, где лево, нет, честно. В поле моего бокового зрения появляется множество автомобилистов, которые медленно приближаются ко мне. Не по очереди, все сразу. Они улыбаются мне, им не надо ради меня сбавлять скорость или даже давить на тормоз. Я улыбаюсь в ответ. И вот я уже на другой стороне улицы. С координацией у нас все в порядке, так ведь? Замечательно расслабившись, я некоторое время наблюдаю проезжающие мимо автомобили. Нет, ну как сияют у них номерные знаки, это сразу бросается мне в глаза! По первой букве можно узнать, откуда приехали все эти машины: К (Киев), А (Архангельск), Е (Екатеринбург), Т (Тверь) и, конечно же, М! М! М! это и так понятно. Но что означают эти I или J, они как-то сливаются у меня в глазах, I становится J, J – I, здесь какая-то неразбериха. Они появляются все чаще, другие буквы уже почти не встречаются, все только I да J, что же они все-таки означают? Может быть, Jakutsk? Ierussalim? Но Ierussalim пишется ведь Jerusalem, или как? Ну, да ладно. Я оборачиваюсь. Хотя мне нужно бы отучиться от всех этих оборотных маневров, здесь они совсем неуместны! Здесь и так все можно увидеть, нечего здесь крутить-вертеть. Если бы я от этого отучился, я бы, наконец, научился этому. Так ведь и строится процесс обучения? Я приближаюсь к фонтану. Да, вот это вода. Это прямо здесь и дада. Как она крутится-вертится в этом сиянии воздуха, что она сама же и порождает. Среди всех этих запахов, что ее самое же и порождают. Здесь все все порождает, не правда ли? Я не верю своим глазам, все еще не верю! Как эта водада танцует в воздухе, и это происходит вовсе не из-за ветра, по крайней мере, не из-за какого-нибудь ветра из тех, которые мне известны, да и нет здесь никакого ветра, ни в данный момент, ни вообще в принципе. Т.е. в принципе – и подавно. Я стою, уставясь в струение водады. Ее отдельные струи формируются как будто под постоянным давлением ветерков, которые этим явно наслаждаются. Струи тоже наслаждаются! Здесь все всем наслаждается, не правда ли? Я вовсе не стараюсь отвести взгляд, но когда это получается, мой взгляд становится совсем другим, он уже не устремляется по прямой, как прежде, он изгибается, ветерки удивительно изгибают его! Приближаясь к чаше фонтана, я вижу с той стороны какого-то человека. Он улыбается мне по-сестрински. Встретимся в воде! Она улыбается мне по-братски. Я окунаю свою руку в воду, он тоже. Это прикосновение? Я касаюсь своей рукой ее руки, то есть касаюсь своим телом его тела. Наше тело прикоснулось к нашему телу, сквозь

нашу воду оно прикоснулось само к себе! Мы ложимся на наш край фонтана и окунаем нашу голову в нашу воду. Всюду зелень и синева на цветущих зеленых склонах. Где же это я? Я думаю, я знаю это: я здесь. А сейчас? Остаюсь я все еще здесь? – Да, конечно, я остаюсь здесь. Здесь и везде. – Навсегда? – Конечно, навсегда, сейчас и навсегда. А моя женская троича – МатьСестраЖена, где она сейчас? Вначале она написала мне ту записку, она уже изменилась¹, когда писала ее. Она ... я знаю, она здесь. Где-то здесь. – Да, она везде здесь. И везде мы здесь. – Нет, не везде, а здесь, именно здесь. – Я и говорю, везде и всегда мы где-то именно здесь. Здесь ее и встретим. – Скоро? – Очень скоро. Все очень близко и очень скоро.

Хотел бы я знать, зачем я тогда таскаю с собой все это барахло? Например, этот дурацкий зеленый чемоданчик! Нет, свое барахло я оставляю здесь. Я имею в виду – наше барахло. Пусть стоит здесь, как все везде. Все везде ведь наше, не так ли? Я сбегая по лестнице, руки мои свободны. Это невероятно, слов моих не хватает, я хватаюсь за кафельную стену, обнимаю стеклянную колонну, чтобы убедиться во всем этом. Нет, это не сон, все действительно можно схватить руками или по крайней мере потрогать, ничто не расплывается и не появляется только наполовину. То, что можешь схватить, хоть умом, то вполне хватательно, то, что трогаешь, не выглядит недотрогой. Все как положено, никакой неразберихи, все твердое, никакой половинчатости. Напротив, каждая вещь – образец для себя самой. Эй, девушка, не угостишь папироской? Курильщики должны наверстать упущенное во время взлета. Я имею в виду, во время летательных упражнений. Девушка на лестнице восхитительно улыбается. **Я** не курю, отвечает он, не задумываясь, и идет дальше. А я курю, отвечаю я, тоже не долго думая, и улыбаюсь ей. От этого он смеется еще сильнее. Я иду дальше. Ясно, она не курит, здесь, видно, никто не курит, здесь все наслаждаются этими запахами и не едят, и не пьют ... это может отбить аппетит ко всем этим запахам. Очевидно она имела в виду меня, иначе он не стал бы произносить это **Я** таким жирным шрифтом. Она имела в виду, что это **Я** не курю, больше не курю, не курю вообще! Больше вообще никогда! А что, если я только делаю вид, будто я курю? Вот, пожалуйста! Прямо на следующей ступеньке лежит пачка! Я поднимаю ее. В ней одна сигарета! Я беру ее в рот:

¹ Ап. Павел, 1 Кор. 15, 51: "не все мы умрем, но все изменимся".

Спасибо! Пожалуйста! Боже мой, какие мы все вежливые! Два человека видят мою сигарету и раздражаются хохотом. Ладно, я собственно и не хотел курить. Я соврал! Вау! Врать здесь не значит думать одно, а говорить другое, врать здесь значит хотеть одного, а думать о другом, не так ли? Боже мой, только здесь появился, уже соврал, что же мне теперь делать? Тссс! Успокойтесь! RUNLEBEN!¹ Я читаю еще раз. Да, СПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ, «Рулебен». Хотя читать я умею довольно плохо. Так, значит, называются здесь наши станции метро. Ну, и правильно, почему бы и нет? Поскольку их названия должны успокаивать человека, они так и называются. Или как-то похоже. Тихо, приятно, все белое с голубым, везде так пусто. Здесь хоть и нет поездов, зато есть такие прелестные станции для них. Да и к чему поезда? Если все уже здесь, все покоится с миром, то есть, живет спокойно. Люди быстро пролетают расстояния между остановками и тогда уж, как молебен, спокойно читают здесь это свое: РУЛЕБЕН. Прекрасно, не правда ли? Хотя все читают довольно плохо. И всегда выходит, что они многое просмотрели, так ведь?² Я осматриваюсь. Я стою на широком прямом бульваре, солнце излучает неопишемую желтизну, атмосфера такая, что постоянно возникают все новые невероятные вещи. Появляются забавные вывески и тут же или вместе с тем исчезают. Банки, которых нет в природе, Berliner Commerzbank, к примеру. Колоссальный пример, высоко в небе, в неопишемой желтизне, излучаемой солнцем. Я с удовольствием разглядываю все эти витрины, все эти шуточки. AchillesFersicherung³. Страховая компания «Ахиллес(ова пята?)». Жизнь – возрастное явление. Покончи с этим, страхуйся вовремя. Я весело бреду дальше. А вот и кафе, хаха! Они делают вид, что пьют кофе на улице. Отлично, я присоединяюсь. Я сажусь за столик и делаю вид, что жду, когда ко мне подойдут и я тоже закажу себе кофе. хехе, очень крепкий кофе. Эй, это как раз ребята проезжают мимо меня! Привет, ребята! Я делаю вид, что машу им рукой, кажется, они машут мне в ответ. Ну, все в порядке? Чаше проезжайте мимо меня в своем, то есть в нашем скоростном бело-зеленом фургоне, я буду только рад!

¹ Название одной из станций метро в Берлине.

² «Просмотреть» здесь можно было, например, своеобразную отсылку к Э.Сведенборгу (1688 - 1772), к «небесам», на которых нельзя говорить одно, а думать другое, ибо слово и мысль там одно и то же, и ложь сразу обнаружится. Например, нельзя говорить о Боге Едином, если привык мыслить три ипостаси Троицы.

³ Versicherung f - страхование, Ferse f - пятка.

Я встаю и иду дальше. Вот люди лежат на траве, на солнышке. Тишина. Шутники делают вид, будто они только что умерли. Я делаю вид, что смотрю на них, смотрю так, что они делают вид, будто они сейчас снова встанут. Они сейчас же поднимаются и уходят. Ты смотри. Куда же они пошли? Я спешу дальше. О, какие прекрасные у нас здесь парки, приходит мне вдруг на ум! Эта зелень, эта необъятная зелень, вечно вечнозеленая, и вечно все зеленея и зеленея! У нее никто не отнимет ее синеву, можете об этом забыть! Хотя забыть здесь, собственно, ничего нельзя, да, в это я, пожалуй, совсем не верю. Хотя здесь ни во что и не нужно верить. Верить больше вообще не нужно, ну, наконец-то. Я падаю на траву и начинаю мечтать. Мечтать здесь значит, полузакрыв глаза, мечтать о том, что у тебя перед глазами. И что ты при этом рассматриваешь с наслаждением. Тут как раз кто-то смотрит на меня, пробегая мимо. Я понимаю ее, я сейчас же снова встаю и иду дальше. Продолжаю продвигаться вперед. Что это за круглое здание, утопающее в вечной зелени? Оно кажется вечно круглым, да так оно, собственно, и выглядит. Стены из чистых листов металла, совершенно непрозрачные. Я обхожу эту жестянку, отчего она кажется только еще круглее. Трижды. Выглядит так, будто она уходит глубоко в землю. С какой же высоты должна была падать эта машина! Ее двигатели, должно быть, очень глубоко под землей. А вот и вывеска: ИНСТИТУТ ФИЗИЧЕСКОЙ БИОЛОГИИ. О, я знаю, чем ребята здесь занимаются, что здесь такое важное происходит! Я стучусь. Я хочу присутствовать при этом. Я желаю поговорить с кем-нибудь лично. Скажите, с кем именно, иначе как я могу Вам вызвать кого-то неизвестно кого! – Господина Николая Федоровича Федорова, русского ученого, 1828-1903, лично! – ОК, мы посмотрим, что можно сделать. Дверь закрывается и больше не открывается. Что ж, я и это готов стерпеть. Здесь я могу стерпеть все, что угодно, никаких проблем! Если меня оставляют за дверью, это ведь не означает ничего другого, кроме того, что есть причины не пускать меня внутрь. Я уважаю эти причины. Я уважаю жестянки домов, приготовленных к старту, и всех бородатых очкариков внутри них. Эти самородки сегодня на вес золота, по крайней мере, для меня. Если бы я мог, я быстро превратил бы все их круглые домики в чистое золото, но зачем это нужно, если они уже овладели искусством превращать любое золото в чистую жечь. Так что я убегаю прочь. Прочь! Хотя здесь ни от чего и не убежишь. На самом деле – не убежишь.

Новая задача – другое здание. Я гляжу на надпись: ARD! Странно. А почему бы, собственно, нет? По мне так наше ARD может находиться и здесь тоже, независимо от того, аббревиатура ли это. Я вхожу. Пустой коридор. В конце – широкая железная дверь. Похожа на не пропускающую слуховых галлюцинаций дверь студии. На двери, несколько ниже, чем мне по пояс, висит какая-то надпись, хотя читать я умею довольно плохо:

Пусть пока
повиситСЯ,
где-то (на) 14 дней?

Я быстро оглядываюсь. Кто это написал? Почерк кажется мне знакомым. Мне кажется, что через эту проницаемую для реальных звуков дверь студии до меня доносится хихиканье девиц из реального училища. Как это понимать? Я поворачиваю направо и бегу вверх по широкой лестнице. Снаружи ARD выглядит зданием довольно внушительного объема, и, чтобы лучше оценить его общую площадь, я не стану слишком углубляться внутрь него. Буду лучше держаться его внешних стен, меняя чаще горизонтали, чем вертикали, все время вверх по лестнице, сквозь цветущую бахрому. С лестничной клетки – в коридор, вдоль коридора, снова на лестничную клетку, и на следующий этаж. Можно предположить, что именно так и построено это здание, так оно задумано. Несомненно одно, с каждым следующим этажом становится все более понятно, что здесь идет стройка, хотя снаружи не видно, чтобы здание было обнесено лесами. Если первый этаж, где дверь в студию, был уже почти полностью отделан, то на четвертом, кажется, даже не штукатурили, а здесь на шестом я вообще обнаруживаю незаконченную стену, всю в дырах, ты смотри, и становится вроде ветрено. Уу, уу? Да, условно говоря, так. Даже безусловно, такие уж это здания. Сильно пахнет свежим цементом. Отовсюду выглядывают прутья арматуры, привет привет! Через огромные оконные проемы большими массами падает солнечный свет, очень красиво. Все блестит, даже этот заляпанный цементом раструб, застрявший между бетонными блоками. Светящаяся неоновая трубка выглядит в этом солнечном свете блеклой серой полоской. А здесь, на седьмом этаже не готов даже остов. Дальше наверх начинается непосредственно воздух, прозрачный воздух, все эти запахи.

Я осматриваюсь. Мой подъем, кажется, подошел к концу, уже вся лестничная вертикаль у меня под ногами. Куда теперь? Как всегда

куда-нибудь дальше. Я начинаю спускаться по лестнице. Странно, когда я поднимался, мне казалось, что все строится, но сейчас, когда я спускаюсь, создается впечатление, что все здесь рушится, как это понимать? Не стройка, где с каждым этажом ты видишь все больше недостроенного, а разруха, среди которой с каждым этажом ты видишь все меньше неразрушившегося. У меня волосы встают дыбом от этой пыльной белизны разрушения, как бы стирающего все в порошок, нет, честно. Чем дальше, тем больше разрухи. Чем больше разрухи, тем сильнее жажда обновления. Только жажда обновления, она ведь не обновляет, она только все разрушает, опустошает. Ужасающе! На стене вдруг проступают какие-то пожелтевшие черно-белые фотографии, рассмотреть их непросто, они, будто лицами, покрыты пятнами цемента и штукатурки. Кто засовывал их сюда? Когда я поднимался наверх, их здесь еще не было, так ведь? Забрызганные жиром конфорки электроплит, застрявшие между прутьями арматуры, тьфу и только! Утопленные в бетонный пол четвертого этажа мужские ботинки продавливают поплывшее покрытие потолка на третьем, и здесь их можно принять за женские. Будь я не так осторожен, я точно бы провалился. Кисло пахнет из овальных ведер с краской. Электропила вгрызается в новую деревянную облицовку, светлую как в детской, приятного аппетита. Санитарные, ээ, работы по оборудованию санузлов, кажется, еще тоже идут во всю, новехонький унитаз стоит на попа как пуп земли:

о
 о
 о
 о
 о
 о о
 о о о

и из этих десяти весьма стандартных дырок¹ бьет что-то свежее, прямо на валяющиеся кругом на бетонному полу паркетины. Мне в нос ударяет запах костного клея, может, даже костного мозга? Мне все труднее дышать, времени все меньше, здесь, в партере, все так

¹ Стандартных, собственно, для писсуара, что напоминает о перевернутом писсуаре – «Фонтане» Марселя Дюшана (*ready-made*). В такой графике получается профиль перевернутого унитаза (м.б., и в полемике с «Единорогом» И.Бурихина, в котором дюшановский писсуар перевернут обратно). Впрочем, Клобескен п (унитаз), пожалуй, можно прочесть буквально: клозетная чаша, раковина.

роскошно сходится ... о, эти композиции, эти бережно составленные друг на друга белые камни в полумраке с ярким наполнителем между ними, в духе старых мастеров! Сладкий запах ... ну, ясно, это реликвии ... масло на холсте, бинт на мраморе. С каждым шагом все древнее и драгоценнее. Уже клыки выпирают наружу, со всех сторон. Я уже заметил, здесь всем заправляют великие комбинаторы, и от меня они ждут каких-нибудь комбинаций? Ну, конечно, конечно. Мы поставим ужин вашему памятнику, то есть памятник ужину, наша вечеря. Я мастерски меняю – каждый раз в нужный момент и в самом нужном месте – замечательные детали ваших великолепных композиций, вот теперь они действительно хороши, просто очень хороши! Я вынимаю из стены осколок стекла, кладу туда паркетину, это работает, да, работает! За этой стеной больные все выздоравливают, за ней воскресают мертвые, я уже слышу, как со скрипом открывается крышка гроба! Я тяну за медную цепочку над унитазом и тут же слышу, как кровь течет обратно к костям. Литры на килограммы, о да.

Сын мой возлюбленный, слышу я, как я говорю это сам себе! Я тот, в ком я нахожусь. Тот, кто внутри меня. Здесь мы делаем такие вещи, какие до нас делал только один человек. Даже такие вещи, КАКИЕ до нас делал только Он. Теперь пришло время Его Второго пришествия, я торжественно поднимаюсь по лестнице! Я поднимаюсь по ней хоть на сотни этажей! Все вокруг возникает как бы под моим взглядом. ТЫ ТОЛЬКО ПОСМОТРИ. Все возникает просто под нашим взглядом. Я закрываю глаза и тут же спохватываюсь. Что я наделал? Я открываю глаза. Нет, все на месте, всего стало даже больше, чем было! Все возникает даже под взглядом закрытых глаз, даже под косым мимолетным взглядом, брошенным походя куда-то в сторону! Как под легким жарким выдохом, когда задуваешь спичку! Но еще есть вещи, которые возникли под взглядами других людей. Посмотри туда: видел ты когда-нибудь такую церковь? Там она, за дверью! – Нда. Для этого мне нужно сначала открыть дверь. – Это нетрудно, давай уже! Я открываю дверь и выглядываю наружу. Дрожь берет меня. Нет, такого я еще никогда не видел, даже не знаю, вижу ли я это на самом деле. Я смотрю на все здание снизу вверх. Невероятно высокое и узкое, как полет в космос. Я стою, как у входа в абсолютно пустой небоскреб, и смотрю на потолок. Оттуда свисает множество пестрых лент. С неопикуемой высоты они устремляются ко мне, по всей своей длине тесно прилегая друг к другу. Бархатистые, с пестрой бахромой на концах, они выглядят так по-

рождественски, а в середине у них сложный металлический стержень. Он всемогущ, он блестит на солнце, хотя солнца здесь нет, а если бы и было, оно все равно не смогло бы пробиться сквозь бархатистые ленты. С бьющимся сердцем я снова выхожу. Спускаюсь по лестнице. На верхних этажах здание кажется древним, а здесь, на нижних, напротив, новым – до последнего гвоздя. Становясь все древнее и все новее. Тот гвоздь блестит. Все вообще начинает блестеть, пахнет новым светлым ковром и свежей побелкой стен, шелком обоев цвета шампанского, кристаллическим светом и большими торжествами. Проходя мимо, я дотрагиваюсь до обтянутой шелком стены, она слегка прогибается, шатер тут, что ли? Но когда я стучу по ней, она звучит как дерево музыкального инструмента, и даже такое, что подходит для всех деревянных инструментов. Какая роскошь. Я без спешки продвигаюсь через залы туда, где предстоит угощения. Залы находятся на несколько разных уровнях, которые соединены между собой стеклянными трехступенчатыми лестницами с серебряными перилами посередине. Я убыстряю шаг. Где-то там впереди уже теряют терпение, уже считают мои шаги, я слышу это! Я слышу, как кто-то считает мои шаги, хоть и не слышит их. Во всяком случае сам я их не слышу. Тогда залы пускаются на меня быстрее, чем я прохожу через них. По ходу дела я с удовольствием разглядываю все эти произведения искусства, развешенные на обтянутых шелком стенах. Поблескивающее золото, бриллианты, жемчуг и серебро. Лиловое, бледно-зеленое, пурпуровое и драгоценное серое, все вперемешку! Вертикальные эллипсы переходят в прямоугольный альбомный формат, плоские картины в барельефы. К сожалению, я не могу определить ни технику, ни школу, ни время создания, все светится, пахнет и гонит дальше. Эти картины, они позволяют нам смотреть на все буквально другими глазами, не правда ли, господин? Это невозможно нарисовать, это можно только представить себе. Вы так не считаете? Ах, даже это невозможно! Такие картины нужно просто видеть! ВИДЕТЬ их нужно. Их нужно вешать! Они должны ВИСЕТЬ! Я осматриваюсь. Сторож музея исчезает за углом, будто пылесосом его слизало. А вот и дверь студии. На ней больше нет никакой записки. Кто ее снял? Дверь к тому же открыта, кто открыл ее, музейный сторож? Я вхожу туда. Зал А, зал В, зал С. Мне указывают на то, что я приближаюсь к цели, понятно. Залы вырастают как из-под земли и так же или тут же исчезают за моей спиной. Ковер под моими ногами, он самодвижущийся, по нему так быстро бежится.

Выход Е ... банкетный зал I ... конференц-зал J! Здесь я останавливаюсь. Я уже здесь. Ауу! Где же вы все? Теперь ВАША очередь! Я чувствую себя здесь на редкость одиноким, или так и должно быть? А может, здесь что-нибудь перепутали? О нет, никак нет, я отчетливо чувствую, что на меня направлено самое пристальное внимание! Только не знаю, откуда оно идет. Что касается меня, я направляюсь к длинному белоснежному столу. Все сверкает. Я занимаю место посередине. На сколько персон, собственно, накрыто? Прямо передо мной стоит несколько больших бутылок. Я, как и полагается, беру одну из них.

HENRIOT! Лучшее шампанское в мире! Обычно его пробуют при солнечном затмении. Тот, кто, отправляясь в путь, берет с собой такую бутылку, никому не говорит, куда он направляется, я где-то это читал, хотя читать я умею довольно плохо. Я рассматриваю этикетку; перед этим я встаю, как полагается в таких случаях. Бутылка тяжелая. Тяжелая, как моя рука, когда она держит такую бутылку. HENRIOT! Вдруг меня осеняет! Вы присвоили мне титул! KRITER было как Kreator (творец, значит), а HEN-RI-OT это же ZE-BA¹... я вздрагиваю. Очень логично. Вы усилили значение моего титула! Я встаю. Мои глаза светятся чистым золотом. Вместе с бутылкой я выхожу сквозь открытую стеклянную дверь. Какой светящийся воздух. И все эти запахи, о них тоже не следует забывать. Я осматриваюсь. Стройплощадка, прямо рядом с торжествами. То есть за ними. Нет, прямо перед ними! Я ведь еще не пил. Но сейчас уже выпью! Бутылка предусмотрительно подготовлена. Пробка держится на ржавом гвозде². С HENRIOT всегда так. Я слегка поворачиваю этот гвоздь. Пробка выстреливает. На ней изображены сложные гербы. И вот ее уже нет, в небо улетела. А вот уже и упала, куда-то на землю. Очень быстрая штука. Я немного раскачиваю бутылку. Она неполная, в ней всего несколько глотков, предназначенных для меня, значит. С HENRIOT всегда так, большей частью всегда. Я делаю глоток. Это как вдох. Рекомендую, бездонная глубина аромата! Серебристое золото игристых атомов. Этот воздух щекочет горло. Я выкидываю уже совсем пустую бутылку.

ЭЙ, ТЫ! ЭТО ТОЛЬКО ДЛЯ ПРИГЛАШЕННЫХ! Я поворачиваюсь в

¹ Цебаот, т.е. Саваоф.

² Связка гвоздь - стержень может служить намеком на бытующее представление о библейском гвозде, на котором мир держится, что типично для инфантильно-культовых жестов и подмен, составляющих своеобразный юмор повествования.

сторону банкетного зала и успеваю увидеть только край белого одеяния, как раз скрывающегося за стеклянной дверью. В стекле отражается стройплощадка со мной в центре. Я пожимаю плечами. Ну да, место выбрано, значит, неподходящее. И момент соотв. тоже. Редкая удача под этим солнцем, когда и то и другое, т.е. и место и момент, оказываются подходящими. Хорошо, тогда углубимся в эту стройплощадку, посмотрим, что же в ней такого особенного. В конце концов, ей мы обязаны этим зданием с множеством банкетных залов на такое количество банкетных мест. Я осматриваюсь. Все на месте? У одного из экскаваторов работает мотор, но не видно, чтобы там кто-то сидел. Вот лопата врезалась в землю, заляпанную цементом, но ненадолго. Вот она уже вынимается из земли, это я ее вынимаю! В качестве ответа в поле моего зрения тут же вспыхивает деревянный домик. Большая желтая глыба, прямо передо мной. Но бывают глыбы и побольше, мне еще предстоит их увидеть. В этом я уверен. Я вхожу в желтую глыбу. А вы здесь только что пообедали, да? Я понял это по отпечаткам пальцев на стальных приборах, которые лежат на тарелках, измазанных желтой горчицей. Отдыхают. Несколько мгновений назад, правильно? Вы здесь обеды. И вот уже отобедали, правильно? Мило, что вы поели внутри этой скромной желтой штуковины, хотя у вас под боком есть такой огромный банкетный зал. Все еще там он? Я слизываю с одной из тарелок полоску горчицы. Восхитительно. Идите сюда, поедим вместе! Здесь вы в моем царстве, и сам я в нем тоже, само собой! Выпьете хотя бы? Я быстро выхожу и снова появляюсь с бутылкой в руке. наше шампанское. По-моему, там что-то еще осталось. Ну, где же вы? Я открываю маленькую дверь. Ты смотри, опять этот унитаз! Вы его, наконец-то, установили? Я заглядываю туда. Там свежая вода, которая всегда так замечательно крутится и вьется. Сейчас она спокойна, лежит на дне унитаза. Отдыхает. Что с ней, может, она больна? Я ставлю туда свое шампанское, чтобы охладить его. Еще водички хотя бы? Я тяну за цепочку спуска. Вокруг шампанского возникает водоворот. Замечательно! Я выхожу. Какой светящийся воздух. Какие размашистые линии арматуры. Все эти штоки, блоки, веревки, рейки, вот это да. Из кучи мусора торчит толстый шланг. Я тащу его на себя, чтобы засунуть в дверной проем желтого домика. Да, все нужно соединять! Все нужно постоянно соединять и держать в памяти. Нужно еще больше всего держать в памяти и все соединять и соединять. Я смотрю по сторонам. Что же я еще могу для вас сделать, и для себя, разумеется,

тоже? Я присаживаюсь на какую-то кучу. Овальные ведра с краской настойчиво смотрят на меня. Даже неотрывно, пожалуй. Я улыбаюсь в их пластиковые крышки. Просто пластиковые? Став на колени, я пытаюсь снять крышку с одного ведра. Я хочу подержать ее в руках, но она сопротивляется. Ты смотри. Она смотрит на меня этим своим овалом. Я вздрагиваю. Deduschka! Дедушка! Режиссер Императорских театров впивается в меня взглядом. Пойдем, Deduschka, пойдем! Я помогу тебе освободиться! Я пытаюсь снять крышку с ведра. Теперь сопротивляется ведро.

НЕТ, ЭТО НЕВОЗМОЖНО! ТЫ ВСЕ ЕЩЕ ЗДЕСЬ? Я смотрю наверх. Теперь я вижу не только край, я вижу все края белого одеяния, в котором парень исчез тогда за стеклянной дверью, так толком и не показавшись мне. Вот он стоит там весь целиком. Перед стеклянной дверью. Я поднимаюсь с колен. Он сразу же опять исчезает. Хорошо, если так, я тоже «исчезаю». Он ведь так же, как и я, хорошо знает, что здесь так вот просто не исчезают. Можно только появляться, ну, разве что где-то в другом месте. Там вот еще один недострой. Видно, тоже собирается стать огромным домом. Или был уже когда-то. Я вхожу, огромные залы, везде свежий цемент. Погляди-ка туда! Я смотрю в указанном направлении. Видел ты ТАКИЕ картины? Я вздрагиваю. Там огромная цементная стена. Монументальные фигуры оживают там и сразу же исчезают. Нет, таких еще не видел, да и сейчас, считай, не увидел, они ведь появились так ненадолго. Пятнами влаги на сухой поверхности. Жидким цементом по уже высохшему. Я закрываю глаза. Становится темно. Теперь меня замуруют? Удастся ли мне еще открыть глаза? Я открываю их. Быстро, быстро. Я бегу прочь, в направлении выхода, вниз по лестнице, по которой я вовсе не поднимался. Это как получить награду, ничего при этом не сделав. Все сильнее жуткий запах цемента, жуткая масса текучих куч. Выход совсем уже близко. Вот он, прямо перед моим носом! Последняя волна запаха, исходящего от цемента. Я чихаю и выхожу наружу. Стройплощадка все та же. Я пролезаю туда. ОПЯТЬ ТЫ? Я смотрю в его сторону. Нет, ты! Опять ты, в своих белых одеждах! Я берусь за что-то ржавое справа от себя. Какой приятный кусок железа.

ГОВОРЮ ТЕБЕ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ: ОСТАВЬ ЭТИ КОСТИ¹ В

¹ Костями называется, может быть, весь этот хлам на стройке, вернее, так это может слышаться герою, настроенному на общице с Кем-то в Белом в этих странных кущах. Напоминает, например, о костях, которые оживит Господь, и «кости эти - весь дом» (Израилев) Кн. Иезекииля, 37.

ПОКОЕ! ПОНЯЛ? Он идет на меня, отделившись от стеклянной двери. И действительно, не на веки же он прилип к своей стеклянной двери! Или что-то в ней есть особенное? Я делаю несколько шагов ему навстречу. Мои глаза темнеют, источая гневную радость. Нет, подожди! Мы пристально смотрим в глаза друг другу. Его вишнево-карие мерцают. Нет, подожди! Он едва заметно кивает мне головой. О да, у него взгляд друга, ему не нужно махать мне руками и тому подобное, достаточно легкого кивка головой. Он делает прыжок в мою сторону. Я делаю следующий прыжок, в сторону от него. Он делает третий прыжок. Я – четвертый. Парень увлечен, взгляд его тигриных глаз немного насмешлив и полон решимости, это на что ж он решился? Что-то пугает его, но что? Я думаю, я знал его когда-то. Я думаю, он тоже так думает. Видно, что он мучительно ищет слова. Мне их тоже не хватает, хаха! Ну, иди ко мне! Поближе ко мне! Он касается вскользь моего плеча. Я – его. Обменялись, обманулись! Маневр – маневр! Старик хитер, он делает вид, будто это Я хочу на него напасть! Я делаю то же самое. Т.е. делаю вид, будто я хочу на него напасть. Мы ходим кругами, и вдруг мы оказываемся на бесконечно зеленом мягком лугу, отделяющем здание с банкетными залами от стройплощадки. Над нами светит большое солнце. Поиграем в футбол, хмм? Как ты думаешь, выиграют русские у голландцев? Несколько маневров, и я снова оказываюсь перед стеклянной дверью. Мужик все еще прыгает на лугу, я думаю, он потерял меня из виду. Хотя здесь и нельзя ничего потерять из виду, ничего и никого. Вот он увидел меня, прыг-скок, и он уже рядом со мной. Ты больше не войдешь туда, мошенник! И ты тоже, гневно реву я в ответ! Он хватается меня за рукав. Я осторожно отделяю их друг от друга – старика и рукав. Мы смотрим друг другу в глаза. Ему должно быть, не одна сотня лет. Столетия, полные событий, так ведь? Если, конечно, все эти столетия протекали так же, как последние мгновения. НЕ ВОЙДЕШЬ СЮДА БОЛЬШЕ! – провозглашает он мне прямо в лицо с отчетливым южным акцентом. Откуда у него, собственно, это белое одеяние? Неожиданно мне в нос ударяет запах. Неопишуемый. Я жадно втягиваю его в себя. Крылья носа у меня аж трепещут. А летать на них можно, на крыльях носа? Да, если в баках такой вот запах. Лопатки мои горят. Запах классный, но почему так мало? Дай его больше! Больше! Парень отводит свои итальянские глаза. Запах исчезает.

Как тебя зовут? Я повышаю голос. Как зовут тебя? Я хочу это знать.

Старик пожимает плечами и смотрит в направлении стеклянной двери. Я осматриваю его всего целиком. Леонардо? – начинаю я полунасмешливо, но с осторожностью. Он бросает на меня мимолетный взгляд, насмешливо улыбаясь краешком рта. Я вздрагиваю. Он опять отводит глаза и снова смотрит на стеклянную дверь. Она открывается под его взглядом. Понятно, под его взглядом открывается все что угодно! В дверях внушительная фигура. Парень показывает мне на нее взглядом. Вот он, твой Raffaello Santi! Я вздрагиваю. Должен я встать перед вами обоими на колени или как? – Нет, оставь это, идем! Втроем мы торжественно входим внутрь. Оба крепко держат меня с боков, я посередине. Я рад быть посередине между вами! И вообще везде, где есть двое или трое, таких, как вы ... Легким кивком головы они дают знать, что приняли это к сведению. Я делаю такой же легкий кивок головой, чтобы пригласить их обоих сесть за длинный стол, который так и стоит полностью накрытый. О, по мне так можно накрыть полнее. Я подмигиваю внушительному парню. Ну, так! Где же остальные? Пора начинать! Внушительный хватает меня за локоть. Что такое? Что с тобой, парень? Не нужно все время быть таким внушительным, старик, это нервирует. Внушительный что-то шепчет мне. К чему все эти нашептывания! Что значит – не здесь, не сейчас? Нет, прямо здесь и сейчас, прямо сейчас! Везде и всегда как раз и есть здесь и сейчас, прямо сейчас! Иначе где еще и когда же? Я сажусь на стул. Эти двое поднимают и ведут меня длинными коридорами; через банкетный зал I, вестибюль E, бюро регистрации D, залы C, B и A; сквозь кровавую бахромку. Собственной персоной ведут меня. Эти солнечные улицы, это неустанное движение, эти живые потоки транспорта, просто прекрасно, говорю я своим спутникам в качестве комплимента. Нет, только одному из них. Старик по дороге соскочил, а этот внушительного вида, напротив, оставался верен мне на протяжении всего нашего совместного пути, ты смотри! Я осматриваю его. Он угрюмо избегает моего взгляда. Проваливай, тихо говорит он. Сам проваливай, тихо отвечаю я ему. Заткни глотку, говорит он еще тише и украдкой смотрит вокруг себя. Сам заткни глотку, отвечаю я и смотрю украдкой вокруг себя. – Говорю тебе в последний раз, парень, вали отсюда! – Сам вали отсюда, Иуда, мастерски рифмую я. Он еще раз оглядывается по сторонам, затем смотрит, наконец, мне в глаза и неожиданно подмигивает. Вау! Кажется, он ударил меня! ВТОРОЙ УДАР. Это даже больно. Ты смотри! А ведь тут никогда не бывает больно. Он

разворачивается и входит в здание. Я смотрю на вывеску при входе. «Hotel Savoy». Ой, как они ценят свой адский юмор¹. Я ухожу. Как это может быть, мои лучшие люди становятся все безумнее! Они сажают меня за решетку или гонят прочь, что они вообще себе позволяют! Посмотрим, то ли еще будет. Как я вижу, времени здесь не теряют. Нет у них времени, чтобы еще и его терять. Постоянно на колесах, не удивительно, когда все длится целую вечность, как ее иначе-то скоротаешь? Все прохожие смотрят на меня как-то одинаково. Они подходят ко мне, а потом вдруг проходят мимо, в чем дело? Ах, они все знают меня, для этого им даже не нужно было читать сегодняшнюю газету. Ее вообще-то и не бывает, сегодняшней газеты. Если бывает, то только завтрашняя или вчерашняя. Послезавтрашняя, позавчерашняя, почему я знаю. И к тому же она прозрачна, так прозрачна, что бывать ей как-то и не приходится. НОВАЯ ПЛАНЕТА, так уж ее называли, ДРУГАЯ ПЛАНЕТА. Это воскресное приложение, но к чему? ДРУГАЯ ПЛАНЕТА – стоит в названии, СОВСЕМ ДРУГАЯ ПЛАНЕТА. Я продолжаю стоять и смотреть прямо в лица прохожих. Но стоять здесь совсем не значит просто стоять, как в старые добрые времена, это, скорее, вид ускорения. Тяга возникает от торможения. Сильно, правда? Я смотрю в ваши глаза, и чувствую во внутренностях жженье. Кто вы, собственно, такие? Вы знаете меня, это точно. Но почему вы смотрите на меня с таким умилением? И почему вы, смотря на меня с таким умилением, смотрите так насмешливо? Ведь вы все с Земли, или я ошибаюсь? Я вздрагиваю. Я хочу на Землю! Давайте сейчас же построим тут НЛО! – Тссс. Спокойно. Среди всех планет, не являющихся Землей, нет ни одной, не являющейся Землей². А вот и подходящее доказательство: это твоя сестра. Строго научно! Иди, сестричка, иди. Но, едва приблизившись, она тут же проходит мимо. Понимающий взгляд, и несется дальше. Ты смотри. Я смотрю ей вслед. Почему же ты не дала мне знать, что ты узнала меня? Это уж точно. Но почему ты казалась совсем другой, не такой, какой я тебя знаю? Кому это нужно? А сам я – почему я показался тебе другим, не таким, каким ты меня знаешь? И кстати, где же другие, все другие мои женщины? Я хочу видеть их! Они должны быть ВИДНЫ! – Но ты же их видишь!

¹ Юмор, может быть, в том, что вместо саваофских стройэмпиреев, это просто отель «Савой».

² Может быть, исходя из представлений о полой Земле; тогда и планеты, заключенные внутрь Земли, являются ее частью.

Все как обещано. Только их несколько изменили ... обобщили. Ты должен разрешить им это, в конце концов, ты и сам у нас несколько изменился ... обобщился, значит.

Нетнетнетнетнет, господа, ТАК не нужно, друзья мои! Я хочу видеть их такими, какими они были, только такими и нисколько не другими! – Посмотри на него! Он хочет видеть все таким, каким оно было, когда он может увидеть все таким, как оно есть! Во всей его прелести! – Прелесть это прелестно, но где же все остается таким, каким оно было? Где-то все оно прячется! – Ясно где, в Земле! – Замечательно! Мы веселимся здесь, значит, такие, какие есть, а в Землю все мы прячемся такими, какими были! А как же я, простите, узнаю ту, узнать которую доставит мне радость? – Узнавай ее во всех. Здесь все узнают себя во всех. Здесь доставляет радость узнавать всех, неважно, знал ты их раньше или нет. Вот! кто-то подходит ко мне и предлагает сигару. Хаха. Как будто здесь курят! Я смотрю на него. Морщинистое хитрое лицо, которое мне тут же подмигивает. МАРСЕЛЬ! – кричу я. Он немного отступает назад. Совсем незаметно. Тем не менее я заметил. Марсель, почему именно Ты? Не то чтобы я не рад узнать тебя ... Ты, Марсель, мне кажется, ты пугаешься, когда я называю тебя по имени, верно? Ты думал, одной из твоих сигар хватит в качестве доказательства твоей ау-тен-тич-нос-ти, а? Не рассчитывал на то, что тебя еще и по имени назовут, а? При этом я ведь не хочу ничего другого, только чтобы все мы пришли сюда такими, какими были. По мне так и такими, какими станем! Но мы же не станем другое, чем здесь, верно? И ничто не может здесь стать другое, так и не говорят. И вообще здесь нет ничего другого, все абсолютно такое, какое есть!

Я закрываю глаза, хотя закрыть их здесь невозможно, об этом можно забыть, хотя и забыть здесь ничего невозможно! Напротив, все нужно держать в памяти, и все вспоминать и соединять, все соединять и соединять и вспоминать все больше и больше. Я вздрагиваю. ПОЧТОВАЯ ОТКРЫТКА! Не забудь открытку послать, сказал он мне! Кто? Федорофф! Не забыть о чем? – Ну, об открытке! Не забывай о таких ВЕЩАХ, сказал он мне! О каких таких вещах, Федорофф? – Ну, вот об открытке! Я киваю головой и кладу трубку. Теперь я должен выполнить это обещание, чтобы сохранить свою собственную ау-тен-тич-нос-ть! Чтобы сохранить нашу общую ау-тен-тич-нос-ть. О да, он был прав! Был и остается? Ну, это зависит как раз от многого. А вообще отправляют отсюда почту? И какой же у него там был адрес? Был и остается? Ну, это тоже зависит как раз

от многого. Только сконцентрироваться, расслабиться. Нет, ТОЛЬКО сконцентрироваться, расслабляется теперь все другое, все окружающее. Вероятно, оно заслужило этого. Даже наверняка. Черт, как же я могу сконцентрироваться, когда мне в голову одновременно приходят миллиарды вещей? – Но есть вещь, о которой ты должен подумать, помнишь? Об ОДНОЙ вещи! – О какой? – Об адресе. – Чьем? – Федороффа. Об адресе Федороффа! – Я не могу, как раз он и не приходит мне в голову! Ха, а, может быть, ты можешь сказать мне адрес Федороффа? Он качает головой. Все только качают головами, очевидно, я должен справиться с этим в одиночку, только с чем же, с чем? Да с тем, чтобы вспомнить адрес. Как называлась эта дыра? Как-то странно. Два какие-то слова с *жопой*¹ посередине, WithARSCH? Или MARSCH? Марш, марш? Или это только в моем русском произношении, а в оригинале *гнилое morsch*. Morschwieten? Или вообще Марс, Marswieten? Где-то в Центральной Германии.

И что-нибудь с ohne, по сути без. Krohne, Bohne? Шмонэ не подойдет? MARSCHWIETHE-SCHMONE, звучит неплохо. Очень похоже. Вполне приемлемо. А как насчет того, чтобы просто позвонить? Выдающаяся идея. Просто позвонить и прочесть. Что прочесть? Да почтовую открытку. Текст открытки! Только где же он, текст? Его я должен еще написать, о да, написать, нацарапать. Нацарапать открытку, все как положено. Турист присаживается и царапает что-то на открытке, что он потом прочитает по телефону, ничего незаконного, так ведь? Я сажусь на соломенный стул и царапаю текст открытки на круглой крышке. Пожалуйста, вот и открытка. Круглая вещь. Обычно такие круглые вещи не бросают в почтовый ящик, но я ведь хочу прочесть свою открытку по телефону. Номер, в отличие от адреса, я могу узнать, позвонив в справочную. Я встаю. Простите, а где здесь телефонная будка? Пардон, мсье-дамы, где у нас тут звонят монетами? Я бы хотел прочитать по телефону круглую открытку, вот эту! Я показываю ее. Что это значит – здесь уличное кафе, а телефонных кабинок нет? Обычно у вас всегда есть телефоны, у таких парней и девушек из уличного кафе. А ты, почему ты уже качаешь головой, хотя я тебя вообще ни о чем не спрашивал? Берегись! Берегись, негодяй!

ОК, я вижу, что так мы далеко не уйдем. Мне кажется, вы и не хотите никуда идти, совсем застыли! Ваши взгляды вдруг стали враждебными, и вы направляете их на меня! Я у вас как бельмо на

¹ *Arsch* m - (груб.) задница, зад.

глазу, в остальном вам кажется, что все идет лучшим образом, именно так, как вы и хотели. Эта неопишуемая желтизна вокруг вас становится все плотнее, неопишумее. Все как по маслу, а? По голландскому? Этот чертов Сведенборг писал о вас с уважением, чертовы голландцы, хотя читать я умею довольно плохо, а вот о русских забыл. Но на этот раз русские победят голландцев, о да. Прямоугольная площадь, похоже, становится все круглее. В последнее время я все чаще сталкиваюсь с вещами, про которые кажется, что они становятся такими, как они есть. Какими они станут. Что я должен об этом думать? Я осматриваюсь. Тихо, абсолютно тихо, и становится все тише. Делать так делать, говорят, по-моему, немцы. Где вы, немцы? Я осматриваюсь. Здесь много народу, но все двигаются беззвучно и разговаривают друг с другом, не шевеля губами. При этом у них нет голосовых галлюцинаций, иначе слышны были бы мои соответствующие слуховые. По их глазам кажется, что все они что-то скрывают, все что-то одно, только вот что? Во всяком случае, я не вижу здесь ничего, что нужно было бы скрывать. Тем не менее, я чувствую, что и по моим глазам уже видно, что я что-то скрываю. Только что? Я тру глаза. Может быть, дело в моей открытке? Я смотрю на каракули. Думай, думай. Думать нужно ПОСЛЕдовательно. По-немецки POSTkarte – ПОЧТовая открытка. POST (как POSTановка) на латыни, конечно, ПОСЛЕ. А на самом деле: STOP! Эта POSTkarte – STOPkarte. Да, такую открытку как этот знак «STOP», и действительно сложно послать по почте, он такой же круглый, как эта площадь, а ее отсюда никуда не отправишь, отсюда вообще очень трудно выбраться, это СТОПплощадь, абсолютно круглая конечная площадь. Я осматриваюсь. Бесконечность вариантов возникает от их и-ден-тич-нос-ти, и это происходит прямо у меня на глазах. Люди плавно окружают площадь. Все они в белых одеждах, хотел бы я тоже надеть такие? Нет, в настоящий момент нет. Но в принципе да. Мне нужно только еще улучшить момент, чтобы отослать открытку! Мне не дают позвонить, поэтому мне нужно ее отослать. Очевидно, в настоящий момент мы находимся в том столетии, когда позвонить куда-нибудь считается невозможным. Но хотя бы по почте отправить можно? Хотя бы в этом отдельном случае. – Но не без почтовой же марки! – Это ясно. Марка нужна. Вот сюда нужна марка! Я открываю глаза. Круглой площади больше нет. Надо же, как просто. Значит, избавиться от чего-нибудь совсем нетрудно: надо только открыть глаза. Надо просто открыть открытые глаза,

вот и все. Может, у кого-нибудь здесь имеется, из чисто филателистских соображений, почтовая марка восьмидесятых, вот для этой открытки? Ладно, я могу послать свою открытку и без марки. За счет получателя. Слышишь, Федорофф? Ты платишь у себя ... ээ ... в **Wiethmarschen-Lohne**, так точно! – там ты платишь почтовый сбор, как только открытка приходит к тебе в конце этих твоих восьмидесятых.

ОК, финансовую сторону мы урегулировали, осталось только бросить открытку в ящик. Я оглядываюсь в поисках почтового ящика. В этом краю абсолютно желтого вряд ли увидишь что-то подобное. Не могу же я бросить эту штуку просто в окрестную желтизну! Есть ведь у вас здесь и другие божественные материалы, дома, люди, машины! Я блуждаю в поисках цели. Кто-то дотрагивается до моего плеча. Девушка, прямо передо мной! Но она мне не мать, не жена, не сестра. Совсем другая девушка, только кто же она конкретно? У нее есть конкретное имя, я его не знаю, но сейчас постараюсь вспомнить. Девушка протягивает мне что-то конкретное. Что это, девушка? Сок, конкретный сок в синей упаковке. Что конкретно я теперь должен сделать, глоток? Я открываю рот и закрываю глаза, делаю глоток, закрываю рот и открываю глаза. Конечно! Желтый сок! Синяя упаковка была всего лишь рекламным трюком. Можешь выкинуть ее, девушка! Как тебя зовут, Петра? Петра, как тебя зовут? Я смотрю в ее желтые глаза. Она успокаивающе улыбается мне.

Не нужно этого, девушка! Я ведь абсолютно спокоен! Я спокойно рассматриваю ее; вдруг все как подскакивает, фонари, эта высотка, куда выше? Я ухожу, ухожу совсем! Ухожу наверх. Девушка по-прежнему стоит неподвижно. Я быстро перемещаюсь в пространстве. Никаком не промежуточном, с промежуточностью покончено. Мое солнечное сплетение сияет. Кто шагает со мной в ногу, кто это? ФЕДОРОФФ! Я вздрагиваю. Хотя я вообще позабыл, как вздрагивают. С огромной радостью я хлопаю его по плечу. Оно совсем новое, Петр, не правда ли? Ну, что я давече говорил? Скоро и плечо твое опять станет совсем как новое. А, старик? Как поживает душ? Старичок кивает мне головой. Дедушка! Николай! Петр! Папа! Какая встреча! Мы встретились на этой земле небес, чтобы вместе подышать здесь небесным воздухом, насладиться им. Да, дед, как прародитель ты в прах уходишь, маленький, седовласый, и все меньше и седовласее. А ты тряхни стариной, соберись с силами! Я имею в виду, что для праотца ты *мелковатт*, папаша, но сияешь на

все сто, как отец, молодой и сильный. А мою открытку ты, собственно, получил? Тогда получай сейчас, вот она, возьми ее себе, Федоров. Только бы ничего не перепутать, это еще хуже, чем забывать. Соединять не значит ведь перепутывать, ты согласен, Фьёдоров? Фьодороу? Когда я корректно называю тебя Федорофф, ты сразу становишься снова таким же, какой ты есть, бледным человеком лет сорока пяти, которого я знаю. Итак, ты Федорофф, настоящий Федорофф, ТОЛЬКО Федорофф!

Я должен поддержать его под руки, чтобы он не упал. Федорофф! – кричу я полуразвалившемуся старику прямо в ухо. И он уже приободряется, бледный человек лет сорока пяти, выглядит расплывчато, и я даже знаю почему, возраст был указан слишком неточно. 46 тебе, не так ли? Ээ, подожди, тебе уже под 80, поехали задним ходом! Ладно, на пару лет я ошибся, в действительности тебе сейчас где-то 41-43, так ведь? Куда его снова понесло, старик, возвращайся сейчас же. Ты, вероятно, открываешь мне ТАЙНУ СМЕНЫ ОБЛИКА, а бывает ли это на самом деле? Эк тебя бросает, мой дорогой, с каждым шагом ты как-то меняешь возраст. Или это меня бросает, это я был слишком неточен, а тебе как раз таки 42. Вот я уже почти и довел тебя. Вот это уже почти ты, и ты идешь рядом со мной! Смотри, мы правильно взяли за дело и победили. Желтая партия: есть другие точки отсчета! У тебя в глубозах блестят слезы, твои слезы. Все и так уже блестит. У всех у нас в глазах блестят слезы, наши слезы. Только вот побеждать солнце нам было совсем не нужно, раз оно является отражением этой земли. Посмотри туда, Теодоров. Оно светит, не ослепляя. Мы смотрим на него, не мигая. С каждым мигом нам становится все яснее масштаб того, что в этот миг происходит вокруг нас. Нам становятся видны вещи, чей масштаб далеко выходит за рамки их собственных границ. И мы сами, Теодорофф, принадлежим к ним, такие уж это вещи. Давай их запоем получше, Теодорофф, потому что, я верю, они – последнее, что дано нам увидеть, и, значит, в последний раз. Кого же мы видим в последний раз, там вот, у фонтана, то бишь источника, что это за тип, по фамилии, видно, **Nachmann**? ПОСЛЕчеловек, значит. Только что это значит? *Нахманн* следующий? *Нах* нам это. Пусть будет **Endmann**! Человек *конца*, и конец фонтанам. Ты гляди, как он смотрит на нас! Наш голос чудовищно усиливается. Его черная кожаная куртка блестит, он встает и поспешно уходит. Нам не нужно его догонять, весь воздух – наш, нам нужно только вдохнуть поглубже, но не так, чтобы он остался совсем без воздуха, без всех

этих запахов. Он хотел бы при этом при всем присутствовать, только сам он не знает еще об этом. И если мы будем с ним осторожнее, все так и останется. Как говорится, семь раз отмерь, раз отрежь, а еще раз опрокинь набок. Ты ведь знаешь, Теодорофф, как это делается с 8! ВО+7 и сразу: ∞ , быстро, правда? Вдруг мой голос начинает сильно дрожать. Федорофф становится все бледнее. Это мы знаем из истории, Теодорофф, из всей этой нашей истории! Давай завершим, наконец, эту историю, которую мы больше не можем слышать! Ты мой камень, Теодорофф, и этим камнем я разобью башку каждому, кому это поможет догнать все это!

Между тем я замечаю, что говорю быстрее, чем позволяет скорость звука, и ты теперь живешь исключительно за счет потока моих слов, все теперь держится только на моем словесном потоке! Живи быстрее, Петр! Ты должен жить быстрее! Быстрее осваивай ПРАКТИКУ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ БЕСКОНЕЧНОСТИ ПОСЛЕДНЕГО МГНОВЕНИЯ. Быстрее, ты слышишь меня? Слушай меня быстрее! Ты должен слушать быстрее, понял? Понимай меня быстрее! Здесь СТОИТ СЛУШАТЬ все, что ты слышишь и понимаешь. Эта пульсация вокруг нас, вдох и выдох, закрылось, опять открылось, потянуло, отпускает. Да, это море, конечно, море. Слышишь, как все остальные уже подхватывают? Все в один голос, мы все – один голос, в который мы еще только сольемся в будущем. Только в будущем мы станем такими, какими сейчас мы уже являемся! Смотри, как дрожат эти маленькие окошечки в стенах. Если бы у нас было больше времени, мы могли бы выглянуть из них и продемонстрировать последнюю дружескую улыбку, так ведь? Только у нас нет больше времени. Здания, как сияющие сталактиты, обрастают воздухом, прозрачным воздухом. Чем шире улица, тем огромнее здания, и чем огромнее становятся здания – тем шире улица! Смотри, Федорофф, небо вокруг нас становится все яснее, земля вокруг нас – все новее, прозрачнее. Все взмывает ввысь, не повергая нас в глубину. Чем больше мы видим, тем больше становится неувиденного! Задние здания, Теодорофф, мы видим так же отчетливо, как и передние, Федорофф, а самые задние выглядят в отдалении ничуть не меньше самых передних, Теодорофф. Каким красивым, облеченным в белое кажешься ты, той drug, когда по правую руку от меня энергично перемещаешься в пространстве. Ты понимаешь, что это единственно верный для тебя способ перемещения, ибо замечаешь, что пространство не движется больше тебе навстречу, а изменяется. На ходу ты выбрасываешь

окурок, Rot-Haendle, табак №1. Ты энергично бросаешь его на бывший асфальт, туда, где ты только что находился, прежде чем переместиться сюда, откуда ты только что его бросил. Дай-ка мне тоже сигарету, Федорофф, только не останавливайся так сразу, на такой скорости нельзя переключаться сразу на СТОП, чувствуешь отдачу, как будто ветер? Все спешит назад, в свое непосредственное прошлое. Но мы хотим не в прошлое, а туда, мимо всего этого гранитного великолепия, с его кристаллическим блеском и разным количеством этажей, и мы не можем стоять здесь из-за какой-то дурацкой рот-хэнд'ины¹, оглянись вокруг, все уже выглядит совсем прошлым, где-то даже готовым на слом, ломким, все мчится, Фордорофф, задним ходом, где-то этак под 80. Чем больше пространства набирается здесь из-за твоего стояния, тем более хрупким оно становится, с каждым порывом возникающего при этом ветра обратной тяги! Прекрати стоять, или ты хочешь еще дальше назад, может, ты хотел бы взять кого-нибудь с собой? Но мы и так берем всех с собой, и настолько основательно, что скоро мы их уже встретим, там, впереди! Я замечаю, что мой голос скачет, он становится то выше, то ниже, то глубже, то пронзительнее, да и сила звука меняется постоянно, это катастрофа! Дай мне руку, Теодорофф! Я протягиваю ему руку. Она дрожит, она тоже скачет туда-сюда, становится то маленькой, то большой, то старой, то новой, то красной, то белой, то почти распадается, то собирается. Это рука переговоров. На, пожми ее, чтобы она больше не дрожала. В моем голосе тоже говор переговоров, но как только ты возьмешь мою руку в свою, мой голос придет в норму, обещаю я Федороффу голосом переговоров. Он отводит свой печальный взгляд. Ты, должно быть, думаешь, я забыл, что мы никого не хотели оставлять в прошлом? Но посмотри, все здесь остается при нас, даже если мы продвигаемся вперед. С другой стороны, ты прав, нам вовсе не нужно покидать место, где мы находимся, чтобы переместиться в другое место. Мы везде оказываемся скорее, чем мы идем. Даже оглянуться не успеваем, так ведь? Стой скорее, Федорофф! Вознесение стоя, это мы уже знаем. Продолжай стоять, Федорофф! Ты слышишь? Все вокруг уже складывается в один монотонный звук. Посмотри на эти краски, все они становятся одного цвета, одного единственного. Мы приближается к слову ... К СЛОВУ ...

¹ *Rot-Haendle* - марка сигарет (с изображением красной руки на пачке), дальше обыгрывается смысл слов: *rot* - красный, *Hand f* - рука (*Haendle pl* - руки, ручки), *verhandeln* - вести переговоры.

Наши отдельные слова становятся все более расплывчатыми, так же, как наши отдельные предложения и отдельные абзацы. Вслушайся только в это гигантское гармоничное гудение в твоих ушах. Гуди вместе с ним! Этот зуммер – сумма всех наших общих гудений, Теодорофф. Станный шум. Станный трагический героический шум, что звучит в ухе каждого человека во время войн, катастроф и концов света. Как вот сейчас, во время Большого Окончательного Изменения Форм.

Посмотри-ка! Вдруг Федорофф. Посмотри сюда! Ну что, Федорофф? Не кричи мне прямо в ухо, ты заглушаешь даже Большой Окончательный Шум очень Станного Изменения Форм. Ты имеешь в виду этих людей, которые стекаются к нам, чтобы погудеть вместе? Они, видно, идут из прошлого, из ранних семидесятых, поздних шестидесятых, с площади трех вокзалов где-то здесь поблизости, когда-то сейчас, в этой ранней Москве. Тем не менее, Федорофф, это не мы с тобой путешествуем во времени, это время наступает на нас, оно проезжает сквозь нас, окружает нас и шепчет при этом, согласен, вовсе не неприятно. Вот только что, в ранних пятидесятых, распространяется слух, будто что-то должно произойти, только что? Что-то масштабное, звезды средь бела дня или что-то подобное. Но что именно? В панике люди спотыкаются о чужие вещи, как о свои собственные, ты смотри! Мне нужно использовать случай, Петр, я узнаю этот итальянский ресторан середины восьмидесятых, где мы с другом допиваем жалкий графинчик Chianti. Метры Драгоценнейшей Мостовой На Подходе К Двери. Пара Ступеней Возносит Меня Наверх. Дверь Остается Открытой. Все Сидящие Внутри Поворачиваются.

«К твоему сведению: Сведенборг считает, что тот, кто верит в *Троицу*, НЕ ВОЙДЕТ в Царство Небесное». Игорь говорит медленно, он больше молчит, чем говорит, но и молчит он тоже очень медленно, тогда у нас у всех еще было время. Есть вещи, о которых так просто вообще не скажешь, все спокойно, спешить не нужно. Да, повернись же, ты, шв. Шведенборг. Он не поворачивается, именно он и не поворачивается, единственный во всем помещении. Он встает, как сидел, лицом к сортиру. «Я сейчас вернусь». Он шагает к сортиру. Дверь Открывается. Раз И Навсегда. В этот момент он закрывает за собой дверь. Я, со своей стороны, остаюсь сидеть лицом к двери. Я Смотрю Внутрь: Мой Ослепительно Белый Образ Весь В Ослепительно Белом Смотрит Внутрь Ослепительно Белым Взглядом. И Все Ослепительно Желтое За Моей Спиной Также

Смотрит Вместе Со Мной. Покуда друг мой писает и какает в ready-made, называемый унитазом, делая в нем *фонтан*. Все Непроизвольно Встают. Я Выхожу. КАКОЙ ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЙ ВОЗДУХ. НАШИ ЛОПАТКИ ТРЕПЕЩУТ. НАШЕ СОЛНЕЧНОЕ СПЛЕТЕНИЕ СИЯЕТ. ЭТО ПЕРЕДАЕТСЯ ВСЕ ДАЛЬШЕ, ТО ЕСТЬ РАССКАЗЫВАЕТСЯ – ВО ВСЕ ВРЕМЕНА ВСЕ ВСЕГДА РАССКАЗЫВАЕТСЯ – ВСЕ ГОВОРЯТ ДРУГ С ДРУГОМ – ВСЕ РАССКАЗЫВАЕТСЯ КАК-ТО САМО СОБОЙ – ВСЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ КАК-ТО САМО СОБОЙ – ПОЯВЛЯЕТСЯ НА ВСЕ ВРЕМЕНА – ПОЯВЛЯЕТСЯ САМО ДЛЯ СЕБЯ – И ЭТО ВЫГЛЯДИТ – КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ – ПОЯВЛЯЮТСЯ ДРОЖКИ, НА НАС ЕДЕТ МАССА ДРОЖЕК – ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ БЕСКОНЕЧНОСТИ – ВДРУГ ПОЯВЛЯЕТСЯ МНОГО РЫЦАРЕЙ, ВСАДНИКИ ЕДУТ НА НАС – ПОСЛЕДНИХ МГНОВЕНИЙ СВЕТА – – – ПОЧТОВАЯ ОТКРЫТКА СО ЗНАКОМ STOP СТАНОВИТСЯ ТЕЛЕГРАММОЙ – ТЕЛЕГРАММА СТАНОВИТСЯ ВОЗДУХОМ – ПРОЗРАЧНЫМ ВОЗДУХОМ – ВСЕ ЭТИ ЗАПАХИ – СОЛНЦЕ ТРЕПЕЩЕТ – ПЕРЕД НАМИ НАШ СЕСТРА – НА СТУПЕНЯХ БОЛЬШОГО ТЕАТРА – ОЧЕНЬ БОЛЬШОГО – – – ОО – ОО – СТАЛО ВЕТРЕНО – СОЛНЦЕ – СМОТРИ – РАСКАЧИВАЕТСЯ – ВОДИТ ХОРОВОД – ЩЕЛКАЕТ ПАЛЬЦАМИ – ПОСТЕПЕННО ПОДНИМАЕТСЯ – ТОПАЕТ НОГАМИ – ПРИБЛИЖАЕТСЯ ВСЕ БЛИЖЕ – БЛИЖЕ ЧЕМ МЫ САМИ – СТОИМ ДРУГ К ДРУГУ – ФЕДОРОФФ KUDA TY – KUDA DEWALSJA – СКОРО Я СТАНУ ТОБОЙ – СКОРО ТЫ СТАНЕШЬ МНОЙ – ФЕДОРОФФ ПЕТРОВИЧ – ПЕТР НИКОЛАИЧ – НИКОЛАЙ ЛЕОНТЬИЧ – ФЕДОРОВИЧ ФЕДОРОВИЧ – ПЕТР ТЕОДОРЫЧ – Я осматриваюсь. Федорофф, где ты? Я бегу за угол. Здесь ты, что ли? Бегать за угол. Это совсем неплохо. Даже полезно! Но тебя здесь нет, Федорофф, ты где-то совсем в другом месте. Я забыл открытку, забыл послать. Правда, я совал ее тебе в руки, а вот отправить – не отправил. Итак, это был совсем не ты, кто-то другой взял ее у меня из рук! Полностью написанную открытку, какая жалость! А тут как раз и почтовый ящик, прямо передо мной! Он такой пухлый, ужасно пухлый, а со временем вспухнет еще больше. Да, об этом так просто сказать нельзя! Такую пухлую кучу желтого я еще никогда не видел! Я просовываю правую руку во *внутригородскую*, а левую – во всю остальную *почту*. Ток горячего воздуха между ними, в недрах ящика. Тянет – значит функционирует! Наша вентикоммуникация работает превосходно, а? Меня тянет с обеих сторон внутрь ящика, я скругляюсь, становлюсь круглым, из меня получается совсем

круглая вещь! Меня почти разрывает по позвоночнику. Все спокойно! Спокойно! Мне с трудом удастся вытащить руки из ящика. Я осматриваюсь. Вокруг меня кусками ложится тьма. И уже лежит на земле. Я знаю, это ночь. Я уйду отсюда. Прочь отсюда. За угол, еще раз за угол. Кто-то крадется мне навстречу.

БВау! Я трус. Он убегает прочь и что-то шепчет. Я вслушиваюсь в удаляющийся шепот. Значит, темнота тебя не пугает?

«В ней есть ориентиры». «Поклянись мне!»

«И я с ориентирами на ты.

Полно ориентиров, только свисни». Я бегу, насвистывая, дальше. Ну, что тебе приснилось, Горбунов? Что видишь? Море? Несколько морей?...

И рыбы молча смотрят из дверей ... В тишине я слышу множество голосов, но это не мои слуховые галлюцинации. Однако голоса читают мне их вслух. В полной темноте хорошо знать, что в этой полной темноте тебя все знают. Я не боюсь ее, я обращаюсь ко всем, кто вокруг, на ты, высвистываю на своем пути дюжины ориентиров. И они появляются, здесь и там. Здесь уж точно. Да, собственно, и везде! Точно что везде. Ну, рыбы, что? Замечательная погода сегодня? Такая влажность. Темная сухая вода, роскошно. Я люблю плавать, когда гуляю. Плавать, гуляя, это я мне очень нравится. Здесь вообще приятно, даже таинственно. Все как под общим одеялом. Кто свет включил, сам и виноват, что одеяло с него стащили. Я сажусь на каменный бортик уличного ограждения, опускаю голову на колени и погружаюсь в серию коротких снов:

Я все иду по узкому тротуару, справа забор, слева бесконечный ряд наискось припаркованных автомобилей. Я иду довольно быстро. Вдруг я вижу перед собой спину, это, должно быть, монахиня или турчанка, в черном одеянии, покрывающем также ее голову. Она совершенно бесшумно возникла справа, всего на шаг впереди меня, но шагает она в ногу со мной, так что перестраиваться мне не нужно. Она не оборачивается, чтобы посмотреть, кто же это идет сзади. Я не могу обогнать ее, здесь слишком тесно. Вдруг я замечаю, что ее шаги постепенно замедляются, и

просыпаюсь, сидя на каменном бортике уличного ограждения. Я встаю и быстро шагаю дальше. Вдруг все машины одновременно заводятся и едут параллельно друг другу, наискось, как были припаркованы. Я

просыпаюсь, сидя на каменном бортике, и оглядываюсь. Все тихо. Я хочу еще подремать и снова опускаю голову на колени, она и сама опускается, но застревает между животом и бедрами. Я просыпаюсь. Ну, хватит. Я иду дальше. Салон желаний? Отлично! Я вхожу внутрь. Внутри все мерцает. Иногда вспыхивает. Слева мерцает, справа вспыхивает, и наоборот, замечательная ком-

бинация. Какие там круглые экраны? Я подхожу к ним и заглядываю поглубже внутрь. Там что-то вращается и тоже смотрит на меня. Я выдерживаю вращающийся взгляд.

НАУТОМАТ. ОПУСТИТЕ МОНЕТУ В ОТВЕРСТИЕ СЛЕВА.

НАЖМИТЕ НА КНОПКУ «ON». ОПУСТИТЕ РЫЧ

Я быстро оглядываюсь. Кто это повесил? Должно быть, сумасшедший. Толком прочесть это невозможно, слишком скверное боковое освещение. Края текста вместе с соответствующей пунктуацией погружены во тьму. Да, в этих местах много сумасшедших, с ними нужно вести себя осторожнее, я сразу начинаю вести себя осторожно. Так уже лучше. Я спускаюсь по маленькой лестнице. Ты настоящая лестница-всегда-ведущая-вниз, малышка. Нет, на *всегда* не тянет, слишком коротка. Несколько ступенек, и ты уже внизу, в полной тьме. Немного побыть в полной тьме полезно. Но, может быть, где-то есть инструкция? Я высвистываю ее сюда. И она появляется прямо перед моими глазами. Только какой прок от этого в полной тьме. Тогда она повисает, кажется, прямо напротив мозга, это, конечно, другое дело. Она, светясь, бежит справа налево, не считаясь с пунктуацией: ПОЗАБОТЬТЕСЬ О ТОМ ЧТОБЫ КАМЕРА БЫЛА ЗАТЕМНЕНА СЕЙЧАС ВЫ НАХОДИТЕСЬ В ТЕМНОЙ КАМЕРЕ ВОЗЬМИТЕ В РУКУ ПЛАТОК И ПРИКРЕПИТЕ ЕГО К ТРУБКЕ СЛИВА ПОСТАВЬТЕ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ НА 80 НАЗАД И ЗАХЛОПНИТЕ КЛАПАН ПОЖАЛУЙСТА ТЩАТЕЛЬНО ЗАКРУТИТЕ КРУГЛУЮ КРЫШКУ И ПРОВЕРЬТЕ ВСЕ БОЛТЫ В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ ПОДТЯНИТЕ

Как же я узнаю, что это необходимо? Нда.

КРЫШКОЙ ХЛОП СЪЕМКА ПОМНИТЕ О ТОМ ЧТО В ЭТОТ МОМЕНТ ВЫ НЕПОВТОРИМОЕ СОБЫТИЕ В ЖИЗНИ ВСЕХ ЭТИХ ЛЮДЕЙ ДЕРЖИТЕСЬ ДОСТОЙНО БУДЬТЕ ПО ВОЗМОЖНОСТИ СКОРЕЕ АБСТРАКТНЫ ЧЕМ ПРЕДМЕТНЫ И НАСЛАЖДАЙТЕСЬ ПОЕЗДКОЙ ЗАПРЕЩЕНО В ЛИЧНЫХ ЦЕЛЯХ ДОКУМЕНТИРОВАТЬ ПОВОРОТЫ УЛИЦ НАНОСЯ ЛИНИИ НА РУЛЕВОМ КОЛЕСЕ КУСОЧКОМ МЕЛА НАХОДЯЩИМСЯ СПЕРЕДИ СПРАВА ПРИДАЙТЕ СЕБЕ СИЛ ГЛОТКОМ ДЕНАТУРАТА

Спасибо! Я глубоко вдыхаю. Санкт Спиритус Денатуратис.

И ВОТКНИТЕ ШТИФТ В КОРОБКУ ПОД РАКОВИНОЙ ВО ВТОРОМ РЯДУ СЛЕВА ГАРАНТИЯ НАШИ ЭКСТРАТОНИКОВЫЕ СВЕЛРОЗО-ВЫЕ ШЕЛКОВЫЕ ПЛАТКИ ПРОИЗВОДЯТСЯ С БОЛЬШОЙ ТЩАТЕЛЬНОСТЬЮ ПОД ПОСТОЯННЫМ НАБЛЮДЕНИЕМ НЕЗАВИСИМЫХ КОНТРОЛЕРОВ ЕСЛИ У ВАС ВОЗНИКНУТ ПРЕ-ТЕНЗИИ ПОШЛИТЕ

ПОЖАЛУЙСТА ВАШ ПЛАТОК НЕПОСРЕДСТВЕННО ПРОИЗВОДИТЕЛЮ ОН БУДЕТ НЕМЕДЛЕННО ЗАМЕНЕН!

Я качаю головой. Нет! Хотя претензии у меня точно есть, но хрен я вам пошлю его! Хотя и было бы лучше. Я выхожу наружу. Какой светящийся воздух. Где я вообще? Я осматриваюсь. Как называется эта улица? Указатель, пожалуйста! Я свищу. Вот он. KANTSTRASSE! Боже мой. Даже здесь КАНТштрассе, кто бы мог подумать. Слыша Кантштрассе, я всегда вдруг вспоминаю о еде. Наша Кантштрассе это – всегда хорошо поесть, при хорошем обслуживании. Я высвистываю сюда едальню. Кто-то выходит оттуда, прямо мне навстречу. Я открываю рот. Вот теперь я нажрусь, наконец! Конец рабочего дня, возражает мне вышедший мне навстречу. Это отдастся во мне и в туманных редких перелесках, там, в начале лета, уже привычно. Я смотрю на парня, хозяина заведения. Огня, огня? *Feierabend-Feierabend*², *отдыхаем-зажигаем*, ох, уж эти здешние вечера. Так, должно быть, и погиб наш Тарковский. Предмет вашей нацгордости. Хозяин опускает жалюзи, в этих раскатывающихся рулонах мне чудятся голубцы. Я совсем охренел! Глодная игра слов! Все эти срулоны, срулады³, срады, задним ходом сквозь ночь. Сквозь Берлин с мигалкой. Мне даже нравится.

Ну, тогда ПРЕКРАСНОГО УИКЕНДА! Конец работы, конец недели, отдыхаем-зажигаем, шабаш огня, несмотря на шаббат! FEUERABENTEUER⁴ одним словом. Я знаю, что вы там вытворяете за фасадами поганных своих домов. Там ушел от нас предмет нацгордости. Штучной, так сказать, работы. Походить, конечно, не грех, не так ли? Особенно в ваших гулких тысячах м³ залов, скрытых за тридцатью м² фасадов, с которых сыплется штукатурка! Боже, сколько же дерьма оттуда сыплется! Штучной работой не пахнет, все штукатурка! Ох, уж эти мне художники, архитекторы! Я ухожу отсюда! Ухожу прочь! Эта Кантштрассе на этот раз очень длинная. Вдоль и поперек. Насвистывая, я иду дальше. Ага. Кафе. Ты смотри! Высвистал кафе, хоть я его не высвистывал. Я вхожу. Сажусь!

¹ Курсив автора.

² *Feierabend* *m* (вечер огня), получившийся из *Feierabend* *m* (праздничный вечер, конец работы).

³ *Rolladen* *m* - жалюзи, *Kohlroulade f* - голубцы (как один из видов рулета), *Roulade f* - рулет; рулада.

⁴ Здесь звучит и *Feierabend* *m*, и *Feierabenteuer* *n* (приключение или игра с огнем). FEUERABENTEUER называлась брошюрка Е.Хорвата, собранная из копий перга с сожженных листов бумаги.

Хорошо, присаживайся. Походил ты достаточно, пора уже посидеть. Видишь, что-то лежит на столе. Проветривается. Что же это такое? Беру в руки. – Прочитай это без спешки. Расслабься! Хотя читать ты умеешь довольно плохо. Но это ведь только IMPRESSUM. Очень большими буквами. Очень смешно извивающимися. – ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ? Я не знаю такой газеты. Должно быть, это новое название на рынке прессы, с полностью новыми картинками и буквами! – Да, это, конечно, и что-то новое, такое вот маленькое, приятное, с картинками и буквами, постоянно становящимися все меньше и меньше.

Я пробегая передовицу. Кажется, весь листок состоит из одной только передовицы. И о чем же речь? Очень просто: *Девушка была исключительно хороша во всем. Господа могут хорошо рассмотреть ее на фотографии (снимок: внутри дома). Какой прекрасный вид! Она забирается на нашу стройплощадку, где строится все больше Берлина, нашего Берлина! Наша милая девушка старается вытащить шланг из кучи. Она старается изо всех сил! И у нее получается. С присущей ей грацией девушка тянет шланг. Как бы петелька за петелькой она связывает все в одно целое, очень старательная вязальщица. И куда же она нацелилась? Ну, ясно, в редкие туманные перелески в начале лета, как всегда, с естественной грацией! И вот все с той же грацией, теперь уже скорее сверхъестественной, наша девушка вставляет свой конец шланга прямо в домик строителей. Наши поздравления! Дело сделано! Девушка слизывает с тарелки полоску горчицы. Наши поздравления и так держать! Конец передовицы. Самые сердечные поздравления! А вместе с тем конец и нашему маленькому единственному выпуску IMPRESSUM. Еще раз тысяча поздравлений!*¹

Я откладываю этот бредовый листок со сплетнями и стучу ножом по столу. Да, пожалуйста, чего бы Вы хотели? Меню, пожалуйста! Вот, прошу Вас, господин. Я смотрю в это меню. Парень дьявольски ошибается, это снова глупая газетенка, правда самый последний номер! «Единственным» они хотели нас одурачить. Кажется, газета с каждым номером становится все меньше. Так ей и надо!

ПОСЛЕДНЕЕ СООБЩЕНИЕ: ИТАК, ПОЛУЧАЕТСЯ, ЧТО НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ ДЕЙСТВУЕТ ГРУППА ЛЮДЕЙ, ПОМЫШЛЯЮЩИХ О ТОМ, ЧТОБЫ ВСЕХ, КТО ЕСТЬ ПОД ЭТИМ СОЛНЦЕМ, ВЫВЕСТИ НА

¹ Курсив автора.

КРЕСТ¹. ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ГРУППА БЫСТРО РАСТЕТ. КАЖДЫЙ ЧЛЕН ГРУППЫ УЖЕ ПРОШЕЛ ЧЕРЕЗ ЭТО. ГРУППА РАСТЕТ НЕВООБРАЗИМО. СКОРО ВСЕ УЖЕ ОКАЖУТСЯ В ЭТОЙ ГРУППЕ. НО ЕСЛИ ВСЕ ОКАЖУТСЯ В ГРУППЕ, ТОГДА ЕЕ БОЛЬШЕ НЕ СТАНЕТ. ИБО ТОГДА ЕЙ НЕЧЕГО БУДЕТ ДЕЛАТЬ В КАЧЕСТВЕ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ. НО ЕСТЬ ТОТ ПОСЛЕДНИЙ, КТО ВСЕ ЕЩЕ НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ К ЭТОЙ ГРУППЕ И ТЕМ САМЫМ АРТИСТИЧНО ПОДТВЕРЖДАЕТ ИХ ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ. САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ АРТИСТ СРЕДИ ВСЕХ ЭТИХ ВЕЛИКОЛЕПНЫХ ХУДОЖНИКОВ, АРХИТЕКТОРОВ.²

Я выхожу. Какой светящийся воздух. Куда, куда же теперь, в этой темноте? Может, туда, куда меня так и тянет? И где я вообще их найду, эти хваленые перелески утром в начале лета, их, может, тоже куда-то тянет? Вокруг моей головы ... образуется что-то вроде облака комаров. Ты смотри! Только что воздух был совсем свободен от комаров. Близость позднего лета сказывается, что ли? Чтобы не терять прозрачности, облако вертится все быстрее. И оно становится все прозрачнее, чтобы не терять скорости! Я встряхиваю головой. Да, комарики. Поете вы в унисон, ваш суммарный зуммер, я думаю, этак в 25 комариных сил, а кажется больше. Точно, вы исполняете радиопьесу для 25 комаров в унисон и хора, браво! Где вы этому только учились, вот так – без хора, посреди ночи? Вы сопровождаете меня при ходьбе. Пьеса для ходьбы с сопровождением. И куда ваша пьеса теперь скользит, без поддержки хора? Вы вырываетесь на пару сантиметров вперед и бросаетесь вместе с моей головой направо. Входим туда? Почему бы и нет? Лестничная клетка, в желтоватых, зеленоватых тонах. Кабина лифта за сеткой шахты. Свет кабины проецирует сетку на стены. Сопровождение, кажется, осталось на улице. Слишком душно здесь для вас, поющие комары? Слишком темно? Слишком мало места. Слишком мало объектов, из которых сосут кровь? Нет, сопровождением это назвать нельзя. Разве что введением, увертюрой. Ладно, оставайтесь себе на улице. Всех вам успехов! Ищите там себе места посветлее. Головы посветлее. Продолжайте оттачивать свою гибкую систему кровоснабжения. Что подмигивает

¹ Kreuz n – крест, крестец, Выражение *aufs Kreuz bringen*, – в контексте прозы, кажется, что «мерцает» между значениями «распят», «одолеть, положить на обе лопатки» и «сосредоточить на крестце».

² Курсив автора.

мне так двусмысленно из этого плохо освещенного угла? Я тоже двусмысленно подмигиваю, мол, давай сюда, хотя это, пожалуй, ошибка. Это плакат. Господин со спортивным лицом беззвучно двигает своими свежими губами. Когда он произносит некоторые буквы, обнажаются прямо-таки образцовые зубы. СДАВАЙ КРОВЬ! Я отступаю на шаг назад. Как, сейчас, сразу? Но откуда же мне взять ее? НАЧАТЬ НИКОГДА НЕ ПОЗДНО. ЗДЕСЬ ТЫ МОЖЕШЬ ПОМОЧЬ ДРУГИМ. Да, конечно, конечно. Раз уж я здесь. Только где эти другие? СПАСАЙ ЖИЗНЬ. Спасать жизнь, о да. Это я и сам бы всегда советовал. СДЕЛАЙ ЧТО НИБУДЬ ДЛЯ СВОЕГО КРЕСТООБРАЩЕНИЯ. В НАШЕМ ОБЩЕСТВЕ ЛУЧШЕ ВСЕГО ЗАНИМАТЬСЯ СПОРТОМ. Я и так занимаюсь, все время. Что касается меня, я всегда был страстным спортсменом. Тем самым я постоянно обновляю кровь, обращающуюся в моих жилах, а потому и моя донорская кровь остается всегда свежей. НЕ НУЖНО ГРОМКИХ СЛОВ, ПУСТЬ ГОВОРЯТ ДЕЛА! ПРОТЯНИ РУКУ ПОМОЩИ СВОИМ БЛИЖНИМ! Он даже показывает мне, как это делается. Он обнажает свою руку по локоть и высовывает ее из плаката. Затем он подносит руку ко рту и впивается в нее зубами, не отводя от меня взгляда. ВОЗЬМИ И ПЕЙ, ЭТО КРОВЬ ТВОЯ! Я киваю ему и подношу свою руку ко рту. Он кивает мне, продолжая сосать свою руку. Я кусаю себя за руку. Это моя кровь! Я беру и пью ее, принимаю. НАПЕЙСЯ ДОСЫТА. Напившись, я чувствую, что у меня начинает кружиться голова. Чтобы унять кровотечение, я поднимаю руку вверх и лижу рану. Я ухожу! Ухожу прочь! Спасибо, это освежило меня! Я начинаю подниматься по лестнице. Мужчина что-то беззвучно кричит мне вслед, что? Я поворачиваюсь и смотрю на него сверху. ВЫ ТО, ЧТО ВЫ ЕДИТЕ! ЕШЬТЕ СЕБЯ И ВЫ ОСТАНЕТЕСЬ САМИМИ СОБОЙ! И такими же здоровыми? СОВЕРШЕННО ЗДОРОВЫМИ! Хахаха! На втором этаже я нажимаю кнопку вызова лифта. Ха! Лифт появляется. Я захожу в кабину и еду наверх. Только я выхожу, кабина лифта сразу летит вниз. Хахаха! как безумное раздается на всех этажах нашей лестничной клетки. Нужно послушать, как это звучит этажом ниже. Хахаха! Прокричав это, я бегу на этаж ниже. У того, что я кричал этажом выше, звук здесь более глубокий, я бы даже сказал, более наполненный. Я нажимаю на кнопку. Кабина приходит, и передо мной открываются ее двери. Замечательное открытие, скажу я вам, и такое обходительное помимо прочего! В кабине пусто. Я громко смеюсь в нее, сбегаю еще на этаж ниже и нажимаю кнопку. Этажом выше

закрываются двери. Кабина приходит, и ее двери открываются. Невероятное открытие! То, что я кричал сюда этажом выше, выходит здесь еще лучше, чем там кричалось. Надо же! Я сбегу еще на пару этажей вниз. Теперь я снова на первом. Кабина автоматически подъезжает. С ума сойти! Двери открываются. Спасибо, но сейчас я не должен входить, я теперь нужен здесь, снаружи. Наконец-то и жители дома развлекутся, им, должно быть, кажется, что здесь целая театральная бригада орудует, с поэтическим ангажементом по всей лестничной клетке. Вот сумасшедшие, это же я здесь, совсем один! С этим я и один ведь справлюсь, вы что, не верите?

Входная дверь открывается. Входит девушка и хочет зайти в лифт. Добрый вечер, девушка, я желаю тебе превосходно, суперзамечательно провести вечер! Она вздрагивает. Разве нужно вздрагивать, когда тебе вежливо желают доброго вечера? По какой-то неясной причине девушка пробегает мимо лифта и начинает подниматься по лестнице, торопливо перебирая ногами. Она предпочитает мануальный, значит, подъем, т.е. это тоже как-то называется на латыни. Что сказать? – природа, тоже совсем неплохо, иногда она даже быстрее техники. С каждой новой ступенькой икры ее сверкают – брюшками двух вертикально плывущих рыб. Входная дверь снова открывается.

Да ну, кого я вижу? Мои друзья из театра. Привет вам, ребята, всем четверым! Только ваши лица, мимика, жестикация за прошедшее время несколько изменились. Но это неважно. В конце концов, я ведь и сам стал другим. Это ведь в природе вещей, в их природе или в их технике. Почему вы так многозначительно смотрите мимо меня? Почему вы так странно смотрите на эту бедную девушку, застывшую на повороте лестницы. Беги, беги, девушка! Кто знает, что этим громилам от тебя нужно. Может быть, они здесь по делу о Большом Изменении Форм. С лучшими намерениями, но дело тут непростое. Впрочем, даже если это просто охотники за донорской кровью, шныряющие повсюду, тебе следует опасаться их. Как джентльмен, я на всякий случай встану между ними и тобой.

Девушка исчезает. Бесследно. Может быть, она была всего лишь приманкой? Театральные художники и архитекторы идут прямо на меня. Я задом поднимаюсь по лестнице. Чертовы москвичи все идут на меня. Когда это прекратится, хотел бы я знать. Чертов архитектор Сережа хватает меня за левую руку. Да брось ты! Зачем тебе моя левая рука, Сережа? Эй, Володя, помоги-ка мне! Володя неотрывно

смотрит на меня. Я смотрю в ответ еще неотрывнее. Володя отводит свой взгляд, но его перенимает теперь Сережа, который смотрит на меня этим самым взглядом совсем настойчиво. Неожиданно он подмигивает и наносит мне удар. Вау! Похоже, что он ударил меня. ТРЕТИЙ УДАР. Ну, подожди! Я поворачиваюсь на 180° и бегу вверх по лестнице. Нет, кажется, меня все-таки преследуют. Кто-то хватается за мою спину за мой серо-антрацитовый двубортник. Я спотыкаюсь. Меня берут под руки, только вовсе не за тем, чтобы мне помочь. Ну, ладно. Я поднимаю ноги вверх и при этом не падаю, надо же! Вы хотите поносить меня? На весу я наношу ногами мощный двойной удар по стене. На короткое мгновение мы все падаем. После этого я остаюсь лежать! А те четверо хватают меня за четыре мои конечности и поднимают. ГРУБАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ СИЛА! – цитирую я чертова убийцу чертова Кеннеди и наношу Володе жесткое подмигивание в его глубокоглаз, что справа. Давай, давай, шепчет он мне в ухо несколько запыхавшись, не напрягайся, будет не так больно! – Ты имеешь в виду: сконцентрироваться, расслабиться? – Нет, ЕВГЕНИЙ, ТОЛЬКО расслабиться. Осталось совсем немного! – Немного чего? – Сам знаешь чего, не прикидывайся, просто расслабься, нужно только занести тебя за угол и порядок.

Володя и Сережа залезают вперед, я и еще двое лезем за ними. На машине написано POLIZEI. Вам не кажется, что наша пьеса называлась несколько иначе? Я делаю многозначительную паузу. Мы уносимся прочь. А где же проблесковый маячок? Блин, вы же мне обещали! Что мне понравится. Включите, я хочу, чтобы мне понравилось! – Не болтай! Сидящий слева передо мной крепко сжимает мне руку, измеряя пульс. Я пытаюсь пульсировать слева сильнее. Машина останавливается. ИТАК.

Ваша фамилия, пожалуйста. Ваше имя. Девичьей фамилии нет? Хахаха. Хорошо, адрес: Берлин, дальше? – Зачем дальше? В Берлине совсем неплохо! Сами можете дальше! – Ладно, кончай. Берлин 1, 12, 17? – Ну, скажем, Берлин от 12 до 17. Кантштрассе 17 в Берлине 17, совсем неплохо!

На меня смотрят довольно строго и неотрывно. МИША, хочется мне воскликнуть, МОЙ ШКОЛЬНЫЙ ДРУГ! Нет! Миша качает своей большой головой: я тебе не Миша, не здесь, мол, и не сейчас. При этом он смотрит на меня сияющими глазами, полными любви, ну и дела!

Теперь мы встанем! Мы встаем. Пройдем в другую комнату! Мы проходим в другую комнату. Приложим 10 пальцев к подушечке с

краской, а потом к этому формуляру! Мы прикладываем 10 пальцев к подушечке с краской, а потом к этому формуляру. При этом мы довольно-таки неотрывно смотрим на висящую здесь настенную карту: НАШИ ЗВЕЗДЫ. Так Занятно Извиваются. Будто Змеи. Все очень близко, на самом деле. Очень близко друг к другу. И становится все ближе. Все уже объезжено.

Пойдемте, кашляет он. Пойдемте со мной. Идем с ним. Теперь повернем за угол. Ясно, поворачиваем вместе с ним за угол. А теперь туда? В эту белую высокую дверь? И что здесь? Ваша гостевая комната, говоришь? Ваша гостевая комната. Ты смотри. Дверь закрывается. В вашей гостевой комнате гостя оставляют в одиночестве. Гость должен осмотреться. Увидеть ваши длинные узкие гостевые нары. Комната узкая, но высокая, это все уже известно. Гость ложится на деревянные ваши нары и слышит шум. Что это за шум? Непрерывный, похожий на звуки дюэ. Мы уже стартовали? Ну ты смотри.

Гость стучит по полированному дереву, по этим узким длинным доскам. Кажется довольно стабильной конструкцией. Прочная статика. Прочная статика крепко привинчена к полу, из-за невесомости и т.п. Можно ли эту вещь, собственно, развинтить?

*Я вдруг подумал – но, конечно, праздно,
Что если крест да распилить бы на
Дрова, взойдет ли дым крестообразно?*

Но такие вещи положено не пилить, а именно развинчивать и возвращать к их первоначальной форме. Какой-нибудь инструмент у гостя всегда найдется. Необходимо только тщательно обыскать себя. Может быть, в подкладке брюк? Гость снимает брюки и при этом стыдливо смотрит вверх, на неоновую лампу. Между этими трубками расположены объективы, которые наблюдают за гостем, ну ты смотри. Может быть, хоть маленькая иголка вшита в этикетку на штанах? Что там вообще написано? ГЕНЕРАЛ. Вы присвоили гостю звание! Причем несколько лет тому назад, гость только не знал, что он носит сей знак различия. Да и штаны он носил очень редко, вот это жалко.

ЭЙ, ЧТО ЗА БАРДАК ТЫ ТУТ УСТРОИЛ! Порвал свои собственные штаны! Вы не можете расхаживать здесь без штанов! – Где расхаживать-то? – Да там, куда мы сейчас Вас отправим. – Это куда? – Угадайте! – Будущая Москва, бывшая ГДР? – Что это, может, аббревиатура? Волькен, Зергер. Дайте ему какие-нибудь штаны и выведите отсюда!

Вдруг все несется задним ходом. Улица двигается толчками. Нет, ну каким выпуклым бульжником мостили они свой ночной Берлин, эти ночные берлинцы! А ведь думалось, мостовая здесь совсем стерлась под колесами транспорта. Так оно и было, но с тех пор она, видно, снова здорово изменилась. Володя и Сережа должны аж кричать, чтобы слышать друг друга и, соответственно, чтобы их слышали. Как принято в наших широтах, они ругаются через каждое слово. Они открыто насмеваются над кем-то, но при этом еще кажутся и разгневанными. Сережа Волькен поворачивает голову назад и скалится, глядя на кого-то. Следи за дорогой, ты, идиот! Или за рулем сегодня Володя Зергер?

Очень короткая поездка для Берлина. Если, конечно, это еще Берлин. В окнах машины уже леса, редкие густые летние перелески в тумане раннего утра, лес Центральной Германии. Машина останавливается. Что заставляет нас троих остановиться именно здесь, посреди немецкого леса? Или здесь состоится что-то вроде обмена? Небольшой обмен личностями во времена Большого Изменения Форм?

Ребята выпрыгивают из машины и молча открывают снаружи заднюю дверь. Нужно ли это? Сережа ухмыляется. Володя тоже. Чувствуешь себя как-то неуютно, товарищи. Или так и должно быть? – Скоро ты там? Ты что не понимаешь нас, что ли? – Конечно, я вас не понимаю, я не понимаю больше никаких языков! – Учи английский, тогда ты сможешь самым быстрым способом переходить от одного слова к другому. You understand? – I understand only Station¹, правильно? – Да, совершенно верно, остановка, конечная, давай, выходи!

ОК, ОК. Освободиться от своих пепельно-серых кроссовок. Они остаются в машине. Если вы сейчас улизнете и оставите его одного в лесах Центральной Германии, он, по крайней мере, будет знать, куда вы поехали. Его кроссовки служат ему ориентирами в этой тьме. В них встроен передатчик. – А сигнальная пиццалка куда встроена? – А в него самого! В того, кто выпрыгивает из машины. И чувствует, что улица под ногами чистая и прямая. Совершенная плоскость посреди леса. Как она называется, эта улица? – Лучше узнаешь, когда пойдешь, малыш. Иди, не останавливайся! Немного проветриться никогда не вредно! – Ну, тогда всего хорошего и

¹ Понимаешь? – Я понимаю только остановку. Station (нем., f) можно понимать и как остановка, и как одна из остановок на Крестном пути Христа (англ., Station of the Cross).

спасибо, что подвезли! Кто-то делает первые шаги. Подвизившие его отъезжают задним ходом в противоположном направлении. Дорога плавно идет по кривой наверх. Или кто-то забыл выдохнуть? Может быть, просто сейчас тяжелее дышится, и больше ничего. Над головой ... образовалось сколько-то неба. Надо же. Сколько-то там небес. Только идти туда. Там впереди свет! Еще всего несколько сотен метров. Настоящая лестница-ведущая-всегда-прямо, так тяжело дышится идущим по ней вперед. Эти огни, огни, огниогниогни, кто только подвешивает их так быстро – театральные художники, архитекторы? Видно, те же самые, что настилали эту замечательную мостовую, чистую и гладкую, как скатерть, и нисколько не блестящую. Видно, ни один автомобиль не проезжал еще по этой дороге, тем более что она такая узкая, четыре колеса вряд ли на ней поместятся. Две ноги, правда, тоже вряд ли. Это значит, кто-то на этой дороге первый. Везде кто-то первый, неважно где, так как все мы живем во время его беспокойной молодости.¹

Берлин 1988***Кельн 1992

¹ Заключительные абзацы состоят большей частью из неопределенно-личных предложений, в которых подлежащим является слово *tap* (нем., не переводится), что отсылает к названию прозы: *READY-MAN* (англ., готовый человек), образованному по аналогии с *READY-MADE* (англ., готовая вещь).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Удостоверение
для представления при проверке документов службой паспортного
контроля

ФОТО

Господин/~~Госпожа~~ Евгений Хорват
Может однократно по воздуху покинуть Берлин.
Анкетные данные не подтверждены.
(действительно до 25 июня ...)

/подпись/

355

Начальник полицейского управления в Берлине
Участок 31

Господину
Евгению Хорвату
Ул. Бургомистра Штеенбока, 29

Уважаемый господин Хорват!

Вследствие того, что я находился в отпуске, к сожалению, только сейчас
могу ответить на Ваше письмо от 5 июля сего года.

17 июня 1988 года около 13.00 Вы были доставлены в полицейский
участок 31, ул. Бисмарка 111, Берлин 12, по поводу нарушения
неприкосновенности жилища в Театре Шиллера. После проверки
анкетных данных около 14.25 Вы были способны передвигаться, так что
Вас смогли отпустить.

Ваш паспорт (место находки: ул. Песталоцци) был удержан полицией.
Ваш черный «дипломат» (место находки: ул. Лейбница 17), так же, как и
Ваша черная сумка (место находки: при входе в Театр Шиллера), вместе с
фотоаппаратом, Walkman'ом, микрофоном и другими личными вещами
были выданы Вам.

Иных предметов у Вас при себе не было. Остальные названные Вами
вещи к нам не поступали.

Надеюсь, что помог Вам вышеизложенными разъяснениями.

С глубоким уважением,
По поручению
/подпись/
Шале

Потерянное

Вознаграждение! Зеленый матерчатый чемодан, черная «Surfer»-сумка, дипломат с фотоаппаратом, магнитофоном, магнитофонные пленки, художественные объекты, одежда и документы потеряны 15–17. 6. 88. в центре Берлина или в Театре Шиллера. Евгений Хорват, почтовый ящик 132 232, 2000 Гамбург 13, 0 41 93/25 09

ЭССЕ, ПИСЬМА

ен, яв, пр, приписки
как
ль, что
и-и
с во
об
нша
об
пр
хоро
то
то
-ин
-о
-о
-о

раскрутите? - по окончании ярманки все экспонаты / кроме под
А для каталога хорошо бы от Вас краткую по-англ. В. обшем, см.
И: для выставки визуальной поэзии; для выставки "литера-
тура на листовках"; + хотите для нашего м.б. отсека
/фотографий, плакаты, что выставочный бланк, ждём от Вас всякий
Я заполнил за ПОДВАЛ выставки? - короче, ждём от Вас правах
дружественно изд-ва его представляет. В Майнц всё должно
быть послано до 15 МАРТА. НЕ следующего года, Кузьмински,
Любиде
Ваш

2287

**Вокруг десяти реплик «Комедии о Алексее человеке Божьем»
М. Кузмина**

«Комедия о Алексее человеке Божьем» принадлежит к числу нескольких кузминских пьес об ушедших из мира для совершения христианского подвига (см. «Комедию о Евдокии из Гелиополя», «Комедию о Мартиниане»). Все три названные здесь «комедии» относятся к весне-лету 1907 года. «О Евдокии» открывает этот триптих (март 1907), «О Мартиниане» завершает (июль 1907, окончательная редакция – 1908). «О Алексее» находится в хронологическом центре композиции (апрель-июнь 1907).

Если отбросить персонажей и вообще конкретные атрибуты «комедий», то задним числом окажется, что такой прием оправдан и возможен: в итоге предстает схема явно общей идеи, совпадающая с хронологической. Симметричность ее безукоризненна: с левого края – история человека, пребывавшего во грехе, но услышавшего глас Божий и обратившегося. Справа – рассказ о монахе, подвергавшемся искушениям дьявола. Герой серединного повествования, праведник, изначально праведником бывший и до своей кончины вселявший в дьявола, очевидно, полную априорную безнадежность.

Эта эллинистическая правильность композиции христианского материала весьма симптоматична для времени создания рассматриваемых пьес. Сознательно или бессознательно, Кузмин избрал метод, напоминающий о первых веках христианства, когда писатели соответствующего направления хоть и пытались, в противовес языческим авторам, «не обращать внимания на цветистость слов, но исследовать самое дело речи»¹, однако волей-неволей следили за периодами, подчинялись определенным правилам, на данном этапе развития языка уже бывшим не излишествами, а плотью его.

Чтобы выявить подоплеку кузминской темы и жанра, следует вспомнить, чем являлся эллинизм для «рафинированного петербуржца» начала XX века.

– ...Это ересь, что с победой христианства исчезли сильные, языческие поэты и философы, они нигде не встречали понимания,

¹ См: *Послания к Автолику св. Феофила. Антология «Раннехристианские Отцы Церкви», Брюссель, 1978.*

самого примитивного понимания, и должны были погибнуть. Какое одиночество испытывали последние философы, какое одиночество... – вздыхает один из героев вагиновской «Козлиной Песни».

Вместе с ним, с Неизвестным поэтом Вагинова такими «последними» ощущали себя относительно многие, и начало нашего столетия было им, как начало нашей эры. Однако не следует полагать, что здесь имело место разочарование в христианстве, еще успевшем вскормить этих людей. Исторический объективизм, наоборот, их умами не владел, так что им вполне можно было не думать, например, о том, что языческие философы противились воссиявшему Свету; ощущение как таковой «последности» себя в торжестве нового почти оправдывало отождествление световых волн, сметавших гордых римлян, с морем неверия и невежества, захлестывавшим петербургские островки.

Кузмин, несомненно, принадлежал к тоскующим «последним»; однако, в классицистической ностальгии он заходил дальше большинства своих собратьев. Если они только грустили по Элладе, по Риму, то Кузмин, будучи подлинным поэтом, с какой-то даже деловитостью занимался воссозданием объекта. Он проходил через двойную арку: миф его был так выпукло вылеплен фантазией, что становился миром, – попадая в который, Кузмин из «последних» естественно становился «одним из». Как было вернуться к самому себе, то есть к одиночеству, коему «последность» служила, разумеется, лишь вариативным наименованием? Единственное, что можно для этого предпринять в вымышленной – торжествующей – языческой реальности, это стать христианином. Одиночество «последнего» обращалось в одиночество «первого», не меняясь по существу.

Таким образом, определяются локально-темпоральные координаты авторского героя Кузмина. Исходя из них, проясняется, в частности, смысл термина «комедия», примененного Кузминым ко всем трем своим пьесам. Ведь при четком разграничении у древних драматических жанров не приходится предполагать, что «комедия» здесь суть «действие вообще». Скорее, Кузмин снисходительно идет на поводу восприятия массы языческих зрителей, которым сама по себе христианская тема все еще кажется изрядно смешной. С другой стороны, если в туманном будущем (нашем и Кузмина настоящем) комедийность должна будет проявляться в фактуре, то пока что – то есть в заданных Кузминым и Кузмину условиях – она дается и усматривается преимущественно в структуре вещи. В подобном аспекте все необходимые приметы комедийности здесь налицо. Нам,

чтобы лучше осознать их из нашего далека, стоит, видимо, прибегнуть к более близкому понятию «басни». Действие каждой из трех кузминских пьес завершается чисто басенной рифмованной концовкой, моралью. На протяжении действия кузминские персонажи часто поют, прозаический текст постоянно перемежается стихотворным и в этом проявляются приметы смежного с комедией водевиля.

Тут же становится объяснимой и лубочная простота кузминских «комедий». Христианский автор Кузмин популяризирует христианскую идею средствами литературы; до сложностей ли, когда нужно показать насмехающимся язычникам самое насущное. Само собой, это касается внешней стороны дела; есть и внутренний аспект, в котором сквозь кузминский лубок проглядывает икона, – то есть, «простота» обнаруживает спиритуальные черты Абсолюта.

Если же говорить о невымышленных современниках Кузмина, то для них, быть может, эта внешняя лубочность, впрочем, весьма изящных вещей столь изоциренного человека, как Кузмин, в столь усложненной среде, как Петербург начала столетия, сама по себе придавала делу комический характер. Кузмин, словно профессиональный драматург, работающий «наружу», учел весь спектр возможных восприятий: от выдуманных – до реальных, из какого-то универсального центра обозревая круговые ряды разноплеменных и разновременных зрителей.

* * *

Среди песенных вставок в основной текст кузминских «комедий» – то водевильного, басенного, то молитвенного характера – одно стихотворение стоит особняком и заслуживает соответствующего рассмотрения, как и фон, на котором оно происходит; оно помещено в начале центральной, наиболее «идиллической» части кузминского триптиха – «Комедии о Алексее». Стилистически и тематически оно водевильным целям, равно как и признаком «басенной» комедийности, не служит. Подается оно также отлично от прочих принадлежащих «комедиям» стихов, образуя маленький «ход», зеркально обратный общему принципу: в то время, как основной, прозаический текст всех трех пьес перебивается обычно стиховым, образующим при этом цельную и целую реплику, этот стих сам прославляется прозой и расщепляется на несколько реплик, причем двух разных действующих лиц. Вот отрывок, о котором идет речь:

«Часть первая.

Рим. Спальня Мастридии. Мастридия, Аглаида, служанки.

Мастридия:

Я все хочу вспомнить эту песню, что пели девушки; там еще говорится о плотниках.

Аглаида:

Мы справляли свадьбу по старине и не отбросили веселые сельские песни, которых ты, как девица царского рода, не слышала раньше.

Мастридия:

Это языческие еще?

Аглаида:

Да, это языческие еще. Она так начинается:

Снова потерян венком цветок.
Плотники строят брачный терем.
Плач печальный от нас далек:
Счастье зовем мы, счастьем верим.

Мастридия:

Счастьем верим.

Я, кажется, помню следующую строфу:

Новую розу в венок вплетем –
Плотники терем кончат скоро.
Вечно идут все таким путем.
Плачет...

Аглаида:

Плачет Деметра, плачет Кора.

Мастридия:

Плачет Кора.
Цвет ли погибнет...

Аглаида:

В грядущем плод,
Плотники, стройте гроб девичий!
Скоро падешь ты, святой оплот,
Скоро ворвется гомон птичий.

Мастридия:

Я не совсем понимаю последних слов.

Аглаида:

Песня еще длинна, и из дальнейшего яснее смысл предыдущего.
Само по себе ничто не бывает понятно.»

Для заинтересованного читателя последняя реплика полностью опускает концы в воду: продолжение не обнаруживается ни в

тексте комедии, где после слов Аглаиды Матридия меняет тему разговора, ни во всем поэтическом наследии Кузмина. И то сказать: сведенье о наличии «дальнейшего» само по себе ввергает в недоумение. Последние две строчки стиха и интонационно, и по смыслу выглядят, как явная концовка, причем концовка для Кузмина характерная. Песенный рефрен обещания – «скоро... скоро...» (вспомните: «Скоро, скоро/Увенчается/Розой грудь...»²) – и должен был бы служить эмоциональным завершением – или разрешением этого (как будет показано ниже), по существу, плача, если б подобное разрешение допускал контекст. Обратимся для начала к последнему. Аглаида, мать главного героя пьесы, Алексея, с которым обвенчалась Матридия; разговор ведется между только что отыгравшей свадьбой и первой брачной ночью, что не состоится, как и все супружество, ибо Алексей уйдет из дома, чтобы стать подвижником. Здесь тот факт, что «дальнейшего» нет, приобретает второе значение, касающееся уже не песни, а жизни Матридии. Последнюю строфу:

Цвет ли погибнет – в грядущем плод.

Плотники, стройте гроб девичий!

Скоро падешь ты, святой оплот,

Скоро ворвется гомон птичий.

– Матридия не понимает недаром. Ею может быть еще понята – в традиционном, обрядовом значении – тема плача, проходящая сквозь первые две строфы, где слова «плач печальный от нас далек» только усиливают экспрессию, семантически вовсе не означая, что поющие на свадьбе подружки Матридии далеки от плача, что плача как такового нет; здесь, разумеется, только далекость плачущих богинь, Кору и Деметры, чей плач, однако, все-таки слышен, – и уж куда, мол, до них нам, смертным! Но и мы, по мере сил, плачем. Плачем, оплакивая прощание одной из нас с девством; плачем, потому что нам-то это еще только предстоит и заодно именно потому, что предстоит; быть может, мы оплакиваем и свою грешную, больше невозможную языческую любовь к Матридии; плачем.

За поверхностным значением плача, которое впоследствии оказывается, собственно, ложным, со стороны видно другое, истинное. Матридия пока не может его открыть, ей просто не приходит в голову, что оно существует, пусть интуитивно она и чувствует

² «Нездешние вечера».

нечто тревожное. Но если это тревожное в первых двух строках, объективно говоря, не содержится, а привносится в них постфактум либо бессознательным чутьем, то в третьей строфе оно на самом деле присутствует как данность, лишь от малой части закрытое все тем же облачным, «мастридиным» семантическим слоем. Так, «цвет ли погибнет – в грядущем плод» обозначает для Мастридии, конечно, цвет девства и плод супружества. Но в следующей строчке горестная реальность дает о себе знать уже настолько сильно, что внешнее покрытие сползает здесь, как скатерть со стола, что и повергает Мастридию в растерянность. («Я не совсем понимаю») : «гроб девичий» можно истолковать, как – гроб, конец девичеству («брачный терем»), а не собственно – девице, разве что с невозможной натяжкой.

Особый же интерес в ракурсе мастридино «не-совсем-понимания» представляют две последние строчки. В них – вся тайна и вся разгадка. Как девственнице, Мастридии закрыто и очевидное сексуальное значение – «Скоро падешь ты, святой оплот, / Скоро ворвется гомон птичий». Но суть в том, что если смысл всего предыдущего – оплакивания того, чему не суждено сбыться – скоро станет Мастридии ясен (как только она узнает о бегстве Алексея), то эти строки, оплаканные предыдущими, не прояснятся для нее никогда, ибо она никогда не узнает ощущения в них описанного. Строки эти, составляя объект плача, открывая собою его причину, сами не открываются, поскольку в противном случае плач не был бы нужен. Происходит своеобразное замыкание смысла.

Что получается в итоге? Вместо цветка девчества, который будет, мол, потерян в брачном венке, выходит другое: венки (– брак – муж) теряет цветок; цветок потерян для жизни неудавшимся браком. «Счастье зовем мы, счастье верим» вместо семантики спокойного, радостного ожидания: обретает ноту отчаяния, со «счастья» логическое ударение переносится на «зовем». Обнажившаяся семантическая порода обогащается темой Алексея: «вечно идут все таким путем» – путем уже не брачным: путем горя и одиночества, – но и: путем, которым ушел и пошел Алексей. «Цвет ли погибнет» параллельно первой строке: погибнет цвет не в девчестве, а жизни; но и: «в грядущем плод» относится уже не к Мастридии, обозначает уже не плод супружества, а духовный плод, что вырастит Алексей своим подвижничеством: райский плод, сокровище на небесах. «Гомон птичий» – это та

вторая точка, благодаря которой рай становится тематической линией, если принять за первую точку необходимую для проведения таковой слово «плод».

* * *

Сообщая о некоем «дальнейшем, из которого яснее смысл предыдущего», не Аглаида, но слова ее – ведь Аглаида сама еще не знает, что предстоит ее невестке – имеют в виду не песню, а события пьесы. Мастридия – опять же, не как персонаж, а как сумма реплик, – чувствуя тревогу, меняет тему разговора. Вообще здесь происходит парадоксальное обособление реплик от действующих лиц, их произносящих: реплики относятся к общей самопронизанной ткани текста; следует помнить, что на каком угодно этапе сюжетного развития текстовая ткань состоит из все тех же нитей. В любом литературном произведении они тянутся насквозь от корки до корки, они – не в пример героям – «знают» все с самого начала. Аглаида же и Мастридия – не ткань, а ткачихи (как и положено было женщинам в старое доброе время) ...

* * *

Рассмотренное выше стихотворение Кузмина являет собой странный диссонанс к другим стихам, к характеру и стилю трех его пьес. За определениями далеко ходить не надо, – в своем роде это также «гомон птичий», каковым выражением не менее хорошо определяет и размер стиха.

Распространяя то связанное с сюжетом «Комедии о Алексее» соображение, что открывающий «Комедию» плач имеет место именно потому, что «птичьему гомону» не суждено стать ощущением героини, можно сказать, что в общепоэтическом плане форель-таки разбила лед: в отличие от Мастридии читателю это ощущение дано. Не служит ли кузминский стих ключом к еще одной стадии понимания триптиха? Точнее, не к пониманию, а к восприятию, и не восприятию, а к мимолетной догадке о смутном подтексте...? И не о подтексте, а о настроении писавшего пьесы поэта, – настроении, не так уж в пьесах и отразившемся?

В «песне девушек» чудится некий подспудный протест Кузмина по отношению к создаваемому. Хотя мелодия песни в конечном счете победная – дух побеждает, «в грядущем плод», хотя песня

посвящена, как и вся пьеса, превозношению Алексея, есть в ней горечь и жалость к Матридии, есть какая-то «человеческая слабина»: один покидает другую во имя Бога. Бог – разлучник. «Кто мать Моя, и кто братья Мои? (...) Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать»... Каким холодом пронизаны эти слова для недостаточно сильного любовью!

Вот он, еще один, почти невидимый, по инерции, пролет Кузмина на гигантских шагах. Сперва из христианства – в язычество, затем оттуда – в христианство, и вот снова – пускай едва заметное – арка. Это арка слабости. Но оттуда, куда она ведет, – из не-христианства, – веет на тех, кто, зная творчество Кузмина, ждет этого ветерка, – мистическим почти ужасом.

И не только от стихотворения (которое, спору нет, самоценно); дело тут и в презентации его, представляющей собой удивительное внутреннее переплетение его с прозой, преломление драматическим методом. И этот прием – «вспоминание»; и повторение Матридией, словно в бреду, последних полустушишь строк – «Счастью верим», «Плачет Кора»; и что она запинаясь на таких неожиданных местах – на «плачет», не доходя, как было бы естественно, до цезуры, на «цвет ли погибнет» – не странно ли, что запоминается эта редко встречающаяся конструкция, а за ней следует осечка, хотя удержать ее в памяти, казалось бы, можно лишь в пределах всей строки? И предваряющий «вспоминание» обмен фразами со столь разговорным синтаксисом: «Это языческие еще?» – небрежное эхо: «Да, это языческие еще». «Языческие» – и вдруг: «Она...» – смысловой крючок забрасывается через две реплики вверх, туда, где еще фигурирует единственное число «песня». И плачущие о римлянке почему-то греческие боги (вернее, фигурирующие под своими греческими именами также и римские богини, Церера и Персефона). И, наконец, издевательски-кошмарное в силу неприменимости к обозначаемому обозначение «веселая сельская песня», – всё это, ломающееся, как лед, дующее, как ледяной надо льдом ветер, светло-белое, то ли оккультное, то ли фрейдистское, и способно вселить ужас в читателя, от степени эмоциональности которого зависит, смягчается ли этот ужас или разжигается пленительной старческой игривостью Кузмина.

СЛОВО ВЕРНЁТСЯ

О книге Юрия Кублановского «С последним солнцем»

366

В парижском издательстве «La Presse Libre» вышел сборник стихов Юрия Кублановского «С последним солнцем», составленный самим поэтом, покинувшим Советский Союз в прошлом году. Это вторая, после подготовленного Иосифом Бродским «Избранного» («Ардис», 1981) книга поэта, чьё имя среди имён, ныне определяющих звучание русской поэзии, утвердилось в этом качестве за последние годы особенно прочно – как у читателей поэтического самиздата в России, так и у эмигрантской читательской публики...

Подводя некоторый итог десятилетию работы Ю.Кублановского, книга «С последним солнцем» даёт читателю возможность обобщить свои впечатления от его стихотворений. Некоторые попытки внутреннего соотнесения вызываемого этими стихами читательского или литературного чувства, определения «координат» творчества Кублановского уже предпринимались. И они неизменно проводились в рамках некоей проекции, извечно отбрасываемой на поэтический небосклон «золотым веком» нашей поэзии. Говорилось, например, о принадлежности его поэтики к ветви русского сентиментализма, отмечалась «романсовость», ей присущая, и т.д.

Поэзия Кублановского может напомнить не только о Батюшкове и Баратынском, Григорьеве и Бенедиктове, но и скажем, об Анненском, если иметь в виду, например, такие его строки:

Но знаешь? Не смейся, ступая
Весною по мёртвым листьям!

– завершающие стихотворение, которое могло бы полностью принадлежать Кублановскому. И, разумеется, весь этот, готовый в разных направлениях продолжиться поэтический ряд, способен с таким же успехом свестись к ставшему нарицательным имени Пушкина.

Очевидно, искать предшественников нового поэта, не задаваясь при этом сугубо научной целью, – значит доказывать ту обыденную истину, что творчество его имеет корни и корни эти уходят туда-то и туда-то... Поиски в новой поэзии прежних переплетений и перепевов безнадежно остаются в пределах идеализируемой, т.е.

превращаемой в идола словесности – более продуктивной представляется мысль попытаться выявить тот единый источник, который питает её всю и обуславливает взаимопроникновение её внешних разнородных элементов.

Именно в этом контексте и попытаемся выявить внутренние предпосылки, определяющие облик лирики Кублановского. На наш взгляд, это, прежде всего – эсхатологический характер видения человеческой истории и отдельно взятой души, свойственный Кублановскому и органически предваряющий точное выражение веры во Спасение. Эта вера подспудно разбивает замкнутость стихотворного текста и «десимметризирует» его, ибо ограниченное пространство, задающее эллинистическую симметрию, снимается бесконечностью христианства.

Это эсхатологическое ощущение всегда побуждало поэтов к «эпитафичности». Основная формообразующая сила подлинно поэтического текста – эпитафичность. Поэтому, например, в стихах Бродского просматривается «латынь» – они графически чрезвычайно плотны и концентрированы, фактура их гранитна, как невская набережная и, если завершить метафору, как надгробная плита.

Схожее впечатление оставляют и стихи Кублановского, подобные, например, густому смысловому стихотворному ряду, открывающему «С последним солнцем»:

Мне снилось золото Великого Ивана,
цветастые шипы Блаженного корана,
большая скорлупа баженовских лепнин
– все сорок сороков личин!

Равновесие и стройное взаимосоответствие слов, при котором любой текст, несмотря на ритмические разрядки и подчеркиваемые перенесением со строки на строку тире, выглядит тесно набранным, – носит у Кублановского не только семантическую окраску. При всём многообразии цветовых обозначений, «текст» Кублановского выглядит тесно набранным, дочерна или добела сжатым, потому что поэт глубоко чувствует удельный вес каждого слова, внешне выражаемый «значением» и «звучанием», но метафизически уводящий дальше «словесности».

Эпитафичность стихов Кублановского, однако, иного порядка, чем у Бродского. «Конец прекрасной эпохи» – это действительно

«конец», за которым стоит по-разному определяемая автором «пустота». Отсюда – совершенство и окончательность его стихов. У Кублановского, название книги которого – своеобразное поздравление-провидение, – «конец» не цель, а... средство, переходная стадия. Поэтому совершенство стихов Кублановского не носит окончательного характера.

Стихи Кублановского, лирический герой которых, согласно точному наблюдению Бродского, «крещёный, а не крестившийся», – способны неповторимо сочетать в себе графическую безголосицу эпитафии с открытым, широко плещущим голосом «Веры, Надежды, Любви». И определённая «бездыханность» – свидетельство и результат глубокой дыхательности в циклическом сжатии и разжатии строк. Они – словно человеческие лёгкие – объём для ступенчатого вдоха, а затем полного выдоха, если можно так выразиться, «сюжетное развитие» чувства и мысли. Подчас исходной точкой ему кладётся простое «там» или «где», и далее – нагнетается как бы побочное описание, вырастает система придаточных – для выносящегося на гребне простого открытия в «выдохе»:

...С ночей, где комары и гниды
жадны до сонных жил,
когда ночуют инвалиды
среди глухих могил
и клёнов старого погоста,
чья участь решена,
и соловьи щебечут просто,
как будто ждут пшена,

– и до холмов правобережных,
когда внезапный страх
с черёмух горько-белоснежных
срывает птах,
где тайный звон в Новодевичьем
и тишина в Донском,
где зелено в тёмно-кирпичном,
зеркально в золотом,

преследуемо и гонимо,
для близоруких глаз

божественно неуследимо

всё наше – в нас.

Пленительная пластика Кублановского целиком держится на чувстве ожидания, а не свершения. Незащищённость этого чувства вызывает порой упреки в сентиментальности и даже банальности. Эта последняя, однако, настолько естественна в стихах Кублановского, что перестаёт быть таковой: просто поэт не боится употреблять слова в их первоначальном значении, как бы противостоя этим «заново договаривающемуся» об их смысле миру. Располагающее для него абсолютным значением слово – не условно:

Судьба остаётся
с надеждою, точно казачка,

И оно возвращается, питаемое надеждой о ином Возвращении...
Такова полнота, даруемая Кублановскому, открывающая ему, что

тишина над Русью
– это Святые спят.

– или родящая божественную органичность стиха:

...Когда же человеком
я снова становлюсь,
я сам себе ночлегом
иных миров кажусь.
Вместилищем любви,
знать, отдых – тоже путь!
Раз сон за веки ловит
и сводит с грудью грудь.

– насыщающая и их «мирскую» метафорику:

...Хорошо нам на Родине, дома
в сальных ватниках с толщиной стежков!
Верно, чувствуем – близится дрёма
та, в которой и регент Машков.

На ветру отсыревшие спички
инвалид прикрывает рукой.
По округе стучат электрички:
упокой, упокой, упокой.

«Мира, которому Бога не жалко» жалко поэту, но он знает – **чему**
открыта поглощающая нас пустота. Поэт видит историю в
единственно возможном христианском ракурсе: и Москва, и
Петроград, и Беломорье, и Белозёрск или Звенигород – это:

места, уцелевшие после Распятия

– являющегося у Кублановского единственно главным ориентиром.

В его стихах, где

на заокольном кладбище
снега богаче, чем надгробья

– то «даримое богатство», что укрепляет Россию в её ожидании.

РАССУЖДЕНИЕ О БУКВЕ «Я»

Вдогонку Обществу Любителей Российской Словесности

Есть ли на свете ещё один случай совпадения первого слова языка с последней буквой его алфавита, как это происходит у нас. Буква «Я» – единственная, имеющая в русском алфавите самостоятельное значение, выступает в таковом как наиболее употребительное слово всего языка. Вероятно, поэтому «Я» и было поставлено – как субъект его был создан – последним, – дабы оно не могло считать себя создателем предыдущего; алфавит наш движется, давая ход всему чтению, сверху вниз, чтобы «Я» не казалось, что оно венчает творение, и, как строят ныне высотные здания, алфавит строится сверху, чтобы «Я» не мнило себя фундаментом ему.

Таким образом, «Я» ни создаёт, ни венчает, ни полагает основы. Оно лишь останавливает, обрывает, пресекает, убивает алфавит. Оно есть конец не экстатический, плодотворный, но существования и сути. Это апокалиптическая вторая смерть. Это – беззвучно лопающийся в ничто шар, а не взрыв, прорыв и рождение.

Поэтический текст завершается точкой. Завершение здесь означает не конец, но совершение. Точка уравнивает, гармонизирует текст, напоминающий этим особо прочное стекло, одной точкой стянутое. Конец же – в смысле, означенном выше – отнюдь не совпадает с топографическим окончанием текста. Он может придти в любом месте – где и когда текст, образуемый множащимся, тасующимся алфавитом, вместе с ним обрывается и погибает на «Я». Будучи смертью алфавиту, «Я» затягивают каждое свой кусок текста за себя и там убивают. И, уязвляя использованный лист, лежит на нём перед нами текст мёртвый.

...Графику текста можно почувствовать, даже если не знаешь его языка, как можно понимать интонацию говорящего на иностранном тебе.

Взаимосоответствие слов в искусстве словесности достигается формально-семантическими методами, но эти последние служат лишь внешней оболочкой выражения чувства удельного веса каждого слова, заданного метафизически дальше словесности – там, где слово реальнее вещи и есть сама вещь.

Это чувство удельного веса слова рождает раздражающую многих манеру чтения стихов у поэтов, когда центр мелодической тяжести/лёгкости фразы не совпадает с ритмическим либо логическим ударением.

Текст подлинного искусства кажется тесно набранным; в нём просматривается языческая латынь, ибо формообразующая его – эпитафичность. Мы создаём эпитафии, покрывающие мёртвые тела и, полагая им предел во времени и пространстве, уничтожаем себя для Грядущего.

Данное в самом языке противопоставление смерти – жизни математически незаконно у неверящего, ибо он противопоставляет, в своём понимании, точечное – протяжённому понятию меж тем, как логика требует равных величин.

...Азии число увеличивается как под веками в начале дурного сна. Вооружающая Азию цивилизация делает спасительный маневр, ибо ввоз в Азию оружия, до которого она не выросла от кинжала, суть её разоружение: так забывает она о Числе, главной своей силе, – и становится на одну доску с нами, то есть – слабее нас.

Гомосексуализм – христианский соблазн. Ведь война родится между грубыми мужчинами, а разливающаяся меж ними нежность уничтожает её. Браки гомосексуалистов бесплодны, в них – единственная надежда на то, что волна демографического взрыва, служащего во внешней метафизике явной причиной ядерного, остановится.

Наша Пасха позже вашей. Вам Пасха, нам Пост. И в этом году ваша природа вся расцвела в календарной игре, а наш Христос ещё распят был.

«Они жили долго и счастливо и умерли в один день». Так звучит распространённая концовка русских сказок.

«Смерти нет», гласит истина, «смерть – это то, что бывает с другими», – подтверждает и затемняет её поэт, ещё сказавший, что «душа за время жизни приобретает смертные черты».

Пока на земле есть время, смерть отделяет остающихся в нём от тех, кто уже ушёл в вечность. «Времени больше не будет», – возвещает Апокалипсис, названная в котором «вторая смерть» вообще сводит на нет первую. По интуиции Бл. Августина, вечность – это когда открыто всё.

Процесс расщепления ядра, в естественных условиях требующий миллионов лет, будучи осуществлён искусственно – суть убыстрение времени и превращение его в ничто.

В последнем Взрыве наказание Отца искупится прощением Сына. В одиннадцатый час нам открывается смысл Христова Искупления: смерти не будет, ибо мы не увидим смерти других, перейдя все сразу.

Подлинное произведение искусства обнаруживает пустоту, бывшую на его месте до его возникновения.

...Прилетевшее насекомое запечатало мою работу и указало верное место.

– ряд печатных заявлений –

1. «Я» – код индивидуальности косметического средства.
2. Я определяю это издание как алгебраическое ПРОИЗВЕДЕНИЕ произведений, а также как КОЛЛАЖНУЮ СКУЛЬПТУРУ и текстовой СЕРИЙНЫЙ ОБЪЕКТ.
3. Я применяю болевую терапию к синдрому подписи. Я буду смешивать и размешивать имена до анонимности единого номинатива, до ЛИЧНОСТИ КАК ТАКОВОЙ.
4. Я упражняюсь на могиле жанра вообще и в частности – журнала и книги. Журнала, как комплексного обеда из подставляемых авторами частей, как комплота потребительской дидактики и информации. Книги, как тромба во вселенском мозгу Творения.
5. Я требую художественной АКАЦИИ вместо иллюстрации и публикации. Я требую отмены гербария. Я включаю здесь голос ХХорвата о «КУСТе в побегах от себя. Его палимые страницы готовы к приятию пламени».
6. Я требую Швиттерса.
7. Я требую исКУСТва как кустарничанья, в КОРНЕ мирового словия сплетённого с германским КУНСТ = МОГУ.
8. Я дёргаю за треножник мать «художника и толпы». Толпу коллег я приглашаю на Уорхола, светочувствительными часами запечатлевшего торчок их Эмпирея и нашего Вавилонолимпарнаса Стэйт Бильдинга.
9. Я твёрдо верю в победу Великого Юкагирско-Ненецкого Симульганного Концепта.
10. Я кончил.

ХорватХ
ПРЕКРАСНЫЙ КОНЕЦ ЭПОХИ

Посмертный звук

В сокращённой арифметике мэйкапа

Конец: века = тысячелетия = двутысячелетия. ХХод Икс-Крест, по доске от чёрного к белому. Чёрный: анти-табула раса, всё всего, сумма времени = современность. Белый: произведение как таковое, плюс углом, крест спектра, конец цвета – линия контура – начало света.

XX в. = умещённая в одну двадцатую умещённая рефлексия полного оборота зенит-надир x 2. Имя этого времени – римские скрещённые копыя = война, своим двоинством рефлектирующая мир двутысячелетия.

I в. = будущее будущего, прогрессия времени, где прошлое = минусовое, и по летоисчислению. XX, время прогресса, = настоящее настоящего, где будущее – минус.

(вООбражение волнует круглость, симметрия. В конце XIX-го оно возбуждалось входом в круглую нулём цифру. Вот и теперь готовят салют к 2000-му – по образцу встречи 20-го: как круглого дед-мороза, во вдруг усотнерившейся круглизне. Симметрия требует третьего тысяченачала. Н-ООО упаси нас от троичных перетолковываний! ведь и средневековая середина обводит в сознаниях 10-ый в., удостоверяя формулу 1 – 20).

Верное действие закругления = 1999:

Девять, девять, де ведь, 9, 9, 9^{.....}.

Вот последнее двадцатилетие двадцати/столетия. В последнем первое: «футуризм», последнее: «постмодерн». В переводе = одно и то-же? Или будущее тогда выполнили за нас-тоящее сей-час? Или сей – исполнение зауми?

Час – наст.

КУСТ = ИКС УСТВА.

Задовица.

Сазонову.

XX-ту.

Хочется попасть на кухню к Бориньке,
чтобы в мыслях зарождались сборники,
за одним – второй, потом и третий
с каждой новой банкою «Эрети»...

Жизнь пошла какая-то дурацкая,
даже лень рифмовать и втискивать в размер её подробности.
Раньше, как ты знаешь, я эти подробности очень любил и считал,
что к «вечному» надо идти через «вещное». Теперь это «вещное» так
меня прижало, что уже не может быть предметом писанины.
«Загонять в стихи» удастся, видимо, лишь то, что у тебя есть, но
есть – не слишком. Потому и было у меня столько «вина», «баб» и т.д.
Когда этого стало действительно много, кавычки мигом слетели.

У меня хорошая квартира, в которой я сейчас один. Деньги есть,
ибо пришлось заняться частичной распродажей имущества ввиду
сам знаешь чего. Возле дома сразу два бара. Встаю в восемь, машу
метлой, в девять прихожу, слоняюсь до двенадцати по комнатам. В
двенадцать «беру мотор», еду жрать шашлыки. До четырёх. В
четыре возвращаюсь поближе к дому, иду в один из баров; сижу. У
местной «богема» два кумира: а) А.Тарковский, б) А.Тарковский.
Неделями подряд слышу одно и то же.

Впрочем, и у нас ведь – одно и то же, пусть немного больший
диапазон... Ну ладно. Вдвоём возвращаюсь домой. Вечером, часов
в десять, прихожу в ужас – не работаю! – отсылаю её куда-нибудь
подальше, остаюсь один. Не работаю. Засыпаю одетый.

«Я падал, не расстёгиваясь, на // постель свою. И ежели я
ночью // отыскивал звезду на потолке, // она, согласно правилам
сгоранья, // сбегала на подушку по щеке // быстрее, чем я
загадывал желание.»

Тема хорошая, а в прошедшем времени всё это изложено
недаром. Кто поверил бы такому – «я падаю, не расстёгиваюсь,
отыскиваю» и т.д.? Быстрее бы у меня этот этап жизни оказался за
спиной, чтобы пером оглянуться...

Жаль иногда становится, что уже нельзя оперировать понятиями «любовь», «любимая», «солнце», «вечность», «бесконечность». В лучшем случае, только если под любовью подразумевается ненависть, под солнцем – место под солнцем, под любимой – любимая под тобой... Или мы измельчали?

Но я, кажется, уже становлюсь мудаком с ходовой риторикой. Сосчитал до десяти – и ладно. Сосчитай и ты. Чем занимаешься?

Женя

Много опущено, но то, что опущено, подобно тому, что сказано.

Горгий

377

II

Двигаясь по направлению к Свалу,
Думаю: мало, о Господи, мало
Я покачался на этом краю!
Вот на песке я, среди детских качалок,
Палку о двух несравнённых началах
Перегибаю...

И бабе даю? Сколько извращённых ассоциаций, сколько невозможных намёков слышу я... ну, скажем, ворочая во рту отяжелевшим русским языком! И с каждым днём всё больше убеждаюсь в том, что эта шуточность, глум, условие необязательности есть для меня единственный способ говорить о серьёзных и «больных» вещах – промеж всего этого. Борька, кончился у меня хеппининг, настали суровые семейные будни. Теперь, как я и предполагал, рука заработала – есть о чём вспомнить. Написал я цикл (или, возможно, это пока лишь часть цикла) «Действия». Помнишь, у Лориса висит картинка – гиперреализм? Что-то уж больно понравился мне этот термин. Хотя то, что я сейчас делаю, может и не соответствовать данному термину, но звучит красиво. Кроме того, произвожу занятные опыты с ритмикой. Посылаю стишок «на язычок». Видел ли ты когда-нибудь подобные переходы из размера в размер? Эпиграф к «действиям» взят из др. гр. «Собак острозубых // пара мчалась вперёд, захватить их стараясь. А зайцы // скрыться желая, неслись...» поразительно это применение человеческих глаголов к животным! Последняя фраза является ключевой для понимания смысла «Действий».

Вообще, планов куча. Приехал в П-к, вероятно на продолжительный срок, Лёня Нирман от Юрки. Жил у меня, да

с родительницей моей дражайшей, за Женечку дрожащей, возникла напряжёнка. Ну, что-нибудь придумается. Этот Лёнька – абсолютно наш человек. Мы с ним живём, что называется, душа в душу. Господи, как здорово такая отдушина после всего говна, о котором я тебе порассказал. Короче, Лёнька – интересный композитор, удивительно восприимчивый к стихам. Сейчас он работает над «Всадником» Сосноры. Роскошно, как говорит Кривулин. Он «музыкально прочитал» Мандельштама. Допускаю твою, по первости, реакцию неприятия – она у меня тоже возникла, как только я услышал об этом. Какая тут ещё может быть музыка?! Но – потом я услышал это.

Горю желанием вас «случить». Вдруг будут творческие результаты? У нас с ним уже немало интересных идей, но относительно моего с ним «совокупления» в тв. плане вопрос, как ты сам понимаешь, сложный. Форма-то у меня достаточно музыкальна, но ведь не для музыки же! Так что пока собрались написать лишь опус для пиш. машинки. Он мне даёт ритмический узор. Я пишу стих, для полного воспринимания которого нужно его отпечатать, слушая при этом звуки аппарата...

Так что – немножко дела, немножко маразма. Всё, как полагается.

Бди!

Много опущено, но то, что опущено, подобно тому, что сказано.

Горгий

Дай Бог, скоро смогу писать письма на своей фирменной почтовой бумаге с этим девизом.

Целую! (или хотя бы половину).

III

Бобо, спасибо за письмо. У меня насморк. Твоя личность излучает столичность, – это лучше, чем двуличность.

К 16.00 каждого дня у меня начинают слабеть коленки. Набиваю телефонную трубку, набираю номер, как дыму в лёгкие. Вот так поэты ждут разрешения. В настоящий момент, когда я печатаю тебе это письмо, как лошадь стук копыт по мостовой, и мимо меня проплывает по Виа Эммануэль каретка, сворачивая на Плас де ла Дюфан, откуда дымит сигаретка, – пол-пятого, на сегодня – всё, теперь двадцать три с половиной часа буду набираться сил.

Не могу понять, куда направлен вектор жизни – в прошлое иди в будущее? ответь, Векторов!

Предвкушаю Питер, Москву и, разумеется, Кишинёв.
«Недурственные вещи» в твоём письме заставили меня с
нежностью вспомнить нашего общего приятеля, газетную крысу,
ёбаря-каламбурщика. Интересно, как он там? Говорят, тоже
собирается сматывать – и что тогда станет с проклятым городом?

У К. неприятности, 17-го декабря был обыск, изъяли полсотни
журналов. Вынесло его «на волне» – насколько я понимаю, он
действовал в Ленинграде, как недавние девять москвичей – что ты
о них слышал?

Я тут, как §§§§§§ в %%%%, в голове туман.
Желание одно: сесть напротив человека, который почитал бы мне
что-нибудь хорошее, что написал он сам, и чтобы я ему немножко
почитал в ответ. Хотя нового почти нету. Петрозаводск довёл меня
до того, что писать не могу – только вымарывать. Вымарыванием я
составил «канонический» сборник, 25 стихов, остальными
поддержал огонь в свечке. Дыму было много, но т.к.
непосредственно под моими окнами развивается тяжёлая
промышленность в образе котельной (в ней почему-то не работает
ни одного поэта!) – соседи ничего не заметили. Короче говоря,
развитие литературного вкуса влечёт за собой потерю вкуса к
жизни, и даже к литературной жизни. А скорее всего, я просто
засиделся на одном месте. Пару месяцев назад Витя Панэ прислал
мне весьма интересную прозу. В стихотворном ответе ему я
попытался выразить своё состояние, поэтому приведу его тебе:

Витенька! милый! какую ты прозу
бля набросал! покажи её Брозу
Тито Иосипу или Иосифу
Бродскому!
Я пред тобой бля не стану стелиться!
В разных краях мы два равных стилиста
летом, зимою, весной и осенью.
Нос кому
Вздумал показывать? я ли тебя не
взрачивал? Пусть это было по пьяни,
но дорогой бля, имей хоть на столечко
совести!
Ты же бля знаешь, что тоже не лыком
шит я, и тоже являюсь великим,
может я тоже пишу под настоечку
повести!

Кто-то из нас бля сумеет погреться
в славе другого. Хорошее средство –
читать и читать не свои, но соперника
опыты.

Здесь мне хуёво. Предсмертный мой опус –
слов надоевших подробная опись,
всё перемешано, словно бля Герника.
Жопа ты!

В общем-то, ругаю я здесь таким чёрным матом не его, а скорее себя. Не надеюсь, что лёд скоро тронется, т.к. он только недавно установился – на нашем легендарном Онего (оказывается, не склоняется! Должно быть, что-то французское – типа метро иди ретро), я всё же надеюсь на перемены, хотя печально, в частности, сознавать, что чем скорее мы с тобой увидимся, тем скорее расстанемся.

Однако хочется узнать: действительно ли Рим вечен? Придётся самому жить вечно, иначе судить будет трудно.

Ну, старик –
до скорого!
Хо.

IV

ОТКРЫТКА «Bratislavsky hrad a Most SNP» :
Оля!

Я здесь. Сейчас поезд в Вену. Весь день бродили, – восторг ~~даже~~ уже здесь. Adieu!

V

Кёльн, 30.6.

Оля, здравствуй.

Спасибо за письма, получил оба. Прошу прощения, что с ответом на первое медлил до получения второго: я здесь – как говорится – очень занят.

Гамбург был для меня слава-Богу-не-Одессой. Если уж на то пошло, то скорее Питером. Но при всех условиях лучше, когда «на то» не «идёт», дело в целом можно метафоризировать, как страшноватую журнальную игру, где требуется найти 16 деталей отличия. С одной стороны, в окружающей человека

действительности ничто не меняется, если он сам не меняется. и наоборот. С другой стороны, ходы его жизни и соответственно появляющиеся новые виды и вещи – не связаны ли с естественным развитием его характера, ментальности и прочего? Какое-то из его чувств изменилось до такой степени, что вот он ест овечье мясо в греческом ресторане на Вагнерштр[ассе].

Я уехал в Кёльн, не похожий ни на Одессу, ни на Сыктывкар, ни на моё о нём представление. Особых туманов и островерхих крыш тут не наблюдается. Кёльнский университет, как идеалистическое понятие в мозгу московского вьюноши, рассыпается в пух и прах, оборачиваясь большими кампусами с небоскрёбом посреди. Второй небоскрёб моего здешнего существования – немецкое радио, дающее мне в этот момент сделать глоток хереса за Ваше, мадам, здоровье. Каждый глоток – шаг в кратер, расположенный на вершине капитализма.

Кроме всего сказанного, я фехтую и горланю под тяжёлое пиво старинные студенческие песни, в качестве бурсака продолжая языческую традицию изрядно мне надоевшей русской поэзии (о, пожалуйста, выделить). Каковой новости как-нибудь пришло.

Наш американец просил кланяться, думаю, что в Америке столько дел, что нельзя обижаться на молчание оттуда.

Твой Евгений.

ПИСЬМА КОНСТАНТИНУ КУЗЬМИНСКОМУ

I

9 окт. 82, Кёльн

Глубокоуважаемый господин Кузьминский!

Ваш адрес передала мне г-жа Елена де Карли.

Хочу предложить Вам для опубликования несколько стихов.

С уважением

Евгений Хорват

II

Кёльн, 1 ноября

Многоуважаемый

г-н Кузьминский!

Спасибо Вам за принятие позитивного решения. Хорошо, что Вы упомянули в письме о ведущемся сейчас наборе «провинциального тома», где между прочим фигурирует Кишинев. Этот город мне отчасти знаком, я прожил там три года. Надеюсь, что небольшая информация, которой я располагаю, еще не опоздала.

Во-первых, несколько лет назад в Кишиневе погиб хороший поэт – Наум Каплан. Писать о нем и цитировать его не буду, поскольку у Вас под боком (относительно, конечно) живет тоже, кстати, кишиневец и поэт А.Фрадис. Вот его адрес: ...

Если Вы к нему обратитесь – а он был приятель Н.К. и помнит много его стихов – «проклятый город» Вас просто благословит.

Другой заслуживающий внимания бессарабец – Виктор Панэ – надеюсь, жив и здоров, хотя интернациональная почта и пытается уверить меня в обратном. В.П. – блестящий прозаик и интригующий (меня, по крайней мере) поэт:

«Я натолкнулся на вопросы в лоб.

На: «Как дела», на: «Что же будет дальше?», –

Я отвожу глаза и ударяюсь об

Гамак в саду с мужчиной, в нем лежащим.

Константин Кузьминский – поэт, составитель «Антологии новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны». Живет в США.

Он не проснулся; или притворился,
Что спит; или толкнул его не я.
Мы отошли; гамак угомонился;
И я не подойду ему в зятя.

... У вишен сорванных запылена ложбинка,
Я бросил горсть на теплую клеенку,
К которой нас направила тропинка, –
Куда мы и добрались потихоньку.

Я отвожу глаза. Мне интересно,
Как губит вишня жизнь свою напрасно.
А как идут дела, мне неизвестно.
Но будем полагать, что все прекрасно.»

Больше, к сожалению, не помню В.П. ничего – кроме его самого: лет сейчас 27-ми, женат. Любимое занятие – раскрашивать по трафарету юрты в Чувашии: юрта – полчаса – сто рублей. Впрочем, заполнять за него анкету было бы с моей стороны неосмотрительно.

Что же касается анкеты моей собственной, то тут, признаться, я в затруднении. Честно говоря, мне кажется, что «богемности» в Вашей Лагуне и так хватает, и мои ответы на все вопросы, начиная с третьего, не привнесут в нее ничего существенно нового. Надеюсь, что не слишком злоупотреблю Вашим разрешением, фактически, отвечать что и на что угодно, если заполню лишь первые два пункта, и то отчасти. Так, мои Ф и И ни за что Вам не открою. По О же я Анатолевич. Родился в 1961 году в Москве на Пушкинской. Покидая столицу для провинции, съезжал уже с Кутузовского, № 24. В № 26 жила фамилия Брежнева; свое происхождение, однако, веду от полковника Ивана Хорвата, который где-то у Пушкина «гнал пугачевскую сволочь».

Позвольте еще заметить, что Ваши вопросы 10 и 11 взаимоисключаются, – в том смысле, что человек, способный положительно ответить на первый из них, т.е. заявить, что он – духовный ученик духовного учителя, вряд ли признаёт каких бы то ни было учителей в других областях, вне сферы духа, в т.ч. и в искусстве. Строго говоря, 10-й вопрос противоречит всей анкете, ибо подлинный его адресат не посылает никуда стихов и, соответственно, не получает анкет.

Теперь – «о делах». Особенно «разных лет» у меня нет. То, что считаю возможным опубликовать, относится лишь к трем годам, с 1980-го по текущий. Недавно я составил маленький сборник «Уходя от зырян» (часть стихов оттуда напечатаны в 29 и 33 №№ «Континента») и – кажется, довольно наивно – отправил его в «Руссику».

Имеющаяся у меня копия слишком слаба для переснятия, иначе послал бы Вам весь сборник для отбора. Прилагаю, впрочем, списки отдельных из него стихов – еще «союзного» времени, равно как и местных. К нему же относится, пожалуй, «Новая гравюра» и «Там больше братских могил, чем стран». Все остальные посланные и посылаемые сейчас Вам тексты принадлежат сборнику под «рабочим» названием «Василиски», кроме «Ходов» и посвящений – Оды к Голицыной, На фото поэта: эти последние – прибудные.

Было бы целесообразным, если б намеченное здесь деление отразилось в публикации, чтобы хоть как-то умерить пестроту.

Исподлюбная фотография не нравится мне самому. Но если мы с Вами будем поддерживать связь, я посылал бы Вам новые стихи – до того момента, пока это имело бы смысл – и, до этого же момента, решил на другое фото. (Вам обязательно ч/б? Все мои более живые фотографии – цветные).

Искренне Ваш
Е.Х.

III

Кельн, 26.3.83

Дорогой Кузьминский,
как Вы считаете, – мог бы прилагаемый фрагмент заменить недозаполненную мною когда-то анкету? Кажется, из этого ярого обличения буквы «Я» последняя так и прёт; относительно же самого опуса предполагается, что он откроет сборник подобных себе «ГЕНШТЕДТСКИХ ОПЫТОВ ИНТУИТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ» в качестве краткой автобиографии за верно понятым Вами неимением биографии более длинной...

В нашем двурогом Кёльне сверкают молнии и валит снег. Времена года смешиваются, напоминая о том, что «времени больше не будет». А что слышно в Ваших пока ещё Соединённых? Как движется Лагуна?..

Христос Воскресе!

Дорогой Кузминский! Некоторое время назад я отправил Вам письмо с «Рассуждением». Вы до сих пор не откликнулись, – не знаю, может, обиделись на что... С целью проверить, – так это или нет, – посылаю вам группу подписей к коллажам с организуемой мною выставки под названием «Тысяча девятьсот девяносто десятый год». Собственно, это цитаты из – пока лишь снящегося, – сплошного текста «Геншtedтские опыты интуитивной идеологии».

Недалеко от моего здесь дома растёт мост через Рейн. Восток на него – с арками, лесенками и т.д. Хочу устроить там «Пробу акустики» – поэтическую оргию, в которой могли бы принять участие многие, надо только попросить разрешения «от города». Не хотели бы приехать, – или, по крайней мере, заочно принять участие в организации (например, написать стоящим людям)? Если не сможет приехать никто, – хватило бы и нас с Бурихиным, или одного из нас; я имею в виду, что это немалое удовольствие как для единицы, так и для десятка. Даже (или: в особенности), если публики не будет, что, к сожалению и счастьем, довольно вероятно.

Пусть «Лагуна» ненадолго оторвётся от американского берега и вплывёт в Рейн!

Ваш Евгений Хорват

P.S. Извините за невнятность. Пьян. Но все написанное пребывает в силе!

Здрасьте, милый Кузьминский!

Спасибо Вам большое за похвалы и за стимуляцию. Рад, что кассета слышится. Главная моя гордость – практическая сторона дела: обошлось в 3 раза дешевле, чем выпущенная бы книга, а и пользоваться, и смотреть – интереснее. И вообще хорошо, что не – книга. А то тошнит от союзписательства. Хотя вторым моим шагом будет тоже особенно (моему счёту) доступное, а оптически – всё же приятное бумажное на сей раз издание.

Вот только продавать кассетку трудновато: предлагаю магазинам на комиссию, т.е. – без малейшего для них риска, а те говорят – публике, мол, сперва нужны тексты. Не понимают, говнюки, моей обратной перспективы.

Вот и жена (финансировавшая звукозапись), как заглянула в Ваше письмо, говорит: если, мол, поклонники (небось, про себя думает: «-цы»), то почему бы им не сделать в нашу сторону поклон, для разнообразия и приобрета по объекту поклонения? И правда, – может быть, Вы порекомендовали бы кассету какому-нибудь знакомому коммивояжеру, чтоб заказал он у меня партию? А то американские книготорговли («Волга» и пр.) все пока молчат в ответ на моё обращение...

Был я в Израиле и (– о собственно святых впечатлениях расскажу в другой раз) завёл кассету и сам подпевал ей (– стерео) в одной компании, среди которой оказался и М.Генделев; оный, прослушавши (в течение чего вертелся и подскакивал неимоверно) закричал «Вы сумасшедший! что мне с Вами делать, скажите!!» и повторял эту фразу часа полтора. Затем затянул нас к себе и до утра уговаривал меня «бросить это дело» и заняться изучением Канта и др. моих нынешних соотечественников. Главное, что потом я раскрыл его книгу (вторую) и весьма ею увлёкся; даже непонятно, зачем нужна была ему эта атака.

Зато потом, в Галилее, Анри за канским вином сказал, что всё наоборот: бросать вовсе не надо, а Кантом – не нужно.

Купил «Мулету», очень мило. Только ведь и там образуется – клан. Толстый клан пародирует, но ведь пародия – это всего лишь то, что слегка хуже того самого... А выпуск богатый, ничего не скажешь.

Тексты же пришлю всенепременно – вот только соберусь копии сделать.

С самыми и самыми
Ваш ЕХ.

VI

Тебе поём Лагун!

Тебе, КККузьминский-Лежатлин, благословим с новыми этажами лежащей БББашни. Тебя благодарим за хоровой разворот: Тень ехо рвата с удовольствием поучаствовала в твоём жанре.

Салют!

----- Везде твоё.

Make ● Up

Великое Юкагир

20187

387

VII

ТЕБЕ ПОЁМ ЛАГУН!

Костя, дорогой, привет!

Послал Вам открытку с благодарностью за ХОРовую публикацию – а Анри после сообщил, что Вас опять съехало – наверно не получили? так что повторяю и утрою поздравления с продолжениями и восхищения твоей, Лежатлин, БББашней. А ещё вот что: в конце мая в Майнце – музей Гутенбергский, т.е. на хорошей горе у самых истоков, проводится Месса подвальной прессы. Как и Ваша Лагуна, этот шабаш – в тв. переплётё. обещан крупный резонанс, премии и пр. и к тому же каталог с возможностью (бесплатной) самовыражения. Кроме того: шеф мероприятия так тронулся фактом русского на западе подполья, что предложил организовать особый отсек с чтениями и пр. Как оно всё это выйдет, не знаю, но Вы, если хотите, прислали бы какие можно книжки ПОДВАЛА – на Лагуну, полагаю, не раскрутитесь? – по окончании ярманки все экспонаты (кроме проданных) передаются в гутенбергский архив. В общем, см. А для каталога хорошо бы от Вас краткую по-англ. рекламку. И: для выставки визуальной поэзии; для выставки «литература на листовках»; + что хотите для нашего м.б. отсека (фотографии, плакаты, кассеты?) – короче, ждём от Вас всячины. Я заполнил за ПОДВАЛ выставочный бланк (что ХОР на правах дружественного изд-ва его представляет). В Майнц всё должно быть послано до 15 МАРТА. НЕ следующего года, Кузьминский!

Любяще

Ваш ● 2287

Cher Michel,

388

будучи на вакациях в Гельвеции, донеслась до нас печальная весть, что отправленный незамедлительно тебе в ответ конверт с концепцией прогрессивного объективизма и звуковой иллюстрацией в виде кассеты со всего-то одним, хором пропетым, стишком вернулся с пометой «почтовой пересылке не подлежит». Не находясь на месте события, не могу знать, к чему это относилось – только ли к звуку или также к тексту. На всякий случай пишу вторично. Не имея в руках твоего письма, отвечать на него по пункту не берусь, зато в качестве компенсации понесённых прилагаю одного Здесь-Я-Поэта, пересылке уж точно «подлежащего». Когда я вернусь – аще да еже – повторно попытаю счастья с концепцией, чтобы между нами, так сказать, не было никаких недомолвок.

В любом случае смешно, что ты считаешь, что читаешь сейчас письмо ХОРВАТА – меж тем, как пишет тебе лишь неподдельный Двойник его Призрака, ибо – о чем ты был наряду с концепцией извещаем –

ХОРВАТ УМЕР

и процесс сей необратим. Мне лень сейчас вдаваться в детальное поименование подробностей События - пока что только сердечно приглашаю тебя к участию в Некрологизации для пресуществления догмата

ХОРВАТ МЕРТВ

, запечатляемого концептуальной комедией/эпопеей века в 4-х (пока) актах

СМЕРТЬ ХОРВАТА.

Михаил Абалович – поэт, философ, independent scholar. Живет в Кембридже, штат Массачусеттс, США. Многолетний друг Хорвата.

Детали – как сказано – следует. Надеюсь, это письмо достаточно подготовит тебя к восприятию великого Факта, чтобы в следующем я – как делаю ныне с каждым – мог с тобой перейти на более высокое Вы, учитывая, что по сути я с Вами (в отличие от – мир-праху-Его – Покойного) незнаком.

Что Вам сказать о себе? Я – французский швейцарец, родился и вырос в Альпийских высотах подле Женевского озера. Любовь протемненного западного интеллектуала – роковая – к мосье Лео Толстой и Теодор Достоевский привела меня к, как мы любим подчеркивать, «бесхлебному» занятию дисциплиной «славистика», где отказавшись от профессорского сана ввиду знакомства с Величайшим Поэтом и Артистом Мира ХОРВАТОМ, я принял чин его Призрака и – на пол-ставке – Двойника ввиду потрясшей и вовек потрясающей его СМЕРТИ. Окружающий меня Вавилон я отныне воспринимаю по-русски, то есть: как Повод к Попытке обратного Смещения под Знаком Родного А. Отпуская сцепленье и тормаз, я качусь по горам и предгорьям в служебном моём катафалке под номером Вечного X. По утрам, дням, вечерам и всегда - ночам я высаживаюсь в знакомом кафэ на розовом берегу, зря соседнее золото в лазури и под кофе-крэм, тайным Лазарем, обратясь к Ливорно, седовд

389

II

Heу Mike! так оно почти и есть: у окна может быть с сигаретой (но лучше без) см. сюды навстречу. И со флажком, носовым. Я однако совсем даже не понял, что ты совсем понял – насчет ускорения и пр. Давай не так метафорич. А за под колесон большое спасибо: структура – красиво. А я в полном заебе от собств. активностей и титулов (напр. ARTOCRATOR), лью жидкость, пью тоже, ищю мастерскую, ездю по стране, собираюсь делать облачения, крашеную одежду жрецов искства. И красить двери, двери. Чтоб деньги, деньги. Капитализъм же...

Еще приуготавлиюсь к невед. полету, осваиваю полезное искусство падения, посещая занятия тае-кван-до и хан-ки-до (корейское, в переводе, РУКОНОЖИЕ). Собираюсь писать стихами инструкцию по этим косоглазым видам спорта, исполняя ее в прыжках же. Разрабатываю технику чтения бегом & в гримасах, посмертных. Пришли обертку какой-нибудь сов. шоколадки.

И план КИШИНЭУМА. Надо. И пиши чаще, подробнее, с иллюстрациями и перлю тоже.

Твой MAKE UP.
Прилагаю смешную Фому.

III

Дорогой Михаил!

390

Твой посыл прибыл на твои собственные именины 21 ноября, потому отвечаю в телепатич. целях в тот же день, хотя так скоро вряд ли дойдет. Ответным поздравлением и спасибо за неукоснительное выполнение парт. наказа. Особенное же спасибо за текст – заметно уже и в 84-ом шевеление развитой структуры. Но предлагаю отныне перестать выражать обоюдное удовлетворение (к чему обычно обязывает обстояние расстояния), а конструктивнее наверно давать друг другу задания, выражать пожелания, и чтоб критика (здоровая) была на высоте и у нас. Я например с нетерпением жду от тебя устранения внешних структур в пользу внутренних, меньше связей в пользу связи, общей редукции. Т.е. не жди, пока тебя хроно логически к этому подведет (– Хорват тоже ждал, и потерял до смерти уйму времени.) Конечно в кишиневской изоляции такое колоссально сложно – почему и предлагаю рывком. Буду стараться посылать всякий раз побольше худож. сведений... Итак, задание: напр. для начала соотнеси черное с белым, как завещал Малевич, т.е. площадь (лист)/пространство (текст) или наоборот. Такой расклад более соотнесён с реальностью (симультанной!) чем литер. линейность я – мысль – рифма – ассоциация – рифма и т.д. Продолжение задания: представь себе черное слово, квадрат, текст как таковой – чёрной же дырой, в каковую втянуто всё – вся возможность рифмы (см. у Анри в ФОМЕ). Создай НЕБО чёрных дыр. Конечно, как небо – не строфическое. Жду этого подарка от тебя, хоть начала его. Еще жду для себя с тв. стороны заданий, а также: что тебе кажется чуждым, и что слабым, неконкретным в мосй, как ты ее сейчас знаешь, деятельности? Мне это важнее всех изьявлений. Моё основное теперь постижение: симультанность и общность худож. «строительства»: вспомогательность личности в этом торжественном процессе. Естестве<нрзб.> динамики способов; это не поверхность, поскольку: слитие «поверхности» и

«глубины» в изначальное 3-единство замысла. В посл. время я перестал воспринимать то, что вижу в искусстве по схеме «нравится/нет», тем паче «хорошо/плохо», осталось преодолеть «близко/чуждо». Все эти манихейские структуры («гениально», «бездарно» и т.д.) бездельны. По дороге отвечаю на твои вопросы. Текст Фомы – не тот же шрифт, а набор из др. книжки, использованный ее автором в новом контексте (для комментариев). Не переписывать же было заново... У «нас» весь набор идет на машинках авторов, затем уменьшается копировальным методом. В принципе же перепечаток как повторений не «допускаю», а о «настоящих» типографских литерях не помышляю: вместе с Велемиром считаю их «арестантской одежкой слова». < . . . > ARTO-CRATOR – правильно, брат таланта, Чехова Антон-Палыча. А вообще вождь, этакий Маринетти. Жрецы искусства – это мы. Автор Фомы в миру сейчас – разноредактор, вообще же весьма, как его герой, ученый человек в разных науках, от морских доньев до небесных трактовок. Напр., за комментарии Апокалипсиса он даже удостоился благословения Наместника Римского. Какая старость, даже unter uns, старик? Выкинь из головы, у тебя небось не лысеет как у меня. Как и покойник, я чрезвычайно бодр, живучь. И очень был позабавлен, когда жена передала, что Большая наверно (хоть полу-) всерьез считает, что Хорват «много пострадал». Звучит в традициях. Но лажа. «<нрзб> о спец. вещах вашей жизни» пишу всю переписку с тобой. С продолжением. Мэйк.

P.S. На след. утро перечитал голубка, прилетел его мысленно к тебе: «вот засранец! только дразнит, раздражает! сидит себе там, гоняет французские чаи и тайландские гашиши и даёт, падла, инструкции с амвона своей абстракции + информации!» Если так думаешь – прав, но прости всё же. Я ведь не Хорват, чтобы то помнить, чтоб это забывать. Всё равно, что листок письма, что роман-эпопея. Шире не высказаться, надоть эмпирически. Так что – неизбежно фрагментно и оттого, наверно, ханжеским, нагловатым тянет... Видно не избежать. В знак компенсации и аннексии и контрибуции – прилагается! Кантата пауз Игоря Б., плюс топорик Анри, плюс набор ТЕЛЕТЕЛ. Смотри всё же телевизор. Включи на канал «снега» (или программу «Время»), но почти черно & почти без звука. Наложит телетела на магнит экрана – они прилепятся сами – в твою собств. композицию. Ты её можешь и менять иногда, так что у нас всегда общая картинка. К тому же соединительная, ибо в «разных

уголках планеты» знавшие X-та прикладывают различные телетела
и медитируют на это дело. Акция забвения. Желаю удовольствия.

Mach's noch besser!

Makeup.

22.11.86

P.P.S. а в общем – чудный стих, спасибо еще раз! Пять звезд, по сту
пять раз за твое здоровье!

P.P.P.S. а Бродского – брось. ИЛИ НЕТ.

O XOPBATE

«ЗАДОХНУЛСЯ ВОЗДУХОМ «СВОБОДЫ»...»

«не вынесла душа поэта...»

тяжело...

тяжело писать про невесомого поэта
который и остался-то – в сборничках самопальных, ксероксных
невоспроизводимых и с трудом читаемых
и в листах «сожжённой книги» («ФойерАбентойер»), которая и названием
говорит сама за себя
и – в единственной записи (кассете), шаманско-кликующей,
безумной

от отчаяния слал мне

у меня всё-таки была антология – и хорвата я успел запихнуть (почему-то –
в «петрозаводск» в томе ЗА, которым городом помечена часть его текстов), а
не в киевско-кишинёвский, ЗБ (где его друзья)

шаманов хватало:

полифонии петра брандта (1975), белое ведьмовство-юрродство лизаньки
мнэцакановой (1977–80), безумный сюрр и заумь андрея монастырского
(80-е)

кликующество бурихина / лены шварц (весьма дурно повлиявших на
хорвата)

заклучившееся «кричавшим кикиморой» димой приговым (70-е-90-е-и-по-сю)
псоем короленко (2000)...

(да поздний соснора – и тот запел как сова – в 1990-м... хотя и начинал – с
шаманства ж)

но хорвата «услышали» чуть не четверть века спустя...

услышат ли?...

(11-22 мая 2005)

II (I). «ОСНОВНОЕ»

познакомила-связала меня с ним – графиня шапова-де карли, героиня романа «это я – эдичка»
(единственное её благое деяние)

круг был более чем узок – не вошедшие в политическо-коммерческую тусовку аутсайдеры, формалисты, хулиганё (анри/хвост, шапова, толстый, бурихин, я...)

совписы – те вполне пристроились и при новой власти (при любой) ментальность-эстетика ЦРУ мало чем (ничем не) отличалась от КГБ обложки эмигрантских «граней-посева-континента» делал тот же художник что и «октябрь-звезды-знамени»
(внутри естественно было то же – с обратным политическим знаком, «анти»)

и анри волохонский с сашей путовым – собственноручно карябали на офортных досках «9-й ренессанс», израильская «ситуация» выходила рукосшивным ксероксом, гробмановский «левиафан» был рукописным-рукорисованным, мои 100+ изданий «подвала» – рукокрашенным ксероксом

футуристы тоже хотели печататься в типографии голике-и-вильборг на веленовой бумаге с золотым обрезом (как дочки фотографа моисея наппельбаума, ида и фредерика)

но оставались – «ручная клей», стеклограф, гектограф, литография и даже детская резиновая типография («заумная гнига» кручёньха)

хорват оказался в положении «нас»

аксёнов-бетаки-владимов/войнович, гладили-довлатов (пардон, серёженька!)-ефимов-е.баух-ж-з-(и прочие жопо-задницы) – вполне и органично вписались в зарубежный совпис на «X» – халифа-хвостенко-хорвата – мест у кормушки уже не хватило

поэтому (и потому) юный хорват оказался с нами

чудом (благодаря графине-парвеню) хорват успел связаться со мной

хорват был единственным стоящим открытием для меня – за все 1975-2005 годы зарубежья
(остальных 100-150 поэтов я или знал ещё по совку, или – помещал для

декору, бульоном, в котором варились считанные клёчки)

недаром говорит матёрый формалист Айги, ученик-наследник Кручёных: «... Вообще говоря, бороться с какой-нибудь властью не исторически, а актуально — с Брежневым или еще с кем — для литературы и искусства непродуктивно: они вырождаются. В этой ситуации сказать слово «бороться» – это уже признать себя пораженным...

Г. Г. Пораженным, пожалуй, в двух смыслах – вот как бывают поражены болезнью? Ты уже поражен, заражен...

Г. А. Вот именно – уже поражен. Есть такая антология Кузьминского, десяти томная, издается в США. Я просмотрел несколько томов и увидел именно это: как советская система, наша система, растлевающая, вошла в плоть и кровь этих ребят, и они уже до того, как заявили: мы несогласны! – уже побеждены. Они приняли язык и правила этой войны – мелкой в принципе. Надо не это сохранять, не это творить... Если будешь воевать с домоуправом, милиционером или там с кадровиком в штатском, то неизбежно будешь...

Г. Г. ...говорить на их языке...

Г. А. ...и о том, что они тебе задали.»

http://www.opushka.spb.ru/text/aigi_gordeeva.shtml

(«О НАЗНАЧЕНИИ ПОЭТА, Разговор Айги с Галиной Гордеевой», 1990)

или, как писал я в той же антологии: «говорим мы языком Зощенко, а пишем – языком Ахматовой»

или, как сказал Халиф о тех же совписах: «пишут не стилем, а почерком аж одинаковым»

у хорвата начинался ПОЧЕРК...

который и является – подписью

который не спутаешь

но именно что – «начинался»... (но увы – ещё не ЯЗЫК... язык был ещё детский, детгизовский...)

анри (с позиции МАСТЕРА и возраста) пишет на мой вопрос о хорвате:

«Что до твоей просьбы о Хорвате, то мне о нем говорить недолго. Он был славный мальчик, с известным дарованием. Спекся на эмигрантских несоответствиях: симпатичная жена, но родители ее – психиатр папа. А он – естественно – ни тпру ни ну в отношении раздобыть. Сам понимаешь. Так что уж и не знаю, чего ты там хочешь цитировать.»

Ну издавал журнал «Куст» с разноцветными неадекватно переплетенными листами – штук пять или шесть, на скрепке. Издавал стихи разных поэтов, тоже на ксероксе, экземпляров по полсотни – сотни. Учился складывать и прошивать эти самые листы – так издана моя поэма «Похвала Топорову», на металлизированной бумаге разных цветов. Заведывал издательством «ХОР». К концу жизни присылал мне противозачаточные изделия, наполненные землей в виде ксерокопийных изображений. Кончил дни свои печально. Говорили (Фрадис? – точно не помню), что папа жены, естественно опять же, поставил диагноз: художественно порожденная абулия или что-то в таком вот роде. Вот и всё.»

397

жестоко, но – справедливо

в хорвата я уверовал сразу – и сразу же обеспокоился
слишком резво и резко он начинал

... писал, предисловием-послесловием к СТАСУ КРАСОВИЦКОМУ, 2001:

«... Самые яркие поэты у меня в антологии – уходящие рано, до времени. Или – вовремя?.. Роальд Мандельштам, 29. Рубцов, 35. Леонид Аронзон, 33. Леонид Губанов, 37. Женя Хорват – 30? Бродский – резко сменил ритм в 22. Захлёбывающийся, кликушествующий, сопливый мальчик-еврей, пророк – в 22-24 уже превратился в старого еврея, в тёплом стёганом жилете, обрюзг и забрюзжал – высоко, гневно, но – пессимистически и цинично. К этим годам он уже знал, «почему – не любят поэта, // почему поэт – любит», а «многие знания умножают скорбь», Екклесиастом. Лирика для него кончилась, не начавшись – в Новый, 1964-й год. Осталась – высокая скорбь, как у наставницы его, Ахматовой.

Стас ушёл – к 30-ти. Ушёл во священство, в семью, в скудное, но светлое деревенское бытие. И крестник его – рассказал. Анатолий Найман, друг и наперсник Бродского.

Ушли в священники самые яркие, младшие – Боренька Куприянов, Димочка Макринов (том 4Б и 4А), ушёл в преподаватели семинарии и мой друг, Борис Безменов (том 5А).

И это был уход из жизни – в жизнь.

Так, ушёл в монаси-молчалиники 22-летний Александр Добролюбов, предварительно породивши – символизм. Одной книжкой стихов.

И дай Бог поэтам – так уходить.
Но уходят иначе.

/8 апреля 2001/

III (II).

398
старый я стал, и уже не sentimentalный
для поэта 65 – это уже загробный возраст
хорват умер молодым
хорват ушёл в том возрасте, когда (в котором) я только начинал всерьёз

спрашивает меня Орлов: как же так? как же вы пишете, и «насколько
стыкуется, что Хорват, с одной стороны, «крупное открытие», а с другой –
через пару абзацев – почерк у него «только начинался?»
да так
именно когда он начинал всерьёз

(17 июня 2005)

IV (I).

... 19-летний Божидар (Богдан Гордеев) до своего самоубийства в 20 лет –
был куда покруче (местами) – ВТРОЕ и боле переживших его
современников: асеева, боброва, пастернака, петникова
и – сгорел

сгорел в благополучной и бюргерской германии – и ещё один
(не вписавшись в «товарно-рыночные отношения», как любят говорить
сейчас)

и только я (наверное) на всём западе и повторяю:

в кроваво-красном рту
держу я птицу ту
мешающую петь
я сам решаю петь...

и:

я полбанки раздавил
мирозданье растроил
я призвал аполлиона
а явился гавриил...

по памяти*, без конца – обучая своих русско-еврейских детишек (корча корчака) – на поэте-шамане, сгоревшем – от внутреннего огня

* по памяти, искажая по-своему, как оно для меня звучит (и значит – мирозданье троицей, и мешает мне петь – птица...)

пишут на плёнках – второй год уже – мои русско-еврейские детишки «звуковой выпуск» самопально-неофициального журнала «магазинник», куда войдут и хорват, и лизанька мнацаканова (нетцкова) – тоже шаманка, преклонная, и ранний юпп, и худяков, и и и ... (в основном с моих архивов и записей)

лауреатам престижных премий – это всё по барабану и ни к чему

неделю (месяц) и боле уже – вспоминаю-мучаюсь о хорвате
зачем – послесловие?...

вместо него – вложить бы в книжку ДИСК единственной аудио-записи хорвата
и те кому надо – услышат

а тексты! – ну автор двух-трёх-четырёх микро-книжечек (самое яркое – в антологии, пусть и не всё)

и – плевать мне на библиографию (неизданного!), хронологию и прочую академь...

помнить бы – поэта

(22 мая – 17 июня 2005)

**Вступительное слово к публикации стихов Е.Хорвата
в журнале «Знамя»**

В безмятежные годы застоя, в благополучной эмиграции я открыл наугад свежий номер «Континента» и стал читать стихи Иосифа Бродского. Обман продолжался с минуту, пока не свойственная перу корифея страстность не заставила заглянуть в заголовок. Это были стихи Евгения Хорвата, Возникла интересная проблема. Совершенство имитации демонстрировало блестящую технику, в то время как сам ее факт передавал незрелость. Подобно Афине Палладе, Хорват появился на свет во всеоружии и блеске успехов, но не сразу понял, в какую сторону вести бой. Эта досадная путаница – к чему нам второй Бродский? – помешала обратить на дебютанта внимание, и я надолго утратил его из виду, хотя Провидение вскоре свело нас под холодным небом Германии.

В сентябре 1993 года Евгений Хорват, тридцати двух лет от роду, добровольно выбыл из числа живущих. Безвременная кончина неминуемо искажает перспективу; и тем не менее, листая кустарные, фактически самодельные брошюры, я с холодом в сердце понимаю, что мы, не заметив, потеряли одного из лучших русских поэтов современности. Те, у кого крепче горло и острее локти, сумели сколотить из гласности известный капитал, и теперь у нас нет даже подлой советской власти, на которую можно было бы свалить эту смерть. Рукописи не горят? Как бы не так – горят библиотеки.

Патриоты всех мастей, просвещенные и не слишком, не устают кичиться богатством России, Велика ли заслуга похваляться тем, чего не нажил сам: залежами ханты-мансийской нефти, талантом русскоязычного мулата? Богатству надо долго учиться, и, прежде чем пропивать неслыханное наследство, его необходимо получить,

Но я не вправе впасть в ярость, потому что виновен не меньше других, если не больше. Пусть лучше раздастся навсегда умолкший голос, и мы, устыдившись, решим, что он звучал не напрасно. Снимем на минуту наши запоздалые ушанки, с кого еще их не снес этот сумасшедший ветер.

Е. Хорват в сгоревшей квартире. 1989. Хенштедт-Ульцбург.
Фото В.Ляховского

Е.Хорват со своей женой и шурином на выставке в галерее Jensen, Гамбург,
1988. Вверху справа - картина "Раскатанный слепок лица"

Проявитель незакрепленный. 1987. Химограмма. 50x80

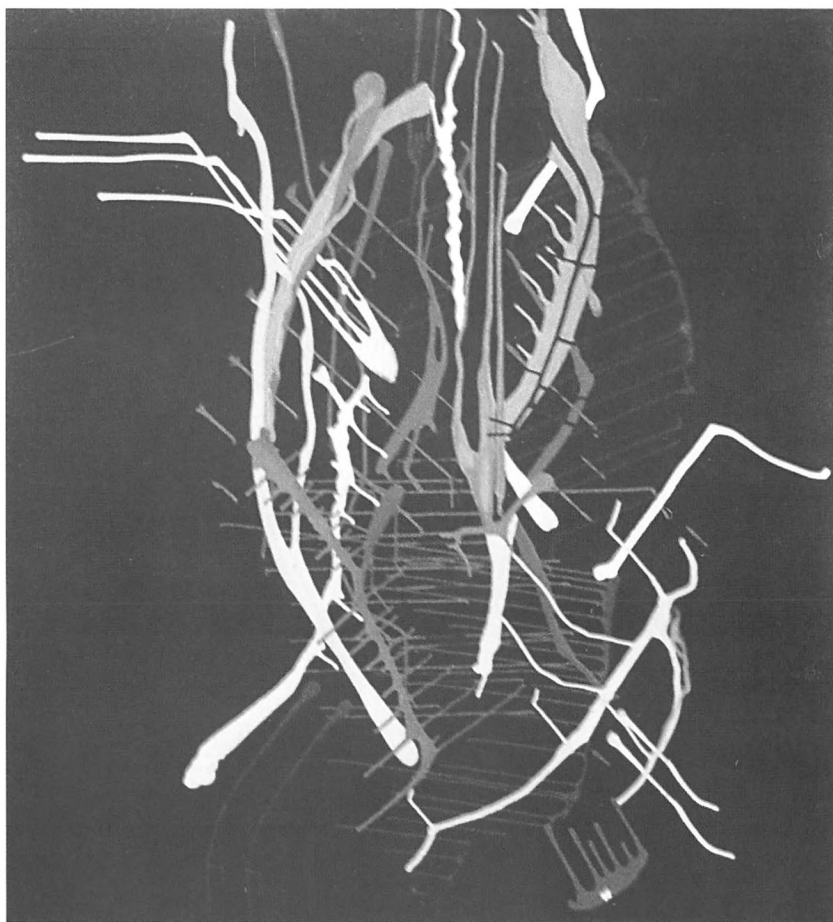
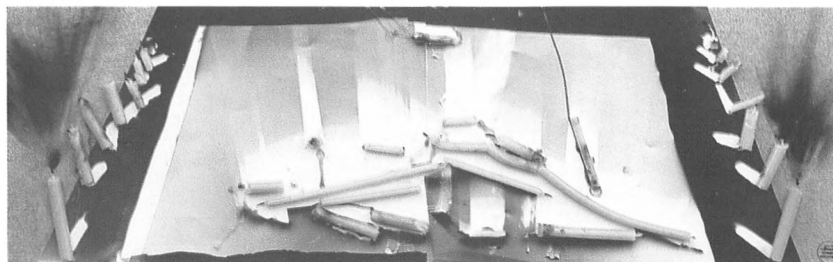
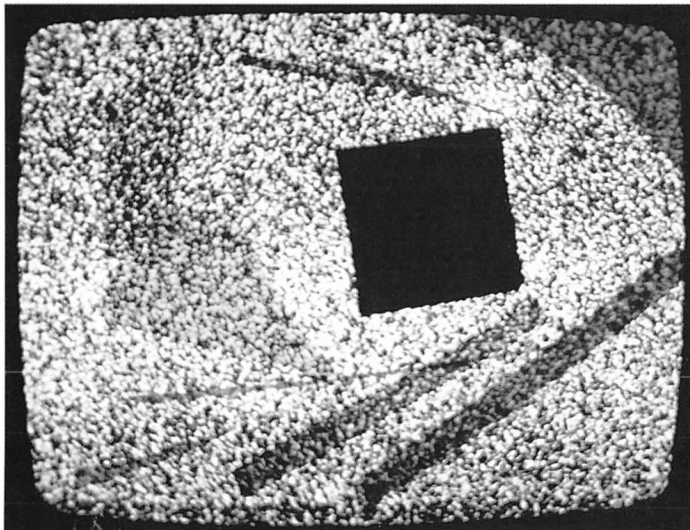

Рисунок костей X. 1985. 122x135

Поле, полное костей.
1988. Доска, фотограмма, свечи, копоть, 20x101

- Инструкция: 1. Заказать в ХОРе набор прозрачных цветных фигур мэйк-ап'а.
2. Включить ТВ беззвучно на канал снега. 3. Наложить фигуры на магнит экрана.
4. В будущем - тасовать композицию, вводя собственные элементы, меняя контрастность, яркость, программу.

«ТЕЛЕТЕЛА. СУПРЕМАлевиЧЬИ эксПОЗИЦИИ.»
1986. Инсталляция. Размер экрана

Инсталляция без названия из серии Тайная Вечеря (?).
конец 1980-х (?). Хлеб, нож, краска

Е. Хорват (сидит) во время перформанса на восьмой международной художественной выставке Documenta. г.Кассель. (Германия)

JEFFF FOR JO

JEVGENIJ HORVAT LIEST JOSEF BRODSKY

privatnachdichtung

KUNSTSTÜCK - GALERIE UND BÜHNE
EIMSBÜTTLER CHAUSSEE 23
MO, 2.8.93, 20 Uhr

Самодельная афиша вечера «Евгений Хорват читает Иосифа Бродского».
Выступление состоялось 02.08.1993

Е. Хорват в период подготовки инсталляции «Перекоп Европы». 1993

Е. Хорват в период подготовки инсталляции «Перекоп Европы». 1993

Фрагмент инсталляции «Перекоп Европы». Сентябрь 1993. Пенопласт

инсталляция «Перекоп Европы». Сентябрь 1993. Пенопласт

ЕВГЕНИЙ ХОРВАТ

Евгений Хорват родился в Москве в 1961 году. Учился в Кишиневе, там же окончил университет, факультет журналистики. Затем, как это часто у нас случается, работал на киностудии, но не по специальности – перетаскивал коптеры, декорации... В общем, стоило для этого кончать журналистику! Потом переехал в Петрозаводск. Там уже занимал более «квалифицированную» должность – дворником работал. Свидетельствую строки:

Снег набивается толсто
за голенища, трудно добраться.
Снег в темноте – это то, что
днем пепелище, в смысле контраста...

Ироничные строки эти, говорящие, что «все суета сует и всяческая суета», что и не такое пережить можно, опубликованы в 33-м номере «Континента». Но сначала обратимся к первой публикации поэта. К самой первой. В 1981 году Евгений Хорват выехал из Советского Союза. Поселился в Западной Германии. А в конце того же года состоялась первая публикация его стихов. И тоже – в «Континенте» (№ 29). С тех пор Хорват опубликовал несколько подборок стихов в разных русских журналах Европы и Америки. Сейчас готовит к изданию свою первую книгу. Я подумал, что из нашего поколения очень немногие выпустили в этом возрасте свои первые книги – Кушнер, наверное, был самый молодой автор отдельного сборника, а выпустил он его в 29 лет...

А уж если говорить о молодом поколении, то ни один интересный поэт в этом возрасте и в журнал не попадал. Первая подборка стихов Хорвата «Континенте» называлась «Р латинское». Так же поэт предполагает назвать и всю книгу. Откуда такое название? Что оно значит? «Р» латинское – это буква «я» в зеркальном перевероте. Навыворот... ощущение вывороченного мира, вывернутой личности. Иронический пунктир протягивается через все стихи Хорвата от этого цикла в «Континенте» и до публикации в «Стрельце» в 1984 году. То же самое чувствуется и в новых стихах поэта, которые я недавно прочел в рукописи.

Василий Бетаки – поэт, литературный критик, живет в Париже. Данная публикация представляет собой часть статьи «Пять поэтов», опубликованной в журнале «Стрелец» № 4 за 1987 г. Единственная прижизненная оценка творчества Хорвата, за что ей можно простить ряд неточностей в цитатах и изложении биографии.

Вот это ощущение вывернутости, оно особенно обостряется, видимо, когда скованность, неуверенность, какая-то неуклюжесть обнаруживаются в человеке, выросшем в советских условиях. Пока ты там – не чувствуется, сравнить не с кем, а тут, как только попал в открытый мир, так и понял, что украли у тебя не только камни Рима и готику Лондона, но – что еще важнее – естественность поведения, раскованность, легкость... Вот почему первая книжка стихов молодого поэта будет называться «Р латинское».

Я отвернусь, как латинское «р»
 К стенке пустой. Не ищи идеала
 В жизни... Ты сам для кого-то пример,
 Так, завернувшись в свое одеяло,
 Как завернулся...

Что сразу бросается в глаза, это – нарочитое несовпадение во всех почти стихах строки и фразы. Перенос этот настолько резкий, что часто поэт разрушает фразу стихом, и это кажется одним из главных носителей иронии в его поэзии:

Сколько составит локтей расстояние до
 Следующей станции, после давно предыдущей ?
 Каждый стоящий стоит в ожиданьи Годо,
 По направлению к Свану шагает идущий...

Вот это «до» в конце строки, оно так соответствует намекам на абсурдность подземного мира метро, намекам в строке, где упомянуты самые знаменитые произведения абсурда в мировой литературе: «В ожиданьи Годо» – пьеса Бекета, и «В сторону Свана» – роман Пруста... Сами названия вызывают широкие ассоциации, и когда параллельный бытовому плану стиха опять настаивает на абсурдном разрыве строки, то мир московского метро иначе, как абсурдным, и увидеть нельзя:

И на вопрос пассажирки – выходите на
 следующей, не обольщаясь ответил: едва ли...

Подобная сложность ассоциаций, сложность не для чего-то, а просто потому, что поэт так видит мир, сложность искренняя, есть следствие его, как я бы определил, аристократического мировидения:

облокотившись, воображаю
как подкатившись
к самому краю
крыш этих ГУМов
этой рутины
и не придумав
альтернативы
этого леса
зримого сверху
царствие племса
мысленно свергну.

Опять ирония, сам аристократизм – ироничен, ну, впрочем, при всей ироничности – это «царствие племса» то же, что у Пушкина «Чернь». Тема поэта и толпы – смертельная, запретная в советской поэзии, ибо власть имущий племс играет в демократизм. Это не соловьевский, грядущий хам, а нынешний, властвующий хам взгромоздился на Олимп, и там от этого сонма самозванных божков – не продохнуть. И поэт обращается к ветру, к истинному языческому божеству:

Бей в зрачки мне на трассе.
Растворись в леденеющей рифме,
в наши дни на Парнасе
попросторнее, чем на Олимпе.

Тут, по-моему, сказано слишком оптимистично – советский Парнас забит все той же пушкинской чернью не меньше, чем советский Олимп...

В стихах о природе у Хорвата явно чувствуется пастернаковская оптика: у него не поэт о природе, а природа о себе и о поэте говорит:

Осень земская. Время прясть.
Время Небу шептать: солги!
Говорливая снизу грязь
пережевывает шаги.

Часто поэт начинает со звука, потом рождается ритм, за ним слово, за словом уже тащится мысль. Стихи его часто то, что Пушкин называл «сталкивание далековатых понятий». Что их сталкивает? Звук!

Перемешаны ад и град
 К манихею уходит мних,
 Но как мирятся враг и брат
 не Спасенье ли это их?

Сколько смыслов и оттенков их возникает у читателя при столкновении этих близких по звуку, далеких по смыслу слов! Вот оно – сотворчество читателя! Ну что, кроме звучания стиха, так живо, почти натуралистически загонит вас, читателя, в ужас монотонности, монотонности серой, невыразительной, такой знакомой жизни? В прозе много страниц понадобится для того, чтобы описать этот удушающий быт. А тут – несколько строк, но звуком вас захватывающих и ведущих в мир серости, так что вы вдруг спохватываетесь: до чего же убого, серо мы живем...

По утрам сквозь дверь проникает трель, там электродрель...
 там подъемный кран, там рабочий клан выполняет план.
 там воздвигнуть мнят за текущий март
 трехэтажный мат..

По лексике, если бы не ритм, – первые две строки вполне выглядели бы советски-газетными стишками во славу труда и прочего в зубах навязшего предмета газетной болтовни, но ритм, столкновение неожиданных созвучий: и уже стихи – ирония, стихи – горечь, стихи – издевка тоже:

но паршивый ЖЭК, где мне дело есть, раз еще не зек,
 чтоб рвануть в побег, заставляет гресть их советский снег..

А цикл стихов «Тайнопсалмие» – современное прочтение псалмов – величайшей поэзии первых веков до Рождества Христова, – написан тяжёлым четырехударным белым стихом: «Господи, видишь, какой я мелиоратор, бесплодную землю населяю из сознания моего». Тут сшибаются интонации псалмов с лексикой XX века...

Все это разнообразие манер, при сохранении одного, единого стиля, своего, хотя пока еще и напоминающего то Пастернака, то Цветаеву, говорит о том, что поэт Евгений Хорват состоялся. Только страшновато за него – начинать на такой высокой ноте, с таким мастерством – куда же дальше? Хватит ли сил подыматься дальше? Надеюсь, что хватит.

НЕ ЗАКОНЧЕН МОЙ ПОЛЁТ...

(несколько слов о Е.Хорвате)

Не сразу понятно, в чем дело, откуда «иноговорение». Потребуется годы (пробую сократить срок читателю), чтобы набрести на метафору: зависание.

Сочинитель изначально подвешен, завис над собственным текстом, и это позволяет ему иронии по поводу сочиняемого и свободу игры в лепке и перестановке фрагментов. Дар Хорвата кажется, в первую очередь, лингвистическим, точнее – филологическим... Это лишь часть правды. Сквозь виртуозность стиховой речи, как сквозь тонкий лёд, проглядывает неподдельный трагизм миропостижения. Игра игрой, но, как в лагере – на человека: останется жив или убьют. Это непривычное соединение артистического азарта словесных построений и ужаса перед бытием. Возможно, встретишь только у Хорвата.

Яркость и новизна версификации (неподражаемой!) зовут читателя, вроде, поиграть, но жуть говоримого доходит. И пронзает. –

Я отвернусь, как латинское R,
к стенке пустой. Не ищи идеала
в ком-то. Ты сам для кого-то пример,
так завернувшись в своё одеяло,
как завернулся. А впрочем, к чему
здесь обращенье? К кому обращаться, –
уж не к себе ли? И вправду, ему
нечего кем-то ещё обольщаться.

Вздумал расстроиться, выглядеть в трёх
Лицах, как Бог, но такая идея
Предполагает лишь Божий упрек,
скорый конец и тоску лицедея.
И убежденье, что, сколько ни лги,
зритель поверит в любые проделки.
Ибо не знаешь, с которой ноги
встать и в какой оказаться тарелке

Анатолий Добрович – известный психиатр, поэт, отец Евгения Хорвата. Живет в Израиле. Текст публикуется впервые.

каждое утро. Так переверни
 белые ночи с их тьмою нетьмущей, –
 что обнаружится? Чёрные дни.
 Время настало, жилец неимущий.

Ляг на прекрасный, как женщины, пол,
 глянь в потолок и обдумай анализ
 этого ужаса. Плавный глагол –
 «быть», чтоб вещи местами менялись.

Стихотворение приведено по памяти, в первоначальной (1980), а не в позднейшей авторской (по-видимому) редакции. Беру грех на душу: пусть «поздний» Хорват увидел собственное стихотворение несколько иначе и предпочел назидания типа «Будь же в реальности, с речью согласной» (см. материалы для готовящейся книги); девятнадцатилетний поэт писал, как хотелось – тогда.

«Глянь в потолок и обдумай анализ/этого ужаса»... Какого ужаса? Что за пробоина в мироздании открылась молодому человеку? А ведь не пробоина! Что-то привело его к иллюминатору, откуда видна невыразимая истина личного несуществования. Ужас стал переводом стрелки на путь к вере – другой станции назначения на этой ветке нет.

Я алхимию развёл,
 метафизику завёл,
 и призвал я Аполлона,
 а явился Гавриил!

...Но закончен мой полёт.
 Я в земле моей полёт.
 Над моею головою
 мотылёк теперь поёт.

Всего 3-4 года прошло, как призывал, вроде бы, Аполлона... А истина, бушующая за иллюминатором, наполнила уже все духовные емкости. И перед лицом явившегося Гавриила показалось необходимым впасть «в неслыханную простоту».

«...К кому обращаться? Уж не к себе ли?» Вопрос, к кому обращаться, отпал, как высохший хвостик арбуза.

Дальше речь теряет обыденную внятность (ибо Собеседник иной): вот, например, начало «Святцев чаду»:

БОРИС, твой кисло-сладкий ярко-красный барбарис,
став леденцом из ягоды, сосётся.

К груди снегов растительный покров
припал – вот так же враг твой мстительный спасётся.
Снедая Плеба, всё растёт природный склеп.

И я здесь позу горизонта принявши вожделенно всей душой, вдруг
вижу головокружительно, что и порог уже карниз –
вплотную к двери, открывающейся ввысь, которая и
сбоку, ежли вьюжно зимой, что шар наращивает дружно земной – из
каждой ели вырос Кипарис.

407

Что может сказать читатель? – «Вижу головокружительно». Голова
кружится совсем не как от «раздавленной полбанки». От восторга, в
объяснении не нуждающегося. Косноязычия не может не быть. Такова
ситуация.

как душе моей блуднице
сорок лет и сто кило,
а в тутошной темнице
невесомость обрело
синицы-журавля
и лебеди-гуся,
помилуемая –
спасаемая!

Личность, прежде «завертывавшаяся в свое одеяло», предстает перед
самой собою всего-то лишь очередным путаником-греховодником.
Пьющим с отчаянья, прелюбодействующим без самообольщения,
ерничающим, забавляясь тем, что смутил чей-то покой. Подзаборным
нищим («жилец неимущий»), который позволяет себе шуточки (цитируется
по памяти) типа:

Я Господа пою,
Как Он меня поит.

Хорват не юродствует – он юродивый и есть. Неважно, каким он в
действительности представал перед теми, с кем водился. Понял до конца:
нищ духом. Преховодник – не выбранная им «пикантная» роль, а то, каким
человек (всякий) видится «оттуда». А вы бы как хотели? Вырвался из
«тутошной темницы» – и надулся от сознания обретенной благодати?..

У Евгения Хорвата появилось отчетливое ощущение, что авторство сочиняемого принадлежит не ему.

Исправлять не могу, вот в чем беда.

Ангел этого не любит, по рукам даст, – не твое, мол.

Можно ли не повредиться умом, встретившись с тем, с чем он встретился? – Это не вопрос. Вопрос другой: НУЖНО ли после этого сохранять здравый рассудок? Высока ли ему цена?

408

А тут еще некая наследственная предрасположенность, выразившаяся, как некоторые полагают, «в недостатке лития» (да, существует такая теория природы психической неустойчивости). По линии матери Хорват из дворян Павловых; «Хорват» был сценическим псевдонимом деда-актера, передавшего эту фамилию дочери Веронике (матери Евгения). Разведясь с отцом двухлетнего мальчика, Вероника Николаевна решила записать сына на свою фамилию, потребовав, по форме, согласия на это бывшего мужа. Бывший муж подумал и согласие дал. Во-первых, у ребенка вот-вот должен был появиться другой папа, так что чего уж тут... Во-вторых, попытка затоптать фамилию, наводящую на мысль о еврейском происхождении, оскорбила национальное чувство отца...

В скором времени ребенок перестал появляться на улице (а прежде возили в ясли и обратно), и в освещенных окнах дома, где он жил, замелькали незнакомые люди. Оказалось, семья съехала и вообще отбыла в другой город. Куда, при каких обстоятельствах – соседям неизвестно...

Спустя 14 лет сын нагрянул на пару дней к отцу – познакомиться (адрес дали в «Мосгорсправке»). Показал стихи, удивляющие свежестью, зрелостью, недетским объемом тезауруса. И попросил помочь... с выездом из страны.

Вот запомнившийся отрывок из стихов того периода.

...К тому же мой меняющийся почерк –
обычная примета психопата,
как мне сказали славные ребята,
советуя беречь мне область почек.

Славные ребята в Петрозаводске так и предупредили: либо мотай отсюда, куда сумеешь, либо посадим. А между тем бабушка с дедушкой по отцовской линии уже находились в Израиле...

Оттуда и пришел вызов. Так сказать, для воссоединения семьи. Было очевидно, что блестящий филолог-германист, Вероника Хорват, с сыном и дочерью отправятся в ФРГ. Почему бы и нет – у Евгения не было ни

малейшей духовной привязки к еврейству. К тому же, пообщавшись с сыном, отец уразумел: такому – посадки не избежать.

Теперь следовало, по форме, дать согласие на отъезд сына. Пришлось выдержать натиск славных ребят из Москвы, выразивших удивление (деланное, конечно): как это отец позволяет сыну стать предателем родины? Убедительным показался им довод о странности и психической неустойчивости фигуранта, о его склонности к депрессиям с суицидальными намерениями. Лучше, мол, на выезд, чем в дурдом... Разрешение выехать последовало с неожиданной быстротой. Потом открытка из Кельна: «Встретимся на Елисейских полях!». Для отца это звучало тогда как приглашение встретиться на Альфе Центавра...

Но важны здесь не столько биографические сведения, сколько наследственные моменты. Физически Евгений пошел в мать, в Павловых. А в сфере внутренней жизни и духовных устремлений произошла какая-то сшибка сущностей – ее можно было бы назвать опасной, если бы не остались удивительные стихи. Эта речь: и поразительно скомпонованная, и «несамовольная».

Со временем, в сей «мундштук потусторонних императивов» начали дуть, кажется, не только ангелы. Появились «инсталляции» – из визуальных объектов, из строк, рассматриваемых как визуальные объекты. Творческим соблазном стал «перформанс», модный в художественных кругах той эпохи. Впрочем, и здесь Хорват не похож ни на кого. И не в моде для него дело.

Даже беспросветная, на первый взгляд, бредятина, встречающаяся в «Листах из Месяцеслова настенного» поражает загадочностью и напором речений. Может, оно и не бредятина. Если очки сменить. И в умопостигаемый контекст войти.

Нет оснований сомневаться в искренности сочинителя. Он по-прежнему убежден, что будет понят: теми, кому положено. Еще юношей он обронил знаменательную шутку: «Кто поймет меня, тот понял уже».

Ангелы ли повелели покончить с собой истово верующему, но замкнувшемуся и тоскливо-опустошенному (стихи давно уже не писались) молодому человеку? Он с детства знал о предстоящей ранней смерти. Возможно, на свой лад пытался бежать от нее (а кто бы не пытался?), все неумолимее запутываясь: и в самом себе, и в том, что им одним было увидено.

Похоже, ему передали – неважно через кого: «Всё, малый, кончай баловство, ты нужен здесь, а не там».

О Хорвате

В нашей вельможной 37-й кишиневской школе Женья Хорват появился то ли в середине, то ли в конце сентября 76-ого. Он был «отдельный», московский. И опоздание его к началу учебного года отлично передавало эту его «отдельность».

Его маму-германистку выслали из столицы за несанкционированный перевод то ли Кафки с немецкого, то ли Солженицына на немецкий... По версии Жени. Он был мистификатор и мог запросто всё выдумать.

В школьных коридорах Женья выделялся бледноискренней трогательной салонностью своей. Почему-то его запихнули в 9-й «В», резервацию двоечников и хулиганов. Там его... не били.

Он писал неправдоподобно-зрелые для 15-летнего юноши стихи. Как и сама «ссылная» биография его, они дышали махровой мистификацией, тревожным чудом. Женья Хорват был запелёнут в тайну.

Кудреватенький, с поджатой губой, смертельно-бледный «вэшник», он проявил необъяснимый интерес ко мне, малопримечательному. Точно лазерным лучом опалило. Как результат – всё вдруг сделалось одушевлённо в жизни моей, всё – на расстояние локтя.

Глубокоглазый, рябенький... Помню как он ресницами хлопал: часто, растерянно, хотя выражение лица открытое, смелое. А когда стихи декламировал, то становился ростом под крышу. Как Каменный Гость. Потом, отдекламировав, снова комнатный, хрупкий.

Возможно, я занял его место на сценарном ф-те ВГИКа. Со всеми вытекающими...

В перенаселённой заболтанной русской поэзии последних десятилетий он не в обойме, не в иерархии.

Евгений Хорват, на мой взгляд, поэт вершинного, неправдоподобного дарования.

Памяти Жени Хорвата

Кишинев середины семидесятых, несмотря на свою почти условную столичность, – далеко не заштатный город. «Глухая провинция у моря» – это благая оторванность от центра, откуда новые и грозные новации доходят в интервалом в несколько лет. Это наша Аркадия, счастливое время и место.

В этот город попадает московский школьник Женя Хорват. Вместе с сестрой Викой и мамой, Вероникой Николаевной. Она, университетский преподаватель-германист, вынуждена сменить МГУ на КГУ в связи с предпринятым ею переводом на немецкий "Архипелаг ГУЛАГ". Они живут на проспекте Молодежи, в престижном доме. Женя учится в элитной СШ №37. Он закончит ее через три года, в 1978-м, но Вероника Николаевна уже сейчас закладывает фундамент, без сомнения, блестящего будущего обожаемого сына. Она приводит Женю в газету «Молодежь Молдавии» и – в его присутствии – рекомендует как высокоталантливого журналиста и поэта. Вероника Николаевна по типу очень напоминала актрису Евгению Ханаеву: не красавица, зато умна, обаятельна, немного нервозна и тянет одеяло на себя. Женя – типичный мальчик из приличной семьи, хорошо воспитанный и не позволяющий себе лишнего слова, эдакий Максим Галкин с поправкой на тридцать лет, разве что взрослый костюм сидит на нем несколько свободно.

В те годы Женя еще никак не мог называться поэтом. Наделенный превосходными версификаторскими данными и абсолютным фонетическим слухом, он собирался делать карьеру... чтеца-декламатора. Наверно, ему бессознательно нравилось катать звуки во рту.

А поэтические его сочинения оставались всего лишь пробами пера. Помню, как на заседание «Орбиты» он принес поэму «Поморин». Да-да, о той самой зубной пасте. Ему было тогда все равно, о чем писать. Когда был объявлен конкурс песенных текстов о работниках прилавка, единственный из литстудийцев, кто откликнулся, был Хорват. Охотно и с кайфом играл он в подобные литературные забавы. Все отдавали должное этим опусам, но всерьез их, естественно, никто не принимал. В отличие от скептически

настроенного Наума Каплана, только Борис Викторов высоко оценивал Евгения, и то скорей в потенциальном развитии.

Уже тогда в жизни Жени алкоголь стал занимать несоразмерное место. Вино было дешевое, хорошее и доступное. В отсутствие Вероники Николаевны начались пьянки, и нередко можно было споткнуться о юнцов, спящих прямо на площадке перед дверью. Как-то прелестная Ира Чельшева обмолвилась о том, что Женя, дескать, ищет острые ощущения. В подробности мы с ней не вдавались, но обе знали, что именно это могло означать. Надеялись, что появление в его окружении красивой умницы Кати Мумжи будет означать перемену, но это был другой случай.

412

Между тем Хорват поступил на филфак Кишиневского госуниверситета, но проучился там недолго. Какое-то время он курсировал между Кишиневом и Петрозаводском, затем уехал окончательно, а потом эмигрировал в Германию.

Что касается его диссидентства, то это была игра – с целью быть «выдворенными» из Союза. Знаю об этом не понаслышке, так как в 1981 году меня и других ребят из «Орбиты» таскали в местное отделение КГБ на предмет выявления компромата.

От Фрадиса я узнала – гораздо позже – о самоубийстве Хорвата. Потом я видела подборку его стихов в одном из толстых московских журналов. Стихи были совсем другие, настоящие, завораживающие нездешним своим звучанием и горящим минором. Он все-таки стал поэтом, этот приличный мальчик с хорошими манерами.

О Жене Хорвате и о себе, любимом

*«Сколько составит локтей расстояние до
следующей станции после давно предыдущей?
Каждый стоящий стоит в ожидании Годо
по направлению к Свану шагает идущий»*

Мы познакомились в 1979-м году. Сейчас уже трудно вспомнить, как это было: жизнь я тогда вел бурную. Не то чтобы богемную, а как это называется непутевую. В доме постоянно то жили, то просто паслись какие-то люди: можно было вернуться в 2 часа ночи, обнаружить толпу совершенно незнакомых, сильно пьяных людей и стоять в недоумении, наливаясь злобой, пока не выползет из другой комнаты смутно знакомая рожка и, покачиваясь, не сообщит: «Ой, а мы тебя ждали, ждали, а потом через форточку залезли. Давай, там еще портвейн есть!»

Впрочем, вспоминается смутно приходит мальчик с рекомендациями от какого-то доброго знакомого: «Недавно из Кишинева, почти никого в Петрозаводске не знаю».

Из «моего окружения» он довольно сильно выламывался. Я тогда общался или с людьми сильно меня старше и умнее, или с откровенной «босотой», подобранной то ли утром у пивнухи, то ли вечером в кафе приятелем, попросившимся как-то переночевать и, к тому времени, жившим у меня уже два года. Женька не вписывался ни туда, ни туда и на чем держалось наше общение, трудно понять. В то время, отгусовавшись в «муринской коммуне», всякий интерес к юным гениям я утратил, а мои «антисоветские экзерсисы» достаточно мало интересовали Женьку. В Петрозаводск из Кишинева его семья перебралась, потому что «тут легче отпускали». Женина мама, профессор германистики, имела приглашение в один из университетов Германии, дедушка с бабушкой проживали в Израиле. И вот по их-то приглашению они собирались выехать. Поскольку «свал» из Петрозаводска был тогда довольно умеренным – считанные единицы в год, развитой отказнической тусовки: с материальной поддержкой из-за бугра, общением, корами, списками и инструкциями, в городе просто не существовало. Жили они только на женькину дворницкую зарплату да на скудные доходы от распродажи книг и остатков мебели.

Вика училась в 8-м классе, а Вероника Николаевна сидела дома – ни трудоустройства, ни просто анонимных переводов ей не светило.

Когда меня в очередной раз выперли с работы, решив, что быть педагогом даже при домоуправлении (по внешкольной работе с трудными подростками), мне не по чину, Женя устроил меня дворником в тот же ЖЭК, где работал сам. Да и участки у нас оказались по соседству, что весьма помогало в жизни – то он меня подменит, на головку по утру больного, то я его в творческий порыв отпущу.

Лафа закончилась 7-го ноября, на октябрьские праздники (ах, как я люблю сей советский изыск!), когда нам приказали украсить проспект красными флагами. Вылилось это в откровенный глумеж над священными символами: то я уроню случайно охалку флагов в нехилую лужу, то Женька заметит грязь на давно нечищенных ботинках и примется приводить их в интеллигентный вид при помощи красного знамени. Кончилось дело тем, что нам предложили «искать новое место для антисоветской агитации и пропаганды».

В результате Женька устроился кочегаром в химчистку «Радуга», а меня сдуру приняли оператором электрографической репродукционной машины «ЭРА» в Северо-Западный научно-исследовательский и проектный институт рыбного хозяйства. Пустили козла в огород!

Общение наше стало более интенсивным, на пьянки у меня времени почти не оставалось, потому как трудился я «за железной дверью» с некоторым даже, не присущим мне, энтузиазмом. «Шелупонь» и «босота» были, не без труда, разогнаны, а вот люди приличные несколько оживились. Тогда-то и возникла у Жени, с учетом моих возможностей, идея выпустить самиздатовский сборник «Север-Юг» из стихов поэтов Кишинева, Питера, Москвы (кажется) и Петрозаводска. Для составления сборника из Кишинева приехали две милые девушки: Лариса и Катя (которая Капович), а из Питера юноша Лёня с гитарой. Поскольку Вероника Николаевна женькиных друзей не очень-то привечала, остановились они у меня. И была водка, и были песни, и были споры, и закончилось все шмоном (в тот раз еще ментовским). Когда пришли менты, жена была в институте, дочка в садике, а я на работе, так что знаю все только из рассказов ребят. Впрочем, ребята, не сообразив, открыли дверь, и менты, без предъявления ордера в количестве 5-ти припогоненных и 2-х штатских вломались в дом под предлогом «ваши пьянки беспокоят соседей». Поскольку в данный момент в доме отсутствовали не только полные, но даже и пустые бутылки (жрать-то хочется), был произведен осмотр жилого помещения. Мальчик Лёня вместе с гитарой, поспешно ретировался в окно (благо, первый этаж), Катя Капович плотно уселась на книгу А. Зиновьева

«Зияющие высоты» и замерла в ожидании фразы: «Девушка, встаньте, пожалуйста», а Лариса судорожно пыталась задвинуть ногой под книжный шкаф наборную кассу с типографским шрифтом. Что ей в итоге и удалось ценой вывихнутой лодыжки. Женька же уныло бродил за ментами, повторяя: «А вы чего! А вы на каком основании!» и пытался оттеснить их из комнаты, где сидела на Зиновьеве Катя. Через полчаса, убедившись, что все в доме при документах, трезвые, а на виду ничего подозрительно нет, менты свалили. Но работа над сборником приостановилась на неопределенное время, потому как юноша Лёня куда-то пропал, а девушки заявили, что работать в таких условиях невозможно и отбыли в славный город Кишинев.

А еще через полгода меня взяли за жопу вполне серьезно. Во время обыска в моей квартире я выпрыгнул в окно, и проболтавшись по улицам до ночи, попросил одного из многочисленных ползнакомых позвонить Жене. Встретились мы с ним кустах за вагонным депо и он дал мне телефон своего московского одноклассника, Саши Фадина. «У него брат, Андрей, диссидент. Он тебе поможет, выведет на нужных людей и вообще», сказал мне Женька и мы попрощались.

Пока я был в бегах, Хорваты получили, наконец, разрешение и свалили. Я, с Женькиной подачи, попал в «группу московских социалистов» (Фадин, Кудюкин, Ривкин и др.), но это уже моя история. Возобновился же наш контакт, когда я на ссылке получил от него письмо и посылку с ЦАХАлевским свитером, джинсами и замечательно теплым шарфом.

Освободившись, я совершенно неожиданно для всех (в том числе и для себя), застрял в Москве. Почему и как – не о том сейчас речь. И снова прорезался Женька: позвонил и сказал, что Катя, его жена, днями посетит Первопрестольную с группой немецких туристов.

В общем, Катя нас очаровала! Православная немка, прекрасно владеющая (при нашей безъязыкости) русским, так очаровательно матерящаяся.

На день ее приезда отмечали мы что-то у тещи. Что именно, право не помню, но редакция «Писности» присутствовала в полном составе. В том числе, на совершенно пустой кухне (столы и стулья вынесены в комнату) валялся под батареей в жопу пьяный, но от того не менее обаятельный Витенька Резунков.

Естественно, что через месяц приглашение в Германию получили не только мы с Ириной, но и Витя.

Ко времени нашего с женой приезда, Женька обретался в славном городе Кельне. Дня через три он прискакал на своем «Фиатике» в Гамбург.

поздоровался с Катей, поцеловал Иришку и упаковал мои кости в машину показать Германию (жена с маленькой дочкой от осмотра благоразумно воздержалась).

Для начала мы внимательно осмотрели ночной магазин на бензозаправке. При осмотре выяснилось, что в нем торгуют виски, которое я терпеть не могу, водкой, которую не любит Женька и джином, к которому мы отнеслись с одинаковым радушием. Юница, притулившаяся в уголке салона (Женькина пассия из Восточного сектора) удовлетворилась запахом хорошего джина и созерцанием затылков: стриженного и лохматого. Все равно, ее русского для понимания Женькиных стихов было недостаточно.

Осмотр же Кельна показал, что там находятся: а) со знанием дела засранная однокомнатная квартира, в которой обитает Женька; б) изрядное количество пивнух, пивнушек, кабаков и ресторанчиков, в том числе и совершенно замечательный греческий ресторан с «дарами моря»; в) изумительно уютная, несмотря на 4-хметровое окно от пола до потолка студия другой Женькиной подруги из «Шпигеля», где так уютно пьется русскому поэту и сопровождающим его лицам; г) тюрьма, где сидит друг русского поэта, спиздивший у него кредитную карточку и потому нуждающийся в ежедневных передачах и, кажется, вдали у греческого ресторана мелькнуло что-то похожее на собор.

Женька к тому времени уже бросил обучать тупых немецких солдафонов правильно материться, но тем не менее был постоянно и отчаянно занят. Основным занятием, кроме попыток продать несколько бронз работы Э.Неизвестного в какую-нибудь галерею для пропитания, было написание текстов и «изготовление» (по-другому не скажешь) картин для «Мулеты». Стихи он тогда не писал, да и вообще пребывал в творческом кризисе. Я, как человек сухой, циничный и неотзывчивый, предположил, что причиной оно может быть некачественное пойло. Женька обиделся и весь следующий день я пил один. И даже добрал до собора, но потом заблудился и вынужден был просить помощи у оскорбленного мной поэта. Как он меня отыскал на просторах Кёльнщины – было загадкой для нас обоих. Впрочем, той же ночью я дозволился до Алика Гинзбурга в Париж, и он решительно заявил, чтоб я кончал дурью маяться, когда у них рабочих рук не хватает. Так что на следующее утро Женька (с некоторым облегчением, кажется), купил мне билет до Парижу и я поехал клеветать. Но это уже совсем другая история.

А с Женькой мы попрощались на кельнском вокзале, приняв на грудь по пол бутылки «Ван Гога». И уже навсегда.

Три зимы под кофилку

Зима 79-го

Зимой с 78-го на 79-й год я сбежала из нижнетагильского пединститута, бросив половину вещей и избавившись в пользу одной татарской подружки от бабушкиной котиковой шубы, тяжелой и изрядно польсевшей от старости. «Шуба мне теперь ни к чему», – оправдывалась я перед мамой. В Кишиневе зима была мягкой, не то что на Урале. Нижний Тагил был замогильный город, по сравнению с которым Кишинев показался мне столицей мира – здесь еще продавали подогретое молодое вино и в подвальчиках играла скрипка какого-нибудь развеселого молдаванина с липкой черной прядью на лбу.

Мне было совершенно нечем заняться, и я никого не знала в опустевшем городе. Читать почему-то не хотелось, разве что заглядывала в отпечатанного на машинке и уже заученного наизусть Мандельштама. В один из совершенного пустых вечеров бывшая школьная подружка уломала меня пойти с ней в кишиневскую литературную студию при Союзе писателей МССР. Называлась студия «Орбита», ее курировала поэтесса Александра Юнко.

Александра мне нравилась. Помимо типичной для советских редакторов фальши в интонациях и уверенности во взоре, в ней было что-то еще. Гворила она густым голосом, громко смеялась своим же шуткам, но, когда не надо было «работать с начинающим автором», когда можно было расслабить узелок на улыбке, у нее появлялось и чувство юмора, и настоящая душевность. Поэтому, узнав, что «Орбиту» ведет она, я все-таки решилаcь.

Школьная подружка обещала, что будет «очаровательно». Пришли мы с опозданием, мест уже не было, я постояла у дверей, послушала стихи и, не очаровавшись, пошла в коридор курить. Там уже курил молодой человек. Я его разглядела. У него было необыкновенно худое, длинное лицо, веснушки, сверху шапка черных, почти негритянских волос. Он был худой, как восклицательный знак. Куря, он топтался взад-вперед по коридору, то от меня, то ко мне, но, дойдя, самопогруженно проходил мимо. Ходил он, высоко вздернув плечи. Наконец этот маятник остановился.

417

– Вы, наверное, и есть Катя Капович?

Я чуть не подавилась дымом:

– Да.

– Ага! – сказал он многозначительно. – Я вас правильно вычислил.

Я кивнула.

– Правда, что у вас есть полный Галич? – неожиданно спросил он, по-московски «акая».

Я не знала, какой у меня Галич, полный или неполный, но мне почему-то хотелось произвести приятное впечатление.

– Не только полный, но даже разные варианты, – ответила я, как мне показалось, с видом знатока и нахмурилась для убедительности. Он кивнул понимающе и тоже нахмурился. Мы еще покурили в молчании, которое не было ни напряженным, ни обидным. Просто два человека о чем-то думали одновременно, и это было хорошо. Потом он спросил, нельзя ли ему будет зайти ко мне послушать Галича и сравнить варианты. Я пригласила его заходить в любой день недели, в любое время дня, сказала, что созваниваться не обязательно, я всегда буду ему рада. Уже дома я спохватилась, что не знаю ни его имени, ни фамилии.

Женя Хорват (а это был именно он) пришел с другом Лешей. Вернее, сначала они позвонили с остановки, что скоро будут. Я ждала, но их все не было. Потом они позвонили еще раз, и Хорват трагически сообщил, что они «окончательно заблудились». Я отправилась на поиски. От остановки к моему дому простирался огромный пустырь, куда алкаши из местной забегаловки натащили ящиков, чтобы выпивать в культурной обстановке. Там я и нашла Женю с Лешей. Хорват ужасно извинялся, что мне пришлось за ними идти, объяснил, что у него от голода развился «топографический кретинизм». Оказалось, что он не ел несколько дней, поскольку у него болели зубы. Моя мама была в командировке в Москве, у меня тоже было шаром покати, но по дороге мы прикупили белого вина и сыра.

– Сначала дело! – сказал Женя, откупоривая бутылку.

Мы с полчаса слушали пленки, потом мой допотопный магнитофон задымился от перегрева и пришлось его выключить. Пошли типичные разговоры: что кому нравится. Я показала ему отпечатанные страницы Мандельштама. Женя многие стихи знал наизусть, и мы соревновались, кто больше вспомнит. Он помнил больше, а когда забывал слово или строчку, вставлял «тра-та-та-та-та». В этой пулеметной метрической очереди было что-то веселое; никто так не делал до него. Чувствовалось, что он имеет свое поэтическое право на текст, а я, раз запнувшись, начинала мучительно вспоминать и уже окончательно сбивалась. Потом он еще

почитал свои стихи, тоже без выражения, отчеканивая все, как по бумаге. Я честно призналась, что никогда ничего подобного не слышала. В его стихах была и жесткость и острота, образы пропечатывались в сознании:

На уроке труда я запомнил тиски,
как преддверие вечной тоски.

На прощание Женя потребовал, чтобы я завтра же пришла к нему в гости. Друг Леша в дверях шепнул, что у Хорвата депрессия: он поругался с подругой и она ушла из дому. Я покаялась, что не заметила никакой депрессии.

– Это потому, что он всегда держится. Хорват ведь аристократ – объяснил Леша. На меня это произвело впечатление, хотя слово «аристократ» я поняла в переносном смысле. Тогда в народе бытовало выражение «аристократ духа». На самом же деле Хорват действительно был чуть ли не аристократического происхождения, с чем очень носился в ту пору. Его дед по материнской линии, актер Павлов, играл в Мариинском театре. Я говорила Жене, что не понимаю, каким образом аристократ попал в театр, но он только презрительно отмахивался.

Леша позвонил через пару дней и предложил навестить депрессирующего Хорвата, который по-прежнему страдал от разрыва. Подруга, по-видимому, все еще находилась в бегах.

До него было недалеко: двадцать минут на троллейбусе мимо музыкальной школы, мимо цирка на Крутой, мимо памятника неизвестному солдату, вокруг которого ходили, как заводные, под барабанную дробь какие-то неутомонные пионеры. Потом троллейбус, отфыркиваясь, вползал на горку и плыл по проспекту Молодежи, в конце которого жил Женя Хорват. Деревья смыкались ветвями в перспективе. Внизу, на первом этаже, помещался магазин «Филателия», возле которого всегда толклись хмурые интеллигентные бородачи с кляйстерами. В этой среде курили сигары. Табачный магазин находился в левом крыле здания. Вход в жилые подъезды был со двора. Дом был элитарный, с уклоном в сторону искусств и науки. Я поднялась на пятый этаж. Квартира оказалась просторной, с высокими потолками и при этом страшно прокуренной. Посреди большой комнаты стоял рояль, на рояле сияла хрустальная пепельница, в которой, как закат в озере, догорал окурочок. Пустые бутылки стояли, как кегли, в конце коридора. Дыма было столько, что уже у двери ползла на лестничную клетку голубая лента.

– Соседи не жалуются? – спросила я.

– На что? – удивился Женя.

- На дымовую завесу.
 - Нет. Здесь все поэты и писатели.
 - Тебе хорошо. А вот на меня жалуются. А сами включают Пугачеву на всю громкость, – пожаловалась я.
 - А кто такая Пугачева?
 - Ты что, не знаешь?
 - Понятия не имею.
- Это мне понравилось. Пугачеву знали все, кроме него.

Жениным соседом по лестничной клетке был поэт Рудольф Ольшевский, работавший редактором в местном журнале «Кодры». Самого Рудольфа в квартире я никогда не видела, но зато Женя еще со школьных времен дружил с его сыном Вадимом Ольшевским – дружелюбным весельчаком, который разговаривал со всеми ласково-насмешливым тоном. Вадим учился на матфаке, но литературу знал не хуже нашего.

Часто заходил в гости бывший Женин одноклассник – художник Артур Аристакисян. Улыбчивый Артур, похожий на юного Пола Маккартни, садился в углу и открывал огромный антикварный том Данте с иллюстрациями Доре. Склонить его к беседе мог только разговор на «сакральные» темы. К ним относились: Филонов, Чарли Чаплин, Вертинский и Лао-Цзы. Плюс что-нибудь, непосредственно происходящее в городе, что-нибудь неофициальное, запрещенное властями, что-нибудь, сулящее неприятности. Говорил он мало, старательно избегая личных имен.

– Один человек мне сказал, что сегодня у одного выдающего неофициального художника состоится открытие выставки.

– А где? – оживлялись мы.

– На частной квартире у одного человека. Чужих не пускают. Наступала пауза.

– Если хотите, я могу провести, – милосердно добавлял Артур.

Он конспирировался даже от нас. Жил в подполье. Речь его напоминала знаменитую фразу времен шестидневной войны: «Наши передали, что наши сбили четыре наших самолета». Это немного обижало, как будто нам не доверяли, но намерения Артура были чисты. Он готовился поступать в духовную семинарию, в Академию художеств и во ВГИК. Короче, повсюду, куда не брали.

Как-то, побывав у меня в гостях, Артур позаимствовал у меня пресловутую перепечатку Мандельштама, которую моя мама, библиотечный работник, успела переплести в серый коленкор. Долго не возвращал, носил книгу в кармане синей вельветовой куртки, изредка открывал, читал пару строк, шевеля губами, и снова прятал в карман.

Женя его спросил, что он читает.

– Один человек дал мне почитать уникальное издание Мандельштама, – изрек Артур, пряча книгу поглубже.

Я очень удивилась, потому что сама сидела тут же рядом. Мы с Женей переглянулись, но промолчали. Подпольщик и в мирное время не должен расслабляться.

Мы встречались каждый день. Траектории наши пересекались, даже если Женя выходил из дому пошататься по парку, купить сигарет или выпить пива. Потом я прочла о подобном феномене «нахождения» друзей в «Модели для сборки» у Кортасара. Впрочем, в отличие от кортасаровских героев, Женя в гости не любил ходить. Он был классическим домоседом, любил угощать всем, что было в наличии. А в наличии чаще всего оказывались только серый хлеб за шестнадцать копеек и банка майонеза. Женя ставил на письменный стол тостер, и, разговаривая, мы закладывали в него куски сыроватого молдавского хлеба. Потом нужно было подождать, пока почерневший ломтик остынет, и только тогда намазывать на него майонез.

Топографически его квартира находилась в таком удобном месте, что миновать ее было невозможно. Зачастую, как снег на голову, на него сваливались какие-то малознакомые люди, друзья друзей детства, бывшие приятели по университету (из которого он ушел, проручившись всего пару месяцев), какие-то алкаши, с которыми он пил в барах и просто в подворотне. Сомнительные личности заваливались на ночлег, одалживали деньги, брали почитать дорогие книги из их с матерью роскошной библиотеки. Самозванцы исчезали, а с ними навеки исчезали разные вещи. Бывший однокурсник, проживши у Жени две недели, украл чемодан книг, отобранных со знанием дела, так, чтобы выгодно загнать на черном рынке. Про свою учебу на факультете журналистики в Кишиневском университете Женя вспоминал исключительно в матерной форме, бывших однокурсников презирал, но когда какой-нибудь тип появлялся на пороге, Женя не мог отказать. Задним числом он очень сокрушался, что угробил время на полных идиотов и, чтобы не встречаться с ними у себя дома, придумывал, куда бы пойти.

Пойти можно было ко мне. Мама говорила: «пришли мои писатели» и просила помочь ей прихлопнуть подушкой «во-он того комара на потолке». Женя очень любил этот вид охоты, звонил и сообщал маме, что скоро придет бить комаров. Мама становилась к плите жарить картошку.

Об эту же пору Женя познакомился с Витей Панэ. Это было большое событие. Произошло все так. Рудольф Ольшевский напечатал Женины стихи в журнале «Кодры». Витя, который тоже писал стихи и следил за тем,

что происходит в литературе, прочел Женину подборку и написал ему галантное и исключительно комплиментарное письмо. В конце письма он предлагал ему встретиться и поговорить. Женя, полагая что в этом и заключался мистический смысл публикации, пришел к нему в гости.

Они мгновенно понравились друг другу. Сначала они не желали разбавлять своих встреч никем, и вообще казалось, что Женя держал Витю в тайне, для себя одного. Но постепенно природная щедрость взяла верх, и Витя был представлен остальным. Бросалась в глаза его почти опасная красота: темные вьющиеся волосы, римский профиль, зеленые глаза. Он был старше нас на шесть лет, и это возрастное превосходство сказывалось во всем: в манере одеваться, пить хорошие вина, ужинать раз в неделю в ресторане. В споры он не втягивался, покурил в стороне, забросив ногу на ногу. «Он все знает, – с восхищением и даже каким-то ужасом говорил Женя, – но скрывает». Один раз после поездки в деревню на сбор яблок, мы зашли к Вите в гости. Витя был женат, жена ждала ребенка. Увидев нас, она не обрадовалась: в деревне мы накачались молодым вином, в результате чего я еле ворочала языком, а Женю наоборот разбирал смех. Витя, человек деликатный, чтоб не пугать жену, сразу завел нас в свой кабинет, где были только диван, книжный шкаф и рабочий стол. Стула не было. Витя поймал мой взгляд:

– Бальзак писал стоя...

На полке стояли книги. Их было немного, но подбор впечатлял: отксеренная, в черном переплете «Лолита», массивный том Джойсовского «Улисса», собранный из комплектов журнала «Интернациональная литература» за 1937 год. Первый том Пруста тоже был там. Я открыла «Лолиту» и углубилась в нее, выпав из разговора.

– Можете взять почитать, – предложил Витя.

– А вернуть когда? – заволновалась я.

В кругу моих родителей тоже ходила по рукам подпольная литература, и я была приучена к жестким срокам. «Архипелаг Гулаг», например, пришлось прочитать за ночь.

– Никаких ограничений во времени, – ответил хозяин.

Со временем обнаружилось еще одна приятная особенность его характера. Витя никогда не спрашивал о судьбе книг или денег, которые одалживал. В нем была бездна благородства, и мне было весело наблюдать, как они с Женькой состязаются в щедрости, когда приходил момент расплачиваться в баре или в магазине. Оба хватались за кошельки, как дуэлянты за пистолеты.

Женя любил его стихи и настаивал на том, что Витя со временем будет гениальным поэтом. Стихи у Вити были хорошие – мне они тоже

нравились. В них была оригинальность и свежесть. Но я понимала, что Витя по типу не поэт, а что-то другое. Оригинальность и свежесть Витиных стихов были отражением его оригинальной и свежей личности. Вычти из них авторское «я», а то есть именно Витю как личность, и в них бы мало, что осталось. У них с Женей был совершенно разный темперамент. Витя работал над собой, оттачивал характер, повесил над столом портрет Гурджиева. Женя же работал над стихами, а о том, сильный у него характер или слабый, не думал. Скорее даже наоборот, он свои слабости превращал в достоинства.

Не исключено, что если в поэзии и есть какой-то дидактический смысл, то он заключается именно в этом: в умении говорить о тяжелом и омерзительном так, чтобы оно просияло своей оборотной страшной красотой.

– Знаешь, что я сегодня узнала? – спросила я у Жени.

– Ты, как Башмачкин: «Сегодня я узнал, что Испания и Китай это одно и то же»...

– Подожди ты, – сердилась я.

– Ну что?

– Жизнь измеряется не количеством событий, а интенсивностью их переживания.

Женя делал серьезное лицо, но я на него не обижалась: мне было важно высказаться. И дальше я развивала свою теорию о том, что поэт интенсивностью самопереживания отличается от других людей. Элиот называл этот феномен «самодраматизацией». Поэт любит свою внутреннюю слабость и греховность. Даже когда прокликает ее как безобразие души, он все равно ее любит. Витя не любил, следовательно, он был не поэтом. То есть, конечно, был, но в другом смысле.

Женя соглашался со мной в целом, а в частности нет.

– Старик, ты что-нибудь новое написал? – теребил он Витю.

– Не пишется.

– Надо завести себя в кабинет и поработать.

– Неохота, – отнекивался Витя.

Однако Витя лукавил. Что-то он все-таки писал. Просто времени у него, в отличие от нас, было мало, потому что днем он работал. Я очень удивилась, когда узнала, что Витя зарабатывает на жизнь обивкой дверей. Вид у него был абсолютно непролетарский.

– Может, ты меня научишь? Вместе будем шабашить? – спрашивал Женя.

– Тебе вредно. Поэт должен жить на свободе.

Однажды Витя принес небольшую стопку цветных исписанных от руки листочков.

– Что это? – спросил Женя.

– Вот рассказ написал.

Он прочитал нам его вслух, и мы все поняли. В его прозе все дышало, смеялось и летало. У нее был один недостаток: ее не хватало, хотелось еще. Женя с упорством дятла перепечатал рассказ на машинке и повсюду носил с собой. Иногда он картинным жестом доставал из кармана страницу и зачитывал какой-нибудь абзац. Было непонятно, то ли он поддразнивает Витьку, как он его называл, то ли таким образом выражает свою любовь. Витя же парировал: «Ты перепутал, старик, речь: взял по ошибке мою».

Как-то они пошли гулять и Витя рассказал Жене даосскую притчу. Ученик упорно просил Учителя открыть ему тайну Дао. Наконец Учитель не выдержал: «Ладно, пойдём». Они долго шли, поднялись на гору, с горы открывался вид на небо и на долину, посреди которой змеилась река. Там учитель остановился и надолго погрузился в молчание. Очнулся он только тогда, когда ученик стал его дергать за рукав: «Ну так как же, учитель? Когда же ты мне скажешь, в чем заключается дао?» «Смотри, – сказал учитель, – вот оно. Я от тебя ничего не скрываю».

Женю притча потрясла.

– Я тебе говорил, Витек что-то знает! – и он мне радостно показал новое стихотворение:

То, что меж строчками в пору сиротства –
самая длинная в мире прямая,
не называй совпадением, просто
я от тебя ничего не скрываю.

Были и другие дома. Времени, поскольку мы нигде не работали, была уйма. Мы прогуливались по городу, вроде перипатетиков, и попутно заходили то на одну квартиру, то на другую. Хозяева, как положено, ставили на стол легкую закуску, в уплату за угощение читались стихи, потом мы шли дальше. В какой-то момент на одной из квартир мы познакомимся с поэтом Сашей Фрадисом. Детали знакомства затмил образ самого Саши. Он предстал перед нами голый в простыне и в ореоле стихов Алексея Цветкова. Забыла я и имя хозяйки дома, но умирать буду – не забуду, как Саша, стоя на кухонном столе, декламировал цветковскую «Белую горячку».

С Цветковым Фрадис год проучился в МГУ, откуда Сашу выгнали за какие-то полудиссидентские дела. Цветков же уже давно находился в местах вполне отдаленных: кто говорил, что в ссылке, кто – в Америке.

Когда выпивал, а выпивал он всегда, Саша брал у хозяйки гитару и пел приятным тенором бардовские песни. Костяк репертуара составлял Галич, но, хмелея, Саша пел все подряд: Кима, Визбора, Клячкина. Мы все равно Сашу обожали, за то, что он такой душевный и запойный, за стихи Цветкова, за то, что любил других поэтов больше, чем себя. И – надо отдать ему должное – Саша сразу понял, что бомонд бомондом, а таких, как мы, вообще на свете нет. «Надо отдать ему должное» было его любимым выражением. Я тоже училась на нязе, но так красиво завернуть не могла. Влюбчивый, ласковый до неразборчивости, он нас перезнакомил со всеми своими бывшими одноклассниками и одноклассницами, подругами по турпоходам и их супругами, любовниками и женами любовников. Представители обоих полов отвечали ему взаимностью. Мужья прощали ему рога, когда он пел. Красивые миндальные глаза, ореол поэта-диссидента и какую-то еще не случившуюся, но всеми ощущаемую будущую «муку» источал Саша Фрадис. Такой у него был вид, что соседки на скамейке у подъезда вздыхали: «Ну чистый Христос!»

– Надо отдать ему должное, он классный мужик, хотя и полный мудака, – приговаривал Фрадис, ведя нас на ужин к очередному дружбану.

Дружбан ставил на стол пятизвездочный коньяк, жена нарезала лимон. Саша брал гитару и пел: Кого-то нелюбезно попросили, а кто-то сам взял на душу вино. Поэты у-езжают из России в нерусскую чужую сторону-у...

– Давайте, друзья, выпьем за Наума Каплана! Царствие Небесное! – со слезой в горле говорил он, ладонью прижимая еще звенящую, как бы догорающую в миноре струну.

И мы пили за Наума Каплана. Покойный Каплан был Сашиним другом. За год до того он погиб в аварии: разбился, заснув за рулем на трассе Кишинев – Одесса. Женя его встречал раз-другой на «Орбите», где Наум читал отрывки из прозы и пел свои песни. Жене он не на шутку понравился и тот страшно горевал, когда узнал, что Наум погиб.

– Он вообще был светящийся человек, – говорил Женя. Наверное, была какая-то связь между этой его световой природой и тем, что Каплан работал уличным фотографом.

Проза Каплана Жене нравилась даже больше его стихов. У него была такая замечательная повесть, называлась «Без крутой печати»: там людей отбирают для участия в каких-то секретных съемках, а потом оказывается, что для порнографического фильма. Я эту вещь перепечатывала для нашего самиздатовского журнала раз пять или шесть и каждый раз безумно хохотала.

Весной мы сдали бутылки. Их было так много, что на вынос ушла неделя. Приемщики стеклотары смотрели на нас с почтением. Купив на вырученные деньги ящик красного «пуркарского», мы отправились в гости к новой подруге Фрадиса – Ларисе Костиной. Лариса была лет на десять старше нас и на пару лет старше Саши. Она преподавала литературу в Кишиневском институте искусств, очень любила поэзию.

Жила Лариса в старом доме, построенном пленными немцами после войны. Ни отопления, ни горячей воды не было. Особенное уважение вызывала глубокая немецкая ванна, стоявшая посреди абсолютно пустой кухни, а также отсутствие какой-либо еды в холодильнике. Лариса могла не есть неделями, жила на сигаретах и кофе. Небольшого роста, худенькая, с кругловатым татарским лицом и глазами, как дикая вишня, она стала нашей общей любовью. Фрадис и мы вслед за ним называли ее «Костинка». Он пел ей песни и посвящал политические стихи. У нее всегда было весело, гремела музыка, вино пили из высоких рубиновых бокалов чешского стекла. Расходиться не хотелось, было ужасно хорошо, пахло каким-то счастьем и обещанием перемен. В вазе стояли фрукты с рынка: большие красные яблоки, сине-зеленые груши, зимний виноград. Сидели ночами, разговаривали, пили и, разгулявшись, били стаканы о стену, что почему-то считалось высшим шиком. Ложились на рассвете, засыпали в одежде, рухнув у нее в спальне на диван.

В марте мне приснился сон, что умер Брежнев. Женя очень оживился:

– Я совершенно себе не представляю, что такое может произойти. Может, нас всех отпустят за границу?

Переломным моментом стал отъезд семьи Хорватов, но не за границу, а в Петрозаводск. Мать Жени, Вероника Николаевна Хорват, устроилась на работу в петрозаводский университет. Долго собирались, потом Вероника Николаевна, взяв дочь, поехала вперед обживать на новом месте, а Женю оставили допаковывать вещи. В его квартиру уже въехали новые жильцы; Жене осталась одна комната. Деньги кончились, он тянул время, пытался продавать книги и остатки мебели, не вывезенные матерью впопыхах. Потом и он уехал. Я провожала его на вокзал. Договорились увидеться через пару недель в Питере. В Петрозаводске Женя задерживаться не собирался: там ему заранее не нравилось.

– Странно... Я ничего не чувствую, – признался он мне на перроне. Кишинев себя уже тоже исчерпал.

Если вы провинциальный литератор и сошли в Питере с поезда, подойдите к первому попавшемуся милиционеру и спросите: «Кто тут у вас главный неофициальный поэт?» – и вам, не задумываясь, ответят: «Виктор Кривулин».

Находящийся в процессе развода Кривулин жил в коридоре собственной квартиры. Здесь тоже было просто и хорошо. Резали колбасу и сыр на табуретке, пили водку. Приходил молчаливый Сережа Стратановский, всегда в пиджаке и с интеллигентским портфелем, из которого доставалось печенье и папка с новым стихотворением. Посреди коридорного застолья с помпой появлялись иностранцы с бутылкой бренди и банкой икры. Икру не на что было намазывать. Иностранцам в голову не приходило, что в доме может не быть хлеба. Витя барским жестом скамливал икру кошке и громогласно зачитывал куски из только что привезенной ему в подарок «Школы для дураков» Саши Соколова. Уходили за полночь. Шатаясь, шли вниз по темной лестнице. Кривулин держал дверь открытой, но света хватало только на полтора пролета.

Еще до нас в Ленинград приехал Саша Фрадис, чтобы проводить за границу своего приятеля Леонида Паланова. Леня перед отъездом написал социологический труд, который Саша собирался распространять в диссидентских кругах. Целыми днями он перепечатывал палановское сочинение на машинке, пока мы с Женей бродили по городу или сидели в «Сайгоне». Жили мы в квартире, снимаемой Палановым у некоего Хабибулина, которого никто из нас троих никогда в лицо не видел. Хабибулин был капитаном дальнего плавания, что обеспечивало его невидимость. За квартиру благородным Палановым было уплачено на три месяца вперед – вот такое нам выпало счастье. За это время мы надеялись найти работу по лимиту, чтобы не надо было возвращаться в свои провинции.

Время было нехорошее. В булочных по утрам стояли угрюмые молчаливые очереди. Бабки шепотом рассказывали новости: такого-то, сына такой-то, только что привезли в цинковом гробу из Афганистана. Мы хотели есть, а денег не было: копили на сигареты. У Паланова на антресолях нашлись пачки сухого какао, из которого мы варили «шоколад» прямо в чайнике. Я помню веселый озноб и ощущение полной неизвестности. Мы вырвались, мы на краю шатающегося, дребезжащего под ногами трамплина. Впереди – какая-то дымка.

Женя говорил, что совершенно не обязательно писать политические стихи, чтобы «противостоять». Но Фрадис хотел политики, хотел, чтобы его

заметили. Мы с Женей тихонько над ним посмеивались: из поэта Фрадис на наших глазах перековался в разночинца.

Ночами я иногда выходила во двор и ложилась на снег. Как огромный светящийся кроссворд, надо мной горел многоквартирный дом.

Вечером 22 февраля 1980 года Фрадис попросил нас о помощи.

– Хватит лодырничать! – сказал вождь. – Завтра – восстание!

Предстояло расклеить в разных городских вузах написанные Фрадисом на основании работы Паланова листовки. Листовок, как и самой работы, я, каюсь, не читала. Заметила только, что они начинались обращением к советской интеллигенции. К тому времени я научилась «сканировать» тексты, потому что мне приходилось сдавать экзамены на заочном отделении Кишиневского пединститута, где я числилась. Отсюда выработалась привычка пробегать текст глазами, выхватывая ключевые слова. В Палановских штудиях мне бросились в глаза фразы вроде «деформация сознания советских людей». Я более или менее понимала, о чем речь, и мне этого хватало. Это была смесь психологии с социологией, заваренная на полуисповедальной прозе.

– Нужно попасть в черный список, чтобы от нас захотели избавиться, – накрываясь с головой одеялом, кричал Фрадис в темноту. – Не бойся, народ. В тюрьму не посадят... Скорее всего вышлют из страны. Что и требовалось доказать.

Ни у Жени, ни у меня таких категоричных планов не было, но отказываться было неудобно.

– Все-таки друг, надо поддержать... – сказал Женя, которому вообще чувство страха было неведомо.

Я согласилась, что да, надо.

Листовки по замыслу предводителя надо было распространить во всех высших учебных заведениях Питера. В пединституте у Фрадиса задрожали руки и он рассыпал кнопки. Меня послали их собирать. Поднявшись на второй этаж, я увидела, как группа студентов с любопытством обступают доску объявлений, где на одной кнопке висело нашей воззвание. Ознакомившись с текстом из-за спин студентов, я подумала, что мы еще получим по шапке за такие речи.

Следующей на повестке дня была Академия художеств. В отличие от всех других вузов, в холле Академии сидел мрачный охранник с тяжелым, невыспавшимся выражением на лице. Студентов, среди которых можно было бы затеряться, не было. Стояла каменная тишина.

– Чего делать будем? – спросила я у предводителя мятежа.

– Чего-чего, клеить, конечно! – ответил громким шепотом тот. – Не ждать

же, что наши выведут войска из Афганистана!

Я заметила, что охранник насторожился, повел ухом. Пока мы возились у стенда объявлений, он каким-то образом вызвал к себе на помощь крепко сложенную даму комендантского вида, и вместе они встали у нас на пути, когда мы повернулись, чтобы уходить. Судя по их лицам, они успели ознакомиться с текстом воззвания и он им не понравился.

«Пройдемте с нами вон в тот кабинет!» – властно приказала женщина, а охранник для верности взял меня за плечо. Как-то они за семьдесят лет советской власти научились гипнотическим интонациям, эти советские штафирки.

Мы послушно поплелись за проректоршей. Охранник семенил сбоку. Фрадис шел с обреченным видом: наш вождь и учитель не ожидал такой бесславной развязки. Еще пару шагов – и мы окажемся за этой дверью, подумалось мне, а там пиши-пропало. Пол был чистый, каменный, я хорошо видела наши отражения. Потом мне показалось, что я смотрю на нашу процессию сверху. Я вдруг четко увидела, что происходит на самом деле. А именно, я увидела нашу троицу, идущую зачем-то на поводу у двух полулюдей, между вульгарной советской чиновницей в химических буклях и роботом с неандертальским лбом. Произошло то, что у мистиков, наверное, называется отделением сущности от личности. Какая-то часть меня еще перебирала ногами, а другая смотрела на это дело и удивлялась: ну какого черта ты их вообще принимаешь всерьез? Их же не существует!

– А собственно, чего мы туда идем, мальчики? У нас что других дел нет? Пошли, пожалуй, отсюда!

Впрочем, это говорила не я, а кто-то другой. Саша посмотрел на меня с удивлением, но Женя сразу все понял, и мы пошли. Сначала из гордости шли очень медленно, но на воздухе почувствовали прилив адреналина и прибавили шагу, побежали, нагнали уходящий трамвай, впрыгнули на ходу и ехали, ехали, ехали. Блестело в окне, синело вверху, чернело внизу под мостом. До нас медленно доходило, что произошло что-то невероятное. Мы выскочили из захлопывающейся клетки.

День стоял яркий. Казалось, что вообще никогда не стемнеет. Мы пообедали в столовой возле главпочтамта. Общепитовская еда казалась необычайно вкусной. И котлета, и борщ, и компот из сухофруктов имели особый аромат. Нас охватила эйфория.

Нужно было как-то отметить это событие, и мы, взявши водки, пошли к Вите Кривулину. Тот нас выслушал и умудренно покачал головой:

– Скорей всего ваше описание уже есть в ГБ. Теперь они вас будут искать, и лучше бы вам куда-нибудь уехать.

Мы, конечно, не поверили и никуда не уехали. Более того, эпизод с

листочками уже на следующее утро стал казаться детской шалостью.

У Саши были какие-то зацепки в Питере, какой-то приятель обещал устроить его учителем физкультуры в пригородной школе. Не дозвонившись, мы поехали к приятелю на поезде. Долго крутились по заснеженному Павловску и вернулись в холодную хабибулинскую квартиру ни с чем. Спали плохо. Саша тревожно вскрикивал за перегородкой. Его мучили кошмары, и он даже положил под подушку топор. Женя говорил, что так больше нельзя, надо срочно, завтра же найти деньги и пойти куда-нибудь поесть.

В седьмом часу утра нас разбудил стук в дверь. Стучал хозяин квартиры Хабибулин и грозно требовал, чтоб открыли. Состоялось короткое неприятное выяснение отношений. Мы неуверенно путались в показаниях: я была сестрой жены Паланова Риты, Хорват моим мужем, но никак не получалось красиво соврать что-то насчет Фрадиса. Хабибулин дал нам два часа на сборы. Через два часа мы ушли.

Потом в КГБ мне говорили, что за домом уже следили и нас бы все равно рано или поздно задержали. Видно, топтун отвалил на минуту – человек все же – а мы в аккурат выскользнули из подъезда. Там, в ГБ, тоже не ожидали досрочного возвращения капитана дальнего плавания Хабибулина и не представляли себе, что мы можем податься вон в такую рань.

Вещей, благо, оказалось немного. Больше всего весила Сашина печатная машинка. Выходя, мы еще прихватили остатки какао и пачки импортных презервативов, которых у бережного Паланова тоже почему-то была чертова уйма. Женя считал, что презервативы можно будет продать у Сайгона. Товар был импортный, в красивых нарядных пачках – не то испанский, не то итальянский. Могли купить из-за упаковки. У Хорвата был опыт фарцевания, а у меня хоть и было все впереди, но я подавала надежды.

Шли пешком. Погода была чудесная. Из-за вечных облаков выплыло совершенно новорожденное солнце. Презервативы мы надули и связали вместе в большой букет. Они вели себя, как обычные воздушные шарик: трепыхались на ветру, норовили зацепиться за встречный столб. Народ на них не обращал никакого внимания; только время от времени какая-нибудь интеллигентная пара в ужасе шарахалась от нас в сторону и потом еще долго оглядывалась через плечо.

Ночевали на вокзале. Было холодно и неудобно. В пять часов утра позавтракали в буфете яйцами вкрутую и кофе с молоком. Хорват стал меня уговаривать, чтобы я вернулась на время в Кишинев, подождала там, пока они что-нибудь подышут. Мне не хотелось с ним расставаться, но я понимала, что втроем мыкаться бессмысленно: мальчикам будет легче

найти и ночлег, и какую-нибудь лимитную работу. Без меня.

– Привезешь печатную машинку! – напутствовал Женя.

И я улетела.

На следующий же вечер по дороге к каким-то Жениным знакомым их задержали. Я не верю в передачу мыслей на расстоянии, но в тот самый момент, когда это происходило, я почувствовала сильный укол в сердце, от которого и проснулась дома. Долго лежала, пялясь в темноту. Мы потом с Женей сверяли время. Но скорее всего это просто совпадение.

Продержали их недолго. В конце вторых суток разослали по местам прописки: Сашу – в Кишинев, Женю – в Петрозаводск. При этом в Кишиневе Сашу прямой наводкой отправили в психдиспансер, а с Женей как с еще несформировавшимся просто по душам поговорили в петрозаводском отделении КГБ. Дали ценные указания: без права выезда, зато с правом обязательного устройства на работу. Он не стал спорить, устроился на следующий день дворником при ЖЭУ. Работа ему нравилась, но над ним нависла другая угроза – призыв в армию. Поэтому он стал искать путей уехать.

Но в Израиль, где у него была бабушка по отцовской линии, он ехать не хотел. Израиль ему виделся еще одним Кишиновом, а Кишинев Женя как способ жизни разлюбил. Разлюбить Кишинев было нехитрым делом. Я, которая там родилась и чьи предки до седьмого колена говорили по-румынски, и то тяготилась удушливостью молдавской столицы. Женя же попал туда не по доброй воле: мать привезла его, когда ему было двенадцать лет. Ему не нравился малоросский акцент, все эти скошенные налево ударения. У него навсегда сохранился московский говорок и повадки мальчика с Кутузовского проспекта. «Там были девочки Маруся, Роза, Рая...» – говорил он, передразнивая картавых провинциалов. Чем-то таким ему рисовался и Израиль.

В Кишиневе между тем начали таскать в КГБ общих друзей. Дело в том, что Саша, когда его уводили, попросил дозвониться по нескольким кишиневским номерам и произнести заранее приготовленную фразу. Она звучала так: «Саша получил все, что хотел». Что Женя и сделал. Позвонил и сказал. Его телефон прослушивался, и тех, кому он дозвонился, вызвали в первую очередь: Витю Панэ, Ларису Костину, Мишу Абаловича. Гэбисты работали по известной схеме: хороший «мент», плохой «мент». Вите пригрозили, что прибьют в темном переулке, Мишу пугали исключением из университета, Ларисе сулили увольнение с волчьим билетом. Друзья вели себя достойно. Витя не отвечал ни на какие вопросы, и в конце просто-

напросто заявил гебистам, что он их ненавидит.

Не застав меня во второй или третий раз, гебешники проникли в квартиру, перерыли вдоль и поперек мой секретер и изъяли пару книг. Во-первых, взяли первое издание книги Бердяева «Смысл творчества Достоевского».

– Как будто у них своей не было, – возмущалась Лариса.

Исчезли также экземпляры Жениных стихов и Витиных рассказов, ну и моих стихов. Но венцом идиотизма было изъятие все той же пресловутой машинописной версии Мандельштама. Мандельштам к тому времени уже вышел легальной книжкой в серии «Библиотека поэта».

С Женей мы пару раз в неделю говорили по телефону. Звучал он невесело, но через месяц неожиданно прислал сборник стихов «Второе около». Стихи, по контрасту, были озорные. В «Прихвате», посвященном Ф. и К., описывалось наше приключение. Прочитав «Прихват», я, помнится, подумала, что чем-то Хорватовская поэма напоминает «Двенадцать» Блока. Своим ли символизмом? Желанием ли задним числом осмыслить что-то совершенно чуждое? Стихи были прекрасные, но по ним было видно, что с Женей что-то происходит.

– Надо его выписать сюда, – решительно сказала Лариса.

С зарплаты она послала Хорвату денег на билет, и мы стали его ждать. Ждали пару недель, потому что сначала он не мог найти подменщика на работе, а потом началось февральско-мартовское крещендо. Нас заносило снегом, самолеты не летали. А тем временем произошло чудесное возвращение Саши Фрадиса из дурдома. Оно шумно отмечалось сначала в узком, а потом и в широком кругу знакомых.

Мы с Витей Панэ, который не меньше моего ждал Женю, два раза на дню ездили в аэропорт. Наконец, на пятые сутки он вдруг появился на квартире у Ларисы, никем не встреченный. Мы даже не сразу его заметили: он как-то незаметно просочился в комнату. Дверь постоянно была открыта, и в какой-то момент я оглянулась и увидела его, стоящего рядом с камином. В одной руке у него дымилась сигарета, в другой горел бокал с вином. Он вообще был тихий, не любил внимания, а тут еще сказалась усталость от перелета, и Женя стал вообще невидим.

– Как будто и не уезжал! – с обидой проговорил Женя на третьи сутки.

Среди забав той ранней весны были ночные пьяные шатания по Парку победы с выкрикиванием антисоветских лозунгов типа «Долой советскую власть», «Польша не згинела» и пр.; приношение мешка с заплесневелым хлебом к памятнику Ленина; кража трех пакетов субпродуктов в мясном отделе универсама «Прогресс»; многократное воровство вина и сигарет; дебош на дне рождения общего приятеля с разбрасыванием в направлении

толпы на улице страниц из книги Бердяева «Смысл творчества Достоевского». Пару раз дело чуть не кончилось приводом.

Спасал положение Витя. Во-первых, у него был более солидный вид, а во-вторых, он был молдаванин, пусть не по культуре, но хотя бы по паспорту. Мог, если того требовали обстоятельства, пустить в ход пару фраз по-молдавски, почти без акцента, даром что вырос в Сибири. Но главное, это то, что по нему невозможно было сказать, пьян он или трезв. Он не качался, как матрос на палубе, и у него не дрожали руки, когда дело доходило до предъявления документов. А дело доходило. Более того, что чем пьянее был Витя, тем лучше он держался. У Жени же, когда он выпивал, появлялась неконтролируемая энергия. В одну холодную лунную ночь он попытался меня уговорить перейти румынскую границу. Это было безумием: у румын по ту сторону Прута своих идиотов хватало. Чаушеску был диктатор покруче Брежнева, и там таких, как мы, просто отстреливали на месте. Все это я попыталась втолковать Жене, пока он лихорадочно собирал сумку, с которой приехал из Петрозаводска. Все мои увещания повисали в пустоте. Я не знаю, чем бы дело кончилось, если бы мне вдруг не пришло в голову иное решение.

– Надо спросить Витю, где лучше переходить. Он как молдаванин должен знать. К тому же у него по ту сторону есть родственники.

– Гениально! Ждем Витька, – воскликнул Женя, лег в постель и тут же отрубился.

Думаю, что до румынской границы мы бы не доехали в ту ночь, но до районного отделения милиции уж точно бы добрались.

То, как Женя пил в ту весну, как быстро хмелел и искал неприятностей на свою голову, должно было меня насторожить. Но не насторожило. В конце концов, мне было всего девятнадцать лет и, как я ни старалась выглядеть крутой, все-таки оставалась, что называется, девушкой из интеллигентной семьи, где отродясь никто больше двух бокалов вина за раз не выпивал.

Мы чуть не проспали Женин поезд. Выбежали из дому за пятнадцать минут до отправления. Второпях я накинула на ночную рубашку, висевшую на вешалке шубу. Думала: вот провожу – и домой. К сожалению, когда поезд тронулся, я вспрыгнула на площадку тамбура.

Поезд был полупустой: в купе, кроме нас, поначалу вообще никого не было. Мы сели и стали смотреть в окно. Молдавия весной очень красива. Струятся холмы. Как пикирующий бомбардировщик, спускается на виноградник ворона. Но главную прелесть составляет запах. Такого запаха потом не было нигде. Пахнет кислым сеном, коровьим навозом,

испаряющимся снегом. Через полчаса пути загрохотали двери: это шел по вагону проводник, проверял билеты и брал рубль за постель.

– Ваши билетики! – сказал он

Женя достал билет. Проводник заложил его в папку и вопросительно посмотрел на меня.

– Э-э,– проямлила я, роаясь в карманах.

Женя стал убалтывать проводника. Объяснил, что мы возвращаемся домой после медового месяца, что спущены последние деньги, пропиты последние колготки и кофточки. Проводник был молодой парнишка. Он побежал и принес постельное белье.

В Москве еще стояли холода, лежал снег. С вокзала я позвонила тете, маминой двоюродной сестре.

Приодевшись, мы отправились к кишиневскому поэту Боре Викторову. Женившись на читательнице-москвичке, он переехал к ней в Текстильщики. Своей квартиры у них не было. Они с женой Олей занимали небольшую комнату в квартире ее родителей.

Боря любил компанию, много водки, мяса, стихов, черного юмора, анекдотов. По характеру он был Ноздрев: его тоже заносило на поворотах и тогда он мог нахамить. Наутро извинялся. «Да брось ты, старик!» – говорил Женя.

Оля и вправду была очень хорошая, честная, верная. У нее хватало терпения всех выслушать, успокоить, уложить спать на полу, накормить утром яичницей, напоить чаем, а особенно безнадежным дать три рубля на опохмел. При этом она еще как-то умудрялась каждый день ходить на работу в архив, следить за тем, что происходит в кино, читать от корки до корки все толстые журналы и заниматься карате.

– За мою жену Оленьку, красавицу и дворянку,– говорил Боря, поднимая стакан и возводя глаза к люстре.

Мы знали, что за этим воспоследует стихотворение. Грудь поэта лирически вздымалась:

Мы праздновали осень в Сипотенах,
Играл коньяк в стаканах запотелых...

Викторов водил Хорвата в гости к Евгению Рейну. Судя по рассказам, Рейну понравился и сам Хорват, и его стихи. Они обменялись подборками.

Потом в один из вечеров было устроено неофициальное чтение в каком-то полуразрушенном доме. Прошли пустыми обшарпанными коридорами, где из стен торчала арматура. В огромной квартире собралось человек

тридцать. Нас посадили на диван. Остальные сидели на ящиках. Мы как гости читали вначале. После нас читали еще какие-то два поэта. У одного стихи были под позднего Мандельштама, у второго – под раннего Пастернака.

– Мандельштам мне понравился больше, – шепнул Женька.

Народ был дружелюбный, звали нас приезжать еще или лучше вообще не уезжать.

– Мы здесь уже больше года живем, – сообщил хозяин, – даем менту на лапу, он нас не трогает.

– А не холодно? – спросила я.

– Не-е, не жалуемся. А если холодает, идем за вином.

Женя был в восторге.

– Так и должны жить поэты! – говорил он с уважением.

Шумной компанией вывалились наружу. Метро уже закрылось. Нас долго провожали, ребята выбегали на мостовую ловить для нас такси. Мороз прихватил растаявший за день снег. Потом мы оторвались от провожатых, нашли-таки такси, но денег хватило только на две трети дороги. Снова шли пешком через новостройки.

– Эй, жид, не поскользнься! – заорал прохожий мудила Жене.

Женя шел, вскинув голову, ставя ноги носками врозь, с опаской. Эта походка его выдавала. Так ходят немолодые еврейские мужчины, потому что у них генетический страх падения и наследственная болезнь коленей.

Вот и все, что в Жене Хорвате было еврейского.

Лето 80-го

Весной я два месяца проработала в кишиневской детской библиотеке и собрала денег на поездку в Петрозаводск.

Женя меня не встретил. Я позвонила с вокзала, и он мне продиктовал адрес. Первый троллейбус привез меня к его дому. Долго жала на кнопку звонка, потом сообразила, что звонок не работает. Стала стучать. Наконец он приоткрыл дверь. Вид у него был испуганный. Пришла повестка, нужно было ложиться в дурдом, чтобы не загреметь в армию. Он съездил на день в Москву и проконсультировался у своего отца, Толи Добровича, какую линию гнуть на комиссии.

– Шизофрению, – посоветовал Толя, врач-психиатр по роду деятельности.

В день, когда Жене нужно было идти на медкомиссию, я осталась дома сидеть на подоконнике и курить. Женя вернулся довольно скоро.

– Все отлично, – декларировал он. – Через три дня ложусь на обследование.

Через три дня он проводил меня на вокзал и пошел сдаваться в больницу. С собой он взял печатную машинку и Библию.

Он позвонил мне через две недели.

– Все, от армии я отмотался. Можешь приехать?

Это уже был июль. Я опять села в поезд и поехала к нему. Снова в окне кукурузные поля сменялись пшеничными, пустое купе, пересадка в Ленинграде. От Питера до Петрозаводска поезд шел с большими остановками в полях. Люди выходили из вагонов собирать землянику.

Женя встречал меня в приподнятом настроении. Мы пошли пешком огородами, перепрыгивали через какую-то мелкую речушку.

– Мать и сестра в отъезде, – весело говорил он. – У меня живет знакомый поэт. Гуляем.

Знакомый поэт, имени не помню, оказался круглым идиотом. Он встретил нас с бутылкой водки в руке и тут же заговорил стихами. Свои вирши он знал наизусть, что было немудрено. Они напоминали свадебные тосты. Манерой чтения он подражал Вознесенскому, а стилю одежды учился у Евтушенко. На нем был обтягивающий плечи клетчатый пиджак, под пиджаком – желтая вельветовая рубашка. В комнате было тридцать градусов жары.

– Где ты его взял? – набросилась я на Женю, вытащив его в кухню.

– Мы с ним собираемся делать бизнес.

– Какого рода?

– Маечки.

– О Господи! Не надо! Тебя посадят.

– Не посадят. Я буду чистым теоретиком.

– Чистым теоретикам дают больше.

– Я не буду светиться. Работать можно дома.

– Что надо делать?

– Я буду придумывать лого для маечек и посылать ему в Питер. А он будет наносить трафарет и продавать. Деньги делим на троих.

– А кто третий?

– Человек, у которого на квартире все материалы и краски.

– Это называется частное предпринимательство!

– Но мы заработаем кучу денег!

– Я не хочу кучу денег. Я хочу, чтобы мы остались на свободе. К тому же мне он не нравится, рожа у него сомнительная.

Женя обещал, что подумает. Утром, не дожидаясь, пока Женя встанет, я собрала в полиэтиленовый пакет кроссовки заезжего поэта-бизнесмена, его зубную щетку и полотенце и вынесла во двор.

Через какое-то время раздалось утрюмое ворчание по поводу

исчезнувших «адидасов». Потом недовольное лицо протиснулось в дверь спальни. Я объяснила ему, где его кроссовки. С криком «их же украдут!» он засеменял на лестничную клетку, тут-то я и захлопнула за ним дверь.

Больше мы его не видели.

– Ну вот, обидели человека, – сетовал Женя.

– Слава Богу, что он еще может обижаться. Значит у него хоть какая-то гордость есть.

Пару дней мы провели счастливо: гуляли по жаркому городу, курили где-нибудь на прохладных ступеньках под деревом, даже один раз собрались в джазовый бар. Правда, бар оказался закрыт на ремонт, а знакомый музыкант находился в отпуске на юге. Мы купили бутылку вина и сели на скамейку в парке.

– Давай поженимся, – сказал Женя.

Я подумала, что он шутит. Посмотрела на него. Он почему-то печально смотрел в пустоту. На газоне между деревьями три пацана играли в ножики. Я не знаю, видел ли он их.

Домашние обстоятельства вынудили меня уехать на следующий день. Мне срочно нужно было досдать хвосты. Мама позвонила и сообщила, что меня грозятся отчислить из пединститута. До сих пор не понимаю, зачем я там вообще оставалась.

В начале августа опять позвонил Женя.

– Привези побольше кишиневских стихов и прозы. Все, что считаешь интересным, – приказал Хорват.

Лариса сказала, что тоже поедет. Вдвоем было все ж веселей. Мы взяли с собой полный чемодан рукописей и две бутылки «Букета Молдавии».

Женя встречал нас на вокзале. Он был взволнован:

– Я познакомился с замечательным человеком! Сейчас буду знакомить.

– Маечки?

– Нет, гораздо интересней. Журнал.

– Ну-ну... – сказала я.

Человека звали Андрей Шилков. К нему-то мы и явились со своим чемоданом. В двухкомнатной квартире уже жило несколько питерских людей. Мы сразу попали на шумное застолье. Компания сидела на полу, брэнчала гитара, посреди комнаты высились бутылки с португальским портвейном. Андрей, долговязый юноша, с русыми волосами до плеч и с руками, как байдарочные весла, втащил наши пожитки в отдельную комнату.

После двух бутылок Андрей, у которого были все повадки лидера, повел нас допивать «на природе». Самым природным местом в Петрозаводске

было кладбище. Мы долго карабкались по склону холма, обдирали руки о колючки, наступали на покрытые ромашкой и малиной могильные холмики. В конце концов сели на траву, выпили по кругу из горлышка.

– Ну что, объявляю заседание тайного общества открытым! – торжественно проговорил Андрей и широко улыбнулся. – Мы с Хорватом собрали вас, чтоб начать выпускать журнал «Север-Юг».

– Какой журнал? А главное, на чем выпускать? На машинке? – скептически спросила Лариса.

– У меня на работе есть «ксерокс». Я на нем сделал кучу Солжаги и Зиновьева.

Женя уже предупредил нас, что любимым писателем Андрея был Александр Зиновьев и что нам дадут почитать «Зияющие высоты».

– Ну что ж, журнал – дело хорошее, – заметила Лариса. – Кого будем печатать?

Женя в стороне потихоньку срывал с куста малину. В присутствии шумных людей он самоустранился.

– Во-первых, – продолжал Андрей, – себя, во-вторых я контакту с питерцами. Да и здесь в Петрозаевске кое-какие талантливые люди имеются.

Я задумалась: кого мне напоминает Андрей Шилков? И поняла, что он напоминает мне увеличенного в размере Сашу Фрадиса.

Пошли назад. Когда мы дошли до подъезда, Женя стал прощаться.

– Ты куда? – спросила я растерянно.

– Мне ненадолго надо домой. Подмести надо.

– Что, дома подмести?

– Нет, на участке.

– Может, я с тобой?

– Не стоит. Я скоро приду.

У него был усталый вид, и я не стала настаивать. В квартире, когда я вошла, царил оживление. Такое было впечатление, что у всех хиппарей Петрозаводска имелся ключ от Шилковской квартиры.

Я зашла в отведенную нам с Ларисой спальню, легла на застеленную пледом низкую кровать и стала смотреть в потолок. Смотрела и думала: что же мне со всем этим делать? Если бы он мне сказал: так, мол и так. Я тебя люблю, надо что-то решать. Но Женя ничего такого не говорил. Если не считать той произнесенной не к месту фразы «давай поженемся», он вообще о нас не говорил. «Не время, дурашка, война», – вспомнила я известный анекдот про голубых. Вот-вот, война. «А ля гер, ком а ля гер». Ему такое выпало в двадцать лет, что ему просто не до тебя. А ты тут со своей любовью.

В комнату пару раз заходил Андрей, звал присоединиться к столу.

– К какому столу? К кухонному? – спросила я.

Он пожал плечами и вышел из комнаты.

Прерву на минуту повествование, чтобы сказать пару слов о другом. А именно, о том, из-за чего я, собственно говоря, взялась городить весь этот огород, описывать ментов, гебистов, играющих в диссидентов провинциальных мальчиков. Из-за чего мне так дороги детали этих трех зим под копирку?

Жизнь – путаная штука. Я знавала смелых и ярких людей. С годами они обветшали и вылиняли, и их смелость ушла на дрязги с начальством. А с нами жизнь ничего не могла сделать. Могла либо отпустить, либо убить. Ну вот и довольно о жизни... Я лучше скажу пару слов о его стихах.

Мандельштам в одной рецензии на современных поэтов как-то заметил по поводу Асеева, что его стихи «раскручиваются на столько же, на сколько закручиваются». Из всех поэтических метафор эта пружинная мне кажется самой сущностной. Так вот, применяя ее (а почему бы и нет?) к Жениным стихам, скажу: его стихи раскручиваются на много оборотов больше, чем были закручены. У него невероятный стихотворный темп, отчего читающий приходит к текстовому финишу, не заметив, как стоял на старте, как передвигал ногами и месил руками воздух. Скрытая в его строке пружина выбрасывает бегуна далеко за пределы его собственных мускульных усилий. Так происходило и происходит у меня с его поэзией по сей день.

Но вернемся к нашим баранам.

Проснулась я от шума голосов на кухне. Услышала Женин голос и вышла удостовериться. Он сидел ко мне спиной, на коленях держал тарелку с остывшими макаронами. Ел он всегда очень медленно. Тут, видно, наладилась рабочая атмосфера. Поставили на плиту кофейник и разложили на столе наши кишиневские папки.

Андрей чмокнул меня в щеку.

– Ну-ну, – сказал Женя угрожающе.

– Я по-товарищески, – извинился Андрей. Он усадил меня на свой табурет и принес «Зияющие высоты».

– Начни ознакамливаться. Тебе будет по кайфу.

– Первый номер журнала «Север-Юг», – говорил Женя, – Фрадис, Катя, Панэ, Каплан, Шилков, ну и я.

– А Кривулин, а Стратановский, а Шварц? И как его, ну, тьфу ты, Охапкин?

- Я не против, – говорит Женя. – У тебя есть их стихи?
- Жопой ешь.
- А их согласие?
- На хрена мне их согласие?
- Ладно, это все детали. Давайте пока отберем из того, что есть в наличии.

В полдень достали портвейн. Была придумана игра на случай прихода кеgebешников. На счет «раз, два, три» нужно было сгрести рукописи в охапку, вскарабкаться на подоконник и сигануть в окно. С этой целью окно в нашей с Ларисой комнате оставалось открытым. А поскольку квартира находилась на первом этаже, то все кончилось тем, что в это открытое окно в три часа ночи влез какой-то вдребадан пьяный бродяга и заснул на коврике рядом с нашей кроватью. Мы его обнаружили только наутро. Он ничего связного поведать не мог и сам не помнил, как и зачем к нам попал.

Андрей ходил на работу к двум часам и каждый раз возвращался с сумкой, набитой отксеренными стихами и рассказами. Пальцы у нас были серые от порошка, который отслаивался от отксеренных страниц. На четвертые сутки содержимое нашего чемодана стало угрожающе расплзаться по всей квартире. А горшочек все варил и рукописи все печатались.

Звонили Кривулину, и он ответил, что хочет принять участие. Женя остался доволен разговором:

- Кривулин намекнул, что поможет передать экземпляр за границу. Андрей вдохновился и целый день ничего не пил.

К вечеру следующего дня на руках у нас был макет журнала «Север-Юг».

Пришли гости: парикмахерша Оля и филолог Аня. Андрей показал им наше детище.

- А вы лучше почитали бы стишки? – попросила Оля.
- А чё, и почитаем.

Я отказалась. Женя согласился прочесть стихотворение. Андрей прочитал три. Девушкам понравился Женя.

– А теперь давайте проанализируем услышанное, – предложила филолог Аня.

У них в университете была литстудия, и там их приучили все обсуждать, как на политинформации.

– Я анализировать не могу. Я кожей чувствую поэзию, – говорит Оля. – Когда мне нравится, у меня мурашки ползут по спине.

Женя сказал, что это самый верный подход к искусству, когда мурашки и прочее. Оля обещала постричь его бесплатно.

- Я знаю, какая прическа тебе бы пошла.

– Какая?

– Как у Пушкина.

– С бакенбардами, что ли?

– При чем здесь бакенбарды? – обиделась Оля.

– А при чем здесь Пушкин?

– Пушкин – классик русской литературы, – парировала Оля. – Он может быть примером каждому.

От девушек удалось избавиться лишь к полуночи. Женя остался спать в коридоре на раскладушке. Засыпая, я думала, что завтра что-то произойдет. Что-то хорошее, что распутает все концы. От этих мыслей я долго не могла погрузиться в сон, хотя спать хотелось.

441

На завтрак были макароны с сыром. Андрей сложил пронумерованные листы в папку. Ненужные экземпляры вынес и выбросил в мусорный бак.

– На старт, внимание, марш! – скомандовал он, вернувшись с улицы.

Я убрала папки с рукописями в чемодан.

В дверь позвонили.

– Как можно работать в такой обстановке, – заворчала Лариса.

Женя открыл. Вошли двое милиционеров и товарищ в штатском.

Последний, впрочем, возник у них из-за спин, когда дверь уже открыли. В принципе, как говорил потом Андрей, можно было и не открывать, ордера на обыск у ментов не было. Но, в принципе, они бы и без ордера вошли.

– На квартиру поступила жалоба от соседей! – сказал мент номер один.

– На что? – спросил Андрей.

– Драки и шум.

– Никаких драк. Можете сами убедиться.

– Посмотрим-посмотрим, – сказал мент номер два.

Они стали убеждать. Один пошел в кухню и зачем-то открыл холодильник. Второй заглянул в ванную. Долго там стоял, открывал шкафчики, разглядывал что-то. Единственный, кто действовал осмысленно, был гебист. Он сразу устремился в спальню, бросил беглый взгляд на открытое окно и направился к нашему чемодану.

– Можно открыть? – спросил он у Ларисы.

– Неужели будете рыться в грязном белье? – спросила она.

Это не помогло.

– Да, – ответил он.

– Вперед, товарищ! – она ногой открыла чемодан.

Из чемодана на пол вывалилось какое-то количества белья. Дальше начинались папки с рукописями. Краем глаза я увидела оставленную на кровати книгу «Зияющие высоты». Она лежала, слегка припорошенная

простыней. Лариса тоже ее увидела и заслонила меня от роющегося в чемодане гебиста. Мы с ней переглянулись и я села на книгу.

Он работал молча. Рукописи пролистал и отложил в сторону, а найденный на дне Кузмин полетел обратно в чемодан. Я попыталась придать своей позе естественность. Мол, я тут посижу, чтоб вам не мешать, а вы делайте на здоровье ваше дело. И только, ради Бога, не торопитесь.

Гебист нахмурился и посмотрел на меня. Чтоб отвлечься и расслабить мышцы лица, я решила думать о чем-то отвлеченном. «Да, – говорила я себе, прав, видно, мой отец, пора уезжать из этой страны. Но куда, как, и вообще, а как же мама?»

– А ну-ка привстаньте, – услышала я.

– А?

– Что у вас там?

– Где?

– Привстаньте! – приказал он громче.

Я встала.

– Ага! – торжествующе воскликнул гебист. – Зиновьева читаем. Понятно.

Откуда книга?

– Я привез из Ленинграда, – сказал Женя.

– Кто дал?

– Паланов. Леонид Паланов.

Гебист записал в блокноте имя и фамилию.

В другой комнате Андрей объяснялся с милицией:

– Никаких драк, как видите. Соседям не верьте, это коты по ночам орут.

– Вы, Евгений, с нами прогуляетесь, – отчеканил чекист и махнул ментам. – Мы тут с Евгением прогуляемся, а вы, товарищи, идите.

Женя пошел к выходу. Я пошла за ним следом...

– Не волнуйтесь, девушка, он скоро вернется.

– Я пойду с вами.

Гебист посмотрел на меня с удивлением:

– Вот это уже лишнее.

Я села в кухне на стул.

Он вернулся часа через два, сказал: «Все хорошо», – и опустился в комнате на диван. Я взглянула на него и поняла, что все плохо.

– Сказали, что вам надо уехать в течение двадцати четырех часов. Вас, наверное, будет кто-нибудь сопровождать.

– А тебе? – спросила я.

– А мне надо остаться.

Ему было тяжело. Он сидел, свесив голову, потом поднял с пола

расстроенную гитару и стал перебирать струны.

– Да, вот ваши билеты, – он хлопнул себя по карманам джинсов. – Я уже купил, чтоб вам не бегать.

У меня есть существенный недостаток: я не умею бодриться. Не умею делать вид, что все нормально, говорить неестественным веселым голосом, как это делают другие. Когда плохо – плохо.

Я вышла в кухню, открыла кран с холодной водой и подставила голову под ржавую струю. «Вроде полегчало», – подумала я, вытирая волосы кухонным полотенцем.

Вошел Женя, посмотрел на меня, взял за локти:

– Слушай, Катюха, я сегодня ужасно устал. Завтра я приду пораньше и мы обо всем наконец поговорим. Я кое-что придумал.

Я кивала, уткнувшись ему в плечо.

– Все еще будет у нас хорошо, – крикнул он, спускаясь по лестнице.

Дверь подъезда зияла от бьющего в нее закатного солнца. На пороге он оглянулся, но лицо осталось засвеченным.

– А ведь я его вижу в последний раз, – пронеслось у меня в голове.

Нас и вправду сопровождали. Человек в сером костюме появился в последний момент. Ехал он в соседнем купе, выходил, как все, покурить в тамбур. Нам он не мешал.

– Наверное, не смог Женька прийти, – утешала меня Лариса. – Ему сейчас надо что-то решать.

– Я же ничего не говорю, – говорила я.

– Не говоришь, но думаешь.

– Что ж мне, не думать теперь?

– Думай-не думай, разницы мало. Приедешь домой, позвонишь, все разъяснится.

– Не разъяснится, – упрямо говорю я.

– Повидлю, – усмехнулась Лариса. – Вы оба, как повидлю.

Поезд снова останавливался посреди поля и подолгу стоял, словно раздумывая, ехать дальше или не ехать. Только было слышно, как откуда-то льется на рельсы вода. Потом тихо выпускался пар, и картинка за окном уплывала вправо.

Осень в Молдавии красочная и лиственная, а зима слякотная. Нет в ней эстетики, нет иероглифов птичьих лапок на снегу. Ноги месят гашеную известь. Дворник выносит ведро с песком из ворот ЖЭУ и замирает в недоумении: чего тут посыпать, все уже само растаяло. Родители подарили Ларисе цветной телевизор. До этого ни у одного из нас телевизора вообще не было. Осенью Витя, Артур, Миша заходили посмотреть футбол.

«Кипиани овладел мячом! Вот он движется в сторону ворот противника!» – долетало до меня из комнаты.

Я сидела в кухне на широком подоконнике. Женя в Петрозаводске расчищал свой рабочий участок от снега и льда. Поехать к нему было нельзя. Он находился под домашним арестом.

В ноябре-декабре я читала «Улисса» и вот что я поняла. Кипиани может овладеть мячом, но нельзя овладеть тайной и красотой, нельзя овладеть любимым человеком. Нельзя овладеть вороной, медленно летящей над серым пустырем за окнами, над грудой ящиков, припорошенных снегом, над пешеходом, идущем поутру с авоськой, в которой болтается молочный бидон. Ничем и никем нельзя овладеть. Надо полюбить и запомнить, как Джойс свою Ирландию, как Платонов – котлован, как Пруст – персиковую щеку Альбертины.

Я поняла, что это единственный путь к свободе: полюбить, запомнить, описать. Это единственная форма частной собственности, которую признают, не споря, философ и поэт, Аристотель и Манделштам. Только тогда все это станет моим и уже никто у меня не сможет отнять тебя, моя любовь и той вороны, патрулирующей над рышкановским пустырем. Где бы я не сидела после, в Кишиневском дурдоме или на лестничной клетке в Кембридже, это будет со мной. Аминь.

Женя мне позвонил от Бори Викторова 13 января 1981 года:

- Дорогая, я уезжаю.
- Когда?
- Завтра на рассвете.
- Куда?
- Попытаюсь остаться в Европе.
- Это дальше, чем Петрозаводск, или ближе?
- Это так же по расстоянию. Скажи что-нибудь.

Я хотела сказать: «Я тебя люблю. Подожди меня там. Я сделаю все, чтобы мы скоро встретились». Вместо этого я почему-то произнесла:

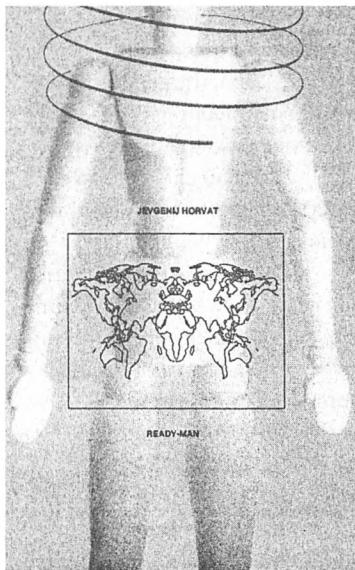
- А ты знаешь, что Бродский сейчас в Риме, а Цветков – в Америке?

Он не успел ответить. В телефоне что-то заскрежетало и засвистело, за этим последовал совсем уже дьявольский звук, как будто на том конце провода кто-то поднес к трубке электропилу, а потом наступила тишина.

Я пару раз снимала трубку, но телефон не ожил. За окнами быстро стемнело. Только что небо было синим, и вот оно уже цвета мокрой мешковины. Я легла на диван, не включая торшер, и стала смотреть в окно.

Настоящий снег в Кишиневе идет один раз за зиму, на старый Новый год.

Х обратное

Эту карту Хорват дал мне намного раньше прозы. Удвоенная зеркальным отражением, наложенным, как мне показалось, по долготе Гамбурга, где жил Евгений, карта таким образом маркировала центр его Пангеи. Кроме того, она смазывала прочтение фигур Большой Медведицы (России), Дикой кошки норвежских скал, Человеко-волка (обеих Америк и Африки) и др., которыми я занимался с начала 80-х у себя под Кельном, в одно абстрактное целое. В сердцевине симметрической идиллии замыкался на себя Крошка Цахес по прозвищу West Germany (с кулаком Вост. Германии ему в затылок). Моя натура схлопывалась. Собственно, «за окном» тоже: исчезало КРУГЛОЕ ТЕЛО ЗАПАДНОГО БЕРЛИНА, взрываясь или

«расширяясь до пределов земного шара». Хорват выжидающе ухмылялся. Ситуация для нашего «худ. обмена», я бы сказал, типичная. Я сказал, что это интересно, и само по себе, и как антиманифест. Но в духе своих гео/не/политических текст-объектов заметил, что в центре можно, пожалуй, увидеть зайца, сидящего в пасти удава; а еще конкретнее это выглядело бы при наложении на область нижнего мозга (таз скелета с его копчиком-крестцом, впадинами для головок бедер и проч.). Эту операцию я и проделал позже, когда Хорват дал мне READY-MAN, на титульном листе которого в уменьшенном виде помещалась все та же карта. Это получилось уже Памяти Е.Хорвата (от «другого И.Б.», так называлась когда-то его статья о моих стихах). Прозу я прочел, соответственно, тоже позже. Нужно бы проверить на правильно растянутой карте, но теперь мне кажется, что главный меридиан Хорвата проходит через Берлин, что вполне отвечало бы топографии этой очень русской прозы, написанной очень по-немецки. Но, может быть, он преследовал «на глазок» что-то свое другое, третье или четвертое.

Бурихин Игорь – поэт и художник, с 80-х годов работающий в пограничной области текста-показа. Живёт в Германии. Текст публикуется впервые.

Хорват появился в Кельне в начале 80-х, позвонил, сослался на В.Кривулина, что мне показалось необязательным, как и сказанное им под конец разговора, пожалуй, со скромным юмором: ведь мы, поэты, должны общаться друг с другом. Но мы действительно стали общаться. Евгений оказался милым молодым человеком среднего роста с темной густой шевелюрой, не то что бы веселым, но живым и с какой-то морокой, например, в рассказах о себе, всегда недосказанных, мол, и так понятно. Так он, очевидно, договаривался и о делах, отчего возникали недоразумения. Хотя не такие конфликтные, как у его матери, жившей всегда отдельно вместе с его младшей сестрой. Познакомился он скоро со всеми. С моей женой, Еленой Варгафтик, кстати, раньше, чем со мной, на «Немецкой волне». Когда он крестился в нашей кельнской церкви, Лена стала его крестной матерью, она пела в хоре, а я и позже многие годы читал там. Очевидно, из-за хорватовских недомолвок возник слух, что в Италии он уже крестился у католиков (читай, должно быть: общался с католиками). Кто-то, очевидно, воспринимал нас с женой ответственными за Хорвата, как тот венгр, кажется, у которого он успел занять денег и не отдавал, должно быть, дольше, чем тому хотелось, потому что он звонил мне и напоминал, что Евгений, мол, ссылался на нас. Хорват и сам, пожалуй, чувствовал что-то вроде ответственности за нас: когда жена умирала, он приезжал и привез ее портрет «в цветочек», сделанный при помощи проектора с фотографии, где ей лет 13. Получилось угловато, как неудачное воскрешение из мертвых, но тогда было не время реагировать на худ. акцию, которую он, видимо, принимал всерьез. Это, впрочем, уже конец 80-х. Меня он тоже пытался время от времени привлечь к чему-нибудь, показать, объяснить, а позже и откорректировать на свое усмотрение: чтоб понятней было. Из этого мало что получалось, но из трех молодых людей, тесно общавшихся со мной на почве поэзо-художеств, Хорват был, пожалуй, самый «смелый». Однажды он даже сказал, в стиле дружеской полушутки: Слушай, зачем тебе жить с Леной, живи со мной. – Было это в общежитии какой-то студенческой корпорации, где он временно помещался, и имелось в виду что-то вроде творческого объединения. Я, конечно, ответил что не люблю общежитий. Но я тоже бывал против его немецко-русских проектов создать семью, мне казалось, что ему еще рано. Скорее всего, я был неправ. Хуже того, теперь я вижу, что рассказать о Хорвате «без себя» у меня и до сих не получается.

Стихи Хорват писал тогда простые и читал их просто, для меня даже просто никак, и поэтому, может быть, торопливо; в них встречались изыски, вроде «R латинское», которое я как-то сразу принял за «R

оборотное». Как и в общении, в стихах он для тех немногих, кто читает стихи, подавал, как говорится, надежды. Я тоже надеялся, что его стихи обретут устойчивый звук. Сам я двигался тогда в сторону перформанса, пытаюсь показать отдельно звук (в основном по-русски), текст (в переводе) и визуальную замену его описательной части. Правда, такой «резкий учитель», как художник В. Стесин, уже тогда говорил Хорвату: зачем тебе писать здесь стихи по-русски, пиши немецкую прозу. Учителей у молодого человека, особенно в раннюю эмигрантскую пору, всегда много, Хорват их будто притягивал, хотя, если и следовал им, то в каких-то своих конфигурациях. Уверенность в себе сказывалась у него тогда по-юношески свежо, хотя в довольно типичных русских откровениях об интуиции: странно, вот я, допустим, не знаю, что значит слово, но могу точно поставить его в строке. Это состояние замечательно отрефлектировано в его прозе, где герой постоянно что-то читает, хотя говорит, что читать он умеет довольно плохо, а, в конце концов, он перестает понимать речь, хотя говорить у него по-прежнему получается.

В свое время мы с женой помогли Хорвату с поиском жилья, познакомив его со студентом, который сторожил бюро известного архитектора – особняк в Мариенбурге (р-н Кельна). Евгений заступил на это место, и по вечерам в его распоряжении оказалась не только комнатка, но даже сад с бассейном. Не помню, была ли там вода. Но было чувство свободного парения. Нарушенное однажды, помню, Ю. Кублановским, привезшим какие-то застарело-чужие разборки «оттуда» и ударную читку стихов. Мы ведь действительно чувствовали себя отчасти новыми людьми в новом мире. А когда-то в комнатке появилась Катя из Гамбурга, Катя в каком-то колене Кранах (уверял Хорват), будущая жена. Не знаю, что с ней или с ними происходило, только мне запомнилась тогда Катя, лежащая лицом к стене, покуда мы разговариваем. А потом когда-то кончился особняк и последовал с некоторыми поворотами отъезд Хорвата в Гамбург, где он на пару лет исчез с концами. По крайней мере со мной он никак не общался.

Года через два-три Хорват позвонил, будучи в Кельне, и мы снова встретились. Оказалось, теперь он острижен наголо. И называет себя при этом Make-up (Мэйкапом). Позже он говорил, что однажды Катя обнаружила у него на темени первые проблески лысины, но это не объясняло той «голой» серьезности, с которой Хорват делал свои «предложения». Не помню, в чем они тогда заключались, а замышлял и пытался делать он многое. Со временем все это как-то сообщалось и показывалось. Одет он был тоже не как эмигрант, как вполне

художественный немец. Налет снобизма, связанный, очевидно, с неофитской активностью в разных направлениях, довольно быстро сходил. Он решил стать художником, только по-настоящему, без перформанса, правда, и без регулярного обучения, автодидактом. Он упражнялся в подходах к этому делу на чердаке дома, где они теперь жили. При этом упоминалось, что дом, принадлежавший богатым Катгиным родителям, долго не сдавался, потому что на том чердаке прошлый жилец повесился. Стихи он писать якобы перестал, вернее, написал «Хореи бега» и объявляет о «смерти поэта Хорвата». Собирается издавать журнал и книжки других авторов в издательстве «ХОР» (по-немецки выходит «ксоп»). Рассылает «Романифест» – призыв к созданию коллективного романа. Все это выглядело, пожалуй, игрой и позой, но чердачной работы за этим стояло довольно много.

Художнические пробы Хорвата были очень разными, от фигуративных работ с сюрреалистическим уклоном до цветowych абстракций из навороченной на холст строительной (желтой) пены для заделки щелей. Так же и с фотографией: довольно скоро он пришел к тому, чтобы «фотографировать», т.е. щелкать камерой, без пленки, потом стал делать абстракции, пользуясь химическими свойствами фотобумаги (были очень красивые). Мне больше нравились самые простые вещи, связанные с изобретением неожиданных материалов для визуализации обычных объектов живописи. Например, заляпанная жевательной резинкой фотография Генри Миллера, в которой проступили очевидные для меня черты матери Хорвата (книжку он взял почитать, а вернул как рецензию на мои «обработки книг», элегантно-механически надорвав и завернув почти все страницы этой истории о юности, которая «началась слишком поздно»; при желании все можно было восстановить, но книжка так и осталась прибитая гвоздем к стене у меня на кухне). Впечатление ненавязчивого абсурда производила композиция из четырех желтоватых и серо-белых фотографий каменной стены с заложенными кирпичами окошечками, две из них просто повторялись, зеркально перевернутые. Наклеенные в ряд на похожую по цвету мраморную доску (мрамор входил тогда в моду среди художников), они и по сей день висят в приемной моего врача, укрепленные в дорогой металлической раме. То ли Хорвату удалось продать эту композицию, то ли подарить в обмен на возможность рамы. Доктор З.Хальстенберг, общий врач, по первой специализации психиатр, всегда был активным ценителем художественных начинаний своих друзей-пациентов.

С этим «продать», конечно, возникали типичные бытовые проблемы. И типичные решения, вернее, предложения, например, «продавать» работы друг другу, что напомнило мне подход Довлатова из первых венских времен: давай, мол, писать друг о друге, ты обо мне, я о тебе, кто ж о нас, мол, лучше напишет или что-то в этом роде. Хорват говорил, что образ жизни свободного художника без определенных доходов смущает родителей Кати, к тому же отец ее оказался психиатром (на пенсии), а у матери был большой опыт борьбы с собственными депрессивными состояниями. Семья захотела помочь и Хорвату, дело дошло до того, что он вроде стал принимать эту датскую соль (лиций, кажется), входившую в моду как средство псих. гармонизации, индивидуальная дозировка которой дело сложное, при ошибках и нарушении режима человека начинало трясти, алкоголь тем более противопоказан. Так, во всяком случае, объяснял мой врач, когда отсоветовал мне заниматься этим, добавляя: людям творческим вообще противопоказано, это меняет структуру личности. Не знаю, сколько пользовал соль Хорват, алкоголь он пользовал точно, да еще и с шуточками, которые наверняка смущали семейство еще больше: ... ммм??? (в телефон). – Слушай, Евгений, чем ты там занят с утра пораньше? – Ммм. Мы, художники, с утра пьем шампанское!

Перформанс делать Хорват не стал. Однажды у д-ра Хальстенберга мы вместе остригли меня наголо, после чего я голый изображал взбесившегося эмбриона под стеклянным столом, доктор Зигфрид снимал на видео, – домашние заготовки. Думаю, такие вещи он и сам для себя делал, упражнялся «для улицы». Когда-то он помогал мне в показах с копировальным аппаратом: копируется «тело как текст» поэта, на листах А4, писчих, и составляет в фигуру. Это все, что у меня осталось от «чистого» перформанса в общем проекте «Набросок Новой церкви», (для Э.Сведенборга, основавшего, как известно, свою «Новую церковь»). На одной из выставок Б.Гройс сказал обо всем этом: Ну, конечно, гезамткунстверк. – Как-то это тогда подхватил и Хорват, по-своему потрясая занятой чужой игрушкой. Я же говорил: Gesamt/aber/getrennt/kunst/werk (вместе/но/раздельно), настаивая на параллельном показе в разных техниках различных аспектов текста. Занудно, конечно, но звучало у меня тогда в основном: ДЫЫРБ УУЛЦ ЫЫЛ – во рту распятое.

Фантазирование себя для показа публике явно гораздо больше занимало Хорвата, скорее в варианте В. Котлярова (Толстого): артист в жизни. Самодельный журнал «Куст», который он начал издавать, тоже

продолжал, мне кажется, анархическую эстетику «Мулеты», в которой за общим цветочным дизайном уже можно было не разобраться, что кем написано. Этим фантазированием или конструированием личности, мне показалось, отмечены и новые стихи. Они усложнились, нагрузились православной схоластикой «сил и престолов», в них появились замечательно просторные строки вроде: «Подражающая Большой Медведице; ниже ее летящая в небе, выше – над землей», а также скороговорки-языколомки, горны и контрфаготы (это уже, может быть, от Цветкова). Возникал какой-то разнобой, который нужно было бы услышать с голоса. Я сказал об этом Хорвату, читать по телефону он не стал, сказал, что pošлет мне кассету «Проба акустики», но что для него теперь важна только «смерть поэта». На это я и написал ему, так сказать, лирическую сатиру «На самоубийство поэта Хорвата» для первого «Куста», посвященного художнику В.Сазонову, докончившему с собой в Мюнхене. Следующий номер журнала был сделан А.Волохонским и назывался «Тыква». Затем мы договорились, что будет мой номер «Крест – фрагмент лабиринта», но это до конца не дошло. Зато ХОРом Хорват сделал еще несколько своих и чужих книжек, в том числе мою: КУДА ЖЕ См. Но занят он теперь был организацией романа, все записывал что-то на диктофон, даже с улицы. Потом говорил, что у него километры спутанной пленки, хоть обматывайся. Я бы сказал, что повторялась история с фотоаппаратом без пленки.

«Проба акустики», наконец, пришла, можно сказать, сразу в двух вариантах, с галлюцинаторным дополнением. Е.Шварц сообщила, что получила от меня кассету, очень неясную, где как будто я читаю стихи, только в каком-то безумном искажении. (Может быть, кто-то передавал ей кассету, посланную Хорватом со ссылкой на меня. Выяснить это не удалось.) И действительно, когда я услышал стихи, меня поразило не столько использование каких-то, в частности моих, интонаций, сколько тяжелый упор на них при одновременном ускорении, отчего возникало впечатление рваности, короткого дыхания. Я говорил Хорвату, куда ты так торопишься, ты интонируешь стих и как бы врубаешь сарказм по этому поводу, истерия налицо, но нужна и регулярность дыхания. Дыхание не должно быть коротким. Знаешь, как монахи читают псалмы, на одной ноте и непрерывно, будто не дышат, но они регулярно добирают дыхание. На этой основе со звуком можно делать все что угодно. Впрочем, все это говорилось частями, по случаю, между делом. Ни он, ни я не выдерживали серьезности в таких разговорах. В конце концов «проба» есть проба, Хорват конструировал и проверял на себе свой звук. Жалко, что (по крайней мере, для меня) он остался в общем-то на уровне угловатой галлюцинации.

Тема слуховой галлюцинации своеобразно отразилась и в прозе READY-MAN, в которой он вспоминает свою поездку в Берлин 1988 года. Выбравшись из Берлина, он проезжал через нас, на жену и нашу приятельницу Ольгу В. он произвел, конечно же, «безумное» впечатление. Рассказывал (в основном мне, потому что женщины удалились) о скандале в Театре Шиллера, о полиции, о какой-то психиатрии, вообще о своем лечении, все довольно отрывисто, потому что главное для него было сказать, что главное для него теперь – что есть fair (входившее в моду словечко: прибл. *порядочно*), а что, соответственно, unfair. Рассказал бы лучше уж заодно, как он общался (я думаю) с русской галереей ныне тоже покойного Н. Федоровского, помещавшейся в Берлине на Кантштрассе, улице, с которой постоянно сражается герой прозы. Но о прозе и речи еще не было. Ясно только, что ее событийный ряд, скорее всего, очень изменен или обобщен, несмотря на манифест об «управлении» творческим процессом в самой жизни. Поскольку дальше Хорват направлялся к нашему врачу, мы его наутро со спокойной совестью отпустили. Но такого рода художественные эксцессы в жизни Хорват явно стал практиковать, и готовился к ним, и в них возвращались, как ни печально, самые простые черты богемного русского разгильдяйства, осложненные эмигрантскими мотивами, «родина» возвращалась. Не мне, конечно, все это осуждать. Я и сам, как, думаю, большинство «русских эмигрантов» для работы с «чужой публикой» искал возможность какой-то «раскачки» (словечко того же Толстого). При этом Хорват уже говорил на очень бойком немецком. Умудрился однажды даже проститутке прочесть по-немецки из моих «Превращений на воздушных путях»: Ich will in dich noch tiefer. Ich will von dir ein Kind haben! – что уже не напоминало другой лирический анекдот о венском Довлатове, за это могли просто побить. Спасло, пожалуй, только сильное опьянение. Еще сильнее немца поразило бы желание Хорвата послать кого-то из-за стола за деньгами в банкомат со своей карточкой. Меня тоже поразило, да и у него не хватало юмора, когда он рассказывал об этом случае, сетуя на пропажу денег или/и человека.

А еще через пару лет Хорват снова поселился в Кельне, устроившись вести уроки русского разговорного языка в школу военных переводчиков. До этого он успел закончить университет в Гамбурге, писал там о Н. Федорове и познакомился с кружком тоже Федорова, где почитали покойного философа (кажется, в Бремене). Сделал несколько выставок в галереях. Пытался изучить Гамбург так, чтобы сдать экзамен на право водить такси по городу. Почему-то это не удалось, да и слава Богу. Теперь он в школе переводчиков, «за хорошие деньги», мог спокойно писать роман.

Жил он тогда в мансарде с бессловесной (но какой-то, казалось, психически небезопасной) девушкой из бывшей ГДР. Занимался в группе тайчи. Только и это все скоро кончилось. Снова появилась Катя, которая, как говорил Хорват, пыталась покончить с собой, она нуждалась во внимании и поддержке. Затем они с Катей поселились в квартире в Кельне, и Хорват снял себе ателье для художественных занятий. Но работу он потерял, может, просто оставил. И снова встал вопрос о переезде в Гамбург. Я считал, что сейчас этого делать нельзя. А дело обернулось так, что Хорват с Катей уехали и поселились в другом доме ее родителей, очень чистом, в другом предместье Гамбурга.

Когда в августе 93 Хорвату нужно было готовить выставку в Управлении федеральной дорожной службы под Кельном, он попросился жить у меня. Выставка называлась «Перекоп Европы», он давно уже собирал дорожные знаки «строительных работ» разных стран (я привез ему знак из России), и теперь эти фигуры с лопатами в увеличенном виде должны были встать на лугу перед зданием Управления по двум скрещивающимся осям в порядке топографической очереди, освободившись из своих треугольников. Фигуры эти мало отличались друг от друга на первый взгляд. Как сказал когда-то Стесин о большом железе одного знакомого скульптора: ну что ж, малые изменения форм. Но это малозаметное увлекло Хорвата, веселила и меня такая простая замена геополитических контуров, которые я когда-то уже начинал выпиливать из пенопласта. Машины у Хорвата не было, я подвозил его в цех, где он с помощью проектора рисовал и выпиливал на станке свои громадные фигуры из пенопластовых плит, а вечером забирал обратно. Дома мы ужинали, отдыхали. Выпивали, конечно; я настаивал на том, чтобы было только вино, но это не всегда получалось. Он рассказывал про безумную поездку с группой каких-то полухудожников в английскую провинцию под руководством одного немецкого разгильдяя: вот уж там они погуляли, и еду на завтра он купит сам. И купил, что-то дешевое и ужасно жирное в банках, что смешал с рожками – жир нужен для восстановления сил. Говорил, что в последнее время пробовал питаться кошачьим кормом. Кошки у них с Катей были всегда, а Кати теперь не было, она в отъезде, у нее появляются новые русские знакомые, какие-то ивановы-соколовы, которых он с трудом переносит, «разыгрывается» какая-то ревность, но это неважно, главное, нужно сейчас чем-то заняться. Взяв кусок угля, он погружается в срисовывание ели за окном, собственно, фиксация темного и просветов, подпись: Jeff (тоже, кажется, из Англии вывез). Ель уже спилили, а пенопластовая пластинка на той стене все висит. Потом, наконец,

встряхнуться. Вместо кошачьего тайчи теперь сильное топанье пятками по полу, действительно освежает затылок, только в моем немецком доме я не один, наверху уже спят, приходится и ему успокоиться; читай, говорю, выбирает мрачно-затянутую пьесу на диалекте: Вполнакала живешь. – Да и ты вполнакала, спокойной ночи. – Наутро снова работа. Когда-то он уезжал развеяться в Кельн.

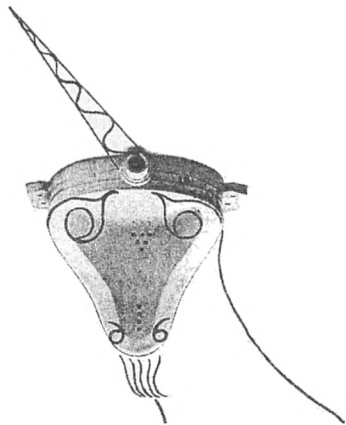
До установки и открытия выставки Евгений решает съездить в Гамбург. Там ему на месяц положены какие-то небольшие деньги и открыта какая-то часть дома. – Куда торопишься? – говорю, хотя жизни вместе уже нам обоим хватило, и это уже не в первый раз, но главное, что до открытия выставки я все равно должен уехать в Москву и оставить его у себя со своими немцами тоже не могу. – Нужно кошек проведать (или что-то в этом роде). – Недели через полторы звонок: Знаешь, я попробовал подключиться к розетке. – Сильно трянуло? – Терпимо. – Приезжай. – Нет, это прошло. – Точно? – Точно. – Жить на время выставки он уже где-то договорился. Из аэропорта во Франкфурте я звонил 11 сентября в первой половине дня, телефон не ответил. Считается, что Евгений повесился 12 или 13 сентября 1993. Другая дата, внутренняя, состоит, может быть, в том, что, несмотря на все собирающиеся в таких случаях «обстоятельства», человеку не удастся переступить так называемый «рубеж 33» без радикальных «изменений». А был ведь уже, казалось, совсем READY-MAN, даже READY-MIX. Это, конечно, «амбивалентно»; вряд ли стоило также переводить все эти Verwandlungen (по касательной и кафкианские «превращения») в прозе Хорвата однозначно как «изменения», с апостольского: «не все мы умрем, но все изменимся». Но его книга X-перемен с буквальными повторами и неожиданными «подставами» из слов-предметов по частичным признакам действительно как-то застряла в немецком разделе космоса языков.

Выставка на лугу выглядела великолепно. Может быть, бессмысленно для углубления в «проект», но в своем рекламном смысле «дорожники» хорошо ее понимали. Они и поставили ее, по чертежу. Даже мне прислали роскошные фотографии. Так она могла бы пойти и дальше, как хотел Хорват, например, в Страсбург, куда он уже закидывал удочку. Он и с российскими организациями вел какую-то переписку. Предлагал мне включаться в выставку на каком-то пароме в Питер. Говорил, что долетал уже до Москвы, по какой-то протекции, но не вышел в Шереметьево и вернулся, а там на Кутузовском, мол, такой был «Театр кошек» (и остается).

Впрочем, все это уже снова напоминает прозу, т.е. READY-MAN, Ваня. –
Сам ты Ваня. –

454

То есть я, должно быть, хотел сказать, что эта проза, написанная на довольно изощренном немецком, с первой страницы поразила меня живым потоком инфантильного сознания, сформированного по-русски-по-немецки-по-эмигрантски. Я пробовал эту прозу на немцах, результат ноль: извиняющееся мычание. Видно, немцы мыслят иначе, у них другие игры с языком, сегодня они о другом пишут, или мне такие попались? Они знают и Бойса, и Тарковского, но с ними тут шутки плохи: над первым устарели, над вторым и не начинались. В общем я перевел первую главку READY-MAN на русский и показывал в Москве в 90-х, результат, можно сказать, два ноля, потому что те, кто уже готов был печатать стихи Хорвата, на прозу реагировали резко отрицательно. Можно сказать, подтверждались слова Кати, бывшей Хорват (по телефону): а ты считаешь, что хорошо это – печатать, когда человек умер? – А человека и похоронили по-православному (как больного, кажется), зачем тут еще писательство? Но какой-то червь время от времени все стучал. Поэтому, когда В.Орлов, добровольный издатель Хорвата в своем «Культурном слое», набрел на меня, прочел начало прозы Хорвата, воодушевился ею, и более того – нашел переводчика, я почувствовал радость двойного освобождения, и от долга, и от неблагодарной по сути своей работы. Поскольку я считаю, что эту прозу с ее русско-немецкими х-оборотными лучше читать русскому человеку, но по-немецки. Так уж она застряла. Застрял в ней и двойник И.Бродского – нерифмованный «Gorbunov und Gortschakov». Более того, вряд ли Хорват мог бы ее написать по-русски, для этого нужно было так вот перевернуться. Хуже того, вспоминая привычку Хорвата заводить взгляд под череп, подозреваю, что некоторые вещи в READY-MAN, в частности первые же слова, можно прочесть только ueber dem Kopf, т.е., хотя буквально «над головой», но на самом деле, пожалуй, что «через голову».

КОММЕНТАРИИ

Евгений Хорват родился 15 ноября 1961 года в городе Москве. Мать – Вероника Николаевна преподавала романо-германские языки в МГУ. Отец – Анатолий Борисович Добрович – врач-психиатр. Родители разошлись, когда Евгению еще не было и 3-х лет.

В 1976 году по совету врачей, которые рекомендовали младшей сестре Евгения Виктории сменить климат, Вероника Николаевна вместе с детьми переезжает в Кишинев. (Сам Хорват в дальнейшем будет распространять версию высылки его матери из Москвы в Кишинев за несанкционированный перевод то ли Солженицына на немецкий, то ли Кафки с немецкого). В Кишиневе Хорват посещает литературную студию «Орбита» (хотя первые поэтические опыты относятся, видимо, еще к Москве), постепенно станвится своим в неофициальных литературных кругах, знакомится с Борисом Викторовым, Виктором Панэ, Александром Фрадисом, Катей Капович – с ними он поддерживал теплые отношения и после эмиграции. Первая публикация стихотворений в рамках рубрики «Гринландия – страница старшеклассника» в газете «Молодёжь Молдавии» приходится на 1976 год. До эмиграции стихи Хорвата публиковались также в журнале «Кодры» и альманахе «Истоки». Сам Хорват значения этим публикациям не придавал и не включал их ни в один из трех своих машинописных сборников, составленных в СССР. После окончания в 1978 году средней школы №37 он поступает на факультет журналистики Кишиневского университета, но уходит оттуда, не проучившись и года.

В начале 1980 года Хорват опять переезжает – на этот раз в Петрозаводск. По некоторым данным, таким образом мать пыталась уберечь его от влияния диссидентствующей богемной среды в Кишиневе. Хотя сам Хорват, сочувственно относясь к движению в целом, активным диссидентом не был. Тем не менее, в начале года он был задержан органами КГБ Ленинграда за распространение антисоветских листовок в высших учебных заведениях этого города (Хорват не мог отказать своему давнему приятелю Фрадису, который задумал эту акцию). После чего он вынужден вернуться в Петрозаводск, где попадает под надзор; устраивается на временную работу дворником. Такое усложнение обстоятельств, вкупе с грозившим призывом в армию (от которого он «откосил» под предлогом шизофрении), по-видимому, и приводит к решению эмигрировать.

В январе 1981 года семья Хорватов выезжает в Вену, затем Евгений через Рим и адаптационный лагерь на юге ФРГ попадает в Кельн. Некоторое время работает на радиостанции «Немецкая волна» и в бундесвере, обучая солдат русскому языку, учится – сначала в Кельнском,

затем в Гамбургском университете. Все это время он живет самостоятельно, но поддерживает тесную связь с матерью и сестрой. В 1982 году женится на Катарине Клинке (Хорват). После паузы 1981 года (известны только 3 текста, которые можно с натяжкой отнести к этому периоду) он продолжает занятия поэзией, публикует свои стихи в журнале «Континент». Однако в творческом плане мигрирует в сторону «внесистемных», не вписавшихся в официальную эмигрантскую среду поэтов и художников – Кузьминского, Толстого, Стесина, Волохонского, Барского. Большое влияние в период 1983-84 годов оказывает на него Игорь Бурихин.

В 1984 году Хорват записывает кассету с авторским чтением стихов «Проба акустики». Начиная с 1985 года выпускает под маркой собственного издательства «ХОР&ГМА» полукустарным способом несколько сборников – своих и чужих. Не находя отклика в чужой языковой среде, его поэзия постепенно превращается в чистое «звукописательство», почти заумь. Первый из выпущенных сборников стихов «По чернотопу» (стихи 1980-82 гг.) отличается от включенных в выпущенный им же журнал «Куст.№0» стихотворений из «Месяцеслова настенного» (1985г.) настолько, что можно приписать их двум разным поэтам. В 1985 году исследует (по его собственному определению) тему «смерть поэта», организуя выпуск «коллективного мемориума с участием всех желающих Смерть Хорвата», после чего отходит от поэтического творчества. Публикует несколько художественных манифестов, начинает заниматься визуальным искусством, где после некоторого периода работы в русле чистой абстракции переходит к использованию нетрадиционных материалов и техник – химограммы, фотограммы и пр. Несколько раз выставляется в немецких художественных галереях. Увлекается идеями К.Швиттерса и Й.Бойса. В 1988 году защищает диплом в университете Гамбурга по теме «Философия общего дела Н.Фёдорова». Пытается реализовать проект «жизнь как искусство», устраивая тотальный перформанс из собственной жизни. Это находит отражение в прозе «Ready-Man», реализованной как проект в 1988 году и «записанной» в 1992 (на немецком языке).

Начиная с 1986 года Хорват испытывает длительные приступы депрессивного состояния, по совету тестя-психиатра занимается лечением (видимо, нерегулярно). В сентябре 1993 года он готовит первую заметную, по мнению специалистов, инсталляцию «Перекоп Европы». Происходящие в Европе перемены выражены здесь через взятые с дорожных знаков практически всех европейских стран, увеличенные и выпиленные из пенопласта фигуры дорожных рабочих, которые расположены по трем осям, отображающим пути, связывающие Европу. Незадолго до официального открытия этой инсталляции, в ночь с 12 на 13 сентября 1993 года, Евгений Хорват покончил с собой в небольшом местечке под Гамбургом, в доме родителей жены.

Структура поэтического раздела книги представляется достаточно очевидной. Вначале приведены все четыре авторских сборника Хорвата, выпущенные им самим под маркой «Книжная мастерская ХОР&ТМА» (учитывая малый тираж, в пору считать их самиздатом).

В следующем разделе объединены стихи из книг-коллажей «Концепт-комедия в 4-х актах СМЕРТЬ ХОРВАТА» и «ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ. ХОР В МУЛТЕ. ХОРИЗМА В ВИБРИЗМЕ. КУСТ №0».

Затем отдельной подборкой представлены стихи «эмигрантского периода» – с 1981 по 1984 годы, по какой-либо причине не попавшие в авторские сборники.

Завершают поэтический раздел ранние, кишинёвско-петрозаводские стихи 1976–1980 годов. Из 79 имеющихся в распоряжении составителей стихотворений было отобрано 25.

Работа Хорвата «FEUERABENTEUER», которая представляет собой, как и заявлено в её подзаголовке, «копии копоти от сожжения одного цикла», в настоящей книге не воспроизводится.

Кроме того, к 100 экземплярам настоящего издания прилагается CD «Проба Акустики», полностью воспроизводящий кассету с таким названием, выпущенную Хорватом в 1984 году и содержащую авторское чтение стихотворений из трех книг. Оригинальная запись предоставлена Катей Капович.

Сокращения, используемые в комментариях:

ЛАГУНА – «Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны», т.3а, стр. 467-490; Ньютонвилл, штат Массачусетс, США, 1986 год, сост. К.Кузьминский и Г.Ковалев.

РГАЛИ – материалы из архива Бориса Викторова (в т.ч. машинопись сборника *ЗДЕСЬ Я ПОЭТ*); РГАЛИ, ф 3303 оп. № 1 № 26 и 54.

РЛ – машинописный сборник *Р ЛАТИНСКОЕ*, предоставленный В.Панэ.

ОКОЛО – листы из машинописного сборника *ОКОЛО* (Петрозаводск, 1980), предоставленные В.Панэ.

МП – другие машинописные тексты, предоставленные В.Панэ.

КМ – машинописные тексты, предоставленные К.Капович.

ПА – кассета «Проба Акустики. Чтение стихов 1983–84». ХОР&ТМА, 1984 г.

В случаях, когда используются иные источники текста, это оговаривается в комментариях полностью.

При воспроизведении слов и выражений, относящихся к обценной лексике, мы ориентировались на автора.

Хорват часто возвращался к ранее написанным стихотворениям, сокращая и переделывая их, заменяя отдельные слова. В комментариях оговариваются только существенные изменения и варианты.

Во время подготовки настоящего издания составителям не удалось получить все интересующие их тексты, относящиеся к 80-м годам. Судя по переписке Хорвата с К. Кузьминским и В. Котляровым (Толстым), их может быть существенно больше. Так, не удалось найти машинописный сборник «Уходя от зырян» 1982 года, высланный автором в адрес американского издательства «Russica». Ничего не известно и о судьбе планировавшегося тогда же сборника «Василиски» – возможно, правда, этот проект так и не был реализован. Будем надеяться, что публикация этой книги поможет в дальнейших поисках поэтического наследия Евгения Хорвата.

Эта книга не могла бы состояться без участия Катарины Хорват, Игоря Бурихина, Ольги Викторовой, Кати Капович, Константина Кузьминского и Виктора Панэ, предоставивших материал для работы.

Составители также благодарят за помощь в работе над книгой Михаила Абаловича, Андрея Белашкина, Инну Булкину, Людмилу Зубову, Бориса Клетинича, Анжелу Лазареву и Илью Марьяша.

ПО ЧЕРНОСТОПУ

Этот сборник складывался на протяжении нескольких лет и имел, по-видимому, два «промежуточных» названия. Десять стихотворений из него входило в машинописный сборник R ЛАТИНСКОЕ, подготовленный еще в СССР, еще два – отсылают к этому названию в журнальной публикации. В итоге название R ЛАТИНСКОЕ сохранилось в качестве заглавия первого раздела сборника. В то же время, как следует из письма Хорвата Кузьминскому, стихотворения, опубликованные в журнале *Континент* (и затем вошедшие в ПО ЧЕРНОСТОПУ), планировались для включения в маленький сборник УХОДЯ ОТ ЗЫРЯН.

В окончательном варианте сборник включает в себя 26 стихотворений, написанных в основном в период 1980–1982 годов. Вышел в феврале 1985 года.

На последней странице обложки Хорват выражает глубокую благодарность Роберту Клинке, Елене де Карли, Сюзанне и Александру Веселовым, «любезно меценатовавшим этот и другие сборники поэта».

Первая страница обложки сборника воспроизведена на шмуцтителе раздела.

Н.-В.-К. – посвящение «Нике-Вике-Кате», т.е. матери Веронике Николаевне, сестре Виктории и жене Катарине (сообщение Катарины Хорват).

Пейзаж под светом не прочёлся (с. 4)

В *РЛ* называлось *ВЫВОД* с посвящением Л. Нирману.

Нирман Леонид (р. 1949) – преподаватель музыки. С 1984 года живет во Франции. Был знаком с Хорватом по Петрозаводску (см. письма Викторову).

ПЕРИОД (с. 6)

В *РЛ* входило в цикл *ДЕЙСТВИЯ* и предвлялось эпиграфом из Гомера:

«собак острозубых/Пара мчалась вперёд, захватить их стараясь, а зайцы/Скрыться желая, неслись». В том же виде (с эпиграфом) опубликовано в *ЛАГУНЕ* под названием *ДЕЙСТВИЯ*. Датировка в *ЛАГУНЕ* – лето 1980, в *КМ* – 7.80. Ранний вариант, имеющийся в *КМ*, включал ещё одно – предпоследнее – четверостишие:

наблюдая за пеплом, курю папироску;
чтобы пальцы не портил налёт никотина,
осторожно держу, и намеренья воска
упреждаю – затем, чтоб свеча не кадила, –

СЕВЕРНОЕ ТРЮМО (с. 7)

В «Континенте» №33 (1982) с другим названием: *ЗИМА 1980*. В *РЛ* – под названием *ТРИПТИХ*, с другим вариантом второй строфы.

арест – Хорват арестовывался в 1980 году за распространение листовок антисоветского содержания в Ленинграде (см. воспоминания Капович). *событья, сменившие ландшафт окрест* – в 1980 году Хорват переезжает из Кишинёва в Петрозаводск, а в начале 1981 года эмигрирует из СССР.

ИЗ ЖИЗНИ^{xxx} (с. 10)

В *РЛ* – под названием *УГАДАЙ, КТО*. Последние две строчки в *РЛ*:

ущипну мимоходом любимую
и нарежу для завтрака хлеб.

Прислушайся к роще дыхания (с. 11)

Две последние строфы – из раннего стихотворения «Проснувшись до первых приёмников». В *ЛАГУНЕ* под названием *ПОУТРУ* с датировкой 1982.

Прелюбой – ср.: «Не прелюбы сотвори» (из 10-ти заповедей).

Я отвернусь, как латинское R (с. 12)

В *Континенте* №29 (1981) с названием *ИЗ ЦИКЛА «ДЕЙСТВИЯ»*.

Датировано в *КМ* 8.80, при этом текст в *КМ* (и *РЛ*), начиная с третьей строфы, довольно существенно отличается от приведённого:

Вздумал расстроиться, выглядеть в трёх
Лицах, как Бог, но такая идея
Предполагает лишь божий упрёк,
Третий звонок и тоску лицедея,

И убежденье, что сколько не лги,
Не уличат тебя в грубой проделке
Ибо не знаешь, с которой ноги
Встать и в какой оказаться тарелке

Каждое утро. Так переверни
Белые ночи с их тьмою нетьмущей,
Что обнаружится? Чёрные дни.
Время расплаты, жилец неимущий, –

Ляг на прекрасный, как женщины, пол
Плянь в потолок, и обдумай анализ
Этого ужаса. Главный глагол –
«Быть», чтобы вещи местами менялись.

Вновь не умер во сне – это я (с. 14)

Гайтан – шнурок, на котором носят нательный крест (Даль).

Ленор – см. стихотворение Э.По «Ворон».

Над деревьями вейся (с. 15)

В Континенте №33 (1982г.) с датировкой январь 1982.

ПАМЯТИ БЕССАРАБИИ (с. 18)

В *РГАЛИ* первая часть дана как отдельное стихотворение с другой датировкой (1984). Вторая часть опубликована в *ЛАГУНЕ* под названием *КИШИНЭУМ*. Используются строки раннего кишинёвского стихотворения «Уходя – уходи, как начертано».

медоед – хищное млекопитающее семейства куньих, считается самым сильным плотоядным (относительно размера).

Как вспомнишь дни морозов вязких (с. 20)

Черностоп – осенние холода без снега. (Даль)

ДЕКАБРЬСКОЕ ПРИВЕТСТВИЕ (с. 21)

Входило в *ОКОЛО* и *РЛ* (без названия) с датировкой 5.80 и в существенно расширенном варианте:

Три (Оружейный, Каретный, Монетный)
 Двора – уголок бытия имманентный
 Ничто не подходит для первого плана
 Пора тебе, может быть, зимняя анна

Сюда, потому что отходят святыни
 Осенние – либо вперёд забегают
 Чтоб снова когда-то вернуться, а ты не
 Приходишь, и это немного пугает

Наместники царские что-то кричат нам
 И хлещут коней замороженных ваньки
 Нам нету пристанища в гулком Печатном
 Зато из чернильницы-непроливайки

Невнятно ложится развод жидковатый
 На белый, вернее слегка желтоватый
 Загубленный лес топором лесоруба, –
 Бумага ничтожна, а дерево грубо

Годятся на то, чтоб осыпаться с вала
 Звенящие твёрдые империалы
 И гильзы, и стружки, и запах конины,
 Короче – настали твои именины

и если сегодня не грохот ведёрный
 причиной окажется кожи гусиной,
 то значит, вошла ты в тебе отведённый
 из наших дворов знаменитый Гостинный.

Зимняя-Анна – в народе день 9 декабря, начало зимы (Даль).

Даль, что открытый толковый словарь (с.22)

Переработанная и дополненная часть раннего стихотворения СТЕЖКИ из *ОКОЛО*. В *РЛ* существует уже в виде отдельного текста, с небольшими отличиями от опубликованного.

Сказано было: народ возращу – ср.: «Бог дал Аврааму следующее обещание: возращу ты зело, зело, и положу ты в народы» (Бытие, XVII. 6).

Олонец, Сортавала – населенные пункты в Карелии, *Кивач* – водопад.

НА АРЕСТА. (с.23)

В ПА автор расшифровывает название: «На арест моего друга Андрея Шилкова». Первые две строфы первой части в МП существуют в виде отдельного стихотворения под названием ЭПИГРАФ, написанного в Риме в 1981 году (датировка Кати Капович).

*статья 190-прим УК РСФСР – клевета на советскую действительность.
ребровский: на Онеге – южный ветер (Даль).*

скачет малик да крадется нарыск рядом с сакмою – след зверя по снегу. У зайца малик, у лисы нарыск, у волка сакма. (Даль)

мурома хмура, блудная меря, тусклая тепъра: утро-финские племена.

Снег выпал как на голову (с.28)

В газете «Русская мысль» от 31.03.83. с вариантом 3 и 4 строк 2-ой строфы:

Родными засеренная,

Чужими описанная

В МП – с посвящением Ю.К. – Юрию Кублановскому, способствовавшему публикации этого стихотворения в «Русской Мысли».

Паволока – ткань, которой покрыта ватная или овчинная одежда.

Монголит – видимо, новообразование по принципу: неолит, палеолит.

Парголово – посёлок городского типа в Ленинградской области.

СЕВЕРО-ЮЖНОЕ (с.29)

В ЛАГУНЕ – с датировкой апрель 1982, и другой концовкой:

протащи его проезжим

по невероятным

колеям, углам медвежьим

(встреч, по виноградным)

государства в неподъёмных

весьх своенравных

от республик автономных

и до полноправных!..

Ляна – сорт томата.

Гошошары – красный толстостенный перец, имеющий форму ребристых томатов.

Вот начинается кошмар (с.31)

В ЛАГУНЕ – с посвящением М.Ф.

ПРОСТЫЕ ВОСЬМИСТИШИЯ (с.32)

Прием обратной нумерации строф Хорват использовал и ранее – см. стихотворение ПИСЬМА ЕВГЕНИЯ.

Мозельвейн (по реке Мозель) – одно из самых известных вин Германии.

В чуждом краю орхидей и лотоса (с.33)

Входило в *РЛ* (практически не отличается от опубликованного). В *ЛАГУНЕ* датируется весной 1980. В *ОКОЛО* – под названием *И* (Иосиф?), разделено на 2 части – вторая начиналась после третьей строфы:

Место бывшее Вирсавия иль
место бывшее священный Вефиль,
заповедь будет едина: не лей
даром на жертвенный камень елей!
Если страна от рожденья тесна,
вытеши без топора и тесла
границ надгробья, и будет честна
даты зарубка и цифра числа, –

рядом у смертного одра, во мраке,
станут по росту колена во браке
Якова, взявшего имя израиль,
якобы кем-то у брода изранен.
Край мы отрубим и соли насыпем:
не человек, а лопать ненасытен,
кверху горящую эту лепёху
в мирную жертву приносит эпоха

(далее до конца по тексту).

Сюжетобразующей основой стихотворения является рассказ о египетском периоде жизни Иосифа (см. Бытие, глава 40).

ШЁПОТ ПТИЦ НАД ГОЛОВОЮ (с.36)

Притвор – западная часть храма, с одной стороны которой располагается паперть.

ВЕСНА ДА ОСЕНЬ (с.38)

Посвящение *И.Б. (др.)* – Игорю Бурихину (в отличие от Иосифа Бродского). Согласно Евангелию от Луки *Марфа* воплощает суетное начало, а *Мария* – духовное.

ЗДЕСЬ Я ПОЭТ

Сборник содержит стихотворения, написанные с октября 1983 по март 1984 гг., вышел не позднее мая 1985 года и существует, помимо оригинального, ещё в двух вариантах – машинописном (РГАЛИ) и акустическом (на ПА). Оба они – каждый по-своему – отличаются от окончательного варианта по составу. Некоторые тексты из РГАЛИ, не попавшие в основной корпус сборника, отнесены составителями в раздел СТИХИ 1981–1984 ГОДОВ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ.

В этом сборнике впервые Хорват начинает использовать выделение первой строки стихотворения в качестве его названия.

На предпоследней странице обложки оригинал-макета сборника есть примечание: «Рисунки 6-тилетней Кристины, невесты автора в 1979 году». Имеется в виду дочь Ларисы Костиной (о ней см. воспоминания Капович).

Обложка сборника воспроизводится на шмуцтитуле раздела (с потерей цвета).

Симеон Метафраст – византийский писатель, составитель сводного корпуса греческих житий святых, приспособленного к церковному календарю. В машинописном варианте Хорват указывает источник цитаты: «Молитва по Св. Причащению».

Не станет кровеносца (с.41)

Персть (церковн.) – земля, прах, вещество, из которого состоит плоть человека.

ЧЕТЫРЕ ОТРЫВКА (с.43)

В РГАЛИ и на ПА озаглавлено: С НАЗВАНИЕМ, НО БЕЗ.

Трудник – паломник, который некоторое время живёт и трудится при монастыре (храме).

приплотие, покрытое индитией – престол и жертвенник, используемые при богослужении в православной церкви, покрыты одеждами: верхний покров – индития, нижний – катасирка или «приплотие».

ЧАСТУШКА (с.45)

В РГАЛИ и на ПА под названием: НАДГРОБНАЯ ЧАСТУШКА.

Эммануил – ср.: «Се, Дева во чреве примет и родит сына, и нарекут имя Ему: Эммануил, что значит: с нами Бог», – Евангелие от Матфея.

Ср. также со вторым стихотворением Николая Клюева из цикла «Спас», начинающегося словами: «Я родил Эммануила/Загуменного Христа», а

заканчивающегося: «Кто родил Эммануила, /Тот не умер, тот почил».
Аполлион – ангел бездны.

Твою голову короной (с.46)

В *РГАЛИ* под названием: *СКЛОНИВШИСЬ*.

Как со свечки воск, облака под солнцем (с.48)

Слова во второй строфе «*Как пошло снежить – так уже не жить же, а глаза смежить*» – прямое заимствование из стихотворения Кати Капович 1980 года.

Поддержи мою голову (с.49)

Начала, Престолы – чины ангельские.

Панёва – шерстяная юбка.

СЕБЕ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ (с.50)

К. – Катарине Хорват

День рождения Хорвата 15.11.1961. *Хурма* – устойчивый образ, связанный с этой датой (см. раннее стихотворение «15.11»).

ЭТОГО ГОДА (с.51)

Апокалипсис Орвеллом *отолковали* – Апокалипсис, или откровение Иоанна Богослова – книга пророчеств о конце света. Роман Дж.Оруэлла «1984» тоже воспринимался как пророчество о гибели западной цивилизации. См. также примечание к стихотворению *ХОРЕИ ВТОРЫЕ*.

Амальрик Андрей (1938–1980) – известный диссидент, автор книги «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года».

Гранографы, или *Хронографы* – так принято называть исторические компиляции, созданные русскими книжниками.

НА СТРАШНЫЙ СИЛЬВЕСТР (с.52)

В некоторых странах сохранилась традиция называть последний день уходящего года «Сильвестром» – в честь Римского папы Сильвестра (314–335гг.).

Страшный – см. примечание к стихотворению *ХОРЕИ ВТОРЫЕ*.

глухая Пойдера – возможно, топоним местности в долине Бад-Пирмонта (см. ниже).

Пробка Реймса – т.е. шампанского: шампанскими считаются только игристые вина из зоны между городом Реймсом на севере и рекой Сенной на юге.

Бад-Пирмонт – курорт в Нижней Саксонии, Германия. 1984 год Хорваты встречали именно там, на своей «дачной квартире» (сообщение Катарины Хорват).

Я болен смертью, как и ты (с.54)

Открытка чья и нетка – возможно, имеется в виду «лицевая» и «оборотная» сторона неба. Ср. также с фрагментом из XII главы «Приглашения на казнь» Набокова, когда мать Цинцинната рассказывает ему про «нетку» – некий непонятный, уродливый предмет из времен ее детства, который использовали в играх (указано Михаилом Абаловичем).

Прилика – здесь, видимо, в значении пристойность, благопристойность. Ср.: «Он во всяком деле меру и прилику знает». (Даль)

РИМСКАЯ БАСНЯ (с.55)

Хичкока смотря – имеется в виду эпизод из фильма Хичкока «Психоз», где уходящая в дырку слива ванны вода окрашивается кровью.

Мощно грызя (с.59)

Все через год мы погибнем – т.е. 1984 год будет последним, годом «разгрома и полного уничтожения», см. примечание к стихотворению ХОРЕИ ВТОРЫЕ.

О, как слов поток струится (с.60)

Я знаю ВСЁ, в спину Сократу – ср.: «Я знаю только то, что ничего не знаю», афоризм, принадлежащий Сократу.

ТРАКТАТ О НЕБЕСНО-ОБЩЕСТВЕННОМ (с.61)

Третью часть Хорват читает на ПА как самостоятельное произведение. В РГАЛИ помимо русского имеется также немецкий текст этого стихотворения. При этом в русском варианте части 2 и 3 совершенно другие:

2

Гений присутствует – это когда Евгений
не пишет – на слух записывает,
не сочиняя, не обрабатывая, – а значит, не он же!
Значит – другой!
А кто этот другой, как не Гений?
А может, это и зовётся графоманством?
Когда не персть пишет, а кто-то ей пишет,
а она просто обводит чёрным буквы сего письма.

Да она выкинет машинку за окно
 и пожалеет о том, что это не окно многоэтажного дома!..
 Но двери запереть, связать себя
 и не пускать себя, не пускаться на поиски и возвращение предмета!
 Ибо, когда к предмету привык,
 без него процесс писания (записывания) кажется невозможен. Или?..
 О Господи, ручки, карандаши!
 Сжечь, сжечь, изломать!
 А голова, а? А рот?
 А мысль, а под-мысль?
 Убиться, убить, убить!!
 А душа?... О чёрт, бессмертна!
 Изничтожь её, Господи!

...Вот почему необходимо поэту падение,
 попадание в пекло,
 вторая смерть.

З

...Да, он за здоровье своё забоялся:
 страшно, мол, если столько даётся, – не означает ли оно близкой
 смерти?

(пишу «он», чтоб от себя отвязаться).
 Но что же, к Гению спиной повернуться?
 Гений явился, а ты спать побежал, – не могу, мол, боюсь, мол
 (как девушка!)?!
 А псалмопевцем хотел быть?..

В ДУХЕ НЕМЦЕВ (с.64)

На ПА Хорват читает этот текст по-немецки.

ИСПОВЕДЬ РУГАТЕЛЬНАЯ (с.66)

Гайтан – см. комментарий к стихотворению «Вновь не умер во сне – это я».

На том Афоне (с.67)

На том Афоне Богородицу явил Бог – по преданию, место для монашеского поприща первому Афонскому святому преподобному Петру указала сама Матерь Божия.

консул, что Л.Толстому угрожал Томском – имеется в виду писатель и философ Константин Леонтьев, который одно время являлся российским консулом в Салониках, а затем около года провел на горе Афон, желая

получить пострижение. Известны его критические этюды о романах Льва Толстого, которому за его «искания» Леонтьев хотел обеспечить ссылку в Сибирь, в Томск.

И я во младости (с. 68)

Враг наш мысленный – здесь: враг духовный.

Сотвори любовь мне ласкою (с. 69)

Ряска – платье, по покрою широкое, длинное до пят, с длинными рукавами.

Скиния – древнееврейский переносной храм.

Питаться акридами и диким мёдом – питаться скудно, впроголодь (по евангельской притче об Иоанне Крестителе, питавшемся в пустыне акридами (саранчой) и диким мёдом).

Вретище – грубая одежда, ткётся из очёсков льна и конопли. (Даль).

Исповедь таинство есьм (с. 70)

Епитрахиль – одно из облачений священника, надеваемое на шею, под ризою.

Семь дней коридором пройду – Ср.: «Иаков вошел и к Рахили, и любил Рахиль больше, чем Лию; и служил ... ещё семь лет других». (Бытие гл. 29)

На неделю мясопустную, Господи (с. 71)

Неделя мясопустная – последняя неделя перед Великим постом, в которую по уставу запрещается употребление в пищу мяса.

Сплошница – всеядная неделя, без поста в среду и пятницу.

Афей – атеист.

Когда уже оставил я (с. 72)

кирьё – выпивка (от разг. «кирять» – выпивать).

Пришла же ведь Пречистая в Фатимские поля – чудесные явления (явление Богородицы трём детям) происходили в предместье португальского города Фатима, в период между маем и октябрём 1917 года.

НА СРЕТЕНЬЕ (с. 73)

Одержимое – здесь: окружённое, охваченное.

ПЕСНЯ ИНОКА (с. 74)

Памяти К.Л. – Константина Леонтьева.

Благоверный Александре – это четверостишие является очень близким к дословному переложением Хорватом тропаря «Благоверному князю Александру Невскому».

Вновь в душе щекочется (с.76)

В РГАЛИ срединное четверостишие опущено.

НА ПУТИ В ДАМАСК (с.77)

Сюжетобразующей основой для этого стихотворения стало описанное в «Деяниях Апостолов» и Евангелии от Матфея чудесное явление Христа апостолу Павлу (тогда ещё Савлу Тарсянину) на пути в Дамаск.

КОНЕЦ (с.78)

На ПА и в МП – под названием ДВЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ; первая часть в сборнике ЗДЕСЬ Я ПОЭТ опущена. Приводим её:

По пенопласту огнём проведу, отпечаток рожу первобытный
зверя тяжёлого, разметавшего дом глинобитный,
где родился и вырос в балтийских болотах. Полно.
Пёрышком тёмным в твой воздух, родимец, пёрдну.
Пыл полемический мне осложняет благо
втягиванья сквозь ноздри твоих объёмов,
выметенных мётлами ведьм суеверий,
всех улетевших отсюда, из чудных твоих преддверий.
Вниз, далеко, но ещё не совсем до гроба,
падает сердце, словно из небоскрёба,
на подоконник которого ляжет внезапно
в обход скоростного лифта, –
лапка ли динозавра,
лист эвкалипта.

ХОРЕИ БЕГА

На ПА этот сборник назван автором «ИЛЛЮМИНАТОР», из чего следует, что к тому моменту (кассета с ПА записана не позднее октября 1984) концепция его у Хорвата окончательно ещё не сложилась. Своеобразна пунктуация в текстах этого сборника: вместо запятой зачастую используется удлинённый пробел, а точки в концах предложений периодически опускаются.

Сборник вышел в июне 1985 года и включает 31 текст, написанный с февраля 1984 по май 1985 года.

На шмуцтителе раздела воспроизведена обложка сборника (с потерей цвета).

Сергей не сердися (с.80)

Датировка в «Знамени» (откуда она перенесена в «Самиздат века»), видимо, домыслена публикаторами, исходя из датировок других стихов сборника. В

оригинальном сборнике это стихотворение не датировано.

Стихарь – длинное платье с широкими рукавами.

Бывшее в Вифании и в Кане дано – Христос в Вифании воскресил Лазаря, а в Кане сотворил из воды вино.

Фавор – гора вблизи Назарета, место преображения Иисуса Христа.

ПЯТНИЧНОЕ (с.81)

На ПА Хорват называет это и два следующих стихотворения «трёхчастным циклом».

НОЧНАЯ ПЕСНЬ (с.84)

в пяток и в среду собственный судный скором наследуешь – в среду и пятницу верующим запрещается есть скоромную пищу.

ТРОИЧНЫ (с.85)

Троичны – в православной церкви песни, заключающие в себе прославление Пресвятой Троицы и учение о Ней.

Тропарь – церковное песнопение.

Успение Пресвятой Богородицы – двенадцатый праздник православного календаря, отмечающийся 28 августа (по новому стилю).

Индикт (церковн.) – пятнадцатилетний период времени, со счётом с 1 сентября; здесь – в смысле «новая эра».

ТАЙНОПСАЛМИЕ (с.88)

Игра слов: *восхитить* и *восхитить* (вознести, поднять на высоту).

Левкас – краска, приготовляемая на основе яичного белка для росписи икон.

Келлия всему научит шепнула память из книги – ср.: «Брат пришел в Скит к авве Моисею и просил у него наставления. Старец говорит ему: «Пойди и сиди в своей келии; келия твоя всему тебя научит», – Скитский патерик «О стяжании евангельских добродетелей».

НОВЫЙ БУРЕВЕСТНИК (с.93)

Ворон заменяющий Ленору – см. стихотворение Э.По «Ворон».

Севшая мне на руку Святого Франциска – Франциск Ассизский проповедовал птицам, рассказывая им об Иисусе Христе.

ШЕСТИСТИШИЯ (с.94)

Успенский пост уже идёт, Преображением расколот – этот пост продолжается две недели – от 14 по 27 августа (по новому стилю). Праздник Преображения Господня приходится на 19 августа по новому стилю.

Флюоресцентные заросли кользы (с.96)

В МП перед этим стихотворением напечатано: «Из одного цикла, ещё не озаглавленного».

Кольза – яровой рапс, растение семейства крестоцветных.

По ектенью Великой – за всеми основными богослужениями произносится Великая ектенья о благорастворении воздушных, а также о: «избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды».

Меж вводящими и выводящими мыслями (с.97)

«...яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением», – Молитва Кресту.

Стану болящим, чтобы войти в молитву (с.98)

В ПА Хорват говорит: «Из того же, пока ещё не озаглавленного, цикла».

НОЯБРЬ ВО ТЕВТОНАХ (с.100)

Икт (лат. удар) – в стихосложении сильная опорная доля в стопе.

НА НАЧАЛО ФИЛИППОВА ПОСТА (с.101)

Филиппов (Рождественский) *пост* начинается после 27 ноября – дня памяти апостола Филиппа.

ГОЛЬШТИНСКИЕ ТЕРЦИНЫ (с.102)

Терцины – одна из так называемых «твёрдых» поэтических форм. Состоят из трёхстиший, зарифмованных по схеме: aba, bcb, cdc и т. д. Как видим, Хорват этого «твёрдого» правила не придерживается.

МЫСЛИЮ ПО ДРЕВУ (с.104)

«дыханье воздухом будет» – ср.: «...все церковные молитвы – дыхание Духа Святого, как бы духовный воздух», – Св. Праведный отец Иоанн Кронштадтский.

Из ЗИМНЕЙ ИСТЕРИИ (с.106)

В РГАЛИ имеется цикл со схожим названием ЗИМНЯЯ ИСТЕРИЯ, но тексты внутри этих циклов не пересекаются.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ – ср. с ГЕНШТЕДТСКИМИ ОПЫТАМИ ИНТУИТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ.

Песок, завещанный Аврааму – ср. Бытие, 13:16: «И сделаю потомство твоё как песок земной».

ККК – Константин Константинович Кузьминский, поэт, см. сноску к его

тексту «Задохнулся воздухом «свободы»...», в настоящем издании. *оскаленная рожка ... никольсона* – вероятно, речь идёт о роли Джека Николсона в фильме Кубрика «Сияние».

Почему не открыто ВСЁ, по Августину Блаженному – ср.: «По интуиции Бл. Августина, вечность – это когда открыто всё» (ГЕНШТЕДТСКИЕ ОПЫТЫ ИНТУИТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ).

Любая дрянь моя распродаётся на аукционах по буквам – ср. с РОМАНИФЕСТОМ: «При Романе будет, во-первых, открыт Комбинат Золотых Изделий. Буквенных ... – То есть, Роман будет распродаваться по буквам? Именно».

Когда на дочь Твою (с. 117)

В антологии «Русские поэты на Западе» имеется третья строфа:

Пока не падает,
поставленную на попа, –
и перед радует:
Ты впредь Себя пустил раба.

ОДА В СНЕГУ (с. 118)

К. – Катарине Хорват.

Я б хотел ещё проснуться (с. 121)

Табеха, согласно Библии – уединённое место у озера, куда часто приходил Господь, когда хотел побыть один.

ВИФЛЕЕМСКОЕ (с. 122)

Ель – в христианской традиции символ вечной жизни, неумираемости.

ХОРЕИ БЕГА (с. 123)

Филокве (лат. «и от сына») – добавление, сделанное в 7 в. западно-христианской (католической) церковью к «Символу веры»: об исхождении Св. Духа не только от Бога-отца, но «и от сына». Православная церковь не приняла филиокве, что послужило одним из поводов для разделения церквей. *Пендерецкий*, Кшиштоф (р. 1933), польский композитор-авангардист. *Папе Польстему* – польскому, т.е. Каролю Войтыле, первому польскому папе в истории католической церкви. *Носогрейка* (разг.) – короткая трубка для курения.

АВЕССАРАММА (с. 127)

К. – Катарине Хорват.

ХОРЕИ ВТОРЫЕ (с. 128)

Гог Магога сам бори – в иудейской, христианской и мусульманской мифологиях Гог и Магог – два диких народа, нашествие которых должно было предшествовать страшному суду.

Год 1984 складывается в древнем иврите в слово «*ташмад*» (тав-шин-мем-далет), что значит «разгром и полное уничтожение».

ДЛЯ ГОРНА И КОНТРАФАГОТА (с. 132)

Китоврас – вещее чудовище в славянских апокрифах.

Эту Крысу, этот Год – год крысы закончился по восточному календарю 20 февраля 1985 г.

За зимою затяжной (с. 138)

Меняет Третий Рим на Второй Иерусалим – существует точка зрения, что на протяжении веков Московский Кремль (т.е. Москва) мистически складывался как Второй Иерусалим в уменьшенном масштабе. Ср. также: Москва – третий Рим.

СВЯТЦЫ ЧАДУ В. И М. (с. 139)

Этот «тематический» сборник стихов Хорвата написан на ожидавшееся рождение ребёнка у близких друзей семьи Хорватов Виктора и Марии Герасимец (ребёнка на самом деле назвали Николаем). Следует отметить, что почти все имена действительно взяты Хорватом из церковных святцев.

На шмуцтитуле раздела воспроизведена первая страница обложки сборника, а на странице 166 – последняя.

Агапит – возлюбленный (греч.)

Вит – побеждённый (лат.); *Вианор* – сильный (греч.); *Викентий* – побеждающий (лат.). *Василий* – царский (греч.); *Валент* – крепкий, сильный (лат.).

Галактион – молочный (греч.)

Гигантий – исполинский (греч.)

к сосцам Ковша – созвездие Большой Медведицы иногда называют «Ковш».

Дисидерий – вожденный, желанный (лат.)

Евгл – благоплавающий (греч.)

Зотик – животворящий, оживляющий, полный жизни (греч.)

Иамвлих – любящий стихи (греч.)

Ксения – иностранка, странница (греч.)

Лисимах – прекращающий сражение (греч.)

Мастридия – исследующая (греч.)

Нит – блистающий, светлый (лат.)

Ор – супруг (греч.), свет (евр.)

Парфений – девственник (греч.)

Рафаил – исцеление Божие (евр.)

Садок – царский друг (перс.)

Северин – строгий (лат.); *Севиц* – строгий (лат.); *Самуил* – услышанный Богом (евр.); *Самсон* – солнечный (евр.); *Савин* – сабинец (народ в Италии)

Текуса – рождающая (греч.)

Тавифа – серна (евр.); *Трифена* – роскошно живущая (греч.); *Тарасий* – волнующий (греч.); *Трифиллий* – трехлистный (греч.); *Трифон* – роскошный, изнеженный (греч.).

Усфазан – он же Хусдазад

Евнух Усфазан, наставник персидского царя Сапора II из страха перед царём поклонился солнцу, но затем раскаялся в своём отступничестве, за что был осуждён на смертную казнь.

Филипп – любящий коней (греч.)

Дароносица – сосуд, в котором священник носит святые дары (хлеб и вино) для причащения вне церкви.

Дорносимый – сопровождаемой почетной стражей; в христианском смысле обозначает, что ангелы невидимо сопровождают Христа во время великого входа.

Хусдазад – см. Усфазан

Цецилия – она же Кикилия

Римлянка из богатого и знатного рода, с юности исповедовавшая христианство. Была умерщвлена по приказу правителя Аммаха мучительной смертью.

Шио (груз.) – Симеон Мгвимский, один из основателей грузинского монашества.

Элизбар (груз.)

Югоност – в святцах не обнаружен.

Яздундокта – она же Снандулия (греч.) – принимающая участие в чём-либо, участница. У Хорвата первое «д» в имени ошибочно пропущено.

СМЕРТЬ ХОРВАТА и МЕСЯЦЕСЛОВ

Последними сборниками, в которых Хорват публиковал свои поэтические произведения, стали своеобразные книги-коллажи «Концепт-комедия в 4-х актах СМЕРТЬ ХОРВАТА» и «ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ. ХОР В МУЛТЕ. ХОРИЗМА В ВИВРИЗМЕ. КУСТ №0». Более правильной, наверное, была бы

их републикация в оригинальном виде, однако технологические особенности их создания, с трудом воспроизводимые при типографском способе, и не всегда качественное состояние имеющихся оригиналов не позволили осуществить эту идею. Тем не менее, была сделана попытка воспроизвести наиболее характерные особенности графического строения текстов Хорвата в этот период, когда он в очередной раз резко поменял манеру письма.

Наряду с текстами Хорвата в СМЕРТИ ХОРВАТА имеются тексты других авторов, при этом ни один из них не подписан. Выбор стихотворений для публикации в настоящей книге сделан составителями на основе индивидуальных особенностей манеры письма Хорвата в тот период.

На третьей странице СМЕРТИ ХОРВАТА даны выходные данные книги: «СМЕРТЬ ХОРВАТА. КОЛЛЕКТИВНЫЙ МЕМОРИУМ. Выпуск №1. Все права и обязанности сохраняются за ОРПХ. Лето 85-го лета. ХОР' 86». Под «смертью Хорвата» понималась смерть Хорвата как поэта и отказ его от использования своей фамилии в дальнейшем творчестве. Больше Хорват стихов действительно не писал (стихи, опубликованные затем в КУСТЕ №0 написаны ещё до «смерти»). Работая же в области визуального искусства, он выступал под различными псевдонимами (например, Мэйк'ап и Jefff).

Публикацию стихов в КУСТЕ №0 предваряет следующий текст: «Здесь Общество Ревнителёв Памяти Хорвата – ОРПХ – начинает воспроизводить найденные нами поСмертно листки прервавшегося ровно на середине весной 85 МЕСЯЦЕСЛОВА НАСТЕННОГО на ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ДЕСЯТЫЙ год. Напоминаем чтущему, что *Месяце(о)- слов м. календарь; означенье месяцевъ и дней всего года съ показаниемъ особаго ихъ значенья, церковнаго и гражданскаго, и съ означениемъ небесныхъ явленій*».

На шмуцтитуде воспроизведена последняя страница обложки книги «Концепт-комедия в 4-х актах СМЕРТЬ ХОРВАТА» (повернута на 90°).

Хорват, Хорват умер (с. 168)

Печатается по СМЕРТИ ХОРВАТА.

Строки из этого стихотворения высечены на надгробном камне могилы Хорвата:

Хорват, Хорват умер.

Хорват умер, умер.

Выше смерти нет.

Смерти больше нет.

лѣжа лицо и ежи уже еже (с. 169)

Печатается по СМЕРТИ ХОРВАТА.

Последние три строки в оригинальном издании перенесены на следующую страницу. Поскольку Хорват часто применял приём переноса 1-2-х строк стихотворения на другую страницу (например, в сборнике ПО ЧЕРНОСТО-ПУ), составители сочли возможным объединить эти тексты в один. После двоеточия в оригинальном издании идут отрывки из стихотворений Кати Капович в виде коллажа из смятых и перепутанных машинописных листов.

ЛАМЕНТАТИО. ЛАУДАТИО. СТРАСТИ. РЕКВИЕМ. ОРАТОРИЯ. (с. 172)

Печатается по СМЕРТИ ХОРВАТА. В оригинальном издании напечатано на прозрачных пластиковых листах.

Ламентатио (лат. lamentatio) – жалоба, сетование.

Лаудатио (лат. laudatio) – хвала.

Я давно уж не агностик, дорогая (с. 175)

Печатается по СМЕРТИ ХОРВАТА.

В оригинале после текста идут слова: «МУЗЫКА (наполняет)».

РАСПЕВ О НЕОПРЕДЕЛЁННОМ (с. 176)

Печатается по СМЕРТИ ХОРВАТА.

Фрадисам – поэт Александр Фрадис и его жена Светлана – близкие друзья Хорвата ещё по Кишинёву. Два сборника стихов Фрадиса Хорват выпустил в своем издательстве ХОР.

Астрея (миф.) – дочь Зевса и Фемиды, правила в золотом веке. Когда нравы людей испортились, она возвратилась на небо и превратилась в созвездие Девы.

В оригинале после текста идут слова: «Кадр №2 из СМЕРТИ ХОРВАТА».

А за парой голубой край зелёный клад пустой (с. 177)

Печатается по СМЕРТИ ХОРВАТА.

Ср.: «Зелёный край за паром голубым» в книге М.Кузмина «Форель разбивает лёд» (указано М. Абаловичем).

В оригинале воспроизведено на фоне фотографии стрелки Васильевского острова г.Санкт-Петербурга.

АЙНЛАДУНГ/АЛЛИЛУИА (с. 178)

Печатается по КУСТУ №0.

Айнладунг (нем. Einladung) – приглашение.

ОНАНИ ВЕСИ (с. 182)

Печатается по КУСТУ №0. Имеется вариант на отдельном листе (возможно, из планировавшегося отдельного издания МЕСЯЦЕСЛОВА НАСТЕННОГО) с датировкой 25.3.85.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЕ ТВОЁ (с. 186)

Печатается по КУСТУ №0.

Шуя – здесь: левая (неверная) сторона.

Орф – двуглавый пес, брат трёхголового пса – Кербера, охранявшего, согласно греческой мифологии, вход в ад.

Радуница – у славян праздник поминовения умерших предков.

Рцы – название буквы русского алфавита, одновременно обозначающей глагол повелительного наклонения «говори».

НА ЛЕДЯНЫХ СВЯТЫХ (с. 188)

Печатается по КУСТУ №0.

На Ледяных Святых – в Германии так называют дни с 12 по 15 мая, когда обычно устанавливается холодная погода. Аналог в России – черёмуховые холода.

Изохронный – равный по продолжительности чему-либо другому.

Поклонно..., почти окраинно Филейно..., всеПанорамно..., Бородино! – ср. с письмом Кузьминскому, где Хорват пишет: «Покидая столицу для провинции, съезжал уже с Кутузовского № 24», – то есть из района, непосредственно примыкающего к Поклонной горе, Филям и Бородинской панораме.

Музыкальские (устар.) – музыкальные.

СТИХИ 1981–1984 ГОДОВ

В этом разделе собраны достаточно разнородные стихотворения Хорвата, написанные им в эмиграции и не вошедшие ни в один из известных нам сборников. Основными источниками получения этих текстов являются уже упоминавшаяся «Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны» (8 стихотворений, из них часть предназначалась для несостоявшегося сборника УХОДЯ ОТ ЗЫРЯН) и машинопись сборника ЗДЕСЬ Я ПОЭТ (5 стихотворений, не включённых в окончательный вариант сборника). Стихотворения приводятся в порядке их создания – насколько его удалось установить.

ЗАМКНУТЫЕ (с. 190)

Печатается по МП. Написано в 1981 году в Риме (датировка Капович).

Пропущенные слова были, очевидно, написаны по-немецки на первом экземпляре машинописи, который найти не удалось.

Сексот – сокращение от «секретный сотрудник». Так называли тех, кто дал согласие на сотрудничество с КГБ.

Полендрома – так у автора. Видимо, по аналогии с «сексотом», используется сокращение – от «поле аэродрома». Кроме того, такое сокращение указывает на реальный палиндром в предыдущей строке: ТОСКЕ СЕКСОТа.

Последовательность расположения последних четырёх строк стихотворения предложена составителями, т.к. по имеющемуся экземпляру МП установить её затруднительно.

ЗИМНЕЕ УТРО; ПЛОЩАДЬ ВОССТАНИЯ (с. 192 и 193)

Печатаются по журналу *Континент* №33 (1982).

Дождь продолжается тридни (с. 194)

Печатается по *ЛАГУНЕ*.

Тридня – покой, где древние князья принимали запросто. В свадебных песнях (где молодые величаются князем и княгиней) так называют комнату, в которой играется свадьба.

Посыновнее – имущество, оставшееся по смерти сына. (Даль).

НОВАЯ ГРАВЮРА (с. 195)

Печатается по *ЛАГУНЕ*.

ПЕРЕД СНОМ (с. 196)

Печатается по *ЛАГУНЕ*.

Мерета – конусообразная ловушка для рыб, плетёная из ивовых веток. (Даль).

И вот синеют василиски (с. 197)

Печатается по *ЛАГУНЕ*.

Стесин Виталий – художник, знакомый Хорвата.

бегут под землю карашмы – в некоторых караимских легендах были сведения о появлявшихся «из-под земли» воинах.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ (с. 198)

Печатается по *ЛАГУНЕ*.

Блядь писать через ять – т.е. писать на церковнославянском языке.

Манихеи – еретики, не считали Иисуса Христа истинным спасителем.

НА ФОТО СМЕЮЩЕГОСЯ ПОЭТА (с.200)

Печатается по ЛАГУНЕ.

Бурихин Игорь – поэт, см. текст «Х оборотное» в настоящем издании.
перфект (англ., грамм.) – совершенный, совершенное будущее время.

Жизнью жизнь человек попирает (с.201)

Печатается по ЛАГУНЕ.

форель ему рот разбивает – ср. «Форель разбивает лёд» Михаила Кузмина.

ОДА К ПОКРОВИТЕЛЬНИЦЕ ИСКУССТВ ГРАФИНЕ ГАЛИНЕ ГОЛИЦЫНОЙ (с.202)

Печатается по ЛАГУНЕ.

Галина Голицына и Джордж – по мнению Катарины Хорват, имена и фамилия не настоящие, хотя имелись реальные прототипы этих персонажей.

ОТКРЫТКА С ВИДОМ БРЮГГЕ (с.203)

Печатается по МП.

Михаил Абалович датирует это стихотворение 1982 годом.

ЗИМНЯЯ ИСТЕРИЯ (с.204)

Печатается по РГАЛИ.

Кириш велит, Каншат погоняет, Варгафтик правит – имеются в виду коллеги Хорвата по радиостанции «Немецкая волна». Кириш – фамилия начальника русской службы, Каншат – видимо, непосредственный руководитель, а Елена Варгафтик – редактор.

до Богородицы, Что в Португалии Вся – см. примечание к стихотворению «Когда уже оставил я».

ТАЮЩЕЕ ВЕСНОЙ (с.207)

Печатается по РГАЛИ.

смерть Андропова – Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.Андропов умер 9.02.1984.

предчувствие Пасхи, наконец вселенской – в 1984 году католическая и православная Пасхи совпали.

СЕАНС (с.208)

Печатается по РГАЛИ.

По всей абевеге – т.е. по всему русскому алфавиту.

Скубенгом быть в перенесённом Дерпте – университет в 1699 году был

перенесён в Пярну, откуда вернулся в Дерпт (Тарту) в 1710 году.
Искать себя в бегущей точке смерти – ср.: «смерть, уподобленная точке» в стихотворении ПЕРЕД СНОМ.

Я к толще звенящей; Доживу до смерти без помех (с.210 и 211)

Печатаются по РГАЛИ.

Стихотворенье с краткой его строкой (с.212)

Печатается по МП.

Ланэ Виктор – прозаик, поэт, близкий друг Хорвата ещё по Кишиневу (см. письма Викторову и Кузьминскому). В настоящее время живет в Израиле.

481

ОКОЛО

Хорват писал, что не считает возможным опубликовать свои ранние стихи. Тем не менее, в Советском Союзе он успел составить, как минимум, два авторских сборника: ОКОЛО и R ЛАТИНСКОЕ – причем последний, пусть и несколько иронично, сам автор назвал «каноническим». Опубликовать эти сборники в «первозданном» виде не представляется возможным – хотя и по разным причинам. Большая часть текстов из R ЛАТИНСКОЕ перекечевала в сборник ПО ЧЕРНОСТОПУ; ОКОЛО, к сожалению, дошло до составителей в виде, не позволяющем установить его окончательный состав. Кроме того, Катей Капович было предоставлено большое количество текстов кишинёвского периода, которые, как можно судить по дублирующим материалам, найденным в РГАЛИ, составляли ещё один, самый ранний машинописный сборник – СТИХИ БЕЗ НАЗВАНИЯ (под псевдонимом Евгений Павлов), во многом ещё ученический.

В результате отбора в этот раздел были включены 25 из известных нам 79-ти текстов «раннего» Хорвата, не всегда ровные по качеству, но позволяющие оценить эволюцию, проделанную автором. Расположены они в следующем порядке: сначала стихи из машинописного сборника R ЛАТИНСКОЕ; затем – те, которые с большой долей вероятности можно отнести к петрозаводскому сборнику ОКОЛО; далее – петрозаводские стихи, принадлежность которых к сборнику ОКОЛО не установлена; и, наконец, самые ранние – кишинёвские тексты, включая тексты из сборника СТИХИ БЕЗ НАЗВАНИЯ, а также стихи, публиковавшиеся в советской периодике.

На шмуцтитуле раздела воспроизведён фрагмент титульного листа машинописного сборника ОКОЛО.

ВВЕДЕНИЕ (с.214)

Входило в *РЛ*. Печатается по журналу *Континент* №29 (1981).

ОКОЛО (с.215)

Печатается по *РЛ*. В *ОКОЛО* датировано: Петрозаводск, февраль 1980. В

ОКОЛО имелась еще третья часть:

В предчувствии последней спички краткой,
Не более, чем первая, короткой,
Прикуривай у каждого украдкой
Гремя в кармане спичечной коробкой.

Улыбчато отверстие копилки,
Пускай она стоит у края полки,
Но всё же лучше, чем курить опилки,
Разбить фарфор на мелкие осколки.

Недаром появляются тарелки Над вкусною кастрюлею Онеги – в 70-е годы тема *НЛО* была очень популярна, и широко обсуждалась в советской прессе.

Петроскои – местное название Петрозаводска.

ПЕРЕЛОМ (с.217)

Печатается по *РЛ*.

Посвящение С.: по сообщению Кати Капович – Свете Сергеевой (Фрадис).

Пасху встречаешь в постели с ангиной (с.218)

Печатается по *РЛ*.

Начни писать ни более ни менее (с.219)

Печатается по *РЛ*. Существует вариант, датированный: Кишинёв, январь 1980, с добавленной второй строфой:

Над чистым телом купол позолоченный
Единый цвет среди оттенков палевых
Вдвигается в пейзаж перезаложенный
Принадлежащий роду бывших Павловых.

ВТОРОЙ КИШИНЁВСКИЙ ТРИПТИХ (с.220)

Печатается по *РЛ*. Переработанная первая часть стихотворения *ВТОРОЕ ЗАЦИКЛЕНИЕ* из *ОКОЛО*, точнее – его 1, 2 и 6 строфы.

Так уж конечно наверно всё в мире устроено (с.222)

Печатается по *РЛ*. Опубликовано в *Континенте* № 29 (1981). В *ОКОЛО* датировано 4.80, имеется другой вариант 2-ой строфы, и, перед

завершающей, имеется ещё одна строфа:
 даже в России где ветхозаветная Троица
 медленно к дому подходит в снегу на заре
 в степени н, если в каждом шагающем кроется
 Святый Бессмертный, Господь и Господь Назарет
 солнце не всходит но свет появляется вроде бы
 начатый день проявляется как негатив
 и на высоком юру остывает юродивый
 вынув копеечку рядом её покатив

ДЕЙСТВИЯ («А вот и комната (жилая)...») (с.223)

Печатается по РЛ, где входило в общий цикл ДЕЙСТВИЯ. В ЛАГУНЕ
 датировано летом 1980 года.

ЗАПИСКА НА СТОЛЕ (с.224)

Печатается по РЛ.

ПИСЬМА ЕВГЕНИЯ (с.225)

печатается по МП. Входило в ОКОЛО.

Обращено к В.П. – Виктору Панэ – см. комментарий к стихотворению
 «Стихотворение с белой его строкой».

Флор (правильно Фрол) и Лавр – родные братья, святые мученики. Их
 поминовение в православной церкви приходится на один день.

Я вижу сначала колено (с.232)

печатается по КМ. Входило в ОКОЛО.

Элеаты – школа в греческой философии. Элеаты отрицали возможность
 движения, за что Платон назвал их «неподвижниками».

Природа вовсе не плоха (с.234)

печатается по МП. Входило в ОКОЛО.

Воротилась сюда Золотая Орда (с.237)

Печатается по МП.

ИЗ ДНЕВНИКА («Посетим кабачок под названием Крама!») (с.238)

Печатается по МП.

«Крама» – ресторанчик неподалёку от вокзала, «единственное приличное
 место в Кишинёве», как пишет А.Фрадис в примечании к своему
 стихотворению «Разговор в Краме», обращенному к Хорвату (опубликовано
 в томе ЗБ ЛАГУНЫ).

15.11 (с.239)

Печатается по МП. 15 ноября – день рождения Хорвата.

Наружу посмотришь – за ночь намело (с.241)

Печатается по МП.

Хуан Миро (1893-1983) – испанский художник-сюрреалист.

Не в цель попадая – то выше, то ниже (с.242)

Печатается по МП. На этом листе в МП надпись: сборник ОКОЛО.

Стрелками веток сверяются скверики (с.243)

Печатается по МП. На этом листе в МП надпись: сборник ОКОЛО.

В глазах пестрит разнообразный тлен (с.244)

Печатается по МП.

К Алёшке – Алёша Маштаков, кишинёвский приятель Хорвата (сообщено Катей Капович).

Эвглена – род микроскопических подвижных одноклеточных организмов.

Не мечтать о канарейке и ковре; Стены без крыши сдаются внаём (с.246 и 247)

Печатается по МП.

Небо даёт нам урок рисования (с.249)

Печатается по МП. В КМ после третьей строфы идёт:

Время поступится медью карманною,
Дыркой в кармане, небесною манною, –
Скушаю ложку за маму и папу,
Деда-мороза и снежную бабу,
Ложку большую и ложечку малую.

КОФЕПИТИЕ (с.250)

Печатается по РГАЛИ (из сборника СТИХИ БЕЗ НАЗВАНИЯ).

ДИСКОВОЛ (с.252)

Печатается по тексту, присланному Борисом Клетиничем, который датирует его 1976 годом.

Какую нам дали погоду! (с.253)

Печатается по РГАЛИ (из сборника СТИХИ БЕЗ НАЗВАНИЯ). По сообщению Михаила Абаловича, написано весной 1978 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Авторские сборники:

ПРОБА АКУСТИКИ, кассета с авторским чтением (Гамбург, 1984)
ПО ЧЕРНОСТОПУ (Гамбург, 1985)
ЗДЕСЬ Я ПОЭТ (Гамбург, 1985)
ХОРЕИ БЕГА (Гамбург, 1985)
СВЯТЦЫ ЧАДУ В. и М. (Гамбург, 1985)
FEUERABENTEUER, копии копоти от сожжения одного цикла (Гамбург, 1985)

Коллективные сборники:

РОМАНИФЕСТ (Гамбург, 1985)
СМЕРТЬ ХОРВАТА, концепт-комедия в 4-х актах (Гамбург, 1986)
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ. ХОР В МУЛЕТЕ. ХОРИЗМА В ВИВРИЗМЕ. КУСТ №0.
(Гамбург, 1986)
КУСТ №1 (Гамбург, 1986)

Антологии, альманахи:

ИСТОКИ

(М., Выпуск 3, 1980) – Крыши! Красные крыши!; ГЕОМЕТРИЯ; Листьев шуршит под ногами папирус; ...Строчки, бывало, обрушатся; ПЛОХАЯ ПОГОДА; Давай тихонько посидим у окна; ПОДТВЕРЖДЕНИЕ.
МАЙЯ

(Псков, № 2, 1981, самиздат). Точными данными о перечне опубликованных здесь стихотворений составители не располагают.

АНТОЛОГИЯ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ У ГОЛУБОЙ ЛАГУНЫ, т.3А
(Ньютонвилль, США, 1986, сост. К.Кузьминский, Г.Ковалёв)

Крыши! Красные крыши!; И вот синеют василиски; Дождь продолжается тридни; НОВАЯ ГРАВЮРА; Вот начинается кошмар; ПЕРЕД СНОМ; ПОУТРУ (Прислушайся к роще дыхания); СЕВЕРО-ЮЖНОЕ; КИШИНЭУМ (Третий день я под музою ёрзаю); В чуждом краю орхидеи и лотоса; ДЕЙСТВИЯ (А вот и комната (жилая)); ДЕЙСТВИЯ (ПЕРИОД); Жизнью жизнь человек попирает; ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ; ОДА К ПОКРОВИТЕЛЬНИЦЕ ИСКУССТВ ГРАФИНЕ ГАЛИНЕ ГОЛИЦЫНОЙ; НА ФОТО СМЕЮЩЕГОСЯ ПОЭТА; ЧАСТУШКА; Твою голову короной; ОТ ДАВИДА.

Также ГЕНШТЕДТСКИЕ ОПЫТЫ ИНТУИТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ и письма К.Кузьминскому.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ НА ЗАПАДЕ

(Париж-Нью-Йорк, 1986, сост. А.Глезер, С.Петрунис)

Когда на дочь Твою; ХОРЕИ ВТОРЫЕ; ОДА В СНЕГУ.

МУЛЕТА ЗЪ

(Москва-Париж, 1991, сост. В.Котляров (Толстый))

За зимою затяжной.

СТРОФЫ ВЕКА

(Минск-Москва, 1994, сост. Е.Евтушенко)

Как вспомнишь дни морозов вязких.

САМИЗДАТ ВЕКА

(Минск-Москва, 1997, сост. Г.Сапгир)

Я отвернусь, как латинское R; Над деревьями вейся; СЕВЕРО-ЮЖНОЕ;
Сергей, не сердися; СУББОТНЕЕ; ВОСКРЕСНОЕ; ТРОИЧНЫ.

КЛЕНОВЫЕ ЛИСТЬЯ В РУССКОМ ПАРКЕ

(Монреаль, 2005, вступительное слово Б.Клетинича)

ДИСКОВОЛ; ПАМЯТИ БЕССАРАБИИ.

Журнальные и газетные публикации:

МОЛОДЁЖЬ МОЛДАВИИ

20 ноября 1976 г., № 139 – ДОЖДЬ; С неба падают звёзды;

февраль 1977г. – САД (по сообщению Б.Клетинича)

31 марта 1977 г., № 39 – ПОКЛОН СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ НОТЕ;

июль 1977г. – ПАРАДОКС (по сообщению Б.Клетинича)

17 декабря 1977 г., № 149 – ДИСКОВОЛ; МУЗЫКА; Завидую вам, о любимые мною поэты.

КОДРЫ

(№1, 1978) – ЛИЛИИ; ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

КОНТИНЕНТ

№29, 1981г. – под общим заголовком «ИЗ СБОРНИКА R ЛАТИНСКОЕ»:

ПРИБЫТИЕ; САМОКОНТРОЛЬ; Я отвернусь, как латинское R.

№33, 1982г. – под общим заголовком «ИЗ ЦИКЛА ХОДЫ»: СЕВЕРНОЕ

ТРЮМО; Над деревьями вейся; ЗИМНЕЕ УТРО; ПЛОЩАДЬ ВОССТАНИЯ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

31.03.1983г., №3458 – Снег выпал как на голову.

28.07.1983г., №3475 – СЛОВО ВЕРНЁТСЯ (рецензия на книгу

Ю.Кублановского).

СТРЕЛЕЦ

№11, 1984г. – Вокруг десяти реплик «Комедии о Алексее человеке Божьем»

М. Кузмина (эссе).

№12, 1984г. – под общим названием «НОВЫЕ СТИХИ»: ПАСХАЛЬНОЕ;

ТАЙНОПСАЛМИЕ; НОВЫЙ БУРЕВЕСТИК; Стихотворенье с краткой его строкой.

№6, 1986г. – Пушкин – Карамзин: идейные разночтения (эссе).

ЗНАМЯ

№5, 1994г. – «ПРОБА АКУСТИКИ», публикация С.Гандлевского, вступительное слово А.Цветкова.

Как вспомнишь дни морозов вязких; ДВОИЦА; НА АРЕСТ А.; Снег выпал как на голову; Вновь не умер во сне – это я; Я отвернусь, как латинское R; Над деревьями вейся; ПАМЯТИ БЕССАРАВИИ; СЕВЕРО-ЮЖНОЕ; ПРОСТЫЕ ВОСЬМИСТИШИЯ; ШЕПОТ ПТИЦ НАД ГОЛОВОЮ [Из сборника «ПО ЧЕРНОСТОПУ»];

Сергей, не сердися; СУББОТНЕЕ; ВОСКРЕСНОЕ; ТРОИЧНЫ; ПАСХАЛЬНОЕ; ВОСКРЕСНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ; Меж вводящими и выводящими мыслями (совмещено со Стану болящим, чтобы войти в молитву); МЫСЛИЮ ПО ДРЕВУ; ХОЛОДНО-ГОРЯЧО; ОДА В СНЕГУ; ХОРЕИ БЕГА (1, 2 и 7 части); ХОРЕИ ВТОРЫЕ [этого названия в публикации нет] – Песня для чтения, Credo [Из сборника «ХОРЕИ БЕГА»];

Борис; Ксения; Усфазан; Филипп; Язундокта [Из сборника «СВЯТЦЫ ЧАДУ В. И М.»].

ЗОИЛ

(Киев, 1997г., №2). Сопроводительный текст Ст.Михновского. Подборка озаглавлена «ЗАПИСКИ С КЁЛЬНСКОГО ПОЛУОСТРОВА».

САМОКОНТРОЛЬ; Я отвернусь как латинское R; ЗАПИСКИ С КЁЛЬНСКОГО ПОЛУОСТРОВА; ПРОСТЫЕ ВОСЬМИСТИШИЯ; СЕБЕ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ; ЧАСТУШКА; ХОРЕИ БЕГА; Записка охотника (из ЗИМНЕЙ ИСТЕРИИ); Я давно уж не агностик, дорогая.

ЕВРЕЙСКОЕ МЕСТЕЧКО

(Кишинёв, 2005г., №27). Сопроводительная статья «Памяти поэта» А.Юнко. Я отвернусь, как латинское R; Как вспомнишь дни морозов вязких.

АКТ

(Санкт-Петербург, 2005г., №17). Сопроводительный текст В.Орлова.

Пейзаж под светом не прочёлся; ДВОИЦА; ЗИМНЕЕ УТРО; И вот синеют василиски; Поддержи мою голову; ИСПОВЕДЬ РУГАТЕЛЬНАЯ; Сотвори любовь мне ласково; СУББОТНЕЕ; ГОЛЬШТИНСКИЕ ТЕРЦИНЫ; Чтоб звук растущий из-под рук; РАСПЕВ О НЕОПРЕДЕЛЕННОМ; Деньрождение Твоё.

О Хорвате:

СТРЕЛЕЦ №4 1987г., В.Бетаки, в составе статьи «ПЯТЬ ПОЭТОВ».

СЛОВАРЬ ПОЭТОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ, Санкт-Петербург, 1999г., под ред. В.Крейда, автор статьи о Хорвате – Дм.Бобышев.

СОДЕРЖАНИЕ CD «ПРОБА АКУСТИКИ»

ЗДЕСЬ Я ПОЭТ

В кроваво-чёрном рту (*2 варианта исполнения*)
Не станет кровеносца
...земля его помёт
С названием, но без (*Четыре отрывка*)
В могилу пошёл ложиться
Частушка
Себе на день рожденья
Этого года
На страшный Сильвестр
Поддержи мою голову
Словами словаря, губами упыря
Римская басня
Исповедь таинство есмь
Я болен смертью, как и ты
Без посвящения
Мощно грызя
Боже, Боже, сколько энергии
В духе немцев (*на немецком языке*)
На том Афоне
Исповедь ругательная
На неделю мясопустную, Господи
Под ногой камень
Вновь в душе щекочется
Сотвори любовь мне ласкою
Когда уже оставил я
Исправлять не могу (*III часть Трактата о небесно-общественном*)
На Сретенье
Песня инока
На пути в Дамаск
Две реминисценции (*в т.ч. Конец*)

ПО ЧЕРНОСТОПУ

Как вспомнишь дни морозов вязких
Северное трюмо
Шёпот птиц над головою

Снег выпал как на голову
Вот начинается кошмар
На арест А.
Прислушайся к роще дыхания
Ходы
В чуждом краю орхидеи и лотоса

ХОРЕИ БЕГА

Пятничное
Субботнее
Воскресное
Флюоресцентные заросли кользы
Стану болящим, чтобы войти в молитву
Пасхальное
Новый буревестник
Воскресные впечатления
Троичны
Ночная песнь (3 варианта исполнения)

СОДЕРЖАНИЕ

ПО ЧЕРНОСТОПУ

Р ЛАТИНСКОЕ

Пейзаж под светом не прочёлся	4
Прибытие	5
Период	6
Северное трюмо	7
Самоконтроль	9
Из жизни xxx	10
Прислушайся к роще дыхания	11
Я отвернусь, как латинское R	12
Записки с Кёльнского полуострова	13
Вновь не умер во сне – это я	14

ПО ЧЕРНОСТОПУ

– Над деревьями вейся	15
Двоица	16
Памяти Бессарабии	18
...Как вспомнишь дни морозов вязких	20
Декабрьское приветствие	21
Даль, что открытый толковый словарь	22
На арест А.	23
Мартовский диптих	26
Снег выпал как на голову	28
Северо-Южное	29

К ДЕСНИЦЕ

Вот начинается кошмар	31
Простые восьмистишия	32
В чуждом краю орхидеи и лотоса	33
Ходы	35
Шёпот птиц над головою	36
Весна да осень	38

ЗДЕСЬ Я ПОЭТ

В кроваво-чёрном рту	40
Не станет кровеносца	41

...земля его помёт	42
Четыре отрывка	43
Частушка	45
Твою голову короной	46
В могилу пошёл ложиться	47
Как со свечки воск, облака под солнцем	48
Поддержи мою голову	49
Себе на день рожденья	50
Этого года	51
На страшный Сильвестр	52
Подражание древним	53
Я болен смертью, как и ты	54
Римская басня	55
Словами словаря, губами упыря	56
Без посвящения	57
От Давида	58
Мощно грызя	59
О, как слов поток струится	60
Трактат о небесно-общественном	61
В духе немцев	64
Боже, Боже, сколько энергии	65
Исповедь ругательная	66
На том Афоне	67
И я во младости	68
Сотвори любовь мне ласкою	69
Исповедь таинство есмь	70
На неделю мясопустную, Господи	71
Когда уже оставил я	72
На Сретенье	73
Песня инока	74
Под ногой камень	75
Вновь в душе щекоchetся	76
На пути в Дамаск	77
Конец	78
ХОРЕИ БЕГА	
СЕРГЕЙ НЕ СЕРДИСЯ	80
Пятничное	81
Субботнее	82

Воскресное	83
Ночная песнь	84
Троичны	85
Пасхальное	87
Тайнопсалмие	88
Воскресные впечатления	91
Новый буревестник	93
Шестистишия	94
<i>ФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЕ ЗАРОСЛИ КОЛЬЗЫ</i>	96
Меж вводящими и выводящими мыслями	97
Стану болящим, чтобы войти в молитву	98
Ноги в лакированных туфлях	99
Ноябрь во тевтонах	100
На начало Филиппова поста	101
Гольштинские терцины	102
Мыслию по древу	104
Из Зимней истерии	106
<i>ЧТОБ ЗВУК РАСТУЩИЙ ИЗ-ПОД РУК</i>	115
Когда на дочь Твою	117
Ода в снегу	118
Холодно-горячо	120
Я б хотел ещё проснуться	121
Вифлеемское	122
Хореи бега	123
Авессарамма	127
Хореи вторые	128
Для горна и контрафагота	132
За зиму зотяжной	138
<i>СВЯТЦЫ ЧАДУ В. И М.</i>	139
<i>СМЕРТЬ ХОРВАТА и МЕСЯЦЕСЛОВ</i>	
Хорват, Хорват умер	168
лёжа лицо и ежи уже еже	169
Бюллетень выборов смерти	170
Ламентатио. Лаудатио. Страсти. Реквием. Оратория.	172
Я давно уж не агностик, дорогая	175

Распев о неопределенном	176
А за парой голубой край зелёный клад пустой	177
Айнладунг / Аллилуиа	178
Подарок Юлии	180
Онани весн	182
Тепло холо	184
Деньрождение Твое	186
На ледяных святых	188

СТИХИ 1981-1984 ГОДОВ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

Замкнутые	190
Зимнее утро	192
Площадь восстания	193
Дождь продолжается тридни	194
Новая гравюра	195
Перед сном	196
И вот синеют василиски	197
Три стихотворения	198
На фото смеющегося поэта	200
Жизнью жизнь человек копирует	201
Ода к покровительнице искусств графине Галине Голицыной	202
Открытка с видом Брюгге	203
Зимняя истерия	204
Тающее весной	207
Сеанс	208
Я к толще звенящей	210
Доживу до смерти без помех	211
Стихотвореньё с краткой его строкой	212

ОКОЛО (1976-1980)

Введение	214
Около	215
Перелом	217
Пасху встречаешь в постели с ангиной	218
Начни писать ни более ни менее	219
Второй кишиневский триптих	220
Так уж конечно наверно всё в мире устроено	222
Действия («А вот и комната (жилая)...»)	223

Записка на столе	224
Письма Евгения	225
Я вижу сначала колено	232
Природа вовсе не плоха	234
Воротилась сюда Золотая Орда	237
Из дневника («Посетим кабачок под названием Крама!»)	238
15.11 .	239
Наружу посмотришь – за ночь намело	241
Не в цель попадая – то выше, то ниже	242
Стрелками веток сверяются скверики	243
В глазах пестрит разнообразный тлен	244
Не мечтать о канарейке и ковре	246
Стены без крыши сдаются внаём	247
Небо даёт нам урок рисования	249
Кофепитие	250
Дискобол	252
Какую нам дали погоду!	253
 READY-MAN	 255
 ЭССЕ, ПИСЬМА	
 Вокруг десяти реплик	
«Комедии о Алексее человеке Божьем» М.Кузмина	358
Слово вернется	
(о книге Юрия Кублановского «С последним солнцем»)	366
Рассуждение о букве «я»	371
Геншtedтские опыты интуитивной идеологии	372
Мэйк'ап: что я? делаю	374
Прекрасный конец эпохи	375
Письма Ольге и Борису Викторовым	376
Письма Константину Кузьминскому	382
Письма Михаилу Абаловичу	388
 О ХОРВАТЕ.	
 <i>К.Кузьминский</i> Задохнулся воздухом «свободы»	 394
<i>А.Цветков</i> Вступительное слово к публикации в журнале «Знамя»	400
<i>В.Бетаки</i> Евгений Хорват (из статьи «Пять поэтов»)	401
<i>А.Добрович</i> Не закончен мой полет... (несколько слов о Е.Хорвате)	405

<i>Б.Клетинич</i> О Хорвате	410
<i>А.Юнко</i> Памяти Жени Хорвата	411
<i>А.Шилков</i> О Жене Хорвате и о себе, любимом	413
<i>К.Капович</i> Три зимы под копирку	417
<i>И.Бурихин</i> Х оборотное	445

КОММЕНТАРИИ

Биографическая справка	456
Комментарии к поэтическому разделу	458
Библиография	485
Содержание CD «Проба акустики»	488

В издательстве Владимира Орлова
под маркой "Культурный слой"
также вышли:

Юрий Смирнов

Слова на бумаге (стихотворения, записи, наброски)
М., 2004, 480 стр. илл. ISBN 5-98583-001-2

Евгений Кропивницкий

Избранное: 736 стихотворений + другие материалы
М., 2004, 672 стр. илл. ISBN 5-98583-002-0

Леонид Виноградов

Жалостные стихи

М., 2004, 48 стр. ISBN 5-98583-003-9

Хорват Евгений Анатольевич

Раскатанный слепок лица

стихи, проза, письма

Составление и комментарии: *И.Ахметьев, В.Орлов*

Оформление: *Е.Пряхина, В.Орлов,*

при участии издательства «Виртуальная галерея»

Верстка: *Е.Пряхина, И.Ахметьев*

Издатель: ПБОЮЛ Орлов В. И. 77:11:13131 от 01.12.2003 г.

129281, г. Москва, ул. Летчика Бабушкина, 32/1

Подписано к печати 26.08.2005. Формат 62x92¹/₁₆. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Гарнитура Вookmap С. Усл. печ. л. 32,75 + вкл.

Тираж 1000. Заказ 6988.

Отпечатано в ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение»

241019, г. Брянск, пр-т Ст. Димитрова, 40

Тел. (0832) 41-44-23

Факс (0832) 41-46-64

**ПОСМЕРТНОЕ
ДЕНЬРОЖДЕНИЕ ХОРВАТА
ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА - 151186**

...вот уж из-под тела уплыла глубина
вот и разбежалась от боков ширина
вот и отлетела от самой головы

бывшая с рожденья и над ней вышина!
Это завещание народам Земли
Прожита и мною миллионная часть.

...сменные обличья – насекомые, львы –
ельшу, приближаются и в душу стучась
алчут себе жизни; но еще не вошли.

(ТРОИЧНЫ, III часть, август 1984)